АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1980

Очередной том ежегодника включает статьи по индоевропейской, в частности славянской, и неиндоевропейской этимологии; основное внимание обращено на конкретную этимологизацию. Продолжает печататься словарь славянских названий рыб, опубликованы материалы о северных русских фамилиях. В критико-библиографическом отделе печатаются рецензии на этимологические словари и исследования последних лет.

Этимология
1978

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Дривинг*. Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Л. В. Каскова*. Корректор *М. В. Бортковa*

ИБ № 18089

Сдано в набор 11.09.79. Подписано к печати 11.03.80. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$.
Бумага № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13.
Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 2450 экз. Тип. зак. 710. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я лин., 12

Э $\frac{70101\text{-}088}{042(02)\text{-}80}$ 522-80.4602000000

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

ИЗ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ

Лексический, этимологический аспект изучения балто-славянских языковых отношений приобретает все большую актуальность. Этому вопросу посвящаются доклады на международных славистических съездах [1]. Как бы то ни было, именно лексические отношения составляют основную суть балто-славянских сходств и различий. Материала здесь известно много, но было бы ошибкой думать, что сейчас настало время исключительно для обобщений, которые можно всецело основать на старых собраниях фактов, как это иногда делалось вплоть до недавних пор на базе «Балто-славянского словаря» Траутмана [2]. Строго говоря, давно уже нужен новый Траутман, больше того, — накопился не менее весомый и значительный материал, из которого мог бы получиться целый «Анти-Траутман», т. е. специальный словарь лексических несходств и различий между балтийскими и славянскими языками. О многочисленности такого материала прозорливо говорил еще Мейе, оценивая словарь Траутмана, сосредоточенный целиком на общностях. Время традиционной недооценки показаний лексики в балто-славянском вопросе [3] прошло. Совокупные свидетельства словаря, особенно в масштабах ряда тематических групп слов, не менее важны, чем данные фонетики и морфологии, как известно, структурно более организованные и, следовательно, легче перестраиваемые коренным образом. Учитывая в этом смысле бо́льшую стабильность совокупных показаний лексики, необходимо критически пересмотреть балто-славянскую проблему со стороны словаря. Заметим, что эта необходимость — лишь частный случай методики, которая должна применяться и уже от-

---

[1] Ср.: *Eckert R.* Die balto-slawischen Wortentsprechungen. — In: Beiträge für den VIII. Internationalen Slawistenkongreß. Zagreb—Ljubljana, 1978. I. Sprachwissenschaft (=ZfS XXII, 1977), S. 579. и сл.

[2] Например: *Sławski F.* Lexikalische Neuerungen im Baltisch-Slavischen. — In: Donum Balticum. To prof. Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 March 1970. Stockholm, 1970, S. 501 и сл.

[3] Ср.: *Szemerényi O.* Sur l'unité linguistique balto-slave. — Études slaves et roumaines, 1948, v. I, fasc. 2, p. 69.

части применяется в анализе взаимоотношений разных индоевропейских языков и диалектов.

Таким образом, главное при этом по-прежнему — критическая ревизия фактического материала; но не менее основательной ревизии подлежат и отдельные теоретические концепции, в особенности же присущие им моменты предвзятости, попросту мешающие правильно понимать факты истории языка. Огромность балто-славянского аспекта, как и следовало ожидать, заслонила собой некоторые другие, пусть более скудно дошедшие до нас, но от этого никак не менее интересные отношения. Я имею в виду тезис о непосредственных балто-иранских контактах, выдвинутый в 1962 г. в книге В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». В книге предлагается территориальная локализация этих контактов и собран ряд конкретных фактов балто-иранских языковых схождений. Это не помешало польскому лингвисту Л. Беднарчуку утверждать, что «существование балто-иранских контактов до сих пор не доказано» [4]. В согласии с традицией он считает, что «причиной отсутствия балто-иранских контактов было то, что их отделяли одних от других славяне или угрофинны» [5]. Но возражение это в наших глазах не может иметь большой доказательной силы, потому что речь с самого начала велась о Среднеднепровском левобережье как о возможном месте балто-иранских контактов, где можно говорить лишь о периферийном распространении славян или проникновении финноугров. В этих условиях да еще при тогдашней редкости заселения нет оснований говорить о каком-то непроницаемом отгораживании славянами или финноуграми балтов от иранцев. Среднеднепровское левобережье — это классический пограничный регион для всех означенных этносов, а пограничные зоны контактов в древности естественнее характеризовать в терминах изменчивости, подвижности, этнической диффузии и осмоса [6], чем вышеупомянутой непроницаемости. Преодолеть инерцию непринятия балто-иранских контактов, очевидно, нелегко, хотя именно эта инерция повинна в том, что исследователи проходили и проходят мимо иных фактов. Не слишком вдаваясь в материю, назовем, однако, один—два примера. Первый пример — очень старый, из области культурной истории. Известно, что балтийские племена — типичные обитатели лесов, тогда как лошадь могла быть по-настоящему приручена только в условиях степной зоны. Еще Виктор Ген в своем классическом труде о культурных растениях и домашних животных писал более ста лет назад: «Древние свидетельства

---

[4] *Bednarczuk L.* Etnolingvistiniai santykiai priešištorinėje šiaurės rytų Europoje. — Baltistica. II priedas, 1977, с. 7.

[5] Там же, с. 13

[6] Ср. *Рыбаков Б. А.* Исторические судьбы праславян. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 184.

описывают литовцев как потребителей кобыльего молока: этот обычай, незнакомый германцам, распространился от наездников южнорусских степей до Балтики» [7]. Это ценное наблюдение впоследствии было забыто. Другой наш пример — нарочито новый, еще не обсуждавшийся в литературе, из области потенциальных лексических связей балтийского с языковой стихией индо-иранского Юга. Лит. *kūdra* 'лужа, болото, пруд, яма с водой' (сюда же лтш. *kûdra* 'торф', *kūdri* 'удобрение') практически не имеет этимологии, так как сближение со ср.-н.-нем. *hotte* 'свернувшееся молоко', нидерл. *hotten* 'свертываться' [8] элементарно сомнительно. Между тем перед нами — чисто индо-иранский словообразовательный тип, а именно — сложение и.-е. **ūdr̥* 'вода' с префиксально-местоименным *k(u)*, носителем отрицательного экспрессивного значения. Все элементы значения ('вода', 'скверная'), налицо в литовском слове, но данный словообразовательный тип балтийскому чужд, тогда как в индо-иранских он хорошо известен. И хотя мы не можем привести из этих языков точного эквивалента лит. *kūdra* (др.-инд. *kūdara-* из **ku-udara-* 'нечистого чрева [сын]' [9] годится лишь как близкая параллель), словообразовательная модель 'вопросительное местоимение *ku-* + глагольно-именная основа' уверенно паспортизуется как генетически индоиранская, ср. др.-инд. *ku-cará-* 'бродячий', *ku-yava-* 'приносящий неурожай', *ku-nakhín-* 'тот, у кого ногти больные', *kú-manas-* 'расстроенный', *ku-dvāra-* 'задняя дверь, черный ход', *ku-pati-* 'плохой муж', *ku-kanyakā* 'плохая девушка', *ku-dr̥śya-* 'гадкий, скверный с виду', авест. *ku-nāⁱrī* 'блудница' (буквально 'плохая женщина') [10]. Некоторая продуктивность префиксального *ka-*, *kǫ-*, *kъ-* такого же происхождения отмечается и в славянском, но там эта модель все-таки не получила такого четкого семантического характера. На возможность индо-иранских истоков лит. *kūdra* указывает, далее, наличие коррелята в др.-инд. *sam-udrá-* 'море, океан', где префиксу из вопросительного местоимения *ku-* противостоит префикс, связанный с указательным местоимением, *sam-*, а уничижительному значению противостоит семантика величины и величественности.

В довершение приведем мнение археолога, идущего по следам лингвистов: «В бассейне Днепра северными соседями скифов были балты. Гидронимические и археологические материалы сви-

---

[7] Цит. по англ. переизданию: *Hehn V.* Cultivated plants and domesticated-animals in their migration from Asia to Europe. Historico-linguistic studies. New edition. Amsterdam, 1976 (=Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series I. Amsterdam classics in linguistics, v. 7), p. 55.

[8] *Fraenkel* I, S. 305 (со ссылкой на словарь Мюленбаха—Эндзелина).

[9] *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Bd. II, 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. 2. unveränderte Auflage. Göttingen, 1957, S. 83; *Mayrhofer* I, S. 217, 253.

[10] Там же.

детельствуют, что здесь на границе лесостепи с лесной зоной имел место тесный контакт ираноязычного населения с балтским»[11].

Теперь самое время вспомнить, что тема настоящей работы — балто-славянские этимологии. Собственно говоря, изложенное выше продиктовано необходимостью трезво ограничить специально балто-славянский аспект. Считаем полезным и далее сохранять этот ограничительный акцент, стремясь одновременно к максимально конкретной аргументации.

К числу излюбленных примеров балто-славянских лексических схождений принадлежит сравнение русск. *крутóй* 'обрывистый' с лит. *krañtas* '(крутой) берег, край'[12]. На первый взгляд, это сближение, действительно, подкупает своей простотой и убедительностью; в свое время оно даже служило аргументом чуть ли не геологической давности, говорящим в пользу древнего пребывания предков литовцев у опускающихся берегов Балтийского моря. Но попробуем разобраться по порядку. Значение 'обрывистый' известно только в русском языке, причем древность его сомнительна. Относящиеся сюда древнерусские примеры по меньшей мере двусмысленны: Берегы же имать кр8ты (Ерданъ рѣка). Дан. иг. по сп. XV в. Іорданъ же рѣка глубока и крутоберега, грозна вельми, течетъ же въ Садомское море. Игн. Пут. 106 (Срезневский I, 1337). Здесь можно с равными основаниями предполагать значения 'крутой, отвесный' и 'извилистый'. Другие славянские языки обнаруживают у продолжений праславянского прилагательного **krǫtъ* значение 'крученый, извилистый' (русск.-цслав. *крутъ* tortus, укр. *крутúй*, польск. *kręty*) или вторичные значения 'толстый, твердый, грубый', 'яростный, сильный' (сербохорв., словен., чеш., слвц., серболуж.), развившиеся на базе первичного 'крученый'. Не вызывает никаких сомнений употребление основы **krǫtъ* именно в значении 'крученый, извилистый' применительно к берегам реки, ср. хотя бы польское название и з г и б а Вилии (Нерис) в городе Вильнюсе — *Zakręt* (по-литовски *Vingis*). Независимое согласное свидетельство представляет украинский, ср. слова народной песни: Там, де Ятрань *круто* в'ється, т. е. 'извилисто'. И выражение na *krętych* dorzeczach dniestrowych из «Потопа» Сенкевича следует понимать как «на днестровских извилинах», а не «на кручах», вопреки мнению Френкеля (там же). Даже не выходя за пределы русского языка, путем сравнения выражения *крутой берег* с отличными семантически и, надо сказать, преобладающими словосочетаниями *крутой поворот*, *крутые рога*, *крутой кипяток*, мы не можем не признать вторичного, инновационного характера значения *крутой* — 'от-

---

[11] *Седов В. В.* Славяне и иранцы в древности. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. . ., с. 230.

[12] *Miklosich*, S. 138; *Berneker* I, S. 628 (уже с сомнением в принадлежности сюда лит. слова); *Trautmann* BSW, S. 142; Фасмер II, с. 387; *Fraenkel* I, S. 288.

весный, обрывистый, трудно доступный для подъема'. Данные других славянских языков лишь подтверждают эту внутреннюю реконструкцию: восстанавливать значение 'крутой, обрывистый, трудно доступный для подъема' для праслав. **krǫtъ* нельзя. Отсюда ясный вывод: балто-славянское тождество *krañtas* — **krǫtъ* фиктивно. Правда, мы проверили его пока только со славянской стороны, удостоверившись в том, что как будто до сих пор все принимали, а именно — в том, что слав. **krǫtъ*, русск. *крутóй* и т. д. — прилагательное, соотносительное со славянским глаголом **krǫtiti*, русск. *крутить*, **kręta̧ti*. Но большинство авторов считало возможным относить сюда же лит. *krantas*, делая это без достаточных оснований, как мы сейчас видим. Можно, однако, возразить, что семема 'берег' всегда вторична, следовательно, лит. *krantas* тоже могло явиться результатом инновации, возможно, близкой той, которую мы наблюдаем в русск. *крутой*. Проверка с балтийской стороны не только показывает, что здесь отсутствует тождество или хотя бы параллелизм, но что вскрываемые различия в данном фрагменте балто-славянского словообразования и номинации гораздо глубже, чем можно было первоначально предполагать. Прежде всего, в балтийском нет соответствия славянским глаголам **kręta̧ti*, **krǫtiti*, с которыми неразрывно связано слав. **krǫtъ*, русск. *крутой*. При сближении с ними лит. *krantas* 'берег' необъяснимо, что безошибочно свидетельствует о необходимости искать другие, внутренние мотивы его номинации. Балтийское название берега, по-видимому, отглагольно, но думать при этом о производности от лит. *kertù*, *kir̃sti* 'рубить, бить, ударять' или от *kárti* 'вешать', как это делает Френкель (там же), нет прежде всего формально-фонетических оснований. Странно, что при объяснении лит. *krantas* забывали о глаголе лит. *krentù* / *krintù*, *krìsti* 'падать, упасть', лтш. *krèst* 'ронять, трясти', *krist* 'падать'. Глагольно-именные отношения *krentù* : *krañtas* (вар. *kriañtas*) кажутся мне единственно возможными, родство значений 'берег' и 'падать' типологически вполне реально, как о том свидетельствуют лат. *rīpa* 'берег реки', родственное греч. ἐρείπω 'сбрасывать вниз', и сербохорв. *обала* 'берег': *обалити* 'сбросить'.

Если пример с отношением русск. *крутой* — лит. *krantas* помогает обнаружить фикцию в этимологических исследованиях исконного славянского и балтийского слова, то следующий пример с названиями янтаря, кажется, должен показать фиктивность обычно принимаемого направления одного заимствования.

Основным названием янтаря в балтийских языках является лит. *gintãras*, *giñtaras*, известное также в старых вариантах *gentãras* и *jentaras* (в словаре Нессельмана), лтш. *dzītars*, *dziñtars*, *zītars*[13]. Ему соответствует русск. *янтáрь* (прочие славянские формы — из русского), которое Френкель назвал даже «родствен-

[13] *Fraenkel* I, S. 152.

ным» балтийскому слову [14], хотя фонетика говорит об иных отношениях. Какими именно были эти отношения между балтийским и славянским словом, ученые, кажется, решили давно и единогласно. Еще Будилович сто лет назад писал: «Можно бы думать, что так как первыми добывателями этой окаменелой смолы были поморские литовцы, то их слово (*jentaras*, *gintaras*) заимствовано было соседними славянами» [15]. Этот ученый пришел также к логичному выводу, что заимствование не могло быть древним, иначе ожидалось бы русск. **ятарь*, чеш. **jatar* или **jetar* и т. д. Балтийскую этимологию закрепил Миклошич: «Русск. слово — это лит. *jentaras*, *jintàras*, *gentaras*, лтш. *dzintars*. Известно также ср.-лат. *gentarum* и нем. *kentner*» [16]. То же самое находим у Бернекера, который, однако, обращает внимание на то обстоятельство, что балтийское название — «ein dunkles Wort» [17]. Объяснение из лит. *jentaras*, *gintaras* прочно вошло во все этимологические словари [18]. Этому способствовала популярная репутация Прибалтики как янтарного края, а литовцев — как его аборигенов. Сложности и противоречия этой концепции проявились не сразу. А состоят они в том, что, во-первых, *gintaras* не этимологизируется с точки зрения балтийских языков и ведет себя там скорее как заимствованное (ср. хотя бы варианты *gintaras* и *jentaras*), во-вторых, балты — не аборигены берегов Балтийского моря; согласно Буге, «современная Литва — не родина литовцев, потому что они до VI в. н. э. еще жили к востоку от Вильнюса и Минска» [19], то же самое может быть сказано о латышах, более восточное распространение имели и западные балты, пруссы, ср. галинды—голядь в Поочье и ряд верхнеднепровских речных названий от древнепрусского *stabis* 'камень'. В-третьих, Прибалтика — не единственный янтарный край, янтарь по рекам Скифии был известен уже древним, но об этом — далее.

Своего рода попыткой разобраться в противоречиях, связанных с названиями янтаря, была статья Б. А. Ларина [20]. Суть ее сводится к следующему. Свидетельства о слове *янтарь* в русских письменных текстах — не старше XVI в. (1551 г. и позднее), и они указывают на янтарь из Прибалтики, однако соответствующие литовское и латышское названия сами из балтийского не этимологизируются. Далее, Ларин обращает внимание на венг. *gyantár* 'янтарь' и *gyanta* 'смола', что, впрочем, уже до него сделал Миклошич. Формальная и семантическая вариации венгер-

---

[14] *Frenkelis E.* Baltų kalbos. Vilnius, 1969, c. 26.

[15] *Будилович А.* Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян, ч. 1, вып. 2. Киев, 1879, с. 291.

[16] *Miklosich*, S. 99.

[17] *Berneker* I, S. 445.

[18] *Brückner* c. 50; *Фасмер* IV, c. 558; *Sławski* I, c. 501.

[19] *Būga K.* Rinktiniai raštai, t. III. Vilnius, 1961, c. 551 и сл.

[20] *Ларин Б. А.* О слове *янтарь*. — Цит. по изд.: *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. М., 1977, c. 73 и сл.

ских форм (с *-r* и без *-r*, наличие двух самостоятельных значений 'янтарь' и 'смола'), по мнению Ларина, «указывают на большую близость венгров к языку-первоисточнику». Следом за этим Ларин делает вывод, что некие «североевропейские поморы» (не балтийские и не славянские племена), участвуя, с одной стороны, в янтарном промысле в Прибалтике, с другой стороны, — «могли соприкасаться в пределах северо-востока Европы с предками венгров, с угорскими племенами, до занятия последними своей теперешней родины». Ларин полагает, что его предположения находят поддержку в разысканиях Розвадовского, Фасмера, Лер-Сплавинского, допускавших наличие отдельных топонимических следов финно-угров «дальше на юго-запад», в Прибалтике, но если мы вспомним, что упомянутые (кстати, единичные и скорее проблематичные) топонимические этимологии этих ученых относятся к финской, а отнюдь не к угорской ветви, догадка Ларина о передаче названия янтаря и смолы из Прибалтики предкам угров в Приуралье делается крайне зыбкой, ее не спасает объединение обеих весьма далеких ветвей общим термином «финно-угорский». Ясно, что угров не было в Прибалтике и у них не было достоверных общений с ее древним населением. Концепция Ларина, надо признать, в данном случае уводит нас в сторону от бесспорных достижений науки. Учитывая узловое, культурно-историческое значение вопроса, приходится говорить об этом подробно, тем более, что содержание статьи Ларина некритически перенимается некоторыми исследователями. Например, во втором, посмертном издании чешского этимологического словаря В. Махека читаем: «jantar. . . Согласно подробному объяснению Б. А. Ларина, Rakstu krājums (сборник, посвященный Эндзелину), Рига, 1959, 149 и сл., это слово происходит из какого-то угорского языка (угрофиннов), носители которого сидели в древности у Балтийского моря и собирали янтарь. На это происхождение указывает то, что угрофинские языки имеют исходное слово со значением 'смола', напр. венг. gyanta значит 1. 'янтарь', 2. 'сосновая смола', 3. 'глазурь'. Торговыми путями название янтаря попало в «балтийские» языки (лит. и лтш.), которые первоначально были не у моря, а восточнее, а от них к другим народам» [21].

Раз такое значение придается данным венгерского языка в нашем балто-славянском вопросе, что, согласимся, большая редкость, обратимся к новому «Историко-этимологическому словарю венгерского языка», который дает формы *gyanta*, *jánta*, *gyantár* и их варианты (засвидетельствовано после 1500 г.) и характеризует это название как «заимствование, причем ни конечный источник, ни непосредственный передатчик должным образом не определены. . . В средневековую латынь, в немецкий и русский попало из балтийских языков, а в большинство славянских. . . из рус-

[21] *Machek* [2], с. 216.

ского, по большей части в новое время. — Венг. *gyantár*, возможно, производится от основы средневекового лат. *gentarum*»[22]. Отпадение *-r* во вторичной форме *gyanta* венгерские этимологи объясняют внутренним венгерским развитием. Как и следовало ожидать, финноугроведы не говорят ни о каких уграх в Прибалтике, ни о доисторических прибалтийско-угорских связях, а в свете того единственно реального, что венгерские этимологи сочли возможным включить в свой словарь, делается ясно, что венгерское слово как позднее местное заимствование для дальнейшего исследования вопроса о балтийском и русском названии янтаря интереса не представляет и может быть исключено нами из рассмотрения. В результате предпринятого исключения лишних форм мы опять остаемся лицом к лицу с двумя этимологически темными словами: лит. *gintaras* и русск. *янтарь*. Как уже ясно из предыдущего, сколько-нибудь достоверной балтийской или индоевропейской этимологии для литовского слова пока не предложено. Только полноты ради можно упомянуть попытку Петерссона, который, как и Ларин, искал связь с названиями смолы, но при этом реконструировал и.-е. *g^{u}entor*, сближая его с др.-инд. *jātu* 'лак, резина', лат. *bitūmen* 'горная смола'[23]. Но одной ссылки на лит. *jentaras* (см. выше) достаточно, чтобы свести эту индоевропейскую этимологию на нет. Вариант *jentaras*, кстати, не случайно обозначается как старый, распространенная форма лит. *gintaras* должна объясняться из него, а не наоборот. При объяснении случаев *g-* < *j-* в литовском, главным образом в ономастике, иногда вспоминают известную фрикативность *g* в нижненемецком и существующую там в связи с этим вариативность *g* : *j*, широко отражавшуюся и в старой письменности, например, как написание через *g*, откуда могли идти влияния на литовский[24]. Ларин в упоминавшейся статье рассматривал *jentaras* скорее как небезупречную запись, выполненную немцем, вместо реального *gentaras*, т. е. с заменой *ge-* на *je-* под означенным влиянием немецкого областного произношения. Но данные исторической ономастики документируют как раз обратное направление замены, поскольку известен ряд форм, где более старшие написания с *i*, *j* вытесняются, как полагают, под средненижненемецким воздействием, новыми написаниями и произносительными вариантами на *g*: *Labia*, *Labiau* > *Labguva*, *Danija* > *Dangė*, *Minija* > *Mingė* и т. д. Процесс спирантизации *g* > *j* в нижненемецком вызывал тенденцию гиперкорректности в виде передачи этимологического *j* через *g* на письме и вслед за этим — в произношении[25]. Следо-

[22] A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I. k. Budapest, 1967, c. 1120.

[23] *Petersson H.* Studien über die indogermanische Heteroklisie. Lund, 1921 (=Skrifter utgivna av Vetenskaps-societeten i Lund 1), S. 62—63.

[24] *Vanagas A.* Dėl upės vardo Danė (Danija, Dangė). — Lietuvių kalbotyros klausimai III, c. 317 и сл.; *Idem.* Dėl vietovardžio Labguva darybos ir kilmės. — Baltistica 1966 I (2), c. 185 и сл.

[25] Думается, однако, что было бы неправильно относить за счет немецкого влияния все случаи вариантности и взаимоперехода *j* и *g*, поскольку

вательно, не *jentaras* из *gentaras*, а *gentaras* из *jentaras*. Таким образом, в лит. *jentaras* мы имеем не описку, как склонен был думать Ларин, а наиболее старый и, судя по всему, этимологически наиболее авторитетный вариант. Все показания с балтийской стороны на этом как будто исчерпываются, тогда как особая близость лит. *jentaras* и русск. *янтарь* приобретает новый смысл: не русск. *янтарь* заимствовано из лит. gintaras, jentaras, а лит. jentaras было заимствовано из русск. *янтарь*, выявлением судеб и условий заимствования которого нужно теперь заняться вплотную. 1551 год, которым обычно датируют первое упоминание русского слова в форме *ентарь* (собственно, *ентарю*, gen. part.: . . .да два сукна свиточныхъ, да *ентарю* пять гривенокъ. Арх. Строева I, 334, по «Материалам» И. И. Срезневского и по данным Картотеки ДРС), конечно, следует признать случайно поздней датой. Чуть более раннюю дату Травника Любчанина 1534 г. (рукоп. XVII в. ГИМ, Картотека ДРС: Смола. . . азъ чаю что то есть *ентáрь*) тоже нельзя считать пределом древности. Более ранних свидетельств мы пока не знаем, поэтому приходится прибегать к вероятиям и реконструкциям. Но слово старше своих письменных свидетельств; неслучайно даже окольным путем попавшее в венгерский язык и безусловно позднее слово *gyantár* известно там уже вскоре после 1500 г. (см. выше). Конечно, фонетическая форма русск. *янтарь*, *ентарь* (сохранение группы согласных *-нт-*) заставляет датировать его появление временем после X в., т. е. после падения носовых, что, впрочем, достаточно условно. Кстати, древность появления слова в балтийских языках предполагается в период до XII в.[26] (почему латышские формы *dziñtars*, *dzītars*, представляющие, очевидно, разные ступени аккомодации лит. *gintaras*, испытали уже типично латышские изменения).

Оспорив литовскую этимологию русск. *янтарь*, мы продолжаем, естественно, считать его заимствованием в соответствии с его фонетической характеристикой, необъяснимой на русской языковой почве. Остается теперь выяснить происхождение иноязычного **jantar-*, которое легло в основу русского слова. Этимологические действия целесообразно при этом координировать

их проявления более разнообразны, ср. отмеченное Бугой др.-русск. *Навгинь*=лит. *Naujĩnis* 'Двинск, Даугавпилс' (*Būga K*. Rinktiniai raštai, t. III. Vilnius, 1961, s. 570). Интересно специально изучить вопрос о вариантности *j* : *g* в исконной лексике, ср. лит. *kū̃jis*, *kū̃gis* 'кузнечный молот'. И в русской исторической фонетике отмечены аналогичные колебания, которые нельзя свести только к просторечной передаче, скажем, греч. γ фрикативного и т. д., ср. *Юрий*, *Егор*, вместо книжного *Георгий*, далее — *енерал*, вместо *генерал*, гиперкорректное *генварь* при *январь*. О большем разнообразии явления говорит варьирование исходов слов . . *.рья*/. . *.рьга* в северновеликорусском, ср. его косвенные отражения вроде фамилий *Северин*, но *Севергин*.

[26] *Ларин Б. А.* Указ. соч., с. 78.

с показаниями синонимов со значением 'янтарь' в русском и других языках, особенно тех из них, которые какими-либо особенностями формы и словообразования представляют интерес именно для прояснения нашего слова. Привлекать все названия янтаря не входит в наши задачи. На их множество обратили внимание не только лингвисты. «Трудно найти другой камень, который носил бы столько различных наименований, как янтарь», — писал академик А. Е. Ферсман [27]. Но одно из этих названий вызывает наш интерес в первую очередь: русск. *ала́тырь* м. р. 'загадочный камень, поминаемый в сказках и заговорах' (Даль[2], I, с. 9). Старые ученые определенно предполагали в нем название янтаря, ср. напр. Даль (там же): «вероятно, янтарь, греч. электрон, переделанное на татарский лад». Будилович, взвешивая разные возможности, предполагает даже, вслед за Афанасьевым, самостоятельное образование «из корня *ark*, ἀλκ блистать» [28], что может пригодиться в дальнейшем. Но блистательные исследования А. Н. Веселовского и его школы, вскрывшие и связавшие с алатырем в первую очередь христианский пласт преданий и представлений о чудесном камне в основании Сионской церкви, о камне-алтаре-трапезе и камне-алтаре-престоле [29], кажется, несколько оттеснили на задний план то древнее значение и употребление этого слова, которое поддается определенной идентификации и даже географической локализации и интересует нас здесь больше всего.

Особенно древними свидетельствами о слове *алатырь* мы тоже не располагаем. Сведений о нем нет в Картотеке СДР XI—XIV вв. (кстати, там нет и данных о слове *янтарь*, *ентарь*). Картотека ДРС содержит упоминание в Сборнике загадок XVII в.: Есть сре^{д} мора ѡкиана бѣлъ каме^{н} л а т а^{р}. Сопутствующий постоянный эпитет помогает опознать обозначаемый предмет. По мнению специалиста, — «алатырь 'бел-горюч камень' — единственный камень наших народных поверий. Кроме него, только в двух-трех местах наших былинных песен упоминается еще кое-где о камнях: антавенте, тироне и яхонте. Это невольно наводит на мысль, что мифический камень алатырь может означать один янтарь» [30]. В противовес молчанию русских письменных источников с X по XVI век минералогия называет янтарь наиболее замечательным камнем древности и основным драгоценным камнем Киевской

---

[27] *Ферсман А. Е.* Рассказы о самоцветах, изд. 2-е. М., 1974, с. 120.

[28] *Будилович А.* Указ. соч., с. 291. См. еще: *Надеждин Н.* О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно этнографии русской. II. — Русская беседа 1857, IV, второй год, кн. 8-ая (раздел «Смесь»), с. 37—38.

[29] *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. III. Алатырь в местных преданиях Палестины и легенды о Грале. СПб., 1881; *Мочульский В.* Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887, с. 171 и сл.

[30] *Пыляев М. И.* Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление, изд. 3-е. СПб., 1896, с. 76.

Руси [31]. Это нашло отпечаток если не в письменной истории, то в народном сознании. Такой уникальный памятник народного творчества как Голубиная книга отводит в своей космографии этому камню почетнейшее место: «*Латырь*-камень каменям отец», «*алатырь*-камень — всим каменям мати», «бел *алатырь*-камень каменям мать». . .[32]

В устной народной поэзии название камня всегда фигурирует в одной форме *алатырь* или *латырь*. Только в одном варианте стиха о Голубиной книге встречается *илитор*, слишком напоминающее старое книжное название янтаря — *илектрон* из греч. ἤλεκτρον. Интересующая нас форма *алатырь* походит на эти последние, оставаясь при этом совершенно самостоятельным названием. И то и другое полезно учесть при этимологизации. Неизменным постоянством отличаются эпитеты при этом названии: бел-горюч камень *Алатырь*, *белола́тырь*, *бела́тырь*. Их толкующая и переводная функция имеет прямое отношение к употреблению и значению и должна помочь пролить свет на первоначальное внутреннее содержание слова. *Янтарь* и *алатырь* обозначают один и тот же предмет, но в их употреблении отмечаются большие различия: народная поэзия, Голубиная книга знает только название *алатырь*, окружая его самыми высокими поэтически атрибутами, и не знает слова *янтарь*. В свете известных фактов *алатырь* выступает как бы в роли культового термина, а *янтарь* — в роли технического термина, принадлежа к разным сферам лексики. Но необходимо отметить между ними общность, в которой, надо думать, заключается ключ к тайне происхождения обоих названий: общий исход слова. Др.-русск. *лата*^{р} (XVII в., см. выше) показывает первоначальность *-а-* в заударном слоге и позволяет реконструировать форму **алатарь*, ср. *янтарь*. Оба названия имеют исход *-тарь*. Конечной мягкостью как, видимо, вторичной и благоприобретенной на русской почве можно пренебречь, после чего остается *-тар-*, имеющее вид словообразовательного форманта, а это уже резко повышает эффективность дальнейших поисков: найти язык или языки со словообразовательной морфемой *-tar-* не так уж трудно. Но сначала надо исключить момент произвольности именно такого членения. *Илитор* / *илектрон* и *алатырь* / **алатарь* не случайно как бы взаимозаменяемы.

Греч. ἤλεκτρον 'янтарь', 'электр (сплав золота с серебром)', с которым уже давно, но без необходимой четкости и аргументации связывали наше слово *алатырь*, является старым словом эпического греческого языка. Беглой справки в новейшем греческом этимологическом словаре достаточно, чтобы убедиться, что этимологизация ἤλεκτρον находится не в лучшем состоянии. Однако для нас важна констатация его принадлежности к лексике древнейшей

---

[31] *Ферсман А. Е.* Указ. соч., с. 34, 37.

[32] *Надеждин Н.* Указ. соч., с. 36; *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, с. 18; *Ляцкий Е. А.* Стихи духовные. СПб., 1912, с. 13.

греческой эпики и этимологическое тождество слову ἠλέκτωρ 'сияющий', эпитет солнца; наличие дорических форм на ἀλ- показывает первоначальность формы *ἄλεκτωρ, *ἄλεκτρον. Важно и заключение о словообразовании: «Слово — явное производное с суффиксом -τωρ от индоевропейского корня, но от какого?»[33] Греческие формы оставляют впечатление индоевропейского наследия: полная ступень суф. -τωρ характеризует имя деятеля ἠλέκτωρ, сияющее Солнце, основа на согласный; ступень -τρ-ο- с тематическим гласным основы выступает в названии орудия ἤλεκτρον. Слово *алатарь как бы дублирует архаическое греч. *ἄλεκτωρ, однако на базе иного языка. Сравнение с греческим помогает нам сделать следующий шаг в реконструкции *алатарь: это слово, окончательно сбросив русское обличье, предстает перед нами в праформе *alaktar- (группа -kt- перед задними гласными на славянской почве упрощалась в -t-). Вычленение суф. -tar- подтверждается, одновременно становится ясным, что форма *alaktar- порождена языком, в котором индоевропейские e/o (ср. *ἄλεκτωρ) слились в a. Короче говоря, возникает гипотеза, согласно которой русск. *алатырь* / **алатарь* заимствовано из *alaktar- индоиранского типа, ср., с другой ступенью корневого вокализма, др.-инд. *ulkā* 'огненное небесное явление, метеор', обычно сближаемое с греч. ἠλέκτωρ. Память о семантике основы *alaktar сохранена поясняющими эпитетами *бел-горюч камень латырь*.

Привычным представлениям о местах, народах, языках, связанных с янтарем, это скорее противоречит, поэтому необходимо заняться вопросом географической локализации, для чего в духовном стихе о Голубиной книге содержатся указания, до сих пор полностью не прочтенные. Еще Веселовский, анализируя Алатырь, намеревался это сделать: «Я попытаюсь внести несколько свету в путаную географию песни и духовного стиха. . . Может быть, нам удастся набрести по пути и на загадочный камень алатырь» [34]. Свет был пролит Веселовским только на палестинско-христианские места стиха, но это не относится к нижеследующему эпизоду (или эпизодам) из Голубиной книги. В белорусской редакции стиха место читается так:

. . .Патаму Латырь-каминь всим камяням ацец,
Ляжыць ион сиридзи моря,
Сиридзи моря сиридзи синява,
Идуць па морю многа карабельщиков,
Гли таво камня астанавливаются,
Яны бяруць многа с яво снадабья,
Пасылаюць па всяму свету белому. . . [35]

Надеждин думал, что именно в этом эпизоде белорусской редакции имеется в виду янтареносное Балтийское море [36], и против

[33] *Chantraine*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, p. 409.
[34] *Веселовский А. Н.* Указ. соч., с. 4.
[35] *Варенцов В.* Указ. соч., с. 234.
[36] *Надеждин Н.* Указ. соч., с. 36—37.

этого трудно спорить, но стоит обратить внимание на сходный, хотя и самостоятельный эпизод в великорусской редакции, с дополнительными географическими деталями:

Камням камень мать
Кармаус камень Илитор;
И лежит он у моря Теплого,
На восточном устье Волгском;
А коя рыба с моря пойдет,
И о камень потрется,
И на Русе той рыбы ловцам не добыть,
И птицам ее не убить,
И того году смерти ей не будет [37].

Верно, хотя еще и недостаточно, сказать, что Теплое море великорусской редакции Голубиной книги — это Черное море [38]. Кроме таинственного имени *Кармаус*, заняться которым, видимо, следует особо, нас еще долго может продолжать смущать *устье Волгское* на Теплом (= Черном?) море, пока мы не обратим внимание на мыс *Воложская коса* в Днепро-Бугском лимане Черного моря [39], собственно — неверная запись названия *Волошская коса*, ср. там же, напротив — *Русская коса*. Дешифровав *устье Волгское*, считаем необходимым повнимательнее присмотреться к старой ономастике этого залива при устьях Днепра и Буга и обнаруживаем идущее с античной древности название φρούριον Ἀλέκτορος 'укрепление Алектора', например в Борисфенитской речи Диона Хрисостома (ок. 100 г. н. э.): ἐκδιδόασι δὲ οἱ ποταμοὶ εἰς θάλατταν παρὰ φρούριον Ἀλέκτορος, ὃ λέγεται τῆς γυναικὸς εἶναι τοῦ Σαυροματῶν βασιλέως 'изливаются же реки (Борисфен и Гипанис. — *О. Т.*) в море около укрепления Алектора, которое, говорят, принадлежит жене царя савроматов' (Dio Chrys. Dind.) [40]. Оратор рассказывает об окрестностях недавно посещенной им Ольвии. В раннее средневековье название еще продолжает жить, ср. в «Космографии» Анонима Равеннского: Alecturum (Rav. An. IV, 5), Alecturia (Rav. An. V, 11), Allecturia (Guidonis geographica) [41]. Локализацию этого Алектора облегчает то, что у Анонима он упоминается всегда рядом с местностью Dandarium, тождество которой с нынешним островом Тендра у выхода из Днепро-Бугского лимана в море известно. Потом названный Алектор исчезает надолго, чтобы вновь отозваться лишь в др.-русск. *лата*р (XVII в.) и в форме *Алатырь* в стихе о Голубиной книге указанным выше

---

[37] *Мочульский В.* Указ. соч., с. 179.
[38] *Мочульский В.* Указ. соч., с. 180.
[39] Цит. по: *Бурачков П. О.* Опыт объяснения одного темного места в сказаниях Геродота о древней Скифии. — В кн.: Труды III археологического съезда в России, т. II. Киев, 1878, с. 63, 64.
[40] Цит. по: *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, с. 172.
[41] Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Ex libris manu scriptis ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860, c. 177, 369, 532—533.

образом. Впрочем, ряд форм (и мест), отождествляемых с Алектором — Алатырем, может быть, удастся пополнить названием острова св. Елевферия, идентифицируемого одними с островом Березань, а другими — более вероятно — с упомянутым островом Тендра [42]. Остров Елевферия (вар. Елферья и др.) фигурирует в ранней русской летописи о событиях X в.: И да не имѣють власти Русь зимовати в вустьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у св. Елферья: нъ егда придеть осень, да идутъ въ домы своя въ Русь. Договор Игоря с греками. ПСРЛ I. 22—972 [43]. Идентификация этимологическая остается здесь проблематичной, пока не будет доказано вторичное осмысление более древнего названия в связи с именем похороненного здесь епископа Ἐλευθέριος.

Греч. ἀλέκτωρ известно в значении 'петух', но это его употребление вторично, ср. Ἀλέκτωρ, личное имя собственное (и отнюдь не петушиное) у Гомера. Почему-то принято раскрывать первоначальное значение его имени — главным образом в применении к петуху — как 'защитник, боец', что находится в согласии с петушиными качествами, но не отвечает морфологии и словообразованию, ср. реплику Шантрена по поводу «d'un développement imprévu» [44]. При этом имя ἀλέκτωρ объясняют как производное от глагола ἀλέξω 'защищать', мирясь с явными противоречиями, хотя от этого глагола с этим суффиксом есть другие, закономерные производные со значением 'защитник': ἀλεξητήρ, ἀλεξήτωρ. Их отнюдь не новый характер подтверждается соответствием др.-инд. *rakṣitár* 'защитник'. Греческие этимологические словари отражают народную этимологию, и слово ἀλέκτωρ образовано не от ἀλέξω, а тождественно этимологически эпитету солнца ἠλέκτωρ 'сияющий, светило', которого мы касались выше. Не как боец, а гораздо важнее — как провозвестник солнца — был назван словом ἀλέκτωρ петух, о чем подробно и убедительно говорится у В. Гена и что полностью было позабыто последующими этимологами: «Чудесная птица, возвещающая свет солнца, носившая (у иранцев. — *О. Т.*) жреческое имя *parōdars*, в эпоху пробуждения от мифических грез и начального бунта против эпических легенд и эпического языка была названа тоже мистическим и значительным именем *alektor*. Такие имена как *ēlektor Hyperion* 'лучезарный путник, солнце', *ēlektron* 'сияющий металл, солнечный янтарь', *Elektra* 'богиня сиющего, зеркального отражения', *Elektryon* (сын Персея, Электрийские острова, Электрийские врата в Фивах и т. д.), а также формы на *a-* — *Alektryon*, *Alektor* — были известны каждому образованному и благочестивому человеку из Гомера

---

[42] *Бурачков П. О.* О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. — Записки Одесского общества истории и древностей, 1875, т. IX, с. 40.
[43] Цит. по: *Барсов Н.* Материалы для историко-географического словаря России. Вильна, 1965, с. 19.
[44] *Chantraine*. Указ. соч., 1—2, p. 58.

и героических мифов»[45]. И ниже: «Обыкновенный петух получил свое название *alektor* от солнца и янтаря, солнечного камня»[46].

Эти старые открытия позволяют заново объяснить Алектор-Алатырь в Северном Причерноморье как 'Солнечный' или скорее 'Янтарный', причем форма 'Αλέκτωρ, φρούριον 'Αλέκτορος — вторичная грецизация близкой, но не греческой, туземной формы **alaktar-*, дошедшей на Русь как таинственное название *камень Алатырь*. Название, несмотря на темный характер употребления, дошло вместе с хорошим представлением о самом минерале, который, действительно, и бел 'блестящ' и горюч. Тем, кого продолжает удивлять географическое расположение этого источника янтаря, можно напомнить, что важнейшим путем янтаря в древности был не только путь от устья Вислы до Аквилеи на Адриатике, но и днепровский путь[47], а этот последний был ближе славянам и балтам, не вдруг покинувшим Верхнее Поднепровье; что Плиний называет ряд сортов янтаря — sualiternicum, sacrium — именно из Скифии; что по Среднему и Нижнему Днепру с древности до нового времени находили и собирали янтарь[48] и что минералоги включают вполне официально в единую Балтийско-Днепровскую янтареносную провинцию также нижнее течение Днепра, Южного Буга вплоть до устья этих рек[49].

После предыдущего подробного изложения будет логично поставить рядом названия *алатырь* и *янтарь* или лучше — их реконструкции — **alaktar-* и **i̯antar-* как близкие языковые образования. И то и другое, видимо, — производные с суффиксом *-tar-*, судя по всему, — со значением имен деятеля. При этом **alak-tar-* предположительно означало 'сияющий, жгущий и т. д.' В духе высказанного выше мнения о том, что слово *янтарь* — технический термин (ср. отсутствие его в культовой поэзии), мы этимологизируем его первоисточник в связи с др.-инд. *yántar-* 'сдерживающий'[50], т. е. производное с суфф. *-tar-* от глагольной основы *yam-* 'держать, сдерживать, удерживать'. Мотивом называния янтаря в данном случае явилась способность потертого и нагретого янтаря притягивать мелкие предметы, напр. солому. Это свойство янтарного магнетизма — весьма яркая черта, которой янтарь обязан рядом своих названий в разных языках, ср. греч.

---

[45] *Hehn V.* Cultivated plants and domesticated animals. . ., p. 244.

[46] Там же, p. 270. — Связь петуха с чудесным солнечным камнем долго осознавалась, ср. В. Ген (там же, 243) относительно gemma alectoris, а также *Grimm J.* Deutsche Mythologie. 2. Ausg. Bd. II. Göttingen, 1844, S. 1169: легенды о камне alectorius, который якобы растет в теле петуха.

[47] *Ферсман А. Е.* Указ. соч., с. 34.

[48] *Ouvaroff A.* Recherches sur les antiquités de la Russie Méridionale et des côtes de la mer Noire. Paris, MDCCCLV, p. 8; о находках крупных кусков белого янтаря (de gros morceaux d'ambre blanc) по Днепру, в районе порогов вплоть до начала XIX в.

[49] *Савкевич С. С.* Янтарь. Л., 1970, с. 52.

[50] Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung, bearbeitet von Böhtlingk. Teil 5. St. Petersburg, 1884, S. 127.

ἅρπαξ ʽхватающий, похищающий’, перс. *kahrūbā*, букв. ʽпохищающий солому’, аналогичные сирийские, арабские названия [51].

Таким образом, два русских названия янтаря могли быть получены, в конечном счете, из севернопричерноморского индо-иранского или даже конкретнее (ср. выше характер соответствий) — индоарийского субстрата в той его части, которую мы отождествляем со Старой Скифией Геродота в низовьях Южного Буга и Днепра. Их первоисточники имели вид **alaktar-* и **i̯antar-*. Конечно, проблема передачи из арийского субстрата в славянский не снимается, особенно для формы **i̯antar-*, отражение которой в виде русск. *янтарь*, *ентарь* вызывает мысль об иноязычном посредничестве. Такими посредниками могли быть тюрки-булгары, на юге рано обосновавшиеся в Северном Причерноморье, а на севере контактировавшие с ранневосточнославянскими племенами. Во всяком случае ученых давно заинтересовали чувашские слова *janDar* ʽстекло’, *janDal* ʽдорогие бусы’, ʽя н т а р ь’, относительно первоисточника которых, однако, не было ясности [52].

Итог наших разысканий можно сформулировать так: 1) русское слово *янтарь* получено не из балтийских и не из финно-угорских языков; 2) оно восходит скорее всего к арийскому субстрату Северного Причерноморья; 3) в языке-источнике это было слово, производное с агентивным суффиксом *-tar-* и соответствующей семантикой.

Определенным итогом мы считаем, кроме того, указание на возможность таких решений в балто-славянском вопросе, которые уводят за пределы как балтийского, так и славянского.

---

[51] *Боголюбов М. Н.* Сирийские названия янтаря у Ал-Бируни. — Востоковедение. 3. Филологические исследования (Уч. зап. ЛГУ, 1977, № 389. Серия востоковедческих наук, вып. 19), с. 3—5 (с литературой).

[52] *Mikkola J. J.* Einiges über den eurasischen Bernsteinhandel. — Senatne un māksla, 1938, I, с. 33 и сл. (цит. по: *Ларин Б. А.* Указ. соч., с. 82, примеч. 3); *Ларин Б. А.* Указ. соч., с. 82; *Räsänen. M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969 (=Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII, 1), S. 123; *Добродомов И. Г.* Янтарь. — Русская речь, 1971, № 4, с. 138 и сл.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. VIII*

(**vъrdati, *sęčati, *plęgti, *kužati* и **kuža, *mъrx-/*mьrx-* и **myrěti, *plixati*)

**vъrdati*

Группа глаголов в различных славянских языках (преимущественно южных) с идентичной морфологической структурой, генетически отождествимым корнем и близкой семантикой дает основания для реконструкции праславянского глагола **vъrdati*. В эту группу входят прежде всего следующие лексемы: с.-хорв. *vȑdati* 'избегать, уклоняться'[1], словен. *vôrdati* 'шарить (например, переворачивать одежду в сундуке)', *v. se* 'играть, баловаться (о детях или о молодых животных)', 'трудиться, стараться'[2], польск. диал. *wardać się* 'слоняться по углам, скитаться, лазить'[3]. Кроме того, как вторичные преобразования той же исходной праславянской основы могут рассматриваться болг. диал. *върдáл'ъм* 'валяться в пыли' (Кóн'ът *съ върдáл'ъ* пу зим'ѣтъ)[4], *върдóл'ъм съ* 'кататься, валяться и пачкаться'[5] и с.-хорв. *vȑndati* 'прясть на большом веретене; болтать при этом'[6]; в последнем случае толкование *vȑndati* как результата вставки *-n-* в основу *vȑdati* принадлежит П. Скоку[7].

Эта последняя из приведенных лексем — с.-хорв. *vȑndati* — существенно отличается по своему значению от остальных глаголов данной группы: ср., с одной стороны, с.-хорв. *vȑdati* 'избегать', словен. *vôrdati* 'шарить, баловаться', польск. *wardać się* 'слоняться', болг. *върдáл'ъм* 'кататься, валяться' и, с другой стороны, с.-хорв. *vȑndati* 'прясть'. Исследователями индоевропейской и славянской терминологии прядения установлено, что термин 'прясть' формировался обычно как новообразование на базе глаголов различной

---

* Предшествующие статьи этой серии см. в томах ежегодника «Этимология» за 1971—1977 г.

[1] *Iveković-Broz*, II, с. 746. В словаре П. Скока *vȑdati* приводится без этимологического толкования (*Skok* III, с. 622).

[2] *Pleteršnik* II, с. 786. *or* может быть факультативным рефлексом **r̥*.

[3] Варшавский словарь VII, с. 459.

[4] *Ковачев Н. П.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, с. 14.

[5] *Петков П. И.* Еленски речник. — БД VII, с. 23. В новом этимологическом словаре болгарского языка глагол *върдáлям*, *вардáлям* толкуется как следствие контаминации глаголов *мъ̀рдам*, *търкáлям* и *вáлям* — см. БЕР I, с. 210.

[6] *Iveković-Broz* II, с. 751.

[7] *Skok* III, с. 622.

семантики, в частности ‘вязать’ (лат. *nere*, греч. νέω < и.-е. **(s)ne-*), ‘тянуть’ (гот. *spinnan* < и.-е. **(s)pen-*), ‘поворачивать, вращать’ (лит. *ver̃pti*, лтш. *vērpt* < и.-е. **u̯erp-*), ‘резко двигать, дергать (рукой), прыгать’ (слав. **pręsti* < и.-е. **sprend(h)-*), причем непосредственный семантический источник определялся характером, условиями, техникой самого процесса прядения (наличием или отсутствием прялки и веретена)[8]. Следовательно, при анализе семантики рассматриваемой группы глаголов, продолжающих предполагаемое праслав. **vъrdati*, есть основания считать значение ‘прясть’ более поздним, инновационным по отношению к семантике глаголов движения. С другой стороны, самое формирование термина ‘прясть’ на базе глаголов движения в данной группе позволяет выделить из различных видов обозначаемого движения валяние, катание (болг. *въ̀рдал'ъм*), как наиболее вероятный источник семантики ‘прясть’ и как обозначаемое, наиболее близкое к первичному. Из первоначального ‘катать(ся), валять(ся)’ (= ‘вертеть(ся)’) могут быть объяснены и другие зафиксированные значения: ‘шарить’, ‘избегать’, ‘слоняться’.

Для реконструированного праслав. **vъrdati* ‘валять(ся), вертеть(ся)’ представляется маловероятным образование вследствие контаминации нескольких глаголов, предполагаемое для болг. *въ̀рдалям* болгарскими этимологами (см. прим. 5). Скорее в качестве потенциального источника славянского глагола может быть рассмотрено индоевропейское этимологическое гнездо, базирующееся на корне *u̯er-* ‘вертеть, сгибать’ и представленное основами с различными расширениями: **u̯er-b(h)-* (в частности, гот. *wairpan* ‘бросать’, др.-исл. *verpa* ’бросать’ и ‘делать основу ткани, сновать’, русск. *воро̀бы*), **u̯er-g-* (слав. **vergti*), **u̯er-g'h-* (слав. **versti*, **vьrzǫ*), **u̯er-p-* (лит. *ver̃pti* ‘прясть’, но и алб. *vrap* ‘быстрая походка’), **u̯er-t-* (слав. **vьrtěti*, **vortiti*, лит. *vir̃sti* ‘валиться, перевертываться; валить’)[9]. Есть и индоевропейская основа с расширением *-d-* **u̯(e)r-ed-*, реконструируемая, например, для греч. ῥοδανός ‘гибкий’, ῥοδάνη ‘уток’, гот. *wratōn* ‘блуждать, странствовать’, лит. *randù*, *ràsti* ‘находить’ (= ‘in-venire’)[10]. К этой группе может быть присоединено и праслав. **vъrdati*, продолжения которого в славянских языках по своей семантике близки к приведенным индоевропейским: ср. греч. ῥοδάνη ‘уток’ — с.-хорв. *vȑndati* ‘прясть’, гот. *wratōn* ‘блуждать’ — польск. *wardać się* ‘слоняться, скитаться’ и лит. *ràsti* ‘находить’ — словен. *vôrdati* ‘шарить’.

Возвращаясь к формальной стороне праславянской реконструкции **vъrdati*, следует отметить, что данные для определения исходной ступени корневого вокализма этого глагола не однозначны: польск. *wardać się*, с.-хорв. *vr̃dati* и словен. *vôrdati* могут восхо-

---

[8] *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, с. 88—92.
[9] *Pokorny* I, S. 1152—1158.
[10] Там же, с. 1153.

дить к форме как с *ъr*, так и с *ьr* (перед *d*). Реконструкция **vъrdati*, следовательно, условна: при отсутствии соответствий из других славянских языков, равным образом возможна и реконструкция **vьrdati*.

**sęčati*

В чешском языке (преимущественно, кажется, в его ляшских говорах) в весьма узкой семантической сфере употребляется группа родственных глаголов: *sáčiti* 'мелко и часто идти (о дожде)'[11], *usáčiti se* 'налить (о дожде)'[12], *vysačit se* 'развиднеться, проясниться', *přesakovat* 'идти то и дело (о дожде)', *sačet* 'моросить'[13]. В. Махек связал эту группу с в.-луж. *sać* (sněh so *saje* 'снег сыплется') и далее с лит. *sijóti* 'мелко кропить (о дожде)'; в качестве исходной формы Махек реконструировал праслав. **sьjati*[14]. Эта гипотеза уязвима уже в силу структурных различий связываемых глаголов (см. наличие в чешских формах элемента *č*). С другой стороны, чеш. *sáčiti* имеет иные, очень близкие структурные соответствия в славянских языках: это рус. диал. *ся́чить* 'понемногу течь, сочиться' (Н'ич'аво́ н'е́ была с наɣо́й, а ана́ *с'а́чила* и *с'а́чила*)[15] и польск. диал. *wysiączyć* 'вылить понемногу; вылить или выпить до капли', причем в литературном польском языке этому диалектизму соответствует *wysączyć*[16]. Достаточно простого сопоположения этих лексем, чтобы стала очевидной этимология чешского глагола, поскольку происхождение русского и польского вполне прозрачно: все эти глаголы восходят к гнезду слав. **sęknǫti* 'сочиться, течь понемногу, иссякать', то есть чеш. диал. *sačit'* родственно чеш. *sáknouti* 'сочиться, просачиваться'. Махек пренебрег их явной материальной близостью ради семантически тождественных сближений, в ущерб структурному сходству. Но и семантически связь *sačit'* и *sáknouti* вполне надежна, так как возможность развития значения 'сочиться' → 'мелко, часто идти (о дожде)' не вызывает сомнений (ср. рус. *дождь капает*).

Рассматривая рефлексы слав. **sęk-* в чешском и словацком языках, Махек истолковал чеш. *á* в *sáknouti* как продолжение долгого неназализованного *ō* из итератива **sōk-a-ti*, тогда как для словац. *siaknut* признал непосредственное происхождение из **sęknǫti*[17]. Это предположение об особом пути формирования вокализма чеш. *sáknouti* представляется избыточным, поскольку чешскому языку известны и другие случаи развития **ę* > *a*: ср. *maso*, *táhnouti*,

---

[11] *Kott* III, с. 246.
[12] *Kott* IV, с 418.
[13] *Machek* [2], с. 535.
[14] Там же.
[15] Деулинский словарь, с. 553.
[16] Варшавский словарь VII, с. 1023.
[17] *Machek* [2], с. 536.

křivolaký[18]. И в *sáknouti*, и в *sačit'* исконным корневым гласным было *ę.

В гнезде с корнем *sęk- по славянским языкам наиболее широко представлены основы *sęknǫti* и каузатив *sǫčiti*. Есть также некоторые рефлексы -*a*- основы: польск. *siąkać*, словац. *siakat'* (*sa*), укр. *сякáти* 'сморкать(ся)'. Структурное тождество чеш. *sáčiti*, рус. *сúчить* и польск. -*siączyć* дает как будто основания для реконструкции праслав. *sęčiti*. Но вокализм *ę характеризует как правило поздние или отыменные славянские глаголы на -*iti*. И действительно, бесспорно древней -*i*-основой в этом гнезде является *sǫčiti*. Возможно, следовательно, что *sęčiti* возникло как вторичная -*i*-основа, производная от *sęknǫti*. Однако более вероятным представляется другое толкование происхождения *sęčiti*. Известно, что в славянских языках на различных хронологических уровнях происходило преобразование многих древних инфинитивных основ на -*ěti* в основы на -*iti*, вследствие обобщения для основы инфинитива показателя -*i*-, характеризующего соотносительную с инфинитивом на -*ěti* основу настоящего времени, то есть, например, *mьněti*, *mьniši* > *mьniti*, *mьniši*. Подобное преобразование возможно и в предыстории *sęčiti*. Зафиксированные для чеш. *sáčiti* и русск. *сúчить* значения 'мелко и часто идти (о дожде)', 'сочиться' хорошо согласуются с гипотезой о первичности здесь основы на -*ěti*, для которой характерно обозначение процесса действия, состояния. Есть и реальное свидетельство существования этой -*ě*-основы — чеш. диал. *sačet* 'моросить'. Что же касается корневого вокализма, то огласовка *ę широко представлена в древних -*ě*-основах: ср. *ględěti*, *klęčati*, *ščęděti*, *tęžati*, *žęděti*[19].

Таким образом, представляется возможной реконструкция праслав. *sęčati*, непосредственным продолжением которого является чеш. диал. *sačet*, а позднейшими преобразованиями — чеш. *sáčiti* и рус. *сúчить*. Что касается польск. -*siączyć*, то его синонимия с -*sączyć* затрудняет решение вопроса о его генезисе. Не исключено вторичное взаимодействие -*i*- и -*nǫ*-основ.

Развитие метеорологического значения 'моросить, идти мелко и часто (о дожде)' в чешских глаголах, принадлежащих к гнезду *sęk-, позволяет выдвинуть предположение, что к этому гнезду принадлежат генетически две кашубские лексемы: *sečkovac* 'моросить' и *sekáv'ica* 'сильный, проливной дождь'[20]. Форма корня сближает эти слова как будто с глаголом *sec*, *sečą* (*sekti), но корневое *e* может быть также и рефлексом *ę перед задненебным и старым мягким согласным, в данном случае — перед *k* и *č* (ср. *scëgac* 'стягивать, снимать' < *sъtęgati*).

---

[18] О вокализме последнего и в этой связи о чеш. *sáknouti* см. *Liewehr F*. Ausdrucksverstärckung im Slawischen. — ZfslPh 1954, B. XXIII, H. 1, S. 101.
[19] *Vaillant A*. Grammaire comparée des langues slaves, t. III. Paris, 1966, p. 388.
[20] *Sychta V*, c. 25, 29.

***plęgti*

В. Махек обратил внимание на группу славянских глаголов, которую он признал этимологически мало ясной: это чеш. *pléhnút' sa* 'плодиться, размножаться (о нежелательных человеку животных и растениях, но иногда также о курах и т. п.)' с диалектными вариантами: валаш. *pléhnit sa*, *pléhnút sa*, ляш. *pl'ahnút' se*, *(z)plohnuc se*, словац. *upl'ahnuc se* 'родиться (например, о теленке)', польск. *pląc się* (*plęgnie*, *plągł się*), *plęgnąć się* и *plądz się* 'родиться (о разных четвероногих, о цыплятах)', н.-луж. *plagowaś* 'ухаживать', *zblagnuś* 'вырастать', ст.-в.-луж. *splahowac* 'рождать', в.-луж. *plahować* 'заботиться'[21] (ср. и в.-луж. *naplahować* 'вырастить, вывести (животных, растения)'[22]). По мнению Махека, источником этих глаголов была контаминация *pleniti* (от *plen* 'добыча') с *líhnouti se*; соответствующее семантическое развитие для *pleniti* подтверждалось при этом аналогичными значениями польск. *plenić* 'плодиться' и словац. *plienit' sa* 'размножаться, разводиться (о мелких животных)'[23].

Лужицкие глаголы специально рассматривал Х. Шустер-Шевц, истолковавший их, вместе со ст.-польск. *plagować* 'заботиться', как германское заимствование (ср. др.-в.-нем. *plĕgan*), причем герм. **plōg-* / **pleg-* было возведено к и.-е. **(s)plegh-* с корнем **(s)pel-* 'расщеплять'[24]. Махек склонен был видеть в лужицкой группе скорее влияние немецкой лексемы.

Ф. Безлай обратил внимание на возможность связи с группой глаголов, рассмотренных Махеком, также словенских диалектизмов *plèh* 'род', *ploha* то же, допуская, однако, также вероятность заимствования последних из кельтского[25]. Соответствующую хорватскую лексему *plĕšina* 'племя, род, порода' анализировал вместе со словен. *plèh* П. Скок, предполагавший исходное **pled-s-*, родственное слав. **plodъ* и **plemę*[26]. Рецензируя словарь Скока, Безлай снова напомнил о необходимости принимать во внимание также западнославянскую группу, поскольку вариантность *-g-*: *-x-* может быть вторичной. Для западнославянских глаголов Безлай реконструировал исходное **plęg-*, а также предположил аналогию семантического развития в лит. *splìsti*, *splintù* 'шириться, толстеть', *splė̃sti* 'распространять, воспитывать' (по Френкелю, к и.-е. **pel(ā)-* 'распространять')[27].

---

21 *Machek* [1], с. 373; *Machek* [2], с. 457.
22 *Трофимович*, с. 140.
23 *Machek* [2], с. 457. В первом издании своего словаря Махек выводил *pleniti* из *plemeniti*, см. *Machek* [1], с. 373.
24 *Schuster-Šewc H.* Fragen der etymologischen Forschung im Slawischen. — ZfSl 1963, B. VIII, H. 6, S. 864—865 (Anm. 2).
25 *Bezlaj F.* Etyma slovenica. — Razprave. Slovenska Akademija znanosti in umetnosti, VII, 4. Ljubljana, 1970, с. 158.
26 *Skok*, II, с. 683.
27 *Безлай Ф.* Рец.: *Petar Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga druga. Zagreb, 1972. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, с. 187.

Представляется, что для реконструкции этимологической истории всей рассматриваемой лексики наиболее перспективна гипотеза Скока о родстве с *plodъ, однако, учитывая западнославянские глаголы, а также закономерное развитие слав. *ds* > *s*, непосредственное выведение с.-хорв. *plĕšina* и словен. *plĕh* из **pled-s-* вряд ли можно признать надежным.

Для западнославянских глаголов в качестве наиболее древних основ могут быть реконструированы корневой инфинитив и инфинитив на *-nǫ-*: **plęgti* (ср. польск. *pląc się*, *plądz się*) и **plęgnǫti*. Этимология слав. **sękti*, **sęknǫti* свидетельствует о том, что назализованная форма корневого вокализма в подобных случаях может быть вторичной, собственно славянской (ср. лит. *sèkti*). Следовательно, для **plęgti* допустима более древняя форма **plegti*. Сопоставление **pleg-* и **plex- / *plox-* (представленных южнославянскими именами существительными) позволяет видеть в них основы с суффиксальными элементами *g* и *x*, производные от корня **pel-*. Это **pel-* может быть, наконец, отождествлено с гнездом и.-е. **pel-* 'лить, течь, наполнять'. В образованиях этого гнезда широко представлены значения 'полный', 'множество', 'толпа': ср. греч. πλέος, лат. *plēnus* 'полный', слав. **pьlnъ*, лит. *pìlnas*, гот. *fulls* то же, греч. πλῆθος 'множество, народ', лат. *plēbēs* 'народ', греч. πολύς 'многий', Πλειάδες (*'скопление звезд'), др.-исл. *fiǫl* 'толпа' [28]. К этому гнезду возводятся также слав. **plodъ* и **plemę*, в связи с чем для и.-е. **pel-* реконструируется также семантика 'производить, рождать' [29]. Сюда принадлежит также и рус. диал. *полодá* 'матка' [30]. Предполагается, что к **pel-* восходит и алб. *pjell* 'рождать' [31]. Следовательно, семантика гнезда и.-е. **pel-* весьма близка к кругу значений слав. **plęgti* 'плодить(ся), вырастать' и **plex- / *plox-* род, порода'.

В структурном плане для обоснования возможности принадлежности рассматриваемой славянской группы к гнезду и.-е. **pel-* существенно наличие среди производных от этого корня основы с расширением *-g-*, к которой восходят др.-в.-нем. *folc* 'толпа, народ', др.-исл. *folk* 'народ' [32]. Таким образом, есть и семантические, и формальные основания считать слав. **plęgti*, **plęgnǫti* продолжением индоевропейской основы **pleg-* (из гнезда **pel-*), родственной той основе, к которой восходят слав. **plodъ* и **plemę*. Что касается ю.-слав. **plex- / *plox-*, то оно может быть результатом развития (путем дальнейщего осложнения) той же основы (**pl-eg-*), то есть **pleg-s-*.

---

28 *Pokorny* I, S. 799—800.

29 *Трубачев О. Н.* К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства. — ВЯ 1957, № 2, с. 93—94.

30 *Варбот Ж. Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (на материале словаря д. Деулино). — В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977, с. 261—262.

31 *Pokorny* I, S. 799.

32 Там же.

Возможно, есть в славянских языках и другие рефлексы *plęgti, отражающие иное направление развития семантики исходного и.-е. *pel-. Известно, что в индоевропейской лексике распространено семантическое развитие 'течь, литься' → 'бежать' (ср. рефлексы и.-е. *tekᵘ-: лит. tekė́ti 'течь' и 'бежать', лтш. tecêt 'бежать', слав. *tekti). Поскольку глаголы гнезда и.-е. *pel- имеют значения 'литься', течь' (ср. лит. pìlti), допустимо предположение о появлении и в этом гнезде глаголов с семантикой 'быстро двигаться, бежать'. Поэтому при выяснении рефлексов слав. *plęgti в славянских языках, может быть, следует обратить внимание также на болгарский диалектизм *исплегу̀итвам се* 'выскользнуть' [33].

***kužati и *kuža**

Есть в русских диалектах группа лексем с корнем *kuž-*, которые этимологи склонны генетически отождествлять со слав. *kǫželь /*krǫželь: это твер. *кужа* 'конусообразная рыболовная снасть' [34], яросл. *ку́жи* 'рыболовная снасть' [35], вят. *ку́жня* 'большой короб' [36], подмоск., яросл. *кужёнька* 'ватрушка' [37], подмоск. *ку́жёнька* 'корзина для грибов, ягод и т. п.' [38], *кужля́вый* яросл. 'кудрявый, с вьющейся шерстью', 'раскидисто-ветвистый' [39], костр. 'кудрявый (о деревьях)' [40], волог. *кужливый* 'кудрявый, курчавый' [41]. Предположение о родстве *кужа*, *кужня* и *кужлявый* с *krǫželь было высказано Калимой [42].

Относительно этимологии слав. *kǫželь / *krǫželь в последнее время возобладало мнение о первичности формы *krǫželь, производной от *krǫg- /·*krǫž-, с последующим преобразованием по отдельным славянским языкам в *kǫželь, под влиянием семантически связанного с данным именем слова *kǫdelь (терминология одного и того же прядильного ремесла) [43]. Но для гипотетически родственных с *krǫželь образований, имеющих значения 'рыболовная снасть', 'корзина', 'ватрушка', подобное семантическое влияние со стороны *kǫdelь не оправдано и поэтому преобразование формы этих имен маловероятно. Следовательно, форма корня без *r* для этих имен должна быть первичной. Правда, для прилага-

---

33 *Горов Г.* Странджанският говор. — БД I, с. 91. — В новом болгарском этимологическом словаре *исплегу̀итвам се* объясняется как скрещение *изплъ̀звам се* и *гу́щер*, см. БЕР, т. II, с. 47.
34 Опыт, с. 95.
35 *Мельниченко*, с. 98.
36 *Васнецов*, с. 117
37 *Иванова*. Подмоск., с. 240; *Мельниченко*, с. 98.
38 *Иванова*. Подмоск., с. 241.
39 *Мельниченко*, с. 98.
40 *Покровский Ф.* О народных говорах северо-западной части Костромской губернии. — ЖСт 1897, год 7, вып. III—IV, с. 465.
41 *Шайтанов*. Особенности говора Кадниковского у. Вологодской обл. — ЖСт 1895, год 5, вып. III, с. 391.
42 Цит. по Фасмеру: см. *Фасмер* II, с. 401.
43 *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология. . ., с. 96—99; *Sławski* III, с. 111.

тельных *кужлявый*, *кужливый* 'кудрявый, ветвистый' возможно образование от вторичной формы имени существительного **krǫ-želь* > **kǫželь* с сопутствующим семантическим развитием 'кудель' → 'кудри' (и с вторичной редукцией гласного в суф. *-el-* по аналогии с прилагательными на *-ьliv-*). Но для *кужа* 'конусообразная рыболовная снасть', *кужня* 'короб', *куженька* 'корзинка', 'ватрушка' образование от **kǫželь* представляется невероятным. Следует, очевидно, исходить из генетической независимости этих имен от **kǫželь*.

Обращаясь к выяснению происхождения имен *кужа*, *кужня* и *куженька* как генетически независимых от **kǫželь*, можно опереться на допустимость развития их корневого *u* не из **ǫ*, а из **u*, а в семантическом плане — на весомость в значениях этих имен семантического элемента 'согнутое, сплетенное'. Это позволяет сблизить данные имена со словенским глаголом **kužéti* 'сидеть на корточках' [44], не получившим еще, кажется, этимологического истолкования. Суффиксальное *e* в нем, конечно, вторично и обязано аналогии с глаголами на *-eti*. Исходная для *kužéti* форма должна быть реконструирована как **kužati*. Рус. *кужа* является рефлексом имени **kuža*, соотносительного с **kužati*, если не производного от последнего. Возможно, к этому гнезду принадлежат генетически также укр. *кýжба* 'крюк в треножнике, на который подвешивается котелок; у колесников: жердь, с привязанною к ней деревянной клюкой для прижимания колесного обода во время гнутья' и *кýжбитися* 'гнуться, горбиться' [45]. Очень проблематична возможность присоединения сюда также в.-луж. *kužmot* 'путаница, смерч' [46], поскольку для этого имени допустимо толкование по связи с **žęti*, **žьmǫ*: **ku-žьm-otъ* (с префиксом *ku-*).

Индоевропейским источником рассматриваемого славянского гнезда представляется и.-е. **keu-* 'сгибать', точнее — производная основа с расширением *-g-*, **keug-*. Среди ее рефлексов к славянским формам особенно близки по структуре лит. *káugė* 'копна (сена)' и лтш. *kàudze* 'большой круглый стог сена или хлеба, ворох' : ср. русск. *кужа*. С точки зрения семантики существенно, что к этому гнезду принадлежат др.-исл. *hūka* 'сидеть на корточках', нем. *hocken* то же: ср. словен. *kužéti* то же. Другие образования с той же основой: прусск. *kugis* 'набалдашник на рукояти меча', др.-исл. *haugr* 'холм', швейц. *hock* 'стог', тирол. *hocken* 'стог сена', ср.-в.-нем. *schoche* 'сложенный стог сена и т. п.' [47]. Есть в индоевропейских языках и однокоренные основы с другими расширениями. Так, к и.-е. **keu-k-* восходят др.-ирл. *cūar* 'кривой', гот. *hiuhma* 'куча', 'толпа', и к той же основе возводят рус. *куча* и болг. *кука* 'крюк' [48]. Семантика этих образований

---

[44] *Pleteršnik* I, с. 491.
[45] *Гринченко* II, с. 320.
[46] *Трофимович*, с. 102.
[47] *Pokorny* I, S. 589; *Fraenkel*, S. 229.
[48] *Pokorny* I, S. 589.

('кривой', 'куча', 'крюк') подтверждает возможность происхождения от родственной основы *keu-g-, помимо рус. *кужа* и словен. *kužéti*, также приведенного выше укр. *кýжба* 'крюк'.

***mъrx-/*mьrx- и *myrěti**

В кашубских диалектах зафиксирована группа родственных образований, не имеющих точных соответствий в других славянских языках: *mårlëc* 'морщить, сминать, сдавливать' (Máła na se sëkńą *mårloną* v pasu. Co të to tak *mårliš*?), *mårlëc są* 'морщиться', 'тлеть, слабо гореть' (Co ten o̍gin są ʒis tak *mårli*), 'кружиться (о головокружении)' (Me są jaž v glove *mårli* taki mom klopot)[49], 'легко волноваться (о воде)' (Jezoro *så mårli*)'[50] и *zmårloχ* 'старый мужчина с морщинистым лицом'[51]. Семантика этой группы (за исключением лишь значения 'тлеть, слабо гореть' глагола *mårlëc są*, которое может быть следствием влияния структурно близкого *marvic są* 'плохо гореть'[52]) побуждает связать ее с гнездом слав. **mъrščiti*, **mъrsknǫti*, **mъrska*[53]. В таком случае кашубские глаголы и имя *zmårloχ* являются производными от именной основы *mårl-* (возможно, причастной или адъективной). Неясно, однако, какова была исконная структура корня в этой основе: обязательно ли предполагать здесь утрату того *sk*, которое исконно входит в **mъrsknǫti*, **mъrščiti*, **mъrska*, и реконструировать исходное **mъrskl-* или, опираясь на вероятную генетическую членимость слав. **mъrsk-* как собственно основы **mъr-sk-*, можно реконструировать источник кашубских лексем как **mъrl-*? Двусмыслен, конечно, и корневой вокализм кашубской группы, допускающий как исконное и **ъr*, и **ьr* (перед *l*).

Суффиксальную природу *sk-* в слав. **mъrščiti*, **mъrsknǫti* определил В. Махек[54]. Такой же суффиксальный элемент имеет и др.-инд. *mūrcchati* 'густеть, цепенеть', которое Махек предложил как генетически тождественное со славянскими глаголами. Но родственных и близких семантически к **mъrščiti* (**mъrsknǫti*, **mъrska*) славянских основ и н о й с т р у к т у р ы (что подтверждало бы членимость **mъr-sk-*) никто не приводит.

Представляется, что такие основы, родственные **mъrsk-*, но структурно отличные от нее, есть в славянских языках. Прежде

---

49 *Sychta* III, c, 51.

50 *Sychta* VII, с. 162. Приведенное в Варшавском словаре польск. диал. *marlić się* 'морщиться' (II, с. 883) может быть отражением той же кашубской формы.

51 *Sychta* VI, с. 239.

52 *Sychta* III, с. 53.

53 Сопоставление с польск. *marszczyć* предложено составителями Варшавского словаря (II, с. 883), но они же предположили генетическое тождество *marlić się* с *marlina* 'труп', 'плохая трава', которое восходит к **mer-* 'умирать'. Очевидно, эти сопоставления трудно согласовать, особенно на славянском уровне.

54 *Machek V.* Slavische Verba mit suffixalem *sk*. — Slavistična revija, 1957, X, с. 71.

всего, это некоторые полесские лексемы, семантически близкие к кашубским: *морхл'ак* 'пучок морщин, сморщенность' (Старыj, лицó в одных *морхл'áкáх*) [55] (ср. кашуб. *zmårloχ* 'мужчина с морщинистым лицом') и *мéрхоть* 'рябь на воде от быстрого течения' [56] (ср. кашуб. *mårlëc są* 'легко волноваться (о воде)'). Далее, таким же образом могут рассматриваться урал. *мóрхи*, *морхи́* 'оборки', *морх* 'жабры' [57], арханг. *морхи́* 'сборки', 'клочья' [58], *морх* 'отрезок или обрывок какой-либо материи, лоскут' [59]. Рус. *морх* 'бахрома, кисть, султан' Фасмер считает результатом метатезы в слове *мохр* [60]. Представляется, что семантическое сближение с *мохр* вторично в истории *морх*, тогда как значения 'сборки', 'оборки' позволяют генетически включить его в гнездо **mъrsk-* и родственных.

Все приведенные имена представляют основу на *-х-*, хотя и с различной огласовкой корня: **тъrх-* (*морхл'áк*, *морх*) и **тьrх-* (*мéрхоть*). Вариантность вокализма такого рода нередка в славянской лексике (ср. **рьrх- / *ръrх-*, **kъlg- / *čьlg-*). Таким образом, для праславянского можно реконструировать основу **тъrх-/ *тьrх-*, родственную **mъrsk-*, но с иным расширением — *х* (<**s*). Параллелизм основ этого типа также отмечен в славянских и индоевропейских языках: ср. рус. *пасти* и лат. *pasco* [61].

Значительно более проблематична возможность существования в славянских языках однокоренных с **mъrsk-* и **тъrх- / *тьrх-* образований без расширений, базирующихся непосредственно на корне **тъr-/*тьr-*. Махек предположил тождество корня в **mъrsk-* и словац. *meravý* 'застывший, оцепеневший' [62], но не связано ли последнее скорее с **merti*, **тьrǫ*? Родство же **mъrsk-* с **merti-* маловероятно.

Употребление производных от **mъrsk-* и **тъrх-/*тьrх-* для обозначения колебаний водной поверхности (ср. кашуб. *mårlëc są* 'легко волноваться (о воде)', полесск. *мéрхоть* 'рябь на воде от быстрого течения', а также рус. *морщить* (о водной поверхности) [63]) дает основание рассмотреть в связи с данным гнездом также рус. диал. *мырить* '(о водной поверхности) колеблясь, покрываться рябью' [64], *мырúт* вода 'вода клубится в пороге реки над камнем' [65]

---

[55] *Климчук Ф. Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, с. 47.
[56] *Чарапанава Я. А.* — В кн.: Беларуска-рускія ізалексы (Матэрыялы для абмеркування). Мінск, 1973, с. 124.
[57] Сл. Сред. Урала II, с. 142.
[58] Картотека СТЭ.
[59] Опыт, с. 116.
[60] Фасмер II, с. 659.
[61] *Scheftelowitz J.* Die verbalen und nominalen *sk'*- und *sk*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Albanischen. — KZ 1929, B. 56, S. 200—208.
[62] *Machek* ², с. 380.
[63] Ср.: Налетел ветерок, воду *морщит* — рябит. . . Никитин.
[64] Иркут. словарь II, с. 34.
[65] *Куликовский*, с. 58.

и *мыр* 'струя в воде от потонувшей коряги или другой причины' [66], 'струя в воде от падения в нее чего-либо или от удара по ней' [67]. Фасмер считает *мырить* темным словом, не признавая возможности сближения его с *нырять*, предложенного Соболевским [68]. Недавно Л. В. Куркина разработала новую гипотезу о происхождении *мырить*, основанную на введении его в гнездо и.-е. **meur-* с общим значением 'влажный', 'грязный' (сюда относятся, например, укр. *мури́на* 'болотце, остающееся после половодья', лит. *máuras* 'грязь', *mùrdyti* 'топить, вталкивая, втискивая', *mùrti* 'мокнуть' [69]). Представляется, что семантика *мырить*, отражающая по преимуществу движение водной поверхности (текучей!), не согласуется с данным этимологическим гнездом. Поэтому правомерно предположение, что в *мырить* сохранились следы нерасширенной, корневой основы в ступени продления редукции от того же корня **mer-*, к которому восходят расширенные основы **mъrx-*/**mьrx-* и **mъrsk-*. Если учесть изолированность глагола *мырить* в русской лексике и допустить, что это реликт праславянского глагола, то последний можно реконструировать как **myrěti*. Бо́льшая вероятность в данном случае исконной *ě*-основы определяется долгим корневым вокализмом (о преобразовании древних глагольных *-ě*-основ в *-i*-основы см. выше, в разделе о **sęčati*).

Возможно, что от той же корневой основы (но с другой ступенью вокализма) образовано и **mъrl-*, отраженное в кашубских лексемах *mårlëc*, *zmårloχ*. Это вторая, вполне реальная альтернатива истолкования данных лексем (наряду с гипотезой об утрате здесь конечного *-sk-* исходной основы **mъrsk-* [70]), что подтверждается существованием корневой основы в рус. *мырить*.

**plixati*

В словарную статью, посвященную этимологическому гнезду с корнем *pol-* 1, Миклошич включил, наряду со ст.-слав. исполъ 'emunctorium', словен. *plati* (**polti*) 'колебаться, волноваться', польск. *pałać* 'отвеивать зерно от половы', рус. *упол* 'накипь на вареве' и т. п., также словен. *plajhati* (morje *plajha* 'море волнуется'), *plahati se*, объяснив их как **polsati*, и словен. *plihati* (voda *pliha* 'вода волнуется') [71], не осветив характер отношений последнего глагола к гнезду *pol-*. Создается впечатление некото-

[66] *Данилевский Н. Я.* Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. — Сб. ОРЯС VII, 3, 1869, с. 10.
[67] *Подвысоцкий*, с. 94.
[68] *Фасмер* III, с. 24.
[69] *Куркина Л. В.* Этимологические заметки. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974, с. 222—223.
[70] Образование кашубских *mårlëc*, *zmårloχ* от основы **mъrx-* / **mьrx-* вряд ли возможно, так как группа *rxl* в кашубском сохраняется, ср. čorχłi 'сумасбродный' (от čorχac, см. *Sychta* I, с. 175, 176).
[71] *Miklosich*, S. 254.

рой «вторичности» данного глагола как собственно словенского образования. Между тем, словен. *plîhati*, *-am* ʻколебаться (о жидкости)ʼ (ženski voda v kablu na glavi *pliha*. Бела Краина) [72] имеет довольно близкое формальное и семантическое соответствие в украинском языке — диал. угор. *плихáти*, *-хáю* ʻвисеть, развеваться, порхатьʼ [73]. Сопоставимость значений этих глаголов очевидна (ср. семантическую модель рус. вода *плещется* и флаг *плещется*, *полощется* на ветру). Тождествен консонантный состав и морфологическая структура обоих глаголов. Значительная территориальная разобщенность их позволяет предполагать, что они являются рефлексами одной и той же древней, праславянской основы. Затруднительна лишь реконструкция первоначального вокализма этой основы, поскольку гласные корня и украинского, и словенского глаголов в генетическом отношении двузначны: укр. *и* и словен. *i* могут восходить и к **i*, и к **y*.

Наличие соответствий для словен *plîhati*, укр. *плихати* в других славянских языках проблематично. С этой точки зрения могут быть рассмотрены, во-первых, некоторые сербохорватские образования. Глагол *plihati*, *pliham* зафиксирован лишь в двух источниках, в значениях ʻплаватьʼ и ʻразливатьсяʼ (U ńem *pliha* mrtva voda), причем отмечены случаи написания *plijeha* [74]. Глагол *plihnuti* значит ʻисчезнутьʼ, что представляется авторам Словаря Южнославянской Академии странным в сравнении с *plih* ʻприливʼ [75]. Подобное соотношение значений, однако, возможно: ср. приведенное выше словен. *plihniti* ʻвыплеснутьсяʼ (→ ʻисчезнутьʼ?). Есть, наконец, и с.-хорв. *pliskati* ʻплескатьсяʼ, ʻбрызгатьʼ (главным образом о рыбах) [76]. Вероятно, с.-хорв. *plihnuti* и *pliskati* сопоставимы с рассматриваемыми словен. *plîhati*, укр. *плихати*. Для с.-хорв. *plihati* эта связь возможна в том случае, если написание *plijeha* является следствием гиперграмматизма. И семантически с.-хорв. *plihati* более отдалено от словенско-украинской группы.

Присоединение к словен. *plîhati*, укр. *плихати* сербохорватских лексем не решает вопроса о вокализме исходной формы, так как и с.-хорв. *i* генетически двузначно. Но консонантизм сербохорватских форм существен для понимания исходной формы: вариантность *h*/*sk* в с.-хорв. *plihati*, *plihnuti* и *pliskati* обнаруживает аффиксальную природу этих согласных в структуре глагольных основ (ср. выше, в разделе о **тъrх-*/**тьrх-*, аналогичную вариантность в производной основе).

Семантическая близость и консонантный состав побуждают связать со словен. *plîhati*, укр. *плихати* еще один глагол —

---

72 *Pleteršnik* II, с. 60. Ср. там же *plíhniti* ʻбрызнуть, выплеснуться (вследствие колебания)ʼ.
73 *Гринченко* III, с. 196.
74 RJA X, с. 59.
75 Там же.
76 Там же, с. 64.

польск. диал. *plichtać* / *plechtać* 'расплескивать воду во время мытья' [77]. Огласовка этой основы с вариантностью *i/e* может быть свидетельством большей вероятности для исходной формы вокализма **i* (а не **y*), то есть **plixati*. Вариант *plechtać* тогда восходит к **plьxъtati*. Не исключено, однако, и влияние со стороны синонимичного *pleszczeć*.

Значения рассматриваемых глаголов группы **plichati*, **pliskati* ('брызгать', 'плескать(ся)', 'волноваться', 'колебаться') заставляют считаться с возможностью звукоподражательного происхождения исходного корня. Но параллелизм *-x-* и *-sk-* свидетельствует о включении глаголов в регулярные словообразовательные отношения и допустимости выделения комплекса *pl-* как варианта исходного корня. В таком случае это может быть то же **pol-*, что в ст.-слав. испол҄ъ, словен. *plati* и т. д.[78], к которому Миклошич и отнес словен. *plihati*. Учитывая, однако, приведенные выше соответствия из других славянских языков, можно реконструировать праслав. **plixati* (и **pliskati*) как производную от **pol-* глагольную основу. Не исключено, что и слав. **pleskati*, толкуемое обычно как образование звукоподражательного происхождения, является вторичной производной основой от того же **pol-*.

---

[77] *Mikołajczak B*. Рец.: *J. Mączyński*. Nazwiska łodzian (XV—XIX). Łódź, 1970. — SO 1975, t. 32, c. 153.

[78] Ср., например, словац. диал. *opālat'i* 'качаться при ходьбе' (*Matejčík J*. Slovník východonovohradského nárečia. Banská Bystrica, 1972, ротапринт, с. 355).

Л. В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

**-krějǫ, *krъjati*

Исходная основа этого славянского глагола не поддается установлению из-за отсутствия сколько-нибудь надежных индоевропейских соответствий[1]. Неопределенность этимологических связей при слабой засвидетельствованности форм затрудняет продвижение вглубь. Этимологические словари, как правило, ограничиваются сведением воедино, констатацией более или менее очевидных случаев родства. Обычно в число славянских продолжений основы **-krějǫ*, *-*krъjati* с итеративом **-krěvati* включают укр. *кріяти* 'набираться сил и здоровья', полесск. *окрыяти* 'оправиться, поправиться', рус. диал. *вскривúться* 'выздороветь, поправиться после тяжелой болезни' (< **-krěviti sę*) с точным соответствием чеш. *vzkřiviti se*, далее ст.-чеш. *okřieti*, чеш. *okřati* 'оправиться душевно и физически', словац. *okriat'* то же, в.-луж. *wokřeć*, *křewić*, *wo-křewjić* 'освежить, подкрепить', словен. *okrẹ́vati*, *okrẹ́mati* 'поправляться, набираться сил', с.-хорв. *krȇvati* то же, *okàrjati* = *okarljati* = *okȑljati* то же (< **-krъjati*)[2]. При объяснении этой группы глаголов исследователи исходят из идеи первичности значения 'крепнуть, поправляться', что и определяет поиски понятийно близких славянских основ. Скок допускает родство слав. **-krъjati* и **krěpъkъ*. Махек, ориентируясь исключительно на семантику, сближает славянский глагол с вед. *abhi- śriy-* 'хороший физический вид' (< *śrīṇati* 'укреплять'), предполагая на славянской почве образование гл. **o-krij-ati* от незасвидетельствованной основы **o-krij-*. Неубедительность этих истолкований, как, впрочем, и других, основанных на сравнении с лат. *creo*, *creāre* 'создавать', *recreārī* 'поправляться, отдыхать', в значительной степени определяется неполнотой данных, неверной установкой на семантическую устойчивость, неизменяемость значения в славянских языках. При изучении слав. **-krъjati* должного внимания не получают некоторые семантически самостоятельные болгарские глаголы: *крéя* 'чахнуть, сохнуть, хиреть' [3], диал. *крéѫ* 'гореть без пламени', 'чахнуть', *крѐйъ* 'слабеть, хиреть', *крея=линѐя* 'слабо

---

[1] *Vaillant A*. Grammaire comparée des langues slaves. III. Le verbe. Paris, 1966, p. 293.

[2] *Miklosich*, S. 139—140; *Berneker* I, S. 613; *Machek*[2], с. 412—413; *Skok* II, с. 192; *Фасмер* I, с. 363.

[3] *Бернштейн С. Б*. Болгарско-русский словарь. М., 1966, с. 279.

расти'[4]. С ними соотносительно серб.-цслав. кр̑ѣкати (1189) morari[5]. Семантическая обособленность перечисленных выше болгарских глаголов наводит на мысль о возможности семантических изменений, пережитых слав. *-*krъjati*. Во всех известных истолкованиях за исходное принимается значение производного приставочного глагола, полнее всего засвидетельствованного славянскими языками. Семантическое содержание простого глагола составляют, судя по болгарским формам и серб.-цслав. кр̑ѣкати, значения 'слабеть, чахнуть', 'мешкать, медлить'. Лишь рус. деул. *креять*[6], укр. *кріяти*, в.-луж. *křewić* тождественны по значению приставочным глаголам, что можно объяснить семантическим выравниванием основ по наиболее активному приставочному типу. Более широкое рассмотрение материала с учетом семантических расхождений позволяет пересмотреть укоренившиеся представления об исходной семантической базе слав. -**krъjati* и предположить, что значение 'выздоравливать, поправляться' произведено от значения 'слабеть, медлить', которое само по себе, можно думать, не является первичным. Новая семантическая мотивация открывает возможности иного, углубленного подхода к отбору славянских соответствий и расширению их состава. На наш взгляд, интересный пример сохранения старого значения дает словац. *zaškriet'* 'перестать расти, развиваться'[7] с двойной приставкой *za-* и *s-*. Несомненную близость к слав. **krъjati* обнаруживают русские диалектные образования с экспрессивной спирантизацией начального *k* > *x*: ср. *охреять* (< -**krějati* с обобщением в инфинитиве основы наст. вр.) новг., яросл., тамб. 'выздороветь, оправиться, оклематься' с производными *охре́ян*, *охріян* перм. 'лентяй', 'грубиян, старовер', *охре́янить* перм. 'о лошади: отставать в паре, лениться', *охрюта* псков. 'неповоротливый человек', твер. 'простак, дураковатый', *охрюша* 'лодырь'[8]. В этимологической литературе русские диалектизмы предстают как изолированные образования с неясной корневой морфемой и неопределенными внешними связями. Рус. *охреян* пытаются осмыслить на основе сближения с нов.-греч. ἀχρειᾶνος: ἀχρεῖος 'простой, неизменный' или выведения из имени собственного *Охрем*, *Ефрем*, что в словаре Фасмера совершенно справедливо признается сомнительным и мало убедительным[9]. Этимологическое тождество с слав. *-*krъjati* вполне надежно объясняет русские диалектизмы и более того указывает на архаичный характер их семантики.

---

[4] *Гжпюв П.* От Търново и Търновско. — СбНУ XVI/XVII, ч. II, 1900, с. 397; *Ковачев Ник.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, с. 24; Материалы Института болгарского языка БАН, София.
[5] *Miklosich* LP, S. 499.
[6] Деулинский словарь, с. 251.
[7] SSJ V, 534.
[8] *Даль*² II, с. 774; Опыт, с. 149; Доп. к Опыту, с. 170.
[9] *Фасмер* III, с. 176.

Дальнейшие поиски исходного этимона определяет возможность апофонической связи слав. **-krějǫ*, **-krъjati* с этимологически трудной основой **korv-*, продолжением которой являются с.-хорв. *откра̄вити*, *ȍткра̄вӣм* 'растопить, оттаять'[10], словен. *kráviti* 'лениться, валяться в постели'[11], болг. *накравя́ се* 'толстеть, жиреть', *скравѐвам са* 'откармливаться', *кравен* 'справный'[12], рус. диал. *откороветь* 'оттаять' (волог.), 'отстать от краев'[13]. В словаре Бернекера слав. **korviti* идет с пометой «dunkel»[14]. Миклошич, отмечая формальные и семантические трудности, сближает его с **krěvati*[15], что представляется весьма перспективным. По своей структуре слав. **korviti*, *-ěti* является отыменным образованием, и для раскрытия его внутренней формы очень существенно то значение, которое имеет рус. *откороветь* — 'отстать от краев'. О. Н. Трубачеву принадлежит мысль, что слав. **korviti* в изначальном виде связано с выражением состояния линьки, шелушения, освобождения от коры, коросты и что слав. **korviti* и **-krъjati* связаны чередованием с основой **kora*. В свете приведенных данных можно с большой степенью вероятности говорить о существовании в праславянском чередующихся основ **-krějǫ*, *-*krъjati* и **korviti* с семантическим развитием 'шелушиться, линять, освобождаться от коросты' → 'слабеть, чахнуть, болеть'. Значение 'выздоравливать, поправляться' складывается в сложении с приставкой, и такой приставкой является не **ob-*, как это общепринято в литературе, а *ot-* (ср. рус. *откороветь*), именно приставка *ot-* определила эволюцию слав. **-krějǫ*, **krъjati* через промежуточную ступень 'отшелушиться, освободиться' к значению 'выздороветь'.

**perkъ/*pьrkъ*

Данные преимущественно ю.-слав. языков позволяют предположить, что праслав. основа **perkъ* (ср. ст.-слав. къпрѣкы, др.-рус. *перек* 'ширина, поперечина', рус. диал. *пе́речень*, *пере́чка* 'перекладина', укр. *пере́ка* 'противоречие, противодействие', с.-хорв. *пр̏јек* 'крутой' и т. д.)[16] имела вариант **pьrkъ* со ступенью редукции гласного в корне. В пользу такого предположения говорят следующие факты:

болг. ихтиман. *перчи̇ни се* 'скручиваться, сгибаться (о гвозде в копыте)', *пръчордк* прил. 'с кривыми рогами', *напр̀ъчи се* 'подняться, ощетиниться', самоков. *напр̀ъчен* 'важный', *напр̀ъчувам*

---

[10] *Толстой И.*², с. 566; RJA, V, 21, с. 488.
[11] *Pleteršnik* I, S. 459.
[12] *Стойчев Т*. Родопски речник. — БД II, с. 192, 267.
[13] Опыт, с. 147; *Фасмер* III, с. 171.
[14] *Berneker* I, S. 578.
[15] *Miklosich*, S. 132, 139—140.
[16] *Фасмер* III, с. 238.

'выпячивать, выставлять вперед (грудь)'[17]; макед. *прчи* 'надувать губы', 'поднимать (хвост)', 'важничать', *опрчам* 'засучивать (рукава)'[18];

с.-хорв. *prčast*, *prčav* 'вздернутый, курносый (нос)', *pȑčiti* 'важничать, ходить выпятив грудь', *nàprčiti se*, *nàpr̂čīm se* 'рассердиться' (Вук), *pŕčak*, *pŕčka* 'гневный, рассерженный человек' (Дубровник), *spȑčiti* 'сузить, уменьшить, сжать, смять (одежду)', *pȑkos* 'упрямство'[19];

в.-луж. *pórč* 'буф (у рукава)'[20].

Скок, верно намечая в словаре этимологическое родство с.-хорв. *pȑkos* и слав. **perkъ*, по непонятным причинам разделяет и рассматривает отдельно, не соотнося друг с другом, с.-хорв. *pȑkos*, *prčak*, *naprčiti*. Между тем приведенный материал очень наглядно свидетельствует не только формальное, но и семантическое тождество. Основы **perkъ* и **pьrkъ* являются славянским новообразованием. Возможно, что вариант **pьrkъ* в какой-то части своих значений (ср. 'сердиться, важничать') обязан сближению с омонимичной основой **pьrčь* 'козел': ср. с.-хорв. *prčiti se* 'биться рогами', 'coitum appetere', 'разъяриться как козел' (метаф.). Но при этом совершенно определенно можно говорить о наличии семантического ряда, обусловленного стержневым значением 'вставать поперек, дыбом, противодействовать' → 'поджимать (губы)', 'засучивать (рукава)', 'выражать недовольство'.

На основе слав. **pьrkъ* могут быть истолкованы и некоторые изолированные славянские лексемы: словен. *pŕča* 'зоб'[21] (т. е. поперечный выступ на горле) и с.-хорв. *prčalac* 'внутренности, потроха', *pŕčevac* 'требуха у птицы (почки, желудок, печень)'[22], в семантическом плане, видимо, вторичное по отношению к значению 'сжимать'.

*(s)karati

Основанием для реконструкции гл. *(*s*)*karati*, соотносительного с праслав. **čersti*, **čьrtǫ* (ср. др.-рус. *чьрсти* 'чертить', 'вспахивать')[23] и **ščeriti* (ср. рус. *щерить* 'сильно рассердиться')[24], могут быть укр. карп. *карати* 'бить, колоть (рогами)'[25] и н.-луж. *škaraś* 'ковырять', 'мешать, размешивать (угли)', 'подстрекать, возмущать',

---

[17] *Младенов М.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 133, 150, 114; *Шапкарев И.* и *Близнев Л.* Речник на самоковския градски говор. — БД III, с. 248.
[18] *Конески* II, с. 584; *Рабаџиска Л.* Зборови от Беровско. — MJ IV, 10, 1953, с. 238.
[19] RJA XI, с. 427; *Skok* III, с. 46, 313.
[20] *Трофимович*, с. 192.
[21] *Pleteršnik* II, S. 216.
[22] RJA XI, 48, с. 427—429 (с пометой «темное»).
[23] ЭССЯ, вып. 4, с. 75.
[24] *Фасмер* IV, с. 504—505.
[25] Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 313.

в.-луж. *škarać* с теми же значениями[26]. Мука, пытаясь осмыслить лужицкие образования, высказывает предположение, что *škaraś* этимологически тождественно семантически близкому *šparaś* (<**sъ-parati*, ср. **porti*), но такому объяснению препятствует нерегулярность фонетического изменения *k*>*p*, а также наличие целого ряда отглагольных производных, подтверждающих независимое и самостоятельное существование глаголов *šparaś* и *škaraś*. Отглагольными по происхождению являются н.-луж. и в.-луж. *škaradło* 'скребок (печной)', 'чесалка', н.-луж. *škarak* 'зубочистка, ковырялка', 'человек колючий, язвительный', в.-луж. *škarak* 'подстрекатель, поджигатель, склочник', а также образования с суф. *-ьba*: н.-луж. *škaroblina* 'щель, трещина' и в.-луж. *škarba* то же. Махек без всяких оснований сближает в.-луж. *škarba* и *škałba* и вместе с чеш. *šklába* 'щель' трактует как продолжения и.-е. **skel-*[27].

В словообразовательном плане несомненна соотнесенность лужицких образований с суф. *-ьba* с гл. **(s)karati*, аналогичное отношение образуют слав. **ščeriti* и **ščьrba* (ср. укр. *щербина* 'трещина, изъян')[28]. В этом же ряду может найти объяснение и чеш. морав. *skarb* 'шея', 'ошеек (у туши)'[29], ср. семантически рус. *зарез* 'шея'[30].

Слав. **slopьcь*

Продолжением этой основы являются рус. диал. *слопе́ц* 'западня, капкан', укр. *слопе́ць* 'род ловушки для птиц', польск. *słop*, *słopiec* 'капкан', др.-польск. *słęp*. Обычно в число соответствий включают чеш., словац. *slopec*, слово, реально не зафиксированное диалектными и литературными словарями и, видимо, по ошибке попавшее в этимологическую литературу. Трудно признать убедительными и обоснованными попытки объяснить слав. **slopьcь* из **stъlpъ* или из звукоподражательной основы, параллельной рус. *хлопать*, польск. *kłopot* или англ. *slap* 'шлепок', нем. *schlapp* 'хлоп'[31]. Сколько-нибудь надежная этимология для слав. **slopьcь* отсутствует. Прояснению внутренней формы слав. **slopьcь*, на наш взгляд, в какой-то степени помогает обращение к реалии, обозначением которой является данная основа. В словаре Подвысоцкого следующим образом определяется рус. *слопец*: 'западня на зверей, состоящая из наставленного над насторожкой т о л с т о г о б р е в н а'[32]. Важную конструктивную деталь этого устройства составляет бревно, доска, кол, и можно предполо-

---

[26] *Muka* II, с. 633—635; *Pfuhl*, S. 715; *Трофимович*, с. 315.
[27] *Machek*², с. 611—612.
[28] *Фасмер* IV, с. 503.
[29] *Konίř A.* Přispěvek k dialektickému slovníku moravskému. — Μνῆμα. Sborník vydaný na pamět' čtyřicítiletého učitelského působení prof. J. Zubatého na Universitě Karlově 1885—1925. Praha, 1926, с. 295.
[30] *Даль*² I, с. 364.
[31] *Фасмер* III, с. 675: там же литература; *Brückner*, с. 500.
[32] *Подвысоцкий*, с. 159.

жить, что именно эта деталь положена в основу обозначения капкана, ловушки. Дальнейшие поиски родственных образований приводят нас к русским словам *ослоп*, *ослопина*, *ослопье*, которые в диалектных и исторических словарях имеют одно значение — 'палка, дубина, жердь' [33]. Рус. *ослоп* этимологически выводят из *остолоп*, *столб* (Мацэнауэр) или соотносят с рус. *хлопать*, но то и другое объяснение не свободно от фонетических трудностей [34]. Нам представляется, что верный подход к истолкованию рус. *ослоп* намечен в предложенном еще Миклошичем сопоставлении *ослоп* с словен. *poslopje* 'строение' [35]. В пользу такого подхода тождество корневых морфем (*о-слоп-* и *-slop-*) и типология семантического развития в направлении 'постройка, дом' ← 'бревно, брус': ср. рус. *стром* 'стропило, перила' [36] и болг. диал. *стрем* 'часть жилого помещения' [37]; словен. *stegno* 'бедро' (т. е. бедренная кость) и *stegnjen dom* 'жилые и хозяйственные постройки, объединенные одной крышей' [38].

В связи с слав. **slopьcь* заслуживают внимания некоторые славянские лексемы, к числу которых принадлежит словен. *slop*, *slopi* 'водяной столб', обычно неопределенно сближаемое с слав. **solpъ* 'водопад' [39], а также словац. диал. *vyslopit'* (*krk*) 'сломать (шею)', *vislopit'i si* 'вывихнуть (ногу)' [40] и рус. диал. *слопи́ть* 'втолковывать, наставлять, поучать' [41]. Гл. **-slopiti* может быть истолкован как каузатив к утраченной основе, которую гипотетически можно представить в виде **slepti* с общим значением 'ломать, пробивать'. Взаимосвязь значений 'ломать' → 'лом', 'бревно' не нуждается в специальном обосновании.

Реконструируемая таким образом основа **slep-*/**slop-* соотносительна с и.-е. **selp-* 'прыгать, скакать' и представляет исключительно славянское отражение его второй базы **sl-ep-*.

---

33 *Даль* ² II, с. 699; *Мельниченко*, с. 187; Опыт, с. 144; Иркутский областной словарь II, с. 98; *Срезневский* II, стб. 725.
34 Фасмер III, с. 161.
35 *Miklosich*, S. 432.
36 *Фасмер* III, с. 781.
37 *Захариев Й*. Кюстендилско крайще. — СбНУ XXXII, с. 223.
38 Narodopisje slovencev. Ljubljana, 1944, с. 62.
39 *Bezlaj F*. Рец.: *Badjura R*. Ljudska geografija. — SR V—VII, 1954, с. 388; *Он же*. Slovenska vodna imena II. Ljubljana, 1961, с. 195—196.
40 *Kálal M*. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banska Bystrica, 1924, с. 807; *Matejčík J*. Slovník východonovohradského nárečía. Banska Bystrica, 1972, с. 520.
41 *Мельниченко*, с. 187; *Фасмер* III, с. 675.

Л. В. Куркина

ЗАМЕТКИ ПО БОЛГАРСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

вдрбъ

Материалы по болгарской диалектологии отмечают к сев.-зап. от Плевена лексему *ворбъ* в значении 'хитрость'[1]. Это редкое диалектное слово отражает старое образование, родственное рус. *верббшить* 'беспокоить' (псков.)[2], чеш. диал. *vrbit se* 'изгибаться, вертеться'[3] и далее лит. *virbėti* 'трепетать, двигаться, кишеть', лтш. *virbêt* 'мерцать'[4]. Все эти слова входят в этимологическое гнездо с корнем **u̯er-b-* (ср. рус. *верба*)[5] и представляют особое его семантическое развитие в направлении 'изгибаться, трепетать, мелькать' → 'беспокойный, подвижный; ловкий, проворный' → 'хитрый'. Соотносительность значений 'быстрый, проворный' и 'хитрый' подтверждает с.-хорв. *хи̏тар* 'быстрый, опытный, хитрый', словац. *chytrý* 'проворный, быстрый, хитрый'[6]. Любопытно отметить макед. диал. *врби́ла* 'дужки очков'[7], которое имеет ту же структуру **vьr-b-* и семантически ближе всего стоит к лит. *vir̃bas* 'хворостина, прут', лтш. *virba* 'полоса железа, деревянный шест; копье', лат. *verbera* 'розги' и далее к рус. диал. *вороба*, *воробки* с полной огласовкой корня в значении 'мотовило', 'бревно для управления большим плотом' (костр.), 'рукоятка драночного ножа' (астрах.)[8].

кдпрạ се

Это интересное слово сохраняют многие болгарские диалекты: банат. *кдпрạ се* 'готовиться, собираться', 'торопиться', севлиев., казанл. *кдпр'ъ съ* 'готовиться к ч.-л.', 'ожидать', родоп. *кдпрêм* 'готовить, приводить в порядок', *накдпр'увам* 'подготавливать'[9].

---

1 *Евстатиева Д*. Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, с. 162.
2 Доп. к Опыту, с. 19.
3 *Machek*², с. 699.
4 *Fraenkel*, с. 1259.
5 *Фасмер* I, с. 293; *Pokorny*, S. 1153.
6 *Фасмер* IV, с. 240.
7 *Пеев К*. За македонската дијалектна лексика. — МЈ XXI, 1970, с. 133.
8 *Фасмер* I, с. 351—352; Картотека СТЭ. Специально об этих словах см. в настоящем сб.: *Журавлев А. К*. К этимологии слав. *vorb- 'птица Passer, воробей'.
9 *Стойков С*. Лексиката на банатския говор. София, 1968, с. 112; *Ковачев Ник*. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско; *Китипов П*. Речник на говора на с. Енина, Казанлъшко. — БД V, с. 24, 28, 123; *Стойчев Т*. Родопски речник. — БД II, с. 190, 215.

Болгарский диалектизм, пропущенный этимологическими словарями, с чисто фонетической точки зрения допускает двоякое истолкование. Можно предположить, что болг. *кòпра се* апофонически связано с слав. **čepyriti sę* с первоначальным значением 'торчать, топорщиться' (ср., словен. *čepíriti se* 'взъерошить перья', 'разряжаться, дуться', чеш. *čepýřiti* 'ерошить' и т. д.[10]). Но это сопоставление не удовлетворяет семантическому критерию, так как болгарский глагол характеризует иное значение — 'готовиться, собираться'; это значение, вполне самостоятельное и независимое от того значения, которое предполагается для слав. **čepyriti sę*, указывает на другой ряд инославянских соответствий, вполне надежно удовлетворяющих обоим критериям — фонетическому и семантическому. Болг. *кòпра се*, на наш взгляд, родственно с.-хорв. *kopòrati*, *kopìrati* 'двигаться, шевелиться, копошиться', *kopàrati* 'ковыряться, рыться, копаться', польск. диал. *kopersać* 'копаться, толкать', *koperzać* 'сгребать листья', рус. диал. *копырсать* 'возиться, копошиться'[11]. Праславянский диалектизм **kopr-* / **kopor-* / **kopyr-* представляет экспрессивное расширение основы **kopati* элементом *-r-* и обнаруживает близкие образования в балтийских языках: ср. лит. *kãpurnotis* 'трепетать, метаться, вырываться', лтш. *kaparuôtiês*, *kapuruôtiês* то же. Общее значение болгарского глагола 'готовиться, собираться' можно понять как дальнейшее развитие исходной семантики основы **kopr-* 'копошиться, возиться'.

раскр̥ства се

В отдельных болгарских диалектах отмечено интересное образование с чертами архаичной структуры: софийск. *раскр̥ства се* безл. '(о дожде) долго собирался и пошел', родоп. *раскỳрст'ува са* 'проясняться, разрешаться' (ср. Рàботаса *са раскỳрсти*), 'освобождаться от беременности' и *раскàстр'ува са* 'проясняться' (ср. Времето *са раскàстри*, нема да лети)[12]. Корневая морфема апофонически связана с общеслав. **korsta*, (ср. болг. *краста* 'парша, короста')[13] и содержит гласный в ступени редукции. Болг. *-*kъrst-*, по нашим наблюдениям, единственный случай отражения основы **korsta* с корневым гласным в ступени редукции. В простой форме основа **-kъrsta* не представлена в болгарских диалектах. Общее значение 'освобождаться от верхнего слоя, коросты' → 'освобождаться' развилось при сложении с приставкой *раз-*.

---

[10] ЭССЯ, вып. 4, с. 57—58.

[11] *Sławski* II, с. 457; *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен II. — В кн.: Этимология. 1972. М., 1974, с. 59.

[12] *Гълъбов Л.* Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, с. 102; *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 257; БД V, с. 204.

[13] *Sławski* III, с. 140—142; *Фасмер* II, с. 335; *Skok* II, с. 181.

то́влѐм

Родоп. *то́влѐм* 'откормить'[14] заслуживает специального выделения, потому что представляет редкий, если не единственный, случай отражения в болгарских диалектах корневой морфемы **tov-*, связанной чередованием с общеслав. **tyti* 'тучнеть', **tukъ*, **otava*[15]. В ю.-слав. языках основа **tov-* засвидетельствована лишь на территории сербохорватского языка: ср. с.-хорв. *tovan* 'carnosus', *toviti* (*se*) 'откормить', хорв. *stovati se* 'pinguescere'[16]. Болг. диал. *ната̀ва съ* 'насытиться'[17] (ср. словен. *otáviti* 'услаждать, подкреплять', чеш. *otaviti se* 'отдохнуть, набраться сил')[18] является фактитивом от гл. **tyti*.

тръ̀та

В болгарских диалектах находим *тръ̀та* 'бросить, метнуть' (банат.), *тро̀тнувам* 'катить', *~ са* 'падать', *затро̀т'ува* 'пропасть (об интересе к еде)', *утро̀т'ва* 'насытиться' (родоп.), *тръ̀тнуам* 'валить, опрокидывать' (пловдив.), *тру̀чам*, *трутим* 'ударить, бросить' (Трънско)[19].

Болгарский диалектизм, не учтенный этимологическими словарями, продолжает древнюю праславянскую основу **trǫtiti*: ср. с.-хорв. *trȕćati*, *trȕćiti* 'бросать, кидать', чеш. *troutiti* 'толкнуть', польск. *trącić*, *trącać* 'задеть, толкать', рус. *трутить* 'давить, толкать'[20]. Общее семантическое развитие 'бросить, толкать' → 'наполниться, насытиться' → 'получить отвращение' обнаруживают некоторые болгарские примеры, приведенные выше, и польск. *wstręt* 'отвращение'.

штинѐц

Диал. *штинѐц* 'гнойное воспаление', не отделимое от *штети̏на*, *штѐтинка*, *щетина* 'яма, в которой горят древесные угли, горная поляна, где был костер'[21], в фонетически измененном виде продолжает слав. основу **tъšč-*, представляемую рус. *тощий* 'внутри

---

[14] *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 280.
[15] *Фасмер* IV, с. 116; III, с. 168—169.
[16] *Skok* III, с. 474.
[17] *Евстатиева Д.* Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, с. 198.
[18] *Фасмер* III, с. 168; *Machek*², с. 422.
[19] *Стойков С.* Лексиката на Банатския говор. — София, 1968, с. 236; *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 282, 166; 288; *Попгеоргиев Ср.* Из лексиката на с. Чешнегирово, Пловдивско. — БД I, с. 215; Материалы Института болгарского языка БАН, София.
[20] *Фасмер* IV, с. 111.
[21] *Мечев К.* Особени думи и изрази в еленския говор; *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 306; 319; *Илчев Ст.* Към ботевградската лексика. — БД I, с. 205; *Кънчев И.* Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — БД IV, с. 152; *Захариев Й.* Кюстендилско Краище. — СбНУ XXXII, с. 273.

пустой, полый', ст.-слав. тъштъ κενός и т. д.[22] Взаимосвязь значений 'отверстие' → 'нарыв' подтверждают рус. *нарыв* (< *рвать*), укр. *скýла* 'нарыв, болячка' и чеш. *skulina* 'щель, трещина, отверстие'[23]. Болгарским диалектам известны и глагольные образования с основой **tъšč-*: *штèта* 'портить, разрушать', *оштèтва се* 'испортиться', *ишчèтувам*, *исчèтувам* 'испортить, сделать негодным'[24]. Точным семантическим соответствием им является с.-хорв. *štȅtiti* 'вредить, портить, наносить ущерб'[25].

шл'акам

Этот глагол имеет широкое распространение в болгарских диалектах: пирдоп. *шл'àкам* 'следить, подстерегать', севлиев. *шл'àкъм* 'слоняться', софийск. *зашлèквам*, *ошлèквам* 'искать или ждать удобного момента', ботевград. *ошлекна* 'истощиться, умориться', к ним же примыкает родоп. *ýслек* 'маленький слабый новорожденный', гюмюрдж. *ослекнъ* 'умереть'[26], макед. *шлаке* 'несерьезный человек'[27]. Близкое образование представляет словен. *slę̑čati*, *-im* 'сидеть на корточках', 'слоняться, шалопайничать', 'ждать без дела, маяться', 'сидеть подперев голову', соотносительное с гл. *lę̑cati* 'гнуть'[28]. Ю.-слав. лексемы довольно определенно указывают на исходную основу **lęk-* 'гнуть' с семантическим развитием 'гнуть, сгибать' → 'сидеть скорчившись' и 'истощаться' → 'ждать'. Более того, ю.-слав. образования, имеющие ясную структуру и очевидные соотносительные связи, позволяют понять и определенно истолковать некоторые зап.-слав. лексемы: польск. *ślęczeć* 'корпеть, усердно работать', чеш. ганац. *slečet* 'обременять просьбами, напрасно ждать, жаждать ч.-л.', морав.-словац. *sl'ačat*, *-im*, *slačit'* 'страстно желать, гнаться за чем-либо', чеш. диал. *naslákat* 'нетерпеливо ждать'[29]. В первом издании словаря Махека для чешских слов предполагается контаминация с гл. *slíditi* 'следить' (ср. ляш. *slidný* 'лакомый'), во втором — сопоставление с рус. *клянчить*. В одной из ранних работ Махек соотносит чеш. диал. *sl'ákat'* с лит. *sliñkti* 'ползти' и таким образом предполагает се-

---

22 *Фасмер* IV, с. 90—91.
23 *Фасмер* III, с. 661—662.
24 *Шапкарев И.* и *Близнев Л.* Речник на самоковския градски говор. — БД III, с. 226.
25 *Skok* III, с. 413—414.
26 *Кънчев И.* Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — БД IV, с. 152; *Ковачев Н.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, с. 50; *Гълъбов Л.* Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, с. 81, 97; *Илчев Ст.* Към ботевградската лексика. — БД I, с. 197; *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 287; *Бояджиев Т.* Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — БД VI, с. 66.
27 *Темков Сл.* Зборови од Тиквешко. — MJ III, 1—2, 1952, с. 48.
28 *Pleteršnik* II, S. 508; I, S. 504—505; *Pintar L.* Slovarski in besedoslovni paberki. — LMS I, 1895, с. 41; II, 1898, с. 176.
29 *Machek*[1], с. 452; *Machek*[2], с. 552; SSJ IV, с. 110; *Malina J.* Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946, с. 65, 110.

мантическое развитие 'ползти' → 'просить, требовать; настойчиво к чему-то стремиться' [30]. По нашим наблюдениям, при изучении этих слов не принимаются во внимание ю.-слав. соответствия. Сам факт сближения западных и южнославянских слов снимает противоречивые объяснения, которые получали чешские слова, и позволяет понять их как продолжение праслав. основы *lęk-.

шю́дравый

Болг. (Геров) *шю́дравый* 'грязный, лохматый', 'несколько искривленный, испорченный (плод)', обнаруживает близкие образования в диалектах: родоп. *шудра* 'кусок, лоскут', севлиев. *шу̀дрър̌ф* 'изорванный, изношенный', ихтиман. *шу̀драф*, *-ва* 'больной, нездоровый, хрупкий', троян. *ушу̀др'ъ съ* 'отчаяться, опустить руки' [31]. Младенов не имеет определенного мнения о происхождении этого слова, он лишь предполагает заимствование или родство с слав. **хudъ* [32]. Болгарское слово предстает как изолированное, лишенное инославянских соответствий. Между тем в связи с болг. *шудр-* заслуживают самого серьезного внимания некоторые зап.-слав. образования: польск. *szudrać się* 'чесаться; карабкаться', *szudrawiec* = *szubrawiec* 'негодяй, прохвост' (с XVI в.) [33], чеш. *šubrati se* 'карабкаться, ползти', а также *šudlati* 'копаться, копошиться, рыться', *šudlit*, *-ím* 'тереть' [34], словац. *šudric* (*śe*) 'гнездиться', *šudrovat'i* 'драть, грабить' [35], н-луж. *šudry* pl. 'лохмотья, рвань' [36]. Приведенные слова не рассматривались в этимологической литературе. Обращает на себя внимание тот факт, что болг. *шудр-* и зап.-слав. слова образуют довольно точное соответствие, обнаруживающее продолжение на балтийской территории: лит. *skaudrùs* 'резкий, быстро двигающийся, грубый', *skùduras* 'лохмотья', лтш. *skaudrs* 'резкий, неприятный'. Френкель выделяет в этих образованиях *s*-mobile по отношению к лит. *kiùstų*, *kiundù*, *kiudaũ* 'разрывать' и рассматривает их как продолжение и.-е. (*s*)*keu-* 'резать, скрести, царапать' с расширителем *-d*. Та же основа с элементом

---

[30] *Machek V.* Beiträge zum baltisch-slavischen Wörterbuch. — ZfslPh XVIII, 1942, S. 29.

[31] БТР; *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 307; *Ковачев Ник.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, с. 50; *Ковачев Ст.* Троянският говор. — БД IV, с. 230; *Младенов М.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 196.

[32] *Младенов*, с. 696.

[33] Варшавский словарь VI, с. 683—684.

[34] PSJČ V, с. 1194; *Malina J.* Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946, с. 125.

[35] *Buffa F.* Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, с. 223; *Matejčík J.* Lexika Novohradu, 1975, s. 187.

[36] *Muka* II, с. 677.

-t предполагается для лит. *skiáutė* 'лохмотья, отрезанные куски', *skiauterẽ*, *-erìs* 'петушиный гребень', *skùtas* 'тряпки', лтш. *skuotitiês* 'шелушиться' и т. д.[37] Дальнейшие связи определяет родство с греч. ξύω 'скоблить скрести, царапать', др.-инд. *kṣṇauti* 'точить, шлифовать'.

Исходная основа **skoudr-* является наследием балто-славянской эпохи и представляет именное образование с суффиксальным *-r* от и.-е. *(*s*) *keu-* + *-d/-t*. Возможно, что чеш. *šudlati*, *šudlit* восходит к той же основе и содержит суф. *-dlo*.

---

[37] *Fraenkel*, S. 798, 823—824, 261, 804; *Pokorny*, S. 954.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. IX

(с.-хорв. диал. *гла̑њ*, болг. диал. *глан'*, польск. *gleń* и др.)*

С.-хорв. диал. (Вране) *гла̑њ*, м., отмеченное Белградским словарем[1], отсутствует в других лексиконах — Загребском, Вука Караджича, Ивековича — Броз, Московлевича. Оно фиксируется составителями РСА с таким значением — 'мишични сплет око палца шаке, узвишица на длану' ('мышечный узел в основании большого пальца руки, бугорок на ладони'). Слово не представлено ни в Словаре П. Скока, ни в этимологических словарях славянских языков, и, очевидно, не имеет этимологического объяснения.

На первый взгляд, *гла̑њ* кажется формально близким сербохорватскому *дла̏н*, м., стар. *дла̑њ*, ж. 'ладонь' (к общеслав. и праслав. **dolnь*). Начальное *гл-* здесь могло бы быть объяснено из *дл-*: мена начального *д-* на *г-* в положении перед сонорными (в данном случае — перед *л*) — явление, известное сербохорватскому языку: см. *гле́то* (*глиjȅто*) из *дле́то* (*длиjȅто*), *гла̏ка* из *дла̏ка*[2] и т. п. Однако такое объяснение сталкивается с несоответствием значений, что противоречит полному семантическому тождеству, обычно наблюдающемуся в примерах с меной начальных *г-* / *д-*. Дело в том, что названия ладони во многих случаях связаны с признаком 'ровный, плоский' : так греч. θέναρ 'ладонь', 'подошва ноги' возводят к и.-е. **dhen-* 'поверхность (плоскость) руки; земли; ровной доски'; анологичным образом норв. диал. *handlōm* 'ладонь', др.-исл. *lōfi* 'раскрытая (плоская) рука' относят к и.-е. **lēp-*, **lōp-*, **ləp-* 'быть ровным (плоским); ладонь'[3], см. еще нем. *Handfläche* 'ладонь', собственно 'рука' + 'плоскость' (*Fläche* 'плоскость, поверхность, равнина'). Для слова *ладонь* в русском отмечается также не только значение 'ладонь', но и 'гладь, ровень, уровенная плоскость; ток; ровное место на току, гумно'[4]. Итак, если ладонь означает ровную, плоскую поверхность, то *гла̑њ*, напротив, — бугорок, желвак, т. е. что-то округлое и несколько выступающее («узвишица») над плоскостью, а поэтому близость слов *дла̏н* (*дла̑њ*) и

---

* Относительно этимологии данных слов см. также: *Петлева И. П.* Этимологические исследования в области сербохорватской лексики. Канд. дис. (Институт русского языка АН СССР). М., 1975, с. 43—57.

[1] РСА III, с. 343.

[2] *Skok* I, с. 417.

[3] *Pokorny* I, S. 249, 679.

[4] *Даль*[2] II, с. 417.

глâњ, по-видимому, лишь кажущаяся, и для *глâњ* следует искать иное сближение.

К сожалению, не удается обнаружить других названий для той части ручной кисти, которая в сербохорватском обозначена словом *глâњ*. Возможно, что далеко не во всех языках вообще существуют наименования для столь мелкой и функционально малозначимой (по сравнению, например, с пальцем) части руки. Из названий наиболее близких реалий, также напоминающих желвак, бугорок, см. нем. *Ballen* 'подушечки на лапах зверей; мякоть (руки, ноги)' — к *Ball* 'шар, мяч', *ballen* 'сжимать в ком, комкать'.

Конечно, можно было бы предположить что *глâњ* все же исторически связано с *дла̏н* (*длâњ*) и бугорок на краю ладони получил свое наименование от названия всей ладони (по смежности, как часть от целого). Однако эта версия также представляется маловероятной в связи с тем, что в болгарской диалектной лексике обнаруживается слово, формально полностью совпадающее с сербохорватским *глâњ* — *глан'* (и *жл'ан*) со значением 'щиколотка, лодыжка' (Кюстендилский говор)[5], которое сопоставимо с сербским, но не может быть выведено из **dolnь*. Что касается *жл'ан*, то эта форма может рассматриваться как вторичная от *глан'*, с палатализацией начального *г-* в положении перед мягким сонорным (мягкость *л*, очевидно, вторична: *глан'* > *гл'ан*). Пример аналогичной палатализации начального *г-* перед сонорным был указан, в частности, Р. Бернаром: болг. диал. *шнявим* 'есть' (Говедарци) < **жнявим* (ср. словен. диал. *žnjâviti*) < *гнявим*[6] (он отмечал также возможность колебания *ж-* / *ш-* перед назальными сонорными). См. еще диал. болг. *жлѐвя* 'жевать (с трудом)' при словенском *gleviti* — то же[7].

Итак, с.-хорв. и болг. слова формально едины. Что касается семантических различий ('бугорок в основании большого пальца руки' и 'лодыжка, щиколотка'), то они не столь велики: в обоих случаях речь идет о «выступающих» частях тела, напоминающих шишки, бугры. Кроме того, так как известно, что в разных говорах (и языках) одно и то же слово часто может обозначать различные части тела (рус. диал. *стегно* 'бедро', 'ляжка', 'холка у оленя'[8], укр. *голі́нка* 'голень' и 'предплечье'[9] и т. п.), то и расхождение значений болгарского и сербохорватского слов кажется естественным. Следовательно, есть основания идентифицировать рассматриваемые лексемы, тем более что примеры, когда

---

[5] *Младенов М. Сл.* Из лексиката в Кюстендилско. — БД VI, София, 1971, с. 140 и 141.

[6] *Bernard R.* L'étude de quelques racines slaves d'après le témoignage des dialectes bulgares. — RÉS, 1964, 40, p. 28.

[7] БЕР VII, с. 550.

[8] *Куликовский*, с. 113; Картотека Карельского словаря (выписки Меркуловой В. А.); *Подвысоцкий*, с. 163.

[9] *Гринченко* I, с. 300; *Дорошенко*, с. 106.

одно и то же наименование (в разных говорах) может относиться к буграм, состоящим как из мышечной ткани, так и из костной, известны: рус. *холка* 'ляжка, бедро (животного)' (сиб.), 'мягкие части на бедре у человека' (перм.), 'ляжка' (печор.), '(у лошади и др.) горбок при переходе шеи в хребет' и 'пучок гривки на этом месте', 'баранья лопатка' (арханг.), 'костяжка, мыщелка, всякий выдавшийся в теле конец кости' (новг.), а также 'лодыжка' (яросл.), причем любопытно отметить, что здесь же (в ярославском говоре) есть и «обратное» наименование — *лодыжка* 'холка' [10]. Итак, на наш взгляд, вполне вероятно, что одним и тем же словом в одном языке называют мышечный узел в основании большого пальца руки, а в другом — костный выступ (лодыжку).

Непосредственное соседство сербохорватского (Вране) и болгарского (Кюстендил) говоров, в которых зафиксированы сопоставляемые лексемы (*гла̂њ — глан'*, *жл'ан*) могло бы вызвать подозрение, что болгарское слово заимствовано из сербского или наоборот. Однако такое предположение опровергается различием значений, которое однако в то же время и не столь велико, чтобы они не могли быть возведены к одному этимону. По этой же причине трудно себе представить, чтобы оба данных слова были заимствованы из какого-то общего источника. Против такой мысли говорит и тот факт, что большое число названий частей тела является старым пластом исконной славянской лексики (см. **noga*, **nosъ*, **oko*, **dolnь* и др.), и число поздних заимствований здесь невелико, причем чаще всего они экспрессивно окрашены и выполняют оценочную функцию, как, например, *башка* в русском (тюркизм). Поэтому и для рассматриваемых нами стилистически нейтральных слов естественно предполагать исконное, славянское происхождение.

В поисках этимологического объяснения болгарского *глан'* (и сербохорватского *гла̂њ*) следует обратиться к другим названиям щиколотки (лодыжки) с целью выявления семантических истоков данных наименований. Так укр. *го́ми́лка* 'лодыжка у ноги' [11] родственно, в частности, русскому (по Далю — церковному) *гомо́ла* 'ком' [12], белорусскому *го́малка* '(сухой) сыр в форме яйца или шара' [13], сербохорватскому *го̏мољ* '(цветочная) луковица', *го̏мољa* (цветочная) луковица' и 'головка сыра' [14], словенскому *gomólja* 'ком', *gomȍlj* 'клубень' и 'нарост, выпуклость' [15], польскому *gomółka*

---

[10] *Даль* [2] IV, с. 558; Картотека словаря русских народных говоров; Картотека Печорского словаря (выписки Меркуловой В. А.); *Мельниченко*, с. 211; *Копорский С. А.* О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (Материалы и наблюдения). — Труды Ярославского пединститута, т. II, вып. 3. Ярославль, 1929, с. 137.

[11] *Білецький-Носенко*, с. 102.

[12] *Даль* [2] I, с. 373.

[13] *Янкоўскі*, с. 52.

[14] *Толстой* [1], с. 100.

[15] *Pleteršnik* I, S. 231; *Kotnik J.* Slovensko-ruski slovar. Ljubljana, 1967, c. 82.

'круглый домашний сырок'[16], чешскому *homole* (*cukru*) 'голова (сахара)'[17]. Фасмер разделяет существующее мнение о родстве данных славянских слов с литовскими *gãmalas* 'ломоть; ком', *gomulŷs* 'ком' и славянским глаголом **žęti*, **žьmǫ*[18]. Следовательно, исходной семантической основой для возникновения значения 'лодыжка' здесь послужило значение 'ком, шар, предмет округлой формы'. Аналогичная картина наблюдается и в других случаях: лит. *gur̃nas* 'лодыжка, щиколотка', 'бедро' родственно литовскому *gùras*, *gurẽlis* 'шарик', 'выступ горы', сербскому *гу̏ра* 'горб', греческому γῦρός 'круглый, шарообразный, выступающий' и γῦρος 'округлость, круг'[19]; нем. *Knorren* значит одновременно 'лодыжка' и 'желвак, шишка, нарост', чеш. *hrbek* 'бугорок, нарост', а *hrbek kloubní* 'щиколотка' (родственно *hrb* 'горб' и *hrbol* 'бугор, кочка, холм' и 'нарост')[20] (ср. еще описание щиколотки у Даля: «лодыжка, костяной горбок под запястьем и над ступнею, по обе стороны сустава»[21]) и т. д.

Учитывая устойчивую связь названий лодыжки (щиколотки) со значением 'ком, шар, округлость', представляется естественным соотнести болг. *глан'* и с.-хорв. *гла̂њ* с индоевропейским корнем **gel-* 'круглое, шарообразное; жать, комкать'.

Характерно, что в составе этого гнезда кроме слов с семантикой 'ком, шар, глыба; клубок; опухоль' широко представлены многочисленные примеры, обозначающие различные части тела, напоминающие по форме бугры (наросты). Это англ. *calf* 'икра (ноги)', н.-в.-нем. диал. *Kalb* 'мускул, мышца', др.-норв. *kalfi* 'икра (ноги)', *kalfabot* 'бедро, поясница', голл. *kluwen* 'коготь', 'копыто', греч. γαγγλίον 'костный нарост' и 'опухоль'[22] и др. В словаре Покорного под праформой **gel-* приведены и славянские примеры со значением 'ком, глыба, шарик, опухоль, желвак' или 'части тела, похожие по форме на своеобразные комья, шишки'. Это, в частности, рус. *глу́да* 'глыба, ком', *глыба* то же, *глыза* то же, словен. *glûta*, *glúta* 'сучок; шишка, желвак', укр. *жола́* 'земляной орех', польск. *głaz* 'камень', др.-рус. *глазъкы* (*стекляныи*) 'стеклянные шарики', рус. *глаз*, ст.-слав. жѧлы 'нарыв', рус. *жолвь*, *жолву́й*, *желва́к*, болг. *желка* 'железа, опухоль'[23]. Авторы Болгарского этимологического словаря сопоставляют рус. *глу́да*, а также *глузд* с болгарским *глюза* 'тестяной комочек в хлебе'[24]. См. еще укр. *глузик* 'мелкий известковый дутик, попадающий

---

[16] Польско-русский словарь под ред. М.Ф. Розвадовской. М., 1963, с. 148.
[17] Чешско-русский словарь под ред. К. Горалка и др. Прага, 1958, с. 152.
[18] *Фасмер* I, с. 435—6.
[19] *Pokorny* I, S. 393—398; *Fraenkel* 3, S. 177; *Berneker* I, S. 363.
[20] Чешско-русский словарь под ред. Горалка К. и др. Прага, 1958, с. 159; Чешско-русский словарь. Сост. А. И. Павлович. М., 1960, с. 157.
[21] *Даль* [2] IV с. 657.
[22] *Pokorny* I, S. 357-363.
[23] *Pokorny* I, S. 357—363; *Фасмер* I, с. 409—410, 418.
[24] БЕР IV, с. 254.

в гончарное изделие', *глузювáтий* — 'о глине: неоднородная комковатая..., с мелкими желвачками или журавчиками, дутиками' [25], а также, видимо, чеш. *hl'uza papula* «de convivio» [26] и словац. *hl'uza* 'шишка, волдырь, припухлость, узел, утолщение, свиль, утолщенный корень, клубень' [27] — к **gluz-* (вариант **glyz-*: рус. *глыза* 'ком, глыба', словен. *gliza* 'железа' [28] и др.). Что касается слова **gluzdъ*, то еще Бернекер не исключал его возможной связи со славянскими **gluta*, **gluda* и далее с норвежским *klyse* 'слизистый ком' и средненижненемецким *klûs* 'масса' [29], однако у Покорного оно отсутствует. Лексема **gluzdъ* представлена, кажется, исключительно в восточнославянских языках: рус. *глузд* 'мозг, ум', а также диал. (смол.) *глуздьí* 'верхние части скул' [30] (собственно 'округлые выступы, шишки'), укр. *глузд* 'мозг, ум' [31], блр. *глузды* 'мозг, ум, память' [32]. Первоначальным значением восточнославянского **gluzdъ* было 'ком, шар', затем 'мозговые полушария' → 'мозг' → 'ум, рассудок, память'. В отношении первоначального значения сравни греч. *τὰ γλούτια* 'zwei Erhabenheiten des Gehirns' (собственно 'два «бугра» мозга'), которое вместе с *τὰ γλουτά* 'ягодицы, зад' также возводится к **gel-* 'ком, шар' [33]. Интересно отметить, что вариант корня **gel-* с расширителем *-t-*, нашедший отражение в данных греческих словах, в славянских языках представлен не только словенским *glûta*, *glúta* 'сучок, шишка, желвак', как считалось до сих пор (см. выше у Покорного), но и белорусскими *глутьíр* 'большой ком земли, неразбитая глыба на пашне', *глутьíра* то же [34], а также *глутьíра* 'глыба, большой ком, кусок чего-нибудь (льду, сала)' [35]. Следовательно, выявляется словенско-белорусская изоглосса **glut-*.

Особенно же важно то обстоятельство, что Покорный (предположительно) относит к данному корню (с расширителем *-g-*) слова со значением, аналогичным значению болгарского *глан*', — 'лодыжка, щиколотка' : рус.-цслав. *глезнъ*, *глезна*, *глезно* 'лодыжка', укр. *глéзна* то же, болг. *глèзен* 'шишка; сук', 'лодыжка,' с.-хорв. *глèжањ* 'щиколотка', 'запястье', словен. *glézənj*, *glȇžən* 'щиколотка', чеш. *hlezen*, *hlezno*, *hlezna* то же, польск. *glozn*, *glozna* то же, н.-луж. *glozonk* 'ножная и ручная щиколотка' [36] и др. Показательно, что существует и еще одно название щиколотки, также

---

[25] *Гринченко* I, с. 290, 291.
[26] Картотека старо-чешского словаря Института чешского языка, Прага (выписки Варбот Ж. Ж.).
[27] SSJ I, с. 486.
[28] *Bezlaj*. Eseji, с. 150.
[29] *Berneker* I, S. 309.
[30] *Филин* 6, с. 207—208.
[31] *Гринченко* I, с. 290.
[32] *Носович*, с. 113.
[33] *Pokorny* I, S. 362.
[34] *Яшкін І. Я*. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971, с. 50.
[35] *Юрчанка*, с. 66.
[36] *Pokorny* I, S. 362; *Фасмер* I, с. 411.

от корня *gel- — это болг. диал. *глюж*, *глюжд*, *глюш* (мн. *глюжеви*) 'ножная щиколотка' (наряду с *глуж*, *глужд*, *глюж* 'сучок'), сопоставляемое непосредственно с русским *глуда* 'ком, глыба' и реконструируемое как *gludj- [37]. См. еще любопытное сосуществование в македонском слов с «перекрестным» значением: *гле́жъ^{а}њ* 'глужд' (диал.) [38] и *glužd* 'gležanj' [39].

Итак, в составе и.-е. гнезда *gel- широко представлены как названия мягких округлых частей тела или опухолей (желваков), так и костных бугров и шишек. Причем характерно, что оба этих значения могут совмещаться в одном и том же слове — см., например, указанное выше греч. γαγγλίον 'опухоль' и 'костный нарост'. Следовательно, значения сербохорватского и болгарского слов 'бугор, желвак в основании большого пальца руки' (*гла̂њ*) и 'щиколотка' (*глан'*) также естественно выводить из одного первичного — 'ком, шар'. Семантическим подтверждением реальности нашей мысли об отнесении их к *gel- служат, в частности, слова этого же корня, одни из которых имеют значения, близкие сербохорватскому *гла̂њ* ('бугорок, желвак...') : рус. *желвак*, смол. *глузды* 'верхние части скул', словен. *glûta*, *glúta* 'желвак', а также н.-в.-нем. диал. *Kalb* 'мускул, мышца', а другие — идентичные болгарскому *глан'* ('щиколотка') : слав. **glez-nъ*, *-na*, *-no* 'щиколотка', болг. *глюш*, *глюж*, *глюжд* то же. Итак, с точки зрения семантики с.-хорв. *гла̂њ* и болг. *глан'* закономерно отнести к гнезду *gel-, объединив их под первоначальным значением 'ком (бугорок, желвак)'.

Что касается формальной стороны, то для данных слов, очевидно, следует реконструировать праформу *golnь. Показательно, что в славянских и иных языках представлены и другие примеры с формантом *-n-*, образованные от различных ступеней корня *gel-. Это прежде всего указанное Покорным чеш. *žluna* 'опухоль' (*žьl-n-a) [40], которое имеет параллели в русском диал. (терск.) *жална́* 'опухоль на шее у горла, затрудняющая дыхание (бывает преимущественно у рогатого скота)' [41] и украинском — *жо́вна* 'опухоль желез на шее, желвак и антиномикоз' [42]. Кроме того, Покорный фиксирует здесь лат. *galla* 'чернильный орешек' ('*круглый нарост'), которое он трактует как $*g_{e}l$-*na* или $*g_{o}l$-*na*, а также польск. (стар. и диал.) *gleń*, *glon* 'кусок хлеба'.

Относительно происхождения польского слова существуют, однако, несколько различных версий (подробнее см. о них в Этимологическом словаре Славского [43]), причем как раз объединение его с корнем *gel- 'ком; сжимать', предлагавшееся Бернеке-

[37] БЕР IV, с. 251.
[38] *Видоески Б.* Кумановскиот говор. Скопје, 1962, с. 251.
[39] *Конески* I, с. 103.
[40] *Pokorny* I, S. 357.
[41] *Караулов М.* Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска. — РФВ 1900, 44, с. 91.
[42] *Гринченко* I, с. 488.
[43] *Sławski* I, с. 283.

ром [44] и Покорным [45] (Брюкнер также допускал как одну из возможностей связь польского слова с греческим γλουτός 'округлость', которое, согласно Покорному, тоже восходит к **gel-* 'ком, шар' [46]), Славский считает (как и иные сближения) неубедительным. Форма *gielń* 'crusta' (стар.) сравнительно с *gleń*, *glon* справедливо трактуется им как первичная [47]. Однако его предположение о родстве польского слова с *głytać* (**glъt-*, **gl̥tnь* ⇄ *gielń*), с точки зрения семантики базирующееся на единичном сопоставлении с русским *глот*, *глотень* 'кусок, то, что проглатывается за один раз' едва ли приемлемо, прежде всего потому, что ряд примеров (польских, кашубских, нижнелужицких) демонстрируют значение 'булка; буханка; каравай' или 'половина булки; большой отрезанный кусок хлеба', что плохо согласуется с предполагаемым значением '*кусок, проглатываемый за один раз': кашуб. *gleń* 'буханка, каравай хлеба', *glonk* 'булка, небольшая буханка' [48], *glonc* 'большой кусок хлеба' [49], польск. *gleń* 'буханка хлеба', *glonek chleba* 'большой кусок', *glon*, *glen* то же [50], *glonek* : *glůnek* 'кусок хлеба, отрезанный во всю ширину каравая (буханки)' [51], н.-луж. *gelńašk*, *gelnišk* 'кусок хлеба, по правилу толстый (по крайней мере на два пальца, широкий ломоть из средины хлебца)'; см. еще *gelńe* 'крестины' и описание этого обряда: «Исчезающий обычай. Когда родится в деревне дитя, то его родителями каждому деревенскому ребенку даётся п о л о в и н а б у л к и (*gelń*) как подарок от новорожденного. Этот обычай еще и сегодня встречается в некоторых деревнях. . .» [52] Итак, лексема отмечается не только в значении 'кусок хлеба', но и 'большой кусок, толстый ломоть хлеба; половина булки; буханка, каравай, булка, хлебец'. А значение 'булка, коврига, краюха (хлеба)', часто сосуществующее с 'кусок, ломоть' (см. рус. *коври́га* 'цельный хлеб, коровай' и 'ломоть во весь хлеб или круглый' [53], диал. *бука́тка* 'ломоть, кусок' (сарат.) и 'целая коврига, каравай хлеба [54] и т. п.), в ряде случаев сочетается со значением 'шар, ком; вздутие, шишка', которое, очевидно, и послужило для него исходной семантической базой: ср. рус. диал. *челпа́н* 'шишка, небольшая опухоль или водяной подкожный пузырь', и 'круглый хлебец из ржаной муки', а также 'вершина горы, холм, курган' [55], франц. *boule* 'шар' и 'булочка' и др. Особенно же показательно, что значение

---

[44] *Berneker* I, S. 301.
[45] *Pokorny* I, S. 357.
[46] *Brückner*, с. 141.
[47] *Sławski*, I, с. 283.
[48] *Ramułt*, с. 41.
[49] *Sychta* I, с. 321.
[50] *Karłowicz* II, с. 80—81.
[51] *Górnowicz. H.* Dialekt Malborski II, 1. Gdańsk, 1973, с. 111.
[52] *Muka* I, S. 248.
[53] *Даль* [2] I, с. 128.
[54] Там же, с. 138.
[55] Соликам. словарь, с. 676.

'(большой) кусок хлеба' обнаруживается среди слов с основой *gom-ol- (см. приведенные выше примеры в значениях 'ком, шар' и 'лодыжка'): рус. псков. *гомолина* 'кусок хлеба' [56], блр. диал. *гамёлка* 'кусок, ломоть' [57]; см. также словен. *gomúlja* 'баба (изделие из теста)' при литовском *gãmulas* 'ком' [58]. Следовательно, здесь выявляется семантическая триада 'ком, что-либо округлое (: цветочные клубни, головка сыра и т. п.)' — 'лодыжка' — 'кусок хлеба; круглый хлеб'. Аналогичная картина наблюдается и в исследуемом нами случае (с.-хорв. *гла̂њ* 'желвак на руке' — болг. *глан'* 'щиколотка' — польск. *gleń* 'кусок хлеба'), если возводить польск. *gleń* (стар. и диал. *gielń*) к корню *gel- 'ком, шар', реконструируя его как **gъl-nь* (еще Брюкнер вычленял здесь корень **gŭl-* [59]). При такой трактовке на широком славянском фоне польское слово перестает быть изолированным: см. другие славянские образования также с формантом *-n-*, рассмотренные выше — с.-хорв. *гла̂њ*, болг. *глан'* (**golnь*), рус. диал. *желна́*, укр. *жо́вна*, чеш. *žluna* 'желвак, опухоль желез' (**žьlna*); ср. лат. *galla* 'чернильный орешек', реконструируемое Покорным как *g_el-na* или *g_ol-na* [60]. Следовательно, и здесь обнаруживается семантическое сочетание 'желвак (опухоль)' — 'щиколотка' — 'кусок хлеба; булка, буханка'. Итак, и.-е. корень **gel-* 'ком, шар; комкать, жать', расширенный формантом *-n-*, имеет в славянском следующий ряд континуант, отражающий разные ступени огласовки корня: **gol-nь*//**gъl-nь*//**žьl-na*.

---

56 Картотека Псковского словаря (выписки Меркуловой В. А.).
57 *Сцяшковіч*, с. 110.
58 *Фасмер* II, с. 307.
59 *Brückner*, с. 141.
60 *Pokorny* I, S. 357.

А. Ф. Журавлев

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. *VORB- 'ПТИЦА PASSER, ВОРОБЕЙ'

Славянские названия птички Passer, развивающие основу **vorb-/*verb-* [1], единодушно трактуются составителями этимологических словарей, начиная с Фр. Миклошича, как явления ономатопеической в своих истоках природы [2]. При этом Ст. Младенов, а вслед за ним авторы «Болгарского этимологического словаря» прямо указывают на звукоподражательный индоевропейский корень **u̯er-* 'говорить, издавать звуки и т. п.', давший впоследствии (вместе со своими апофоническими вариантами и детерминативными продолжениями) весьма многочисленные лексические образования в языках практически всех индоевропейских языковых групп.

Возведение славянских названий воробья к ономатопеическому корню кажется малоуязвимым и с формальной стороны, и с точки зрения семантического обоснования: славянские языки, как и прочие, знают огромное количество орнитологических наименований, являющихся звукоподражательными [3], а разнообразие сло-

---

[1] Славянские языки обнаруживают значительную вариативность суффиксального оформления этой основы: *-ьjь* (ц.-слав. *врабии*, рус. *воробей*), *-ьсь* (укр. *горобець*, чеш. *vrabec*, словац. *vrabec*, болг. *врабец* 'самец воробья', с.-хорв. *врáбац*, словен. *vrábec*), *-ъljь* (польск. *wróbel*, в.-луж. *wrobl*, н.-луж. *wrobel*, *robel*), *-ъ*, собственно -Ø- (словац. *vrab*, рус. диал. *вороб*). Основа *verb- отражается в блр. *верабей*, *верабейка*, укр. *веребей* (см.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, с. 290). Диалектный материал дает как иные суффиксальные производные, так и другие отражения основы *verb-.

[2] См.: *Miklosich*, S. 394; *Горяев*, с. 55; *Преображенский* I, с. 96; *Фасмер* I, с. 352; *Rudnic'kyj J. B.* An etymological dictionary of the Ukrainian language. Part 8. Winnipeg, 1969, p. 699; *Brückner*, с. 631—632; *Holub-Kopečný*, с. 422; *Machek* [2], с. 697. *Младенов*, с. 77; БЕР I, с. 178; *Skok* III, с. 615—616.

[3] См.: *Булаховский Л. А.* Общеславянские названия птиц. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1948, № 2; *Он же.* Семасиологические этюды. Славянские наименования птиц. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 1. Львов, 1948; *Он же.* Славянские наименования птиц. — Мовознавство. Наук. зап. Ін-ту мовознавства ім. О. О. Потебні, т. VI. Київ, 1948; *Flajšhans V.* Slovanská jména našego ptactva. — Slavia, 1947, Ročn. XVIII, seš. 1—2; *Mareš F. V.* K metodice etymologického bádání: Etymologie některých slovanských pojmenování ptakû onomatopoického pûvodu. — Slavia, 1967. Ročn. XXXVI, seš. 3; *Sarsila J.* Jak my naśladujemy głosy ptaków. — In: VII Międzynarodowy kongres slawistów. Warszawa, 21—27 VIII 1973. Streszczenia referatów i komunikatów. Warszawa, 1973, с. 414—417; *Ну-*

вообразовательных вариантов названия воробья (сильно увеличивающееся при обращении к диалектному материалу) также может быть поставлено в связь с известным фактом большой словообразовательной активности дескриптивных корней [4].

Ввиду этих достаточно весомых обстоятельств необходимости в ревизии этимологии славянских названий воробья, производных от **vorb-/*verb-*, как будто не возникало. Тем не менее существует ряд данных, позволяющих, на наш взгляд, пересмотреть традиционную точку зрения.

Нам кажется целесообразным сопоставить интересующее нас название птицы Passer с русским диалектным техническим (преимущественно ткаческим) термином *вороб* (м. р.), *вороба* (ж. р.), *воробы* (мн. ч., по-видимому, plur. tant.) 'мотовило', 'крестовина для намотки пряжи с мотовила', 'орудие для очертания кругов' и т. п.

По показаниям «Словаря русских народных говоров», слово *вороб* 'мотовило' (если считать и его вариантные формы рода и числа, а также суффиксальные производные) является общерусским, распространенным в диалектах почти повсеместно: тамб., влад., новг., петерб., перм. *вбров* м. р., перм., новосиб., тобол., моск., томск., новг., твер. *ворбба* ж. р., перм., свердл., новосиб., томск., тобол., арханг., вят., олон., новг., петерб., твер., волог., влад., костр., ряз., пенз., тамб., тульск., калуж., симб., сарат., яросл., куйбыш. *ворббы*, *ворбба* мн. ч. 'орудие для разматывания и наматывания ниток, пряжи в виде крестовины из вращающихся деревянных планок, укрепленных горизонтально на стойке', только 'планки крестовины'; волог., яросл., свердл. *ворббина*, ворон. *ворббка*, арханг. *ворббки*, байкальск. *ворббушка*, твер., свердл. *ворббушки*, волог. *ворббцы* и *воробцы́*, череп. *ворббчик*, тамб. *ворббье* — то же, твер. *ворббьи* «из названий при выделке холста», *воробьи́* «в ткацком стане» [5].

Не может не броситься в глаза большое сходство, а в ряде случаев полное формальное тождество названий орудия для разматывания пряжи, мотовила и названий воробья, Passer; ср.: твер. *вороб* 'воробей' (с неясным ударением), *ворббка* 'воробей', курск. 'самка воробья', *ворббушек*, *-ушко*, мн. ч. *ворббушки*, тюмен., томск., олон., новг., петерб., влад., яросл., тульск., курск. *ворббчик* 'воробей' [6], укр. *горобе́ць*, мн. ч. *горобці́* 'воробей, во-

---

кончук Н. В. О народной орнитологической терминологии Полесья и Карпат. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972; *Шило Г. Ф.* Полесские названия птиц. — Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Гомель, 9—12 сентября 1975 г.). Тезисы докладов. М., 1975.

[4] Ср., например, обилие дериватов от корня *kuk-* со значением 'птица Cuculus, кукушка' (*Габовштяк А.* Два названия птиц в славянских языках. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М., 1975, с. 24).

[5] *Филин* 5, с. 101—104.

[6] Там же.

робьи', диал. также *воробе́ць*, мн. ч. *воробці́* при волог. *воро́бцы* и особенно *воробцы́* 'мотовило' и т. д.

Близость обозначений мотовила и воробья, даже при объяснении ее действием выравнивающей аттракции или ограниченностью средств выражения уменьшительности, представляется неслучайной. Во-первых, можно говорить об определенном параллелизме орнитологических названий и терминологии ткачества, именно терминов, служащих обозначениями деталей и приспособлений ткацкого стана, предназначенных для намотки и размотки пряжи, т. е. мотовила и близких ему по функции простейших механизмов, а также веретен, катушек, клубков. Ограничимся некоторыми восточнославянскими примерами: ср. арханг. *вьюн* 'деталь в ткацком станке, на которой вращается катушка', перм. *вьюно́к* 'катушка ниток', *вьюро́к* тамб. 'небольшое деревянное орудие, служащее для наматывания ниток на вьюшку. . .', влад., твер. 'палочка для наматывания ниток, чтобы не резало руки', пенз. «из принадлежностей при выделке холста», сиб., урал. 'катушка ниток', томск. *вьюрчи́шка* 'катушка', сев.-в.-рус., урал. *вью́ха* 'мотовило', 'вал для намотки ниток, веревок' и т. п., *вью́шка* 'мотовило', 'крестовина для намотки пряжи', 'моток ниток' и т. п., блр. *ую́шки* 'клубки пряжи', полесск. *јуро́к*, *вјуро́к*, *јурко́*, *јуро́чык* 'полая деревянная трубочка для мотания пряжи', житом. *юро́к* 'дерев'яна паличка з вузьким отвором, крізь яку при перемотуванні пряжі пропускають нитку, щоб не порізати руки' и другие однокоренные образования — и орнитологические термины *вьюро́к* 'птица Fringilla montifringilla, горный воробей', 'куличок', пенз. 'всякая мелкая птичка, попадающая осенью в силки', петерб. *вьюн* 'птица Alauda cristata, жаворонок хохлатый', астрах. *вью́нчик* 'какая-то птичка', яросл., волог. и др. *вью́ха*, *вью́ша* 'птица Larus, чайка: Larus eburneus, белая чайка; Larus canus, сизая чайка', 'птица Vanellus vanellus, чибис', 'птица Sterna fluviatilis Naum., крачка мартышка' и др., полесск. *ју́рчик*, по-видимому, 'птица Passer montanus, воробей полевой' и т. д.[7]; ленингр. *жура́в* 'веретено для наматывания ниток' [8] — *журавль* 'птица Grus' и т. п.

Во-вторых, на неслучайность формальной близости названий мотовила и воробья, отмеченной выше, указывает целая серия

---

[7] *Даль* [2] I, с. 337—338; *Филин* 6, с. 65—71; *Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973, с. 101—102; *Владимирская Н. Г.* Полесская терминология ткачества. — В кн.: Лексика Полесья, с. 280; *Никончук Н. В.* Полесские названия птиц. — Там же, с. 468; *Лысенко А. С.* Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. — В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, с. 60; *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, с. 61.

[8] *Филин* 9, с. 228.

однотипных восточнославянских загадок, где фигурирует сравнение птиц с мотовилом [9]:

лебедь:

> Криво, косо *мотовило*,
> под небеса уходило,
> по-татарски говорило,
> по-немецки лепетало;

журавль:

> *Мотовило* роговило
> под небеса уходило,
> по-татарски говорило,
> по-немецки лепетало [10];

ласточка:

> *Мотовило*-шитовило,
> под небеса политило,
> по нимецки говорило,
> по татарски лепетало
> (Новгородская губ.) [11];

«гуси летят стадом»:

> Виловато *мотовило*,
> Зато по-пански говорило,
> Под небеса уходило [12]

и др.

Если к этому добавить несколько технических терминов, уже не связанных с текстильным делом, таких как *лебедка* 'барабан для наматывания троса', *лебедь* 'рукоять ворота' и др.[13], *журавль*, *журáвы* (множественное число! — ср. *ворóбы*), *жёрав*, *жеравéц* 'рычаг', 'ворот', псков. *журáвль*, *журáвка*, *журóвка* 'рукоятка руля, румпель на лодке' [14], может быть, и *гайка* 'плашка для навинчивания' (ср. *гайка* моск. 'птица Poecile palustris, auct., семейства синиц', яросл. 'птица королек', калуж. 'какая-то птица' [15], *гаечка*, *гаичка* 'вид синицы' [16]) и т. п.[17], то станет оче-

---

[9] Об этих загадках несколько в другой связи см.: *Журавлев А. Ф.* Об одном мотиве восточнославянских загадок (к статье Д. К. Зеленина «Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии»). — В кн.: Проблемы славянской этнографии. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина. Л., 1979.

[10] *Даль В. И.* Пословицы русского народа, т. 8, СПб., 1904, с. 235.

[11] *Зеленин Д. К.* Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии. (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского). — ЖСт., 1905, вып. 1—2, с. 48.

[12] *Митрофанова В. В.* Загадки. Л., 1968, с. 43 (в пермском варианте этой загадки отгадка — лебедь).

[13] *Даль* [2] II, с. 246.

[14] *Филин* 9, с. 129, 228—231.

[15] Филин 6, с. 97.

[16] Ср. объединение в одной словарной статье (т. е. в одном гнезде) слов *гайка* (технический термин) и *гайка* (орнитологическое наименование) у В. И. Даля (*Даль* [2] I, с. 350).

[17] Внешний вид воробов — крестовина — находит аналогию (вероятно, позднейшую) в конструкции крестовины из бревен или жердей для устройства временного жилья, шатра, также обозначаемой лексемой *воробы*

видным, что объединяющим все выше приведенные слова моментом является идея вращения (ср. термин *мотовило* в связи с глаголами *мотать* и *вйть* и другие названия мотовила, мотивированные глаголами с семантикой 'вращать(ся)': рус. *мота́лка*, ряз. *размáтка*; укр. *ви́лиці*, закарп. *замотячки*, *виртялки*, *віялки*, укр. *витушка*, полесск. *крутилки*, *развитухи*, *мотачка*, *мотушка*, с.-хорв. *вŷтао*, диал. *витлић*, *vito*, серболуж. *motadło*, польск. *zwijadło*, *wijadła* мн. ч. и т. п.[18]).

Этимон 'вращение' обычно и усматривают в рус. *вороб*, *вороба*, *воробы* 'мотовило', 'орудие для очертания кругов' [19]. Этого термина касается и О. Н. Трубачев в своих работах о славянской ремесленной терминологии — в статье «Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских диалектах» [20] (версия, близкая традиционной) и в книге 1966 г.[21] (оригинальный взгляд на происхождение термина). Этимологические истолкования слова *вороб* в указанных работах различаются между собою по конкретной семантической мотивации, полагаемой в основе этого термина, и по непосредственным внеславянским (германским, балтийским) лексическим соответствиям к славянской форме, однако общим в обеих версиях остается отнесение *вороб* и производных к одному и тому же индоевропейскому корню с первоначальным значением 'вращение'.

По-нашему мнению, и орнитологическое название *воробей*, и технический термин *вороб*, *вороба*, мн. ч. *воробы* имеют источником один и тот же праславянский корень **vorb-*, который в свою очередь восходит к индоевропейскому **u̯erb(h)-/*u̯orb(h)-*, т. е. к корню **u̯er-* 'вращаться' с расширителем *-b(h)-* [22] (ср. шире

в древнерусском языке (Новгородская вторая летопись под 1569 г., см.: СРЯ XI—XVII вв., 3, с. 29). Ср. также иркутск. *гагáрка* 'две сколоченные накрест доски длиной около 1 1/2 аршина; к одному концу доски привязывается на веревочке сеть; служит как поплавок для определения, попалась ли в сеть рыба' (*Филин* 6, с. 88) в связи с орнитологическим наименованием *гагара*, имеющим очевидно звукоподражательный характер.

[18] См.: *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология. . .; *Владимирская Н. Г.* Указ. соч.

[19] Ср.: *Фасмер* I, с. 351—352; *Pokorny* I (**u̯er-₃* 'drehen, biegen', с расширениями **u̯er-b-*, **u̯er-bh-* то же); см. еще: *Потебня А. А.* К истории звуков русского языка. III. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1881, с. 63; *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 175. Особо о связи *вороб* с прусск. *arwarbs* 'дрога', 'оселина' см. *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. A—D. М., 1975, с. 110—111.

[20] Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, с. 22, 24, 29.

[21] *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология. . ., с. 109—112.

[22] Ж. Ж. Варбот (пользуемся случаем, чтобы поблагодарить ее за замечания по настоящей статье) специально обратила наше внимание в этой связи на чеш. (ганацк.) *vrbit se* 'hýbat se, vrtět se (o nepokojném sedění žáků v lavici)' из праслав. **vьrbiti*, родственного лит. *virběti* 'кишеть; двигаться, шевелиться' (см.: *Machek* ², с. 699). С.-хорв. глагол *врпольити се* 'ерзать, вертеться' привлекает к *вороб* А. А. Потебня (указ. соч.).

представленные в славянском образования от этого корня с детерминативом *-t-*: **u̯er-t-* > праслав. **vert-*, **vort-*, **vъrt-*, ср. *ворот*, *ворочать*, *вертеть*, *веретено*, *время* и мн. др.). Название воробья, таким образом, отделяется нами от продолжений омонимичного индоевропейского **u̯er-* 'говорить, издавать звуки' и означает собственно что-нибудь вроде 'юркий, вертлявый' (ср. в загадке о сороке: «. . .*вертится* как бес. . .» [23]).

При этом решение вопроса о семантических отношениях между **vorb-* 'воробей' и **vorb-* 'мотовило' может быть двояким: либо орнитологический и технический термины, восходя к одной и той же основе, независимы и параллельны (как, например, приводимые выше *вьюн*, *вьюха* 'птица' и 'вращающаяся деталь ткацкого станка'), с дальнейшей дифференцирующей суффиксацией, либо между ними существуют отношения метафорической производности (как в *лебедка*, *журавль* 'птица' → 'барабан, ворот'). Учитывая яркую метафорическую образность цитированных выше восточнославянских загадок, в которых птица кодируется названием мотовила, мы склонны отдать предпочтение второму решению, признавая первичным значение 'птица Passer' и вторичным, мотивированным метафорически — 'мотовило' [24]. Отчасти об этом говорит и локальная ограниченность технического значения (нам известны только русские его реализации). Однако редкость бессуффиксальных названий воробья словац. *vrab*, рус. *вороб* (ниже см. еще полесские примеры) свидетельствует о том, что семантический перенос 'воробей' → 'мотовило' произошел довольно рано, может быть, в этом случае мы имеем дело с праславянским диалектным семантическим явлением.

Признание славянских названий воробья производными от корня **u̯erb(h)-* 'вращаться' дает, как нам кажется, некоторые преимущества в решении вопроса о происхождении анлаутного спиранта в с.-хорв. *srābac̈*, полесск. (брест., ровен.) *швóроб*, *швóраб*, *шворобéй*, *шворабéй* (также *шорабéй*, *шурабéй*, *шурабéл'*, *шурáблик*) 'воробей, птица Passer' [25], а вместе с ними — и в балтийских названиях воробья: лит. *žvìrblis*, лтш. *zvir̃bulis* (в последних суф. *-l-*, *-ul-* могут быть сопоставлены с польским и лужицким формантами *-el*: польск. *wróbel* и т. д.; если это сближение допустимо, то фиксируется частная балтийско-лехитско-лужицкая изоглосса).

---

[23] *Даль* [2] IV, с. 281.

[24] Это, возможно, позволяет истолковать признаваемое Фасмером этимологически неясным нижегор. *чекетка* 'мотовило' — путем обращения к звукоподражательному (и потому, естественно, более раннему) орнитологическому наименованию *чечет*, *чечетка* 'птица Fringilla linaria, семейства вьюрковых, отряда воробьиных' (ср. формы с непалатализованным задненебным словен. *čekèt* 'щебетание', *čeketáti* 'щебетать', ср. также рус. *щёкот* 'птичий грай, соловьиное пение').

[25] *Skok* III, с. 616; *Шило Г. Ф.* Указ. соч., с. 235; *Лучыц-Федарэц І. І.* Адмоўная экспрэсіўная лексіка. Матэрыялы для слоўніка Брэстчыны. — В кн.: Народная лексіка. Мінск, 1977, с. 222; *Непокупный А. П.* Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976, с. 42—45.

Анлаут *s-*, *š-* в славянских, *z-*, *ž-* в балтийских формах нужно, на наш взгляд, объяснять как рефлексацию и.-е. *s*-mobile, специально отмечаемого у корня **-ue̯rb(h)-* (Pokorny I: *sue̯rbh-* 'drehen' и др.): праслав. **sverb-*, **svorb-*, **svьrb-* 'свербеть, зудить, чесаться' < 'крутить, вращать'. Балтийские формы, следовательно, не контаминировали со словом, начинающимся на *z-*, *ž-*, как предполагал Я. Эндзелин[26], а испытали озвончение уже имеющегося и.-е. *s*-mobile в результате аттрактивного сближения с такими словами (ими, в частности, могли быть и ономатопеи). Отношения между анлаутными свистящими и шипящими те же, что и в лексических парах *свая* — диал. *шевая*, *ш(к)ворень* — укр. *свірень*, польск. *sworzeń*, *скора* — *шкура* и проч.

---

[26] *Mühlenbach — Endzelin* IV, s. 777; *Непокупный А. П.* Указ. соч., с. 42.

Р. М. Цейтлин

О ЗНАЧЕНИЯХ СТАРОСЛАВЯНСКИХ СЛОВ С КОРНЕМ -ПРАВ-

В языке старославянских рукописей[1] употребляется 43 слова с корнем -прав-: бесправьдие (Супр, 1); бесправьдьнъ (Супр, 1), въправьдити сѧ (Супр, 1); исправитель (Супр, 1); исправити (Зогр Мар Ас Син Евх Клоц Супр); исправлениѥ (Син Евх Клоц Супр Зогр лл); исправлꙗти (Син Евх Клоц Супр); направити (Зогр, 1; Мар, 1; Син, 2; Супр, 1); направлꙗти (Син, 1; Супр, 1); неправьда (Зогр Мар Ас Син Клоц Супр Ен); неправьдикъ (Син, 1); неправьдосътворениѥ (Супр, 1); неправьдьникъ (Зогр, 1; Мар, 1; Ас, 1; Сав, 1; Супр, 2); неправьдьнъ (Зогр Мар Ас Сав Евх Син Клоц Супр); неправьдьнѣ (Супр, 2); оправьданиѥ (Зогр Мар Ас Син Ен Супр Рыл); оправьдати (Зогр Мар Ас Сав Син Служ Евх Ен Рыл); оправьдити (Зогр Мар Ас Сав Син); правило (Супр, 1; Рыл, 1); правитель (Супр, 1); правити (Служ, 1; Супр, 2; Ен, 1); правлениѥ (Супр, 2; Ен, 1); право *наречие* (Мар Ас Сав Супр Рыл); правовѣриѥ (Евх, 1; Супр, 1); правовѣрьно (Евх, 1; Супр, 1); правовѣрьнъ (Служ, 1; Евх, 1; Супр, 2; Хил, 1); правословьць (Евх, 1); правость (Син, 5); правота (Син, 2); правъ (Зогр Мар Ас Сав Боян-пал Син Евх Супр Хил Ен); правы *наречие* (Клоц 1); правыни (Син 3); правь (Зогр, 2; Ас, 1; Сав, 1; Супр, 3); правьда (Зогр Мар Ас Сав Син Евх Клоц Супр Хил Зогр лл Ен); правьдикъ (Ас Сав Евх Супр); правьдьникъ (Зогр Мар Ас Сав Син Евх Клоц Супр Ен); правьдьничь (Зогр Мас Ас Сав Син Евх); правьдьно (Син, 1; Евх, 1; Клоц, 1); правьдьнъ

[1] Старославянскими называем следующие семнадцать древнеболгарских рукописей: евангелия — Зографское (Зогр), Мариинское (Мар), Ассеманиево (Ас), Саввину книгу (Сав), Охридские отрывки (Охр), Листки Ундольского (Унд), Боянский палимпсест (Боян-пал), Зографский палимпсест (Зогр-пал); Синайскую псалтырь (Син), Синайский евхологий (Евх), Синайский служебник (Служ), Клоцов сборник (Клоц), Супрасльскую рукопись (Супр), Хиландарские листки (Хил), Рыльские листки (Рыл), Зографские листки (Зогр лл), Енинский апостол (Ен). При единичных употреблениях слова после названия рукописи через запятую указывается, сколько раз данное слово встретилось в этой рукописи. В цитатах из рукописей сравнительно с их изданиями допущены графические упрощения: везде только и, о, оу и ъ.

(Зогр Мар Унд Ас Сав Боян-пал Син Служ Евх Клоц Супр Рыл Ен); правѣ (Зогр. 1; Мар, 1); оуправити (Зогр, 1; Мар, 1; Ас, 1; Сав, 1; Евх, 1; Супр, 10); оуправлꙗти (Супр, 2); оуправлѥниѥ (Супр, 7).

Все слова данной группы обладают общим семантическим ядром, сообщаемым им корнем -прав-. Первичными, исходными значениями являются значения 'прямой, ровный, без выступов, извилин, отклонений (о дороге)' и 'устремленный прямо, вперед (о движении)'.

В конкретных словах этого корня данные значения реализуются и развиваются по следующим основным семантическим линиям с частыми метафорическими и переносными употреблениями (обилие материала заставляет нас обобщать факты, относящиеся к словам различных грамматических классов).

Во-первых, 'прямой, ровный', 'выпрямить, разровнять'. Например: гласъ въпиѭштаего въ поустыни. оуготоваите пѫть г҃нь. правы творите стьꙁѧ его. вьсѣка дьбрь испльнитъ сѧ. и вьсѣка гора и хлъми съмѣритъ сѧ. и бѫдѫтъ стръпътънаа въ праваѣ. и остриѣ въ пѫти гладъкы Л 3, 4—5 Зогр Мар Ас Сав (ср.: боудоутъ кривала въ исправлениѥ Бес 20, 103 аβ 5—6, цит. по Словарю ст.-слав. языка, II, 64); похоже Мт 3, 3 Ас Сав; Мк 1, 3 Зогр Мар Ас Сав Боян-пал; наведе ꙗ на пѫтъ правъ. вънити въ градъ обитѣльныи Пс 106, 7 Син; похоже Евх 36б 2 и 41а 7; исправите пѫть г҃нь. ѣкоже рече исаиѣ пророкъ И 1, 23 Зогр Мар Ас; наведе мѧ на правъдѫ твоѫ врагъ моихъ ради исправи прѣдъ тобоѫ пѫтъ мои Пс 5, 9 Син; на в'сѣхъ мѣстѣхъ исправи имъ пѫть Евх 18б 5; вь правы пѫть хода покааниемь. къ ц҃рствью твоемоу Евх. 26а 11; изиде же паче ꙗкоже правыи пѫть велитъ еуаггелиѧ... се вьсѣ оставихомъ и вьслѣдовахомъ тебѣ Супр 547, 4; ѥже чьстьномъ быти въ правѫѭ ходивъшиим' Супр 412, 30.

Во-вторых, 'направить по прямому, правильному пути'; 'проводник, наставник, руководитель'. Например: направити ногы нашѧ на пѫть миренъ Л 1, 79 Зогр Мар; стопы моꙗ направи по словеси твоемоу Пс 118, 133 Син; приде и҃съ възискатъ и направитъ изгыбъшеѥ Супр 402, 19 (ср. с҃пстъ погыбъшаего Мт 18, 11 Мар Ас Сав); о болѣзни болѧштиим'. врачоу. вѣрѣ правителю Супр 313, 9; ведомъ бѣаше алеѯандръ правимъ дьвѣма аггелома. ꙗже вьнидоста сь н҃имъ въ огн҃ь Супр 164, 7; на небо правими ѥсмъ Супр 403, 25; помѧни ...еписк(оу)пъство. правовѣрьное. пра(в)ѧще слово твоеꙗ истины Служ. 3б 19—20; никътоже възложь рѫкы своеꙗ на рало. и зьрѧ вьспѧть. оуправленъ естъ въ ц҃рси б҃жии Л 9, 62 Зогр Мар Ас Сав; похоже Супр 171, 14 и 546, 29; обрѣте ꙗ зъло творѧшта. промы-

слоу на полѕьноѥ оуправлꙗѭштоу пакла Супр 169, 11; оуправитъ ти господь пѫть твои прѣдь тобоѭ Супр 191, 30; оуправи на высотѫ Супр 232, 9; оуправлѥниѥ и оуспѣхъ приобрѣсти помыслилъ Супр 273, 7.

В-третьих, 'правильный, правдивый; справедливый'; 'то, что правильно, правда; справедливость'. Например: правѣ отъвѣшта Л 10, 28 Зогр Мар (право Ас; правъ Сав); правѣ сѫдилъ еси Л 7, 43 Мар (правь Зогр Ас; право Сав); родъ правъиихъ блсвитъ сѧ. слава и богатьство домоу его. и правъда его прѣбываетъ въ вѣкъ вѣкоу Пс 111, 2—3 Син; восиѣ во тъмѣ свѣтъ правъиимъ. милостивъ и штедръ и правъденъ Пс 111, 4 Син; нога моѣ ста на правъдѣ Пс 25, 12 Син; начьнъшааго пѫть правьды Супр 545, 24; сътворихъ сѫдъ и правъдѫ Пс 118, 121 Син; таковаси въправьдивъше са хвалатъ тебе прославьшааго а бога Супр 232, 24—25; да въ правъдѫ сѫдите. а не бесправьдиꙗ дѣлаѥте Супр 257, 23 и 24; въ... грозъное правьдивое съшествие стааго емоу дха Евх 60б 2; незълобиви и правии Пс 24, 21 Син; Евх 75б 4; въ истинѫ чкъ сь правьдьнъ бѣ Л 23, 47 Зогр Мар Ас; ги избави дшѫ моѭ отъ оустенъ неправъдивъ Пс 119, 2 Син; правъда 'возноситъ ꙗзыкъ. обништаѭтъ же грѣхъми и неправъдами люде Клоц 3а 5; оубои бесправьдьныи творатъ Супр 432, 6.

В-четвертых, 'правильное установление, правильный, справедливый порядок, закон, правило'. Например: оустави себѣ законъ и правило. да вь мѣрѫ васе твориши Супр 496, 30; да храниши ты мѣры. и данааго ти правлѥниꙗ (не) расказиши Супр 383, 9—10; закона твоего ради съхраних҄ъ правъды твоꙗ Клоц 2а 6; ни ѥдноа же иноа особь поманѫ правьды Супр 423, 19—20; оправъданиѣ моѣ осквръньтъ Пс 88, 32 Син; ходашта въ заповѣдахъ всѣхъ. и оправъданиихъ гнихъ Л 1, 6 Зогр Мар Ас.

В-пятых, 'православный, отвечающий православию, исполняющий предписания православия'. Например: оутвраждаа народъ оучениимъ своимъ о правѣи вѣрѣ Супр 198, 6—7; каа во полѕѣ еже вѣдѣти. о бѕѣ правая оучениꙗ добрѣ. а блѫдъ дѣати срамьнѣ Хил 26β 10—11; бже... села вь нихъ в'сѣко правовѣрие Евх 44б 17; бѣды. аже подъа за правовѣриѥ Супр 302, 6; покрылъ еси в'са грѣхы... проповѣдаѭщиимъ та правовѣрьно Евх 27б 1; прѣподобнии еппи... оучаште правовѣр'но... и прилагааше оа число вѣроуѭштиихъ по вьса дьни Супр 538, 17; отврьзи црькви правовѣрьныихъ Супр 194, 14—15; не вьслѣдоуѥтъ правьдьнааго Супр 509, 23—24; излѣзоша же звѣриѥ вънъ цръкъве повелѣниимъ правьдника и вьслѣда-

стковаша юго Супр 229, 16; аште бо праведъныи едва съпасаютъ са. нечьстивыи и грѣшъныи к'де авитъ са Супр 128, 8; посъланыи... оумьршиимъ отъ вѣка правьдьникомъ и неправьдникомъ. пророци же и правьдивии вьси... бога отътждоу молѩахѫ Супр 461, 14.

Мы выделили пять основных семантических ветвей, которые объединяют все значения (прямые и переносные) слов с корнем -прав-.

Одновременное рассмотрение всех 43 слов гнезда -прав- во всех известных нам контекстах старославянского языка позволяет выявить характерные особенности семантики этой лексической группы и вместе с тем уточнить значения ряда старославянских слов, сюда относящихся.

Многие из таких слов довольно часто применительно к старославянскому языку толкуются слишком обобщенно, без выделения старославянской специфики, а подчас и неверно, так как основаниями для толкований в таких случаях являются не только и не столько данные старославянских рукописей (как единственного непосредственного источника), сколько материалы церковнославянских рукописей различных изводов и обычно относительно позднего времени. В результате старославянским словам приписываются значения, которые они получили в более поздние эпохи языковой истории. Ограничимся двумя примерами. Так, сущ. правьда употребляется в одиннадцати старославянских рукописях суммарно около 200 раз в значениях 'справедливость' или (реже) 'верное, справедливое положение, установление'. Лишь в трех контекстах можно предположить значение 'истина': то можетъ ли чрѣво вьмѣстити невьмѣстимааго. въ правдѫ (греческое соответствие неизвестно) дивъно чоудо таинааго. въ прав'дѫ (ὄντως) страшьна таина Супр 248, 29 и 30; что оубо речеши о правьдѣ (περὶ τῆς ἀληθείας). не въ огньнѣ пламени. нъ въ образѣ дъждевѣ съходаштии Супр 250, 26. Содержание данных отрывков допускает и толкование 'по правде, по справедливости'. О значении 'истина, подлинность' недвусмысленно свидетельствуют только косвенные источники — греческие соответствия. Видимо, эти три случая следует рассматривать как окказионализмы-неологизмы в старославянском языке, а не как его самостоятельные, уже сформировавшиеся значения (показательно и то, что все три примера отмечены только в одной гомилии Супр — № 21).

То, что значение 'истина' не было характерно для ст.-слав. правьда, очевидно и из того, что ни одно из его пятнадцати производных (правьдивъ, правьдьнъ и т. п.) не имело в старославянском значений, мотивированных значением 'истина'.

Аналогично уточняются и значения ст.-слав. правьдьнъ. Старославянскому языку в целом свойственны следующие значения этого прилагательного: 'правильный, верный', 'правдивый', 'спра-

ведливый'. Более узкое и специальное (церковно-религиозное) значение 'благочестивый, исполняющий божеские заповеди' характерно для позднего периода старославянского языка и отмечено преимущественно в Евх и Супр, но именно это значение выдвинулось на первое место в более поздних (церковнославянских) рукописях. Примечательно, что правъ и правьдьнъ в старославянском языке нередко употребляются в одном значении. Например: незълобиви и правии при(лѣ)плѣхѫ сѧ мнѣ Пс 24, 21 Син; Евх 75б 4; бъ сѫдителъ правьденъ Пс 7, 12 Син. Такое употребление прил. правьдьнъ является одним из примеров типичного для старославянского языка явления — увеличения объема слова при сохранении им значения мотивирующего слова (обычно непроизводного на уровне старославянского языка). Ср. равнозначные ст.-слав. кошь и кошьница. ловъ и ловитва, сыть и сытость, сѫдии и сѫдитель и мн. др.

Семантические особенности каждого ст.-слав. слова из гнезда -прав- определяются тем, что все значения лексем данного корня сохраняют непосредственную и (реже) опосредствованную связь с семантическим ядром этой группы — 'прямой (о движении)'. То, что именно такое семантическое ядро было живым, реально выделялось в ту эпоху, подтверждается и анализом техники переводов с греческого (что одновременно свидетельствует о высоком мастерстве переводчика). Таков, например, гл. оуправити сѧ в контексте: въздрьжание же без' бьдѣниꙗ чистоты. и съмѣрениꙗ оуправити сѧ не можетъ Супр 279, 25. Гл. оуправити сѧ здесь означает 'быть достигнутым, удаться', что точно передает смысл его греческого соответствия εὐ-οδοῦν, буквально означающего 'вести хорошим путем', а также 'иметь хороший исход, удаваться'. Здесь нет калькирования, но тонко схвачена семантическая природа как греческого слова, так и его старославянского эквивалента.

Выделим следующие основные особенности семантической группы -прав- в старославянском языке.

Во-первых, все слова обладают положительным смыслом ('прямой', 'справедливый', 'откровенный' и т. п.). Кроме, разумеется, тех случаев, когда слово имеет в своем составе отрицание (типа неправьда, неправьдьнъ и т. п.). Поэтому применительно к старославянскому языку нельзя признать точными распространенные «нейтральные» толкования лексем этого корня типа исправити 'направить, устроить', правити 'править, управлять' (см. хотя бы Словарь ст.-слав. языка, I, 808; III, 239). Эти глаголы в данных случаях употребляются в старославянском в значениях 'направить (по верному пути)', 'хорошо устроить'; 'правильно (справедливо, хорошо) управлять'. Позднее, когда «внутренняя форма» у части слов с корнем -прав- была утрачена, «нейтральные» значения стали возможны, тогда появились такие словосочетания, как рус. *неверно*

исправить, ложное направление, горькая правда и т. п. Ср. также пейоративное др.-рус. *правежъ* 'побор с насилием'. Слова юридического характера с морфемой -прав- в старославянском имели только смысл 'правосудие', но не вообще 'судопроизводство'.

Во-вторых, для слов данной группы характерны сочетания со словами пѫть, стьза или же с глаголами движения типа въслѣдовати, възносити, изити, наводити, ходити (если сами слова данной группы не обозначают такое движение — исправити, направити, правити, оуправити и т. п.).

В-третьих, слова данной группы входят в бинарные оппозиции типа правъ — стръпътьнъ, правъ — лѫкавъ, правъ — грѣшьнъ [2], оуправити — оуклонити и т. п. В основе этих оппозиций лежит антонимия 'прямой — кривой'. Заметим, что оппозиция 'правый — левый' выражалась в старославянском языке другими словами — лексемами с корнями десн- (десница, деснъ) и шоуи- (шоуица, шоуи), лѣв- (лѣвъ) в отличие от западно- и восточнославянских языков, где слова с корнем *прав-* прежде всего означали 'правый' ('не левый'!), а затем же, в переносных значениях, 'правильный, справедливый'. Возможно, в этих переносных употреблениях отражается непосредственное влияние старославянского языка. Значение 'правильный, справедливый' скорее всего развилось из значения 'не отклоняющийся от прямого (пути), прямой', а не из значения 'правый (о руке)'. Видимо, различия в исходных значениях славянских слов с корнем *прав-* ('прямой' и 'правый') восходят к глубокой древности и представляют собой один из примеров диалектной дробности праславянского языка [3].

Примечательно, что через оппозиции правъ — лѫкавъ, простъ — лѫкавъ, чистъ — грѣшьнъ становятся очевидными закономерные семантические связи групп слов с корнями -прав-, -прост- [4] и -чист-.

---

[2] Слово *грѣхъ* не имеет единого этимологического объяснения. В числе нескольких резко различных объяснений его происхождения наше внимание в свете старославянского материала привлекает сравнение слав. *грѣхъ* с др.-инд. *bhrēṣati* 'качается, колеблется' (из *ghrē̆ṣ-), с лтш. grèizs и лит. graĩžas 'косой', а также и то, что Буга в данном случае исходит из к. *groikso-* или *groiso-* 'изгиб, кривизна' (*Фасмер, I*, 456—457). Таким образом, не исключено, что оппозиция правъ — грѣшьнъ имеет в своей праоснове антонимию 'прямой — кривой'.

[3] Ср. ЭССЯ, вып. 4, ст. *desnъ(jь); *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 91, 181, 186, 259—304; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О языке древнего славянского права. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 234 и след.; *Мартынов В. В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. — VIII Международный съезд славистов. Минск, 1978, с. 15—16, 26.

[4] О семантической группе с корнем -прост- в старославянском языке см.: *Цейтлин Р. М.* Некоторые проблемы старославянской лексикологии (по материалам древнеболгарских рукописей X и XI вв.) — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, с. 438—439.

И. П. Петлева

К ВОПРОСУ О СЛОВАХ С УСИЛИТЕЛЬНЫМ (-)*TO*-((-)*TA*-, (-)*TU*-) В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В славянских языках встречаются представляющие значительный интерес уникальные примеры, содержащие в своем составе элемент *-to-*, имеющий экспрессивно-усилительное значение. Случаи такого рода, по-видимому, не только не служили объектом подробного специального рассмотрения, но даже далеко не полностью выявлены, а сам элемент *-to-* не получил единой интерпретации и именуется по-разному — то приставкой, то частицей. Так, Миклошич, перечисляя в своем Этимологическом словаре славянские частицы, в пункте, где приводятся *to*, *ti* («nsl. *toti* hic, *kakti* sicuti, *bašti* (*bъšь*)»), пишет лишь следующее: «Обращают на себя внимание чеш. *roztodivný*, *roztokrasný*, *roztomilý*, укр. *ostohyd'ity* 'опротиветь, крайне надоесть', *ostohydlyj* 'опротивевший' (кор. *hyd*)» [1]. Как видим, отмеченные примеры здесь не комментируются и, кроме того, они не однотипны и в интересующем нас аспекте не равноценны, так как украинские слова, очевидно, вообще не содержат элемента *-to-* (*-то-*), а образованы по модели *о-сто-чертiти*, *о-сто-бiсiти* и, следовательно, членясь как *о-сто-гидiти*, *о-сто-гидлий*, сюда не относятся. В Чешско-немецком словаре Котта *-to-* рассматривается лишь в составе усилительной приставки *rozto-* [2]. Аналогичным образом, как префиксальное, трактуется *-то-* и в дополнительных комментариях О. Н. Трубачева относительно слов *раздоба́р*, *раздоба́ривать*, *растоба́ривать*, помещенных в Этимологическом словаре Фасмера [3]. Сам же Фасмер, именуя данный элемент усилительной частицей, приводит всего несколько слов, в которых предполагается наличие *-то-*, однако большинство из них недостаточно убедительны, так как допускают и иное толкование. Так, укр. *дрантогуз* 'оборванец', трактуемое им как *дран-то-гуз* (на основе сравнения с *ободранный*) [4] может иметь иное и, как кажется, более достоверное объяснение, согласно которому его нужно рассматривать как сложное слово с соединительным гласным *о* — *дрант-о-гуз* (см. укр. *дрант*, *дра́нтя* 'ветошь, лохмотья' [5]) или *дран(т)-о-гуз* (с вставным *т*).

[1] *Miklosich*, S. 205—206.
[2] *Kott* III, с. 183.
[3] *Фасмер* III, с. 434.
[4] *Фасмер* III, с. 446.
[5] *Гринченко* I, с. 440, 441.

Что касается русского *растопырить*, где Фасмер также вычленяет элемент *-то-* (при сопоставлении с русским *распырить*, польским *rozpyrzyć* и др.), то следует учитывать факт существования глагола *топырить*, который не имеет общепринятой этимологии, но предположительно связывается с *топбриться* 'франтить' [6], ср. еще рус. диал. *растопбрить* 'раздвинуть, растопырить' [7]. Обращаясь к олонецкому *истокапанный* 'совершенно похожий', Фасмер сам указывает на возможность его двоякого истолкования: от *истый* и *капать* или от *искапать* с усилительным *-то-* [8]. Очевидно, следовало бы поддержать мысль Фасмера о вычленении *-то-* в ярославском *истовыриться* 'принять угрожающую позу' (на основе соположения с *извыристый* 'капризный, своенравный') [9], но, к сожалению, этимология обоих этих слов остается невыясненной: ни глагол *(из)выриться*, ни прилаг. *извыристый* здесь не только не интерпретируются, но и вообще не приводятся. Бесспорным случаем является лишь отмечавшееся еще Миклошичем чеш. *roz-to-milý* 'милейший' (ср. *rozmilý* то же) [10].

Однако несмотря на единичный характер вышеназванных примеров, к тому же порой ненадежных, сам факт появления усилительного *-to-* в ряде славянских слов не вызывает сомнения, так как перечень лексем такого рода можно значительно пополнить, причем как за счет русского материала, так и за счет материалов других славянских языков. К тому же следует добавить, что наряду с элементом *-to-* нам встретились и его фонетические разновидности *-ta-*, *-tu-*, до настоящего времени в литературе не фиксировавшиеся. Из чешских примеров, представленных, в частности, в указанном выше словаре Котта, отметим следующие (исключив лишь уже упоминавшиеся Миклошичем): диалектные *roz-to-košný* = *rozkošný* 'роскошный, прелестный', *roz-to-nejmilejší*, *roz-to-milený*, *roz-to-miloučký* — 'премиленький, прелестный'; *roz-to-majetný* = *rozmajetný* 'разнообразный, различный', *roz-to-pášný* = *prosto-pášný* = *samo-pašný* 'распутный, беспутный' (см. *prostopáchati* 'быть распутным, распущенным', *páchati* 'шалить, проказничать, совершать (что-л. предосудительное, нехорошее)' [11] (ср. и словац. *roz-to-pašný* 'озорной' [12]); *roz-to-pěkně* — ср. *pěkně* 'хорошо, красиво'; *roz-to-prcaný* 'милейший, прелестный' (шутл.) — ср. *prcati* 'furzen, farzen'; см. еще с *-ta-* *roz-ta-hubec*, *roz-ta-huba* = *otevř-huba* 'ротозей, раззява' [13]. Прилаг. *roz-to-divný* отмечено и в словацком языке, а *raz-to-milý* — в словацком [14] и польском

---

[6] *Фасмер* III, с. 446; IV, с. 80, 81.
[7] Словарь Оби, III, с. 105; Деулинский словарь, с. 486.
[8] *Фасмер* II, с. 143.
[9] Там же.
[10] *Фасмер* III, с. 446.
[11] *Kott* III, с. 183, 184, 258; II, 1180, 470; VII (Dodatky), с. 173—174.
[12] SSJ III, с. 867.
[13] *Kott* III, с. 181.
[14] SSJ III, с. 867.

(*roz-to-miły*)[15]. Кроме того, в польском зафиксированы диалектные *roz-to-maity* = *rozmaity* 'разный', *roz-to-liczny* = *rozliczny* 'различный', *roz-to-paść* = *prze-paść* 'пропасть'[16], *u-to-rypać* 'убить; забить' — ср. *urypać* 'быстро убежать', *wyrypać* 'вырвать (при ходьбе, беге); выбить; избить'[17]; а также, видимо, *przy-to-rupać się* 'притащиться' — ср. *rupić* 'грызть, кусать' (устар.), 'беспокоить, не давать покою' и (диал.) 'торопиться на работу'[18]. В болгарском известно диал. *по-та-ла́зувам*, *по-та-ла́зя* = *пола́зя*, *полазя́м* 'полазить'[19], *у-то-моря са* = *уморя се* 'устать, утомиться'[20]. В сербскохорватском представлен целый ряд соответствующих примеров: *ис-то-бо̏чити се* = *избо̏чити се* 'искривиться, выпучиваться'[21], редк. *ne-to-marnost* = *nemarnost* 'небрежность, невнимательность'[22], *ne-to-mio* = *nemio* 'немилый, нелюбимый'[23], устар. *рас-то-ле́гати се* 'раздаваться, разноситься' = *разле́гати се* то же[24] (интересно, что в чешском значение 'донестись (о звуке)' передается с помощью глагола того же корня **lęg-* — *dolehnouti*); диалектные *за-та-вр̏љати* 'сбиться с пути, заблудиться' и *до-та-вр̏љати (се)* 'доковылять' — ср. *вр̀љати* 'слоняться, шататься', *заврљати* 'заблудиться', с архаичными префиксами — диал. *за-ба-вр̏љати* и *за-ше-вр̏љати* то же, а также, что особенно важно, глагол с начальным *та-* — *та-врљати* 'слоняться'[25], см. еще *на-то-врља-ти* = *на-ко-врља̑т* (диал.) 'налить воды в пищу' — ср. *вр̀љати* 'бросать, кидать'[26]; видимо, *ис-то-ме́згати* 'избить, исколотить'[27], хотя *ме́згати* известно в иных значениях — 'добывать древесный сок', 'становиться влажным', 'лениво жевать, грызть, мусоля пищу во рту'[28], но см. семантику английского *mash* — 'раздавливать', родственного славянскому **mězg-*[29]; см. еще диал. *ис-то-деватu* 'придумывать, решать'[30], очевидно, к отмечаемому в других значениях ('давать имя'; 'вынимать') *изде́вати*. Русский материал также дает нам целую серию примеров с *-то-*, помимо указанных Фасмером (см. выше): диал. *нарас-то-пашку* 'не застегнув верхнюю одежду, с раскрытыми полами, нараспашку' (иркут.)[31], 'не застегнув пуговиц, распахнув ворот или полы одежды',

[15] Варшавский словарь V, с. 714.
[16] Там же.
[17] Варшавский словарь VII, с. 400, 355, 1016.
[18] Варшавский словарь V, с. 391, 772.
[19] *Кънчев Иван.* Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — БД IV, с. 133.
[20] *Блъсков Ил.* Пиян баща, 1879 (Извлечения из Софийск. архива, сделанные О. Н. Трубачевым).
[21] РСА VIII, с. 360.
[22] RJA VIII, с. 103.
[23] Там же.
[24] *Толстой*[3], с. 510, 498.
[25] РСА VI, с. 447, 592; IV, с. 603; V, с. 597, 489.
[26] *Skok* III, с. 628.
[27] РСА VIII, с. 367.
[28] RJA VI, с. 638.
[29] *Фасмер* II, с. 593.
[30] РСА VIII, с. 364.
[31] Иркутский словарь II, с. 53.

ʽв незапертом виде (об избе, дворе и пр.)' (урал.)[32], перм. *нарос-то-па́шку* ʽраспахом, враспашко, нараспашку'[33], олонец. *врас-то-па́шку* ʽнараспашку' — ср. *нараспашку*, *враспашку*; урал. *на-то-воло́житься* ʽнамазаться' — ср. *наволожить* ʽнамазать'[34]; нижег. *у-то-до́лить* ʽкончить, решить, прекратить'[35] — ср. арханг. свердл. *до́ли́ть* ʽодолевать'[36], пск. твер. *удоле́ть* ʽоправиться после хвори'[37]; возможно, *до-то-делити* ʽдоделать, окончить какое-н. дело' (арханг.), ʽокончить, отделать начисто какую-л. вещь; хорошо, искусно сделать' (волог.)[38], волог. *не-то-дильный* ʽнегодный, неспособный, неудачный, плохой'[39] — ср. *делать*; по-видимому, и перм. *рас-то-ра́жить* ʽразрушить, разгромить'[40] — ср. *разража́ть*, *порази́ть*; тамб. *рас-то-волосая = раз-волосая = просто-волосая*[41] (любопытно отметить, что не только в этом русском примере, но и в указанных выше чешском и словацком (*roz-to-pášný = prosto-pášný*) *roz-to-* (рус. *рас-то-*) несет ту же семантическую нагрузку, что и *prosto-* (рус. *просто-*); см. еще с *-ту-* обск. *за-ту-хма́ривать* ʽпокрываться тучами' — ср. *захма́рить* ʽзаволочь небо'[42]; очевидно, и урал. *на-ту-лу́нить* (экспр.) ʽпобить'[43] — ср. *лу́нуть* ʽхлопнуть, бухнуть, выстрелить' (обск.)[44], ʽвыстрелить' (камч.)[45], ʽстремительно прыгнуть, броситься на кого-н.' (урал.)[46], ʽумереть, гибнуть, издохнуть' (смол.)[47], *лу́нуть* ʽпометить, попасть в кого-н. чем.-л., напр. камнем' (твер.)[48].

Заметим, что подавляющее большинство перечисленных здесь примеров имеют точные эквиваленты без *-to-* (*-ta-*) (см. чеш. *roz-to-milý — rozmilý*, *roz-to-košný — rozkošný*, болг. *по-та-лазя — полазя*, с.-хорв. *рас-то-ле́гати се — разле́гати се*, рус. *на-рас-то-пашку — нараспашку* и др.), однако в ряде случаев точное (формально или семантически) соответствие не найдено (напр., к чеш. *roz-ta-huba* нет варианта *roz-huba*, формально разнятся рус. *до-(то)делити* и *доделать*, *рас(то)ражить* и *разражать*, *разразить*, *за(ту)хмаривать* и *захмарить* и др.; семантически отличаются, хотя, безусловно, сопоставимы, польск. *u-to-rypać* ʽубить, забить' и *urypać* ʽбыстро убежать' и некоторые другие, т. е. одни

---

[32] Сл. Сред. Урала II, с. 181.
[33] *Даль*[2] II, с. 462.
[34] Сл. Сред. Урала II, с. 188, 160.
[35] *Даль*[2] IV, с. 522.
[36] *Филин* VIII, с. 112.
[37] *Даль*[2] IV, с. 474.
[38] *Филин* VIII, с. 154.
[39] *Даль*[2] II, с. 539.
[40] Соликам. словарь, с. 535.
[41] *Даль*[2] IV, с. 78.
[42] Словарь Оби II, с. 45, 46.
[43] Сл. Сред. Урала II, с. 189.
[44] Словарь Оби II, с. 137.
[45] Опыт, с. 106.
[46] Сл. Сред. Урала II, с. 105.
[47] *Добровольский*, с. 383.
[48] Дополнение к Опыту, с. 105.

примеры не требуют этимологического обоснования, а другие в нем несомненно нуждаются. Причем отсутствие точного эквивалента побуждает к поискам его в диалектной или устаревшей лексике или заставляет предполагать его былое существование (*до-то-делити* < **(do-)děliti*? и т. п.). Конечно, собранные здесь факты не исчерпывают всего соответствующего материала, хотя, думается, что приведенный нами перечень едва ли можно значительно пополнить, так как примеры с *-to-(-ta-*, *-tu-)* численно очень ограничены, непродуктивны. В заключение подведем некоторые итоги наших наблюдений. Лексемы с усилительным *-to-* (*-ta-*, редко *-tu-*) представлены в языках всех трех славянских групп. Они относятся к различным частям речи (прилагательным, существительным, глаголам, наречиям). Важно подчеркнуть, что элемент *-to-* (*-ta-*, *-tu-*) всегда безударен, что его отличает закрепленность местоположения в составе слова — он фиксируется, как правило, перед корнем после различных приставок (**orz-*, **jьz-*, **o-*, **u-*, **pri-*, **po-*, **do-*, **na-*, **za-*, **ne-*), однако есть единичные примеры, в которых такая приставка отсутствует и *to-* начинает слово: с.-хорв. *та-врљати* при *за-та-вр̀љати*, *до-та-вр̀љати* и *вр̀љати*; рус. *то-пы́рить(ся)* при *рас-то-пы́рить(ся)*, *распырить(ся)*, *пы́рить(ся)*. Интересно отметить существование некоей разновидности элемента *-to-* — *-sto-*: укр. диал. *у-сто-дблити=удблити* 'сделать плохо' [49], польск. диал. *o-sto-milszy* 'премилый, приятный' — ср. *roz-to-miły*, *roz-miły*, *miły* [50]. На современном уровне элемент *to-* (*ta-*, *tu-*), очевидно, должен интерпретироваться как архаичный, непродуктивный префикс, этимологически восходящий к местоименной проклитике *to*. Аналогичная ситуация наблюдается в случае с префиксом *ko-* (*ka-*, *ku-*), также исторически восходящим к местоименной проклитике (рус. вят. костр. *ку-верзень* или *ко-верзень*, ср. также диал. *ка-верзни* [51]). См. показательные в данном отношении примеры параллельного употребления префиксов *to-* (*ta-*) и *ko-* (*ka-*) в семантически идентичных или близких словах одного и того же корня: с.-хорв. *на-то-врљати=на-ко-врља̏т* (диал.) 'налить воды в пищу', рус. яросл. *ис-то-вы́риться* 'принять угрожающую позу' и влад. *ко-вы́риться* 'кобениться, ломаться' [52].

---

[49] *Гринченко* IV, с. 359.
[50] Варшавский словарь III, с. 867.
[51] *Даль* [3] II, стб. 321, 171.
[52] *Даль* [3] II, стб. 325.

В. В. Усачева

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ РЫБ. VI*
(семейство Cyprinidae)

Белоглазка Abramis sapa (Pall.)

belavočka блр. *белавочка* (Жуков РБ 277).
beloglazaja plotva см. plotva
beloglazka рус. *белогла́зка* (ССРЛЯ), *белоглазка* (Астрахань — Зол., р. Кама — Меньш. 399); укр. *білоглазка* (Закарпатье — М. и К. 123); ср. англ. White-eyed bream то же (Л. и Г. 129).
belook рус. *белоо́к* (юж. — Даль[2] I, с. 152 и сл.: под *бѣлый*; юж., днестр. — СРНГ), *белоок* (Бендеры — Зол); укр. *біло́к* (Жел., Гринченко), *білоок* (Зап. Украина — Писк. МЧС; р. Днестр — М. и К. 123: «м. н.»).
bogol словац. *bogol* (Ferianc 55), *bogol'* (Забодрожье — Ferianc 55: «vzniklo z mad'. *bagoly*-sova, utvoreného podl'a zvláštného tupého nosa a vel'kých očí týchto rýb, ponášajúcich sa hlavou na hlavu sovy»); ср. венг. *bagoly keszeg* то же (Влад. 72).
bol'šeglazka рус. *большегла́зка* (н. т. р. Вятка — Лукаш 68).
ca(o)pa см. sopa
cejn perlet'ovy чеш. *cejn perlet'ový* (Dyk 257; Mahen 1927, 65: «венгерские рыбаки называют его *совий глаз* за большие глаза; в чеш. яз. ему бы больше подошло название *bělookého cejna*»).
crnooka с.-хорв. *црно̀ока* (RJA), *crnooka* (рр. Дунай, Сава; Земун — Hirtz: «Wörtlich Schwarzauge»); словен. *črnoóka* (SSKJ).
crnooka deverika см. dever
crnovka с.-хорв. *crnovka* (Hirtz).
črnooka см. crnooka
dever укр. *девер* (Закарпат. обл. — Влад. 72, М. и К. 123);
с.-хорв. *crnooka deverika* (реки Черноморск. бассейна в Боснии и Герцеговине — Vuković 77).
dverci укр. *dwerci* (р. Днестр около Нижнева — Barta RD 60; р. Днестр от Галича до Побережья — Now. 59).
gladuxa рус. *гладуха* (Грац. 149).
glaz рус. *глаз* (Юрьевец — Зол.; оренб. — Л. и Г. 129);
рус. *глаза́ч* (верх. и ср. т. р. Волга — Клыков), *глазач* (р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 59; волхов., камск. — Герд и др. 31; Углич, Рыбинск — Зол.; Углич, Рыбинск,

* Начало см.: «Этимология 1971», «Этимология 1973», «Этимология 1974», «Этимология 1976», «Этимология 1977». Список сокращений помещен в 1-ом из указанных ежегодников.

Молога — Кес. 1870, 258 и сл.: «предлагаю удержать в систематике название *глазач* как самое характерное и в то же время благозвучное»; р. Сура — Варп. РС 9; бывш. Казан. губ. — Саб. 546; бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 78; р. Свияга — Рузский 54; р. Меша п. п. р. Кама, р. Шешма л. п. р. Кама — Варп. ИФКГ 61, 63; бывш. Пензен. губ. — Магн. 20; Каспий — Кузн. ОРР 17), *лещ-глазач* (Кес. 1870, 258: «и. т.»);

рус. *глазок* (Юрьевец — Зол.);

рус. *глазýха* (костр. — СРНГ), *глазуха* (Кинешма — Зол.);

рус. *глазýнья* (костр., астрах. — СРНГ), *глазунья* (Плёс на р. Волга и Астрахань — Зол.).

glazač см. glaz

glazok см. glaz

glazuxa см. glaz

glazun'ja см. glaz

goluxa рус. *голуха* (Грац. 149).

jurovec рус. *юровец* (Л. и Г. 129).

kara-kuz' рус. *кара-кузь* (р. Сыр-Дарья и Арал. море — Берг 784: «дословно — 'черный глаз', аральская белоглазка Abramis sapa bergi natio aralensis Tjapkin»); ср. казах., каракалп. *кара-кузь* то же (Берг 784).

klepec рус. *клепéц* (р. Волхов — Клыков; Азов. побережье — Кузн. ПАБ 102), *клепец* (волхов., днепр., днестр., донск., черномор. — Герд и др. 31; в. т. р. Днепр — Домр. 150; юж. Россия — Зол.; р. Дон — Берг 780; черномор. — Даль[2] II, с. 124: под *кляпъ*); укр. *клепéць* (Сухолужье Лиман. р-на — Берлізов 46), *клепець* (Гринченко; р. Днепр — Ш. и Т. 77; н. т. р. Припять — Ляш. 57; М. и К. 123: «и. т.»), *кляпець* (ср. т. р. Днепр — Белінг 1928, 85); блр. *клепец* (бывш. Могилев. губ. — Демб. II, 551), *кляпец* (рр. Днепр и его притоки Сож, Припять в пределах бывш. Минск. губ. — Сулк. 84); польск. *klepiec* (SW, Majew. II, 3; Wał. 59: «белоглазка встречается только в реках басс. Черного моря»; Sławski II, стр. 209: под *klepień*: «польск. *klepiec* известно только с XIX в., заимствовано из укр. диал. *клепéць*»); ср. рус. *клепéц* 'рыба из рода лещей' (азов., волж., моск., юж., перм., новг. — СРНГ);

рус. *клепчик* (юж. Россия — Саб. 546); укр. *клепчик* (Ш. и Т. 77).

klepčik см. klepec

klevca рус. *клевцá* (донск. — СРНГ); укр. *клевца* (р. Дон — Ш. и Т. 77).

klevčik см. klevec

klevec рус. *клевéц* (донск. — СРНГ), *клевец* (р. Дон — Зол.; берег Черного моря — Кузн. ОРР 17); укр. *клевец* (р. Дон — Ш. и Т. 77);

рус., укр. *клевчик* (р. Дон — Кес. 1877, 262).

kl'uka польск. *kluka* (Wał. PFiz. 292).

kosak рус. *cosac* (липоване в Добрудже — Antipa 148); ср. рум. *cosac cu botul turtit*, *cosac corcit cu Batcă* (Antipa 148).
kosat болг. *немски косат* (р. Дунай — Дрен. 103).
kos'ačok укр. *косячок* (р. Дунай — М. и К. 123).
kosoj ud'obok см. ud'obok
laskuša рус. *ласкуша*, *ласкушка* (басс. р. Вятка от г. Вятка до р. Летка — Дрягин РБВ 126, 128: «иногда»).
laskuška см. laskuša
leskovka блр. *лёскаўка* (Рубель Столин. р-на Брест. обл. — Крыв. 202).
!lešč рус. *лещ* (р. Свияга — Рузский 54); укр. *łeszcz* (р. Днестр от Галича до Побережья — Barta RD 60);
рус. *подлещик* (бывш. Перм. губ. — Хлебн. 36; реки Урала — Цех. 140: «м. н., неправильно»; р. Кама — Меньш. 399; басс. р. Урал — Навозов 270).
lobač рус. *лобач* (р. Самара — Зол.);
рус. *лобан* (р. Самара — Саб. 546).
loban см. lobač
lopyr' рус. *лопырь* 'молодая белоглазка' (н. т. р. Вятка — Лукаш 68).
loskat' рус. *лоскать* (р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 128).
lupar' блр. *лупарь* (р. Ипуть л. п. р. Сож — Жуков РБ 277).
nemski kosat см. kosat
okača с.-хорв. *okača* (р. Сава, Врбас — Hirtz).
paltuxa рус. *палтуха* (рр. Кама, Уфа, Белая — Ревн. 217);
рус. *палтушка* (реки Урала — Цех. 140); ср. рус. *палту́шка* 'речная рыба, сходная с лещом, но меньших размеров и менее плоская' (Соликам. р-н Перм. обл. — Соликам. словарь: «уменьш.-ласк. к *палту́ха*: палтушка кака-та тоненькая рыбка, у иё белые глаза»).
paltuška см. paltuxa
plecak словац. *plecáky bílé s bílýma očima* (Mahen 1927, 65).
pleskač словац. *pleskáč tuponosý* (VRSS, Dyk 257: «и. т.»), *plieskač perlet'ovy* (Ferianc 55).
pletnik словац. *pletníky bílé s bílýma očima* (Mahen 1927, 65).
!plotva рус. *белоглазая плотва* (Выш. Волочок — Зол., Кес. 1870, 258).
!podleščik см. !lešč
podsopok см. sopa
polusopok см. sopa
pučeglaz рус. *пучеглаз* (Орел, Калач — Кес. 1877, 262; юж. Россия — Саб. 546: «редко»); укр. *пучеглаз* (р. Днепр — Саб. 546);
рус. *пучегла́зик* (юж. — Даль[2] III, с. 538: под *пукъ*), *пучеглазик* (Новочеркасск — Зол.); укр. *пучеглазик* (Ш. и Т. 77; р. Днепр — Кес. 1870, 258).
pučeglazik см. pučeglaz
ryba široka словац. *široká ryba* (Ferianc 55).

!rybec рус. *рыбец* ‘подвид южнокаспийская белоглазка Abramis sapa bergi Belyaeff’ (Азербайджан — Берг 783: «неправильно»).
sapa см. sopa
!sinec рус. *синец* (Осташков, Тверь, Кимры, р. Волга от Ниж. Новгорода до Астрахани — Кес. 1870, 258; рр. Ока, Кама — Зол., р. Волга в пределах бывш. Казан. и Нижегород. губ. — Варп. ИФКГ 33 и сл., Варп. РНГ 27; р. Урал и ее басс. — Навозов 270), *sinez* (Казань — Pall. ZRA 328);

рус. *синьга* (Осташков, Тверь, Кимры, р. Волга от Ниж. Новгорода до Астрахани — Кес. 1870, 258);

рус. *синюха* (в. т. р. Волга и Волга от Ниж. Новгорода до Астрахани — Кес. 1870, 258).
sin’ga см. !sinec
sin’uxa см. !sinec
sopa рус. *сапá* (н. т. р. Волхов; Крестцы Новг. обл. — Герд ДД; Кострома, бывш. Казан. губ., Астрахань — Саб. 546; н. т. р. Вятка — Лукаш 68), *сапа* (бывш. Твер. губ., рр. Ока, Кама — Зол., р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 73; рр. Кама, Уфа, Белая — Ревн. 217), *сопá* (Кострома и др. места на р. Волга — Саб. 546; урал. — Карпов 69; н. т. р. Вятка — Лукаш 68), *сопа* (р. Шексна — Герд ДД; Приильменье — Домр. и Правд. 190: «более распространенное название, чем *клепец*»; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 27: «реже, чем *синец*»; бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 44; р. Шешма л. п. р. Кама — Варп. ИФКГ 63; Кушум — Михеева КД; рр. Уфа, Кама, Белая — Ревн. 217; р. Летка л. п. р. Вятка — Дрягин РЛ 5; р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 128; басс. р. Вятка выше г. Слободской — Лукаш РБВ 16), *ssopa* (р. Волга — Pall. ZRA 328), *цапá* (н. т. р. Вятка — Лукаш 68), *цопа* (в. т. р. Днепр — Домр. 150), *ţopa* (липоване в Добрудже — Antipa 148); блр. *сопа* (Крыв. 202: «и. т.»); польск. *sapa* (SW: «от греч. **sápa*», SDor, Now. 8: «и. т.»); ср. др.-рус. *сопа* ‘вид рыбы’ (Срезневский), *сопá* ‘костлявая рыба вроде селедки’ (Ладога — СРНГ), нем. *Zoppe*, *Zobel*, *Sape* ‘белоглазка’, *Zope* ‘синец’, венг. *szápa keszeg* ‘белоглазка’ (Bauch 116);

рус. *сопúнка*, *сопúна* (р. Волхов, оз. Ильмень — Л. и Г. 129);

рус. *сопня́к* (р. Волхов, оз. Ильмень — Л. и Г. 129);

рус. *подсопки* мн. ч. ‘мелкая белоглазка’ (Приильменье — Домр. и Правд. 190);

рус. *полусóпок* ‘мелкая белоглазка’ (р. Волхов, оз. Ильмень — Л. и Г. 129)
sopin(k)a см. sopa
sopn’ak см. sopa
suxorebrica рус. *сухоребрица* (Тверь — Зол).
šamatra рус. *шаматра* (Белоозеро — Зол., Дан. 6, 22).

široka ryba см. ryba široka
talovirka рус. *таловирка* (Таганрог — Зол.).
tarabarka рус. *тарабарка* (р. Шексна — Зол.).
taran' рус. *тарань* (н. т. р. Волга до Самары — Зол.; Азербайджан — Берг 783: «южнокасп. белоглазка; неправильно»; Астрахань — Кес. 1877, 262: «белоглазка вместе с другими рыбами»);
рус. *тарашка* (Азербайджан — Берг 783: «южнокасп. белоглазка; неправильно»).
taraška см. taran'
troščad' рус. *трощадь* (Ярославль — Зол.); ср. рус. *тре́щедь* 'название рыбы' (яросл. — Гол. и Коп. 128).
ud'obok рус. *косой удёбок* (ст. Романовская — Зол.).

Синец Abramis ballerus L.

belavica с.-хорв. *bjelavica* (Земун — Hirtz), *beovica* (RJA : «-e- в восточных говорах; образовано от прилагательного *bio, bijela*»), *бѐовица* (РСХКНJ);
словац. *belica* (Dyk 1946, 231; Турец — Ferianc 55);
словац. *belička* (Турец — Ferianc 55);
с.-хорв. *бѐлка, бѝјелка* (РСХКНJ: покр. *бjȇлка*); болг. *бе́лка* (Зап. Болгария — Маринов 1894, 222);
словац. *bèluha* (Приевидза — Ferianc 55).
belica см. belavica
bel(ič)ka см. belavica
beluha см. belavica
beovica см. belavica
bijelka см. belavica
bleja блр. *лещ-блея* (р. Зап. Двина — Сап. 222); польск. *bleja* (SWil, SW, бывш. Радом. губ. — Majew. II, 3; Wał. BW 553: «книжное название»), *leszcz bleia* (Jar. 69); ср. нем. *Blei(h)e* то же (SW);
польск. *blejak, blejek* (Majew. II, 3, Wał. BW 553: «книжное название»);
польск. *blik* (SW : «употребляется редко»); ср. нем. *Blick* то же (SW).
blejak см. bleja
blejek см. bleja
blik см. bleja
cejn siny чеш. *cejn siný* (Frič 22: «и. т.»).
copa см. !sopa
čakara с.-хорв. *čakara* (Hirtz).
černokrylka рус. *чернокрылка* (н. т. р. Вятка — Лукаш 69).
čil kosat см. kosat
gladuška рус. *гладушка* (р. Волхов, Нов. Ладога — СРНГ, Зол.).
goluxa рус. *голу́ха* (р. Волхов, Нов. Ладога, бывш. С.-Петербург. губ. — СРНГ), *голуха* (р. Волхов — Зол., Домр. и Правд. 197).

guščaera польск. *guszczera* (Majew. II, 3), *guszczora* (SW: «gwar.», Wał. 58); ср. нем. *Güster* то же.
guščora см. guščera
istinski kosat см. kosat
kesega с.-хорв. *кѐсага* (Карашица и Вучица близ Петриянаца — РСХКНJ: «покр.»), *кѐсега*, род. пад. мн. ч. *кѐсе̄га̄* (Карловац — РСХКНJ), *kesega* (Босния и Герцеговина — Vuković 78), ~ *kòsalja* (Липовац, Босут, Спачва — Hirtz), ~ *špicaljka* (Богиняк — Hirtz), *кѐсека* (РСХКНJ: «покр».); ср. венг. *keszeg* 'лещ';
с.-хорв. *кѐсегица*, *кѐсежица*, *кѐсечица* (РСХКНJ: «дем. и хип. од *кесега*»), *kèsežica* (RJA: «dem.»).
kesega kosal'a см. kesega
kesega špical'ka см. kesega
keseg(ž)ica см. kesega
keseka см. kesega
kl'apka см. klepka
kleba с.-хорв. *kleba* (Долина на р. Сава — Hirtz), *кле́ба* (РСХКНJ);
с.-хорв. *klebica* (срез Босанска Градишка — Hirtz: «dem. od *kleba*; ime kleba potječe od togo, što klebica naliči na kakvu kusturu, koju tamo u Dolini zovu kleba»), *клѐбица* (Босанска Градишка — РСХКНJ: «дем. и хип. од *клеба*»).
klebica см. kleba
klepec рус. *клепе́ц* (донск. — Миртов); блр. *клепец* (Жуков РБ 282: «в тех местах, где не различают синца и белоглазку; местное население Зап. Двины, Немана и Зап. Буга синца не знает»).
klepka польск. *klapka*, *klepka* (р. Висла от Освенцима до Неполомице — Now. 21).
klevec рус. *клеве́ц* (донск. — СРНГ).
kosak рус. *cosac* (липоване в Добрудже — Antipa 146); болг. *коса́к* (Геров); ср. болг. *коса́к* 'род речной рыбы' (Дювернуа), рум. *cosac* 'синец' (Antipa 146: «и. т.»), рум. диал. *cosacul nemeş*, *cosacul caraghios*, *cosăcuţă*, греч. *cosac* (Antipa 146);
с.-хорв. *kosalj* (Hirtz), *кòса̄љ* (РСХКНJ); словен. *kosalj* (Ferianc 56);
с.-хорв. *kosarka* (Морович, Босут, Студва — Hirtz).
kosal' см. kosak
kosarka см. kosak
kosat болг. *коса́т* (Геров; Тутракан — Вакар. 54), *истински косат* (Моров 59: «и. т.»), *същи* ~ (Дрен. 104: «и. т.»), *чил* ~ Моров 59, Дрен. 104: «и. т.»), *kosát* (р. Дунай — Wak. 49); ср. болг. *коса́т* 'род речной рыбы' (Дювернуа), *куса́т* 'блатна костелива риба' (Енина в Казанлыкской долине — Китипов);
болг. *косатец* 'маленький синец' (БТР).
kosatec см. kosat
kosuxa рус. *косу́ха* (н. т. р. Вятка — Лукаш 69).
kos'ak рус. *кося́к* (дельта р. Дунай — Гриценко 1970, 25).

krivoxvostyj sinec см. sinec
leskavka блр. *лёскаўка* (Рубель Столин. р-на Брест. обл. — Крыв. 202).
!lešč рус. *лещ* (басс. р. Свияга — Рузский 54), *волжский* ~ (р. Мал. Кокшага л. п. р. Волга, Царевококшайск — Варп. ИФМК 8);
рус. *подлещик* (рр. Казанка, Мал. Черемшан — п. п. р. Бол. Черемшан — Варп. ИФКГ 58, 59; басс. р. Свияга — Рузский 54; р. Сура — Варп. PC 9; реки Урала — Ревн. 217: «смешивается с белоглазкой и лещом»).
lešč-bleja см. bleja
lešč-sinec см. sin'ak
lopatka укр. *лопатка* (Лемковщина — Врх. 250; Ш. и Т. 77).
loskot рус. *лоскот* 'мелкий синец' (р. Ока — Варп. РНГ 47).
paltuxa рус. *палтуха* (реки Урала — Цех. 141: «м. н., неправильно, смешивается с белоглазкой и молодым лещом; редкая для уральских рек рыба»), *полтуха* (басс. р. Кама — Ревн. 217).
parik рус. *парик* (Сямозеро близ Онежского озера — Берг 785).
pest словац. *piest dlhoplútvy* (Ferianc 55).
pleskač словац. *pleskáč siný* (Dyk 258: «и.т.»), ~ *sivý* (SSJ), *plieskač dlhoplútvy* (Ferianc 55);
словац. *pleskáčik* (SSJ: «zdrob.»).
pleskač dlhoplutvy см. pleskač
pleskač siny см. pleskač
pleskač sivy см. pleskač
pleskačik см. pleskač
plotka suxorebra укр. *плбтка сухбрébра* (Листвин на сев. Житомир. обл. — Никончук КД).
pl'uš рус. *плюш* (н. т. р. Вятка — Лукаш 69).
!podleščik см. !lešč
pučeglaz рус. *пучеглаз* (р. Ока и ее притоки — Тарачк. 10: «редкая рыба»);
рус. *пучеглазик* (донск. — Миртов).
pučeglazik см. pučeglaz
rozp'or польск. *rozpiór* (Klucze 97: «и. т.»; Августов — Wał. 58: «сообщение из Августова, возможно, не является точным, но название это весьма бы подошло для синца»).
ryba словац. *striberna ryba* (Бановцы над Ондавой — Ferianc 55), *strieblistá ryba* (Ferianc 55).
sapa см. !sopa
sen'avka см. sin'ak
se(i)n'ga см. sin'ak
sin'ak рус. *синя́к* (н. т. р. Вятка — Лукаш 69);
рус. *синя́ва* (р. Ветлуга л. п. р. Волга — Варп. РНГ 30); укр. *синя́ва* (Жел.);
рус. *сеня́вка* (донск. — Миртов), *сенявка* (Майкоп — РФВ 1912, 4); укр. *синя́вка, синя́вочка* (Жел.); ср. мар. *синавка* то же (Ревн. 217);

рус. *синчик* (р. Волга в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 33, 44; р. Меша п. п. р. Кама — Варп. ИФКГ 61; р. Сура — Зол.), *синьчик* (басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 72);

рус. *сине́ц* (донск. — Миртов; н. т. р. Вятка — Лукаш 69; «м. н.»; урал. — Карпов 67), *синец* (Даль[2] IV, 186: под *синий*; урал. — СРНГ; Кострома и Плёс — Кес. 1870, 257; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 27: «употребляется реже, чем название *сопа*»; р. Ока — Варп. РНГ 47; бывш. Казан. губ. — Саб. 542; рр. Казанка, Мал. Черемшан — п. п. р. Бол. Черемшан, р. Шешма л. п. р. Кама — Варп. ИФКГ 58, 59, 63; басс. р. Свияга — Рузский 54: «редкое название»; Кушум — Михеева КД), ~ *кривохвостый* (Никополь — Саб. 542), *синцы* мн. ч. (Псков.-Чуд. оз. — РЧП 72), *sinetz* (казаки — Pall. ZRA 327); укр. *сине́ць* (Жел., Гринченко; ниж. Поднестровье — Берлізов 71), *синець* (М. и К. 124: «и. т.»); блр. *сінец* (Жуков РБ 282), *лешч-сінец* (Аўчын. 191: «и. т.»); польск. *siniec* (SW: «od sini»; Staff 161: «и. т.»); ср. рус. *сине́ц* 'мелкая рыбка' (псков., осташ. — Доп. к Опыту, СРНГ: «собир.»);

рус. *сеньга́* (донск. — Миртов), *сеньга* (р. Дон — Филонов 21), *синьга́* (псков. — Даль[2] IV, с. 186: под *синий*; донск. — Миртов), *синьга* (р. Ока и ее притоки в пределах бывш. Орлов. губ. — Тарачк. 10: «редкая рыба»; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 72; бывш. Саратов. губ. — РФВ 1911, 66; побережье Черного моря — Кузн. ОРР 17; побережье Азов. моря — Кузн. ПАБ 50; реки Урала — Ревн. 217), *singa* (р. Дон — Güld. I, 90), *singha* (казаки — Pall. ZRA 327), *sin'ga* и *sen'ga* (оз. Ильмень, р. Волхов, Ладога, Онега — L'Hermitte 77: «*сеньга* 'плотва' — финноугорск. происхождения, а *синьга* — собств. русское, от корня *син-* со значением 'лещ голубоватого цвета'»); укр. *си́ньга* (Жел.), *синьга́* (Ш. и Т. 77), *синьга* (басс. р. Днепр — Емел. 25; русин. — Majew. II, 3); блр. *синьга* (р. Припять — Жуков РБ 282);

рус. *синюха* (реки Урала — Ревн. 217);

рус. *синьгуша* (Льгов. р-н Курск. обл. — Л. и Г. 124);

рус. *синьгушка* (р. Сейм близ Рыльска — Л. и Г. 124);

рус. *синюга* (юж. Россия — Зол); укр. *синю́га* (Жел.); ср. рус. *синю́шка* 'мелюзга, мелочь' (псков., осташ. — Доп. к Опыту), болг. *синушка* 'название рыбы' (р. Луда Камчия; Аспарухово — АБС), лтш. *sinčiks* 'синец' (Лаумане 1973, 219 и сл.: «изредка употребляется в специальной литературе; заимствовано из славянских языков»).

sin'av(oč)(k)a см. sin'ak

sinčik см. sin'ak

sinec см. sin'ak

sinexvost' рус. *сине-хво́сть* (н. т. р. Вятка — Лукаш 69).

sined' рус. *си́недь* (н. т. р. Вятка — Лукаш 69).

sin'guš(k)a см. sinec

sint'apa рус. *синтяпа́* (р. Сура — Варп. РС 9: «редкое название»), *sintepa* (рр. Сура и Волга — Pall. ZRA 327).

sin'ux(g)a см. sin'ak

sob'e ryba польск. *sobie ryba* (SW: «gwar.»; Варшава — Wał. BW 538: «очень редкая рыба»).

!sopa рус. *са́па* (Даль[2]), *сапа́* (р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 58; р. Волга; Астрахань — Клыков), *сапа* (р. Сура около Пензы — Паллас I, 117; н. т. р. Волга — Саб. 542), *со́па* (ССРЛЯ: «обл.»), *сопа́* (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ; оз. Ильмень, Белоозеро, р. Волга — Берг 785; от Выш. Волочка до Ржева — Зол.; р. Волга в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 33, 44; Вятка — Дрягин РБВ 128: «принимается за белоглазку»; Каспий — Кузн. ОРР 17), *ţopa* (липоване в Добрудже — Antipa 146); в.-луж. *sapa* (Pfuhl); чеш. *sapa* (Majew. II, 3);

рус. *сопач* (бывш. Саратов. губ. — Зол.);

рус. *сопина* (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ: «единич.»);

рус. *сопинка* (р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 58);

рус. *со́пка* (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ: «уменьш.»);

рус. *сопня́к* (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ: «собир.»).

sopač см. !sopa

sopin(k)a см. !sopa

sopka см. !sopa

sopn'ak см. !sopa

striberna ryba, streblista ~ см. ryba

suxorebra plotka см. plotka suxorebra

sъšti kosat см. kosat

šil'ar с.-хорв. *šiljar* (Босанска Костайница — Hirtz);

с.-хорв. *šiljarić* (Костайница — Hirtz);

с.-хорв. *šiljić* (Долина на р. Сава, Босанска Градишка — Hirtz).

šil'arić см. šil'ar

šilić см. šil'ar

širman рус. *ширман* 'синец средних размеров' (р. Ока — Варп. РНГ 47);

рус. *ширманчик* (бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 33).

širmančik см. širman

špical'ka см. špice

špica(e)rka см. špice

špice с.-хорв. *špicaljka* (Жупаня на р. Сава — Hirtz);

с.-хорв. *špicar* (Осиек — Hirtz), *špicer* (Осиек, Валпово — Hirtz);

с.-хорв. *špicara*, *špicera* (р. Драва близ Осиека — Hirtz);

с.-хорв. *špicerka* (Дубановачка Бара — Hirtz); ср. нем. *Spitzer*, *Spitzpleinzen* то же (Hirtz).

špicerka см. špice

taran′ рус. *тарань* (Астрахань — Кес. 1877, 261: «синец вместе с другими сродными рыбами»).
volžskij lešč см. !lešč

Густера Blicca bjoerkna L.

androga с.-хорв. *ӑндрога* (РСХКНJ); словен. *andróga* (SSKJ).
babka болг. *ба́бка* (Тутракан — Вакар. 52), *бабка* (р. Дунай от г. Видин до г. Силистра — Дрен. 100), *bápka* (Wak. 49);
baboška рус. *баббшка*, *баббшечка* (с. Казашко близ г. Варна — Романска 378).
babošečka см. baboška
belica болг. *белица* (Дрен. 100; Варненско — Романска 378);
болг. *беличка* (Варненско — Романска 378).
belička см. belica
berebejka см. bereb′or
bereb′or рус. *беребе́йка* (яросл. — Копор. 86, Мельниченко);
рус. *беребёр* (псков. — СРНГ; Шартова, Изменка, Межа на Псков.-Чуд. оз. — Кузн. РС; Кулье Печор. р-на, Подолешье, Чудская Рудница Гдов. р-на Псков. обл., Желачек ЭССР — ПОС);
рус. *беребера́* (Псков — СРНГ, Кес. 1864, 99);
рус. *беребе́рка* (псков. — ПОС; твер. — Даль[2]), *беребёрка* (Моложба Печор. р-на, Афаносово Гдов. р-на Псков. обл. — ПОС), *береберка* (Псков. оз. — Вас. 1882, 312);
рус. *беребёрочка* (псков. — ПОС), *бирибёрочка* (Моложба Печор. р-на Псков. обл. — ПОС: «уменьш.-ласк.»);
рус. *беребра́* (Псков — СРНГ, Саб. 549; Шартова, Изменка, Межа на Псков.-Чуд. оз. — Кузн. РС; твер. — Даль[2]), *биребра* (Псков — Саб. 549); ср. рус. *беребра́* 'рыба, похожая на леща, только значительно меньше последнего' (псков. — СРНГ);
рус. *беребри́на*, *берябри́на* (псков. — ПОС);
рус. *беребри́нка* (псков. — СРНГ, ПОС; Шартова, Изменка, Межа на Псков.-Чуд. оз. — Кузн. РС);
рус. *берёбру́шка* (Каменная Стража Гдов. р-на Псков. обл. — ПОС), *беребрюшка* (псков. — СРНГ; Шартова, Изменка, Межа на Псков.-Чуд. оз. — Кузн. РС).
bereb’or(oč)ka см. bereb’or
berebr(in)(k)a см. bereb’or
berebr’(r)uška см. bereb’or
berežnik рус. *бережник* (влад. — СРНГ; Саб. 549 и сл.: «так как держится у самых берегов, ср. франц. la Bordeliére»).
berželа блр. *бержела* (оз. Бершанское в бывш. Гроднен. губ. — Зограф 98), *бжела* (бывш. Гроднен. губ. — Зол.); польск. *бержела*, *бжела* (Саб. 549); ср. лит. *bìeržeła* то же (оз. Дуб, Ильгис, Лот, р. Неман близ Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6).
birib’oročka см. bereb’or
bl’azgur польск. *blazgur* (Возники Серадзке Лодзин. воев. — MSGP).

bleja польск. *bleja* (Wał. BW 535: «название книжное и областное, заимствовано из нем. яз.»);

польск. *blejak* (Wał. BW 535);

польск. *blik* (Majew. II, 3: «взято у Жончинского»).

Ср. прусск. *Blei* 'густера' (Benecke 123), нем. *Blei* 'лещ' (Bauch 112).

blejak см. bleja

blik см. bleja

blyskanka укр. *бли́сканка* (Ш. и Т. 80);

укр. *бли́скавка* (Гринченко), *bliskawka* (Самбор — Majew. II,3), *liskawka* (Majew. II, 3); ср. укр. *бли́скавка* 'рыба, выбрасывающаяся часто на поверхность воды' (Гринченко).

blyskavka см. blyskanka

bokvica польск. *bokwica* (Majew. II, 3).

bystera рус. *бистера* (р. Кудьма п. п. р. Волга — Варп. РНГ 44), *быстера́* (р. Ветлуга л. п. р. Волга — Варп. РНГ 30), *быстера* (р. Нарва — Вен. 80; р. Кудьма п. п. р. Волга — Варп. РНГ 44; реки Урала — Ревн. 217), *быстеря* (р. Нарва — Зол., Берѓ 763).

cejn чеш. *cejn* (Frič 19: «lid.»), ~ *malý* (Frič 24, Dyk 1946, 233: «и. т.»);

чеш. *cejnek* (SSJČ, Machek[2] стр. 82: под *cejn*; zdrob.), ~ *malý* (SSJČ, Dyk 252: «новый и. т., принятый в 1951 г.»).

cejnek см. cejn

čikleja рус. *чиклея* (р. Исеть л. п. р. Тобол — Саб. 549).

dlešt'ak см. lešč

gąs'ory польск. *gąsiory* мн. ч. (мазур. — Majew. II, 3).

gister см. guster

gorbyl' рус. *горбыль* (Ахтуба — Зол., Саб. 549).

gubar' блр. *губарь* (р. Неман — Жуков РБ 251).

guča польск. *guczá*, *guczka* (Слесин на Куявах — Pracki, откуда Karł. SGP); ср. польск. *gučka* (Лопенно на сев. Великопольши — Tomasz. 127: «разновидность леща»), *gucka* 'rybka zupełnie podobna do płotki' (Ходецкое оз. на Куявах — Matłakowski 133).

gučka см. guča

guster рус. *guşter* (липоване в Добрудже — Antipa 152); укр. *густе́р* (Сухолужье Лиман. р-на в н. т. р. Днестр — Берлізов 39); блр. *uściūr* (Княж-озеро на Витебщине — Mosz. PW 19: «podano jako małego podleszczyka, zapewne Blicca bjoer.»); польск. *guśćor* (Робаково Хелм. пов. Люблин. воев. — М.-К. 16, карта № 5: «najdavńejsa nazva to guśćory, jden to guśćor, a teras jak jeden to nazyvajo kromṕ, krumṕe», Езёраны Решельск. пов. Ольштын. воев. — MSWMO), *gosciory* мн. ч. (мазур. — Benecke 123), *guščor* (Пшиезеже Радуньске, Сяново — Sychta), *ẏister* (Згон Мронгов. пов., Плодово Пишск. пов. — М.-К. 16: «zniekształcona forma nazwy niemieckiej»); ср. рус. *гу́стер* 'название рыбы' (калуж. — СРНГ), ~ 'речная рыба, напоминающая тарань' (Соликам. р.-н Перм. обл. — Соликам. словарь);

рус. *густерá* (Сл. АР; бывш. Осташ. у. Твер. губ. — Опыт; Залучье Осташ. р-на Калинин. обл. — Опыт СКГО; бывш. Астрахан. губ. — Данилевский Доп. к Опыту 6; н. т. р. Вятка — Лукаш 64: «м. н.»), *густера* (р. Волхов — Соловьев 38; по всей Волге и ее притокам — Кес. 1870, 260; р. Волга в пределах бывш. Казан. губ., рр. Свияга, Рутка п. п. р. Волга, р. Мал. Черемшан п. п. р. Бол. Черемшан — Варп. ИФКГ 34, 44, 47, 48, 58, 59; р. Меша п. п. р. Кама — Варп. ИФКГ 60; басс. р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 126; басс. р. Вятка выше г. Слободской — Лукаш РБВ 12; реки Урала — Ревн. 217: «м. н.»), *ghusterá* (Pall. ZRA 326), *gustera* (Ладога — Güld. I, 8); укр. *густерá* (Галиция — Ш. и Т. 80; Николаевка Овидиопольск. р-на Одес. обл. — Берлізов 39: «мелкая густера»; Днепров. лиман, Берислав, Херсон — Кес. 1860, 72), *устера* (р. Днепр и озера в окрестностях Киева — сообщение Е. К. Головатенко), *густера лящоподібна* (Трет. 41: «и. т.»), *густѣра* (XIX в. — Тимч.); блр. *густерá* (р. Зап. Двина — Сап. 223), *густера* (сев.-зап. России — Зограф 98; Жуков РБ 251: «м. н.»), *густэра* (Слуцк — Салян. 20), *гусцера* (Жуков РБ. 251), *гусцяра* (Крыв. 202: «и. т.»), *густеря* (витеб. — Никиф. 493); польск. *guściora* (зап. часть вармийско-мазур. территории — Решельск., Щитнен., Ольштын., Оструд., Нидзиц. поветы Ольштын. воев. — М.-К. 16, карта № 5); ср. рус. *густерá* 'всякая мелкая рыба' (волог. — СРНГ);

рус. *густерина* (сев.-зап. России — Зограф 98); блр. *густерина* (бывш. Витеб. губ. — Саб. 549; Стрельников., Кубецкое, Кузнецов., Ущо озера в бывш. Невельск. у. Витеб. губ. — Варп. ЗИФР 239);

рус. *густёрка* (псков., твер. — Доп. к Опыту: «уменьш. от *густерá*»), *густерка* (р. Волхов, оз. Ильмень — Зол., Варп. РИВ 61; р. Казанка л. п. р. Волга — Варп. ИФКГ 58; р. Свияга и ее басс. — Рузский 55; уральские казаки — Карпов 16; Кушум — Михеева КД); блр. *устерка* (бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 464), *стерка* (в. т. р. Днепр — Жуков РБ 251), *husciùrka* (р. Мозырь — Mosz. PW 19); польск. *guściorka* (Русь Ольштын. пов. — М.-К. 16: «dem.»), *g'uščórka* (Пшиезеже Радуньске, Сяново — Sychta); ср. рус. *густёрка* 'рыба частиковая, черная, из рода Abramis' (урал. — СРНГ), 'мелкая рыба' (сарат. — СРНГ), 'мелкая порода лещей' (псков., осташ. — СРНГ);

укр. *гýстря* (Ш. и Т. 80);

рус. *густырь* (по всей Волге и ее притокам — Кес. 1870, 260); укр. *густырь* (бывш. Харьков. губ. — Чернай 36);

рус. *густыра* (Ленинград. обл. — Герд ВИ 733; почти по всей России — Кес. 1864, 99: «и *густера*»; реки Урала — Ревн. 217); укр. *густи́ра* (Жел.), *густыря́* (Днепров. лиман — Кес. 1860, 72);

рус. *густырка* (по всей Волге и ее притокам — Кес. 1870, 260), *густырька* (юж. Россия — Кес. 1860, 237); укр. *густи́рка*

(Жел.: «dem.»); ср. укр. *густи́рька* 'род рыбы' (бывш. Александров. у. — Гринченко).

Ср. прусск. *Giester* то же, нем. *Rothflossgiester* то же (Benecke 123), *Güster* то же (М.-К. 16).

guster(in)a см. guster

guste('o)rka см. guster

gust'or см. guster

gustr'a см. guster

gustyr' см. guster

gustyr(r')a см. guster

gustyrka см. guster

guža польск. *guža* (Лончинска Хута — Sychta).

xalider с.-хорв. *halider* (Сисак, р. Сава; Петрушевац, Житняк — Hirtz), *halindar* (р. Лоня и ее притоки — Hirtz).

xalindar см. xalider

xoxol рус. *хохол* (р. Свапа с притоками в пределах Курск. обл. — Гладк. 1929, 49: «почти никто, даже рыбаки, густеру от леща не отличают; те же немногие рыболовы, которые знают ее, называют *хохлом*»).

jurevčan с.-хорв. *jurevčan* (Карловац — Hirtz: «потому что нерестится около дня Георгия»).

kalinka рус. *калинка* (р. Сура — Берг 763; бывш. Пенз. губ. — Магн. 19);

рус. *калиновка* (р. Сура — Зол., Варп. РС 10).

kalinovka см. kalinka

karzoxa рус. *казоха*, *карзоха* (бывш. Владимир. губ. — СРНГ), *корзо́ха* (Переслав. оз. — Бурнашев, СРНГ); ср. рус. *корзоха́* 'рыба, похожая на подлещика' (влад. — Даль² II, с. 164: под *коржа́вина*);

рус. *корзошка* 'мелкая густера' (Переслав. оз. — Бор. 1926, 124).

kazoxa см. karzoxa

kerekin'a с.-хорв. *kerekinja* (Валпово — Hirtz);

с.-хорв. *kerekinjica* 'маленькая густера' (Hirtz).

kerekinica см. kerekin'a

klen в.-луж. *klen* (Pfuhl).

klešč н.-луж. *klěšć* (Sławski II, z. 2, стр. 212: под *kleszcz*).

korzoxa см. karzoxa

korzoška см. karzoxa

krąp см. kromp

krąpel' см. kromp

krąpik см. kromp

krempa польск. *krempa* (Тернополь, р. Серет — Now. 63).

kresn'a рус. *кресня* (Коломна на р. Ока — Зол., Саб. 549).

kręžel' польск. *krężel* (Wał. BW 540).

kromb см. kromp

kromp блр. *кромп* (р. Неман — Жуков РБ 251), *кромпль* (р. Зап. Двина — Жуков РБ 251: «редкое название, от польск. *kromp*»); польск. *krąp* (Повислье — Wał. 57: «в литературу ввел Жончинский; название употребляется не везде»), *krąp* (SW, SDor; вост. часть вармийско-мазур. территории — Мронгов., Гижиц., Олец., Пишск., Элк. поветы, р-н Сувалок — М.-К. 16: «nazwa niejasna etymologicznie», Klucze 98: «и. т.»), *krómbʸe* мн. ч. (Курпе — Friedrich 124), *kromp* (р. Нарев в Тыкоцин. пов. — Gloger 833, Karł. SGP), *krompś* (Вармия — Zn.-Prüf. 1953, 231), *krump* (Karł. SGP, Wyg. 440: «м. н.»), *krump'* (мазур. — Benecke 123, Majew. II, 3), *кромп* (в. т. р. Висла — Саб. 549), *крумпья* (Варшава — Зол), *kr̨ǫpe* (Кренги Старэ Вышков. пов. Варшав. воев. — MSGP); ср. польск. *krump* 'название рыбы' (Дульск, Голюб Добжин. пов. — MSGP);

польск. *krąpik* (SDor: «zdrob. od *krąp*»; Wyg. 440: «м. н.»; Нида Мронгов. пов. — М.-К. 16: «dem.»); ср. польск. *krąpiel* 'gatunek ryby' (юго-зап. часть Влодав. пов. с прилегающей к нему частью Любартов. пов. — MSGP).

krugl'ak рус. *кругля́к* (н. т. р. Дон — Миртов, Макаров АКД: «название по признаку формы»), *krugleak* (бывш. Воронеж. губ. и р. Дон — Pall. ZRA 326); укр. *кругля́к* (Ш. и Т. 80: «местами»), *кругля́к* 'мелкая густера' (Зол.).

krump(ja) см. kromp

krupatica с.-хорв. *krȕpatica* (RJA), *krupatica* (EJ t. 7, стр. 664: «и. т.»; р. Дунай близ Белграда — Hirtz);

с.-хорв. *krȕpatka* (RJA), *krupatka* (р. Дунай близ Вуковара, рр. Драва, Сава; Сриемска Митровица, Дубица — Hirtz).

krupatka см. krupatica

křinek чеш. *křínek* (Machek[2] стр. 82: под *cejn*; неясно; Frič 24, Dyk 252: «старое название»).

laskar' см. loskir'

laski(y)r(r') см. loskir'

laskir(r')a см. loskir'

laskirka см. loskir'

laskura см. loskir'

laskuša см. ploskavica

latik рус. *латик* (р. Вытегра — Саб. 549, Пушк. 35); ср. ижор. *latikka* 'густера' (Кес. 1864, 99), эст. *latik* 'лещ' (ПР 407).

lep'oxa рус. *лепёха*, *лепёшина*, *лепёшня* (Молдино Удомельск. р-на Калинин. обл. — Опыт СГКО).

lep'ošina см. lep'oxa

lep'ošn'a см. lep'oxa

leskovka блр. *лéскоўка* (Одрижин, Лопатин, Велута, Рубель, Хоромск, Ольманы — Крив. 169), *л'áскоўка* (Ольманы, Боложевичи, Шестовичи, Антонов — Крив. 169).

!lešč укр. *łeszcz* (р. Днестр близ Галича — Barta RD 60); польск. *leszcz* (Галиция — Now. 1889, 53);

чеш. *dlešťák* (Полабье — Šimek 1959, 95; Колин — Šimek 1954, 90);

рус. *лещáт(д)ка* (Даль[2] II, стр. 250: под *лéша*);

укр. *ліщавúця, ліщавúчка* (Жел.);

укр. *лещáвка* (Васьковичи, Ушомир Коростеньск. р-на, Ласки Овруч. р-на Житомир. обл. — Лысенко СЖ 32); блр. *лéшчаўка* (Луково, Антонов — Крив. 169), *лещавка* (Жуков 1958, 97: «местами»);

блр. *лешчáвочак* (Спорово, Здитово — Крив. 169);

укр. *łeszczyk* (р. Днестр близ Галича — Barta RD 60); польск. *leszczyk* (SW, SDor, Zn.-Prüf. RT 6: «и. т.»; Солотвин, Станислав, Галич — Łom. 53);

укр. *leszcziwka* (Чайковичи, Самбор, Гордыня — Now. 59);

рус. *лещóтка* (осташ., твер. — Опыт);

рус. *подлéщ* (Даль[2]); польск. *podleszcz* (Wyg. 440: «м. н.»); ср. рус. *подлéщ* 'речная рыба, сходная с лещом, а также лещ небольших размеров' (ССРЛЯ), польск. *podleszcze* 'белые рыбы, похожие на леща, с красными плавниками' (Ład. II, 122);

рус. *подлéщик* (Рос. Цел., Даль[2]; бывш. Петрозавод. у. — Куликовский), *подлещик* (исток р. Свирь, Вознесенск — Пушк. 35; Обонеж. край — Кес. 1868, 48: «название *густера* не употребляется»; р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 180: «смешивается с мелким лещом»; р. Нарва — Зол.; бывш. Невельск. у. Витеб. губ. — Варп. ЗИФР 239; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 77: «неправильно»; р. Теша п. п. р. Ока — Варп. РНГ 50: «смешивается с лещом»; р. Сура — Варп. PC 10; бывш. Казан. губ. — Зол., Варп. ИФКГ 34; р. Рутка п. п. р. Волга, р. Бол. Кокшага л. п. р. Волга, р. Мал. Черемшан п. п. р. Бол. Черемшан, р. Меша п. п. р. Кама, р. Шешма л. п. р. Кама — Варп. ИФКГ 44, 48, 59, 69, 63; р. Кама — Меньш. 395: «как и молодь леща»; басс. р. Урал — Навозов 271); укр. *podleszczyk* (р. Стрыпа в Злочевцах — Now. 65), *podłeszczyk* (р. Стрый — Now. 73); блр. *подлещик* (р. Зап. Двина — Сап. 214: 'густера не более 1 фунта; двинские рыбаки считают ее молодым лещом»; бывш. Витеб. губ. — Саб. 549), *пудлéшчик* (Полесье — Крив. 171); польск. *podleszczyk* (SWil, SDor, Jar. 69, Leś. 52: «и. т.»; Wyg. 440: «м. н.»; Варшава — Wał. 57; Радом — Majew. II, 3; Краков, р. Сола п. п. р. Висла, р. Брень л. п. р. Висла, р. Вислока л. п. р. Висла близ г. Мелец — Now. 22, 27, 41); ср. рус. *подлéщик* 'речная рыба, сходная с лещом, а также лещ небольших размеров' (ССРЛЯ);

блр. *подлешчóўка* (Конотоп, Дерновичи, Довляды — Крив. 171);

польск. *pulešč* (< półlešč) (Пенцморги Свец. пов. — MSGP); ср. польск. *półleszcze* pl. t. 'белые рыбы, похожие на леща' (SWil);

польск. *półleszczyk* (Majew. II, 3).

leščat(d)ka см. !lešč

leščavica см. !lešč

leščav(ič)ka см. !lešč
leščavočak см. !lešč
leščik см. !lešč
leščivka см. !lešč
leščotka см. !lešč
lidra с.-хорв. *lidra* (Hirtz).
liskavka см. blyskanka
liskirka см. loskir'
lopar' рус. *лопарь* (устье р. Суна — Пушк. 35; юж. часть Онеж. оз. — Покр. 70; бывш. Богород. у. Москов. губ. — Зол.); ср. фин. *lopperi* то же (Финляндия, Сердоболь — Кес. 1864, 99); с.-хорв. *lopar* (Костайница — Hirtz); ср. с.-хорв. *lȍpâr* 'suha riba rasječena niz leđa' (Осиек — RJA);

с.-хорв. *loparica* (Костайница — Hirtz).

loparica см. lopar'
lopyr' рус. *лопырь* (р. Клязьма — Зол., Доброклон. 135).
loskir' рус. *ласкари* мн. ч. (черномор. — Миртов);

рус. *ласки́рь* (Даль[2]; Кочетовская в н. т. р. Дон — Макаров РЛК 239; н. т. р. Дон, бывш. Хопер. округ — Миртов; Макаров АКД: «слово тюркского происхождения»), *ласкы́рь* (донск. — Сол.), *лоскирь* (побережье Азов. моря — Кузн. ПАБ 103), *laskir* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 152) *laskyr* (бывш. Воронеж. губ. и р. Дон — Pall. ZRA 326); укр. *ласки́р* (Красная Коса Старокозац. р-на Одес. обл. — Берлізов 51), *ло́скир* (Жел.), *лоски́р* (Полтавщина — Ш. и Т. 80), *лоскирь* (р. Днепр — Кес. 1860, 239; Бессарабия — Берг 1918, 28), *плоски́рь* (Клыков); блр. *ласк'и́р*, *пласк'и́р* (Боложевичи — Крив. 169); ср. укр. *ласки́р* 'мелкая рыба из породы карпа' (ниж. Поднестровье — Дзенд. КД);

рус. *пласкира* (Свенте — Laumane 1973, 181);

рус. *плоскирия* (бывш. Воронеж. губ. — Саб. 549); ср. рус. *плоскиря* 'рыба ласкиря' (черномор. — Даль[2] III, с. 127: под *пло́скій*);

укр. *ласкиря́* (Ш. и Т. 80), *лоски́ра* (Жел.), *łoskira* (р. Днепр — Majew. II, 3), *лоски́ря* (р. Днестр — Гринченко), *лоскиря́* (Ш. и Т. 80; Берислав, Херсон — Кес. 1860, 79, 105), *лоскиря* (р. Днепр — Кес. 1860, 239), *плоскиря́* (УРС), *плоскиря* (сев. побережье Черного моря — Кес. 1860, 241); ср. укр. *ласки́р(к)а* 'мелкая рыба из породы карпа' (ниж. Поднестровье — Дзенд. КД);

рус. *лиски́рка* (р. Терек — Кузн. ТРП 44), *лоски́рка* (побережье Азов. моря — Кузн. ПАБ 103); укр. *ласки́рка* (Ш. и Т. 80; ниж. Поднестровье — Берлізов 51: «уменьш. от ласкир»), *ласкирка* (н. т. р. Припять — Ляш. 57), *ласкирки* мн. ч. 'молодь густеры' (р. Днепр — Амброз 137), *ласкірка* (с. р. т. р. Днепр, н. т. рр. Припять и Десна — Завіст. 120), *лоски́рка* (Жел.), *лоскирка* (р. Днепр; Берислав — Кес. 1860, 239, 105: «мелкая густера»), *лоски́рька* (р. Днестр — Гринченко: «уменьш.»),

плоскúрка (УРС), *плоскирка* (сев. побережье Черного моря — Кес. 1860, 241); блр. *(п)ласкирка* (р. Припять — Жуков РБ 251); польск. *płaskirka* (Виленщина — Plater 1861, 42);

укр. *laskura* (р. Стырь близ Лопатина — ZR 27), *plaskura* (р. Стырь близ Лешнева — Małacz. 60); блр., польск, *płaskura* (р. Неман в пределах Литвы — Wał. BW 541: «из *płoskira*»); словац. *pl'askurka* (Обышовцы — Ferianc 52).

Ср. лтш. *plaskira* (Кауната), *plascerka*, *plaskirs*, *plastarka* 'густера' (оз. Резна — Laumane 1973, 181-2), лит. *plaskirka* то же (Laumane 1973, 181).

loski(r')a см. loskir'

loskir(r')ka см. loskir'

loskutok блр. *ласкутóк* (вост. Могилевщина — Бялькевіч).

lupar' блр. *лупарь* (бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 464);

lupyrka рус. *лупúрка* (юж. — Даль[2]); укр. *лупúрка* 'мелкая густера' (Ш. и Т. 80; сев. берег Черного моря — Кес. 1860, 239), *лупірка* то же (Жел.).

luskerka см. luskyr'

luskyr укр. *лускúр* (Жел.); ср. укр. *лускúрь* 'род рыбы' (Гринченко);

блр. *лускерка* (р. Зап. Двина — Сап. 223; Витебщина — Никиф. 493).

l'otka блр. *лёткa* (р. Зап. Двина — Саб. 549, Сап. 223), *летка* (Витебщина — Никиф. 493).

morda рус. *морда* (р. Нарва — Зол., Саб. 549).

morga рус. *мóрга* (Сыренец, Яма на сев. берегу Псков.-Чуд. оз. — Кузн. PC);

рус. *моржúнка* (Сыренец, Яма на сев. берегу Псков.-Чуд. оз. — Кузн. PC), *моржинка* (псков. — Герд СА 23).

moržinka см. morga

okan' словац. *okáň*, *okúň* (Тренчин — Ferianc 52: «na základe vel'kých, výrazných očú týchto rýb»).

ościnec польск. *ościniec* (Majew. II, 3).

ouhorak чеш. *ouhorák* (Колин — Šimek 1959, 95: «větší, asi jako dlaň vel'ký dlešt'ák»).

paltuxa рус. *палтуха* (р. Кама — Меньш. 395: «вместе с молодью леща»; рр. Кама, Белая, Уфа, Чусовая, Сылва — Ревн. 217); ср. рус. *палтýха* 'речная рыба, сходная с лещом, но меньших размеров и менее плоская' (Соликам. р-н Перм. обл. — Соликам. словарь).

parik рус. *парúк* (бывш. Петрозавод. у. — Куликовский), *парик* (р. Водла — Саб. 549, Пушк. 35: «не потому ли, что ловится в паровое, летнее время?»); ср. рус. *парик* 'род мелкой рыбы' (пинеж., арханг. — СРНГ);

рус. *паричёк* (бывш. Петрозавод. у. — Куликовский).

paričok см. parik

perebra см. bereb'or

pest словац. *piest* (Balon 176), ~ *malý* (Ferianc 52), ~ *zelenkavý* (Ferianc 52: «и. т.; názov opiera sa o široké, tl'apkavé telo, ktoré svojím tvarom ponáša sa na prací piest»).
pikus укр. *пикус* (русин. — Зол.); польск. *pikuś* (Краков — Now. 21), *pikus* (Staff 285).
pyr укр. *пир* (русин. — Зол.).
plaskir(ka) см. loskir'
plaskura см. loskir'
platica см. plotica
platika см. plotica
pl'askurka см. loskir'
plecak словац. *plecáky docela bílé* мн. ч. (Mahen 1927, 65: «м. н.»).
pleskač словац. *malý plieskač* (Тренчин — Ferianc 52: «v miestach neresenia robia vel'ký čl'apot, plieskanie»), *pleskač malý* (Dyk 1946, 233, NR 202: «и. т.»);

укр. *плесканка* (Гринченко);

укр. *плéскавка* (Жел.), *pleskawka* (Самбор — Majew. II, 3); блр. *плéскаўка* (Боложевичи — Крив. 169);

укр. *плескави́ця* (Жел., Гринченко).

Ср. болг. *плясканица* 'риба 5—10 см, плоска, костиста' (Беброво, Елена — АБС).
pleskanka см. pleskač
pleskavka см. pleskač
pleskavica см. pleskač
pletnik словац. *pletníky docela bílé* (Mahen 1927, 65).
plizdra польск. *plëzdra*, *plizdra* (Картузск., Хойниц. пов. — Sychta);

польск. *pl'ëzderka*, *pl'izderka* (Рольбик — Sychta: «dem.»).
plizderka см. plizdra
ploskavica укр. *плоскави́ця* (Жел.), *плоскавиця* (Гринченко), *ploskawycia* (Чортков — Majew. II, 3);

рус. *ласкуша*, *плоскуша* (басс. р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 126); ср. рус. *плоскýша* 'рыба плотва, плотица, Leuciscus или Abramis?' (юж. — Даль² III, с. 127: под *плóскiй*);

рус. *плоскушка* (Кес. 1877, 263); укр. *плоскýшка* (Ш. и Т. 80); ср. болг. *плоскач*, *плоскé* 'речна риба' (Тетевен — СбНУ XXXI, 320; р. Осым, Троян — АБС: «сплеснато, с едри люспи»), лит. *plakis* 'густера', лтш. *plake* то же (Benecke 123).
ploskir(r')a см. loskir
ploskirka см. loskir
plosku̇š(k)a см. ploskavica
plotica польск. *płocica* (Jar. 69: «в некоторых местах Польши»; Leś. 52: «во многих районах»); с.-хорв. *platica* (RJA), *plotica* (Hirtz);

с.-хорв. *platika* (RJA; р. Дунай близ Белграда, р. Морава близ Парачина; Чуприя — Hirtz);

рус. *плотва* (р. Нарва — Вен. 89: «неправильно»; н. т. р. Волга от Самары — Зол., Саб. 549: «иногда»).

plotva см. plotica
plyxta польск. *plëxta* (Sychta), *plixta* (Заборы — Sychta).
podlešč(ik) см. !lešč
podleščovka см. !lešč
polčebak рус. *полчебак* (Plater 1861, 42).
pollešč(ik) см. !lešč
poruga рус. *поруга* (оз. Чаранда, Веще в басс. р. Онега в Чарозерск. р-не — Берг 763; оз. Чаранда — ПР 404).
resta рус. *рестá* (Белоозеро — Берг 763), *реста* (р. Ковжа — Саб. 549).
rybka польск. *sucha rybka* (Majew. II, 3).
!sapa рус. *сáпа* (бывш. Новгор. у. Новгор. губ. — Соловьев 50: «слово стало употребляться... рыботорговцами только с недавнего времени»).
!sinec рус. *синец* (басс. р. Урал — Навозов 271: «принимают за леща, но ценят густеру все-таки гораздо ниже его»).
sivuxa блр. *сивуха* (р. Зап. Двина — Жуков РБ 251).
skalak чеш. *skalák* (Šimek 1954, 90: «местами»; Dyk 252: «старое название»); словац. *skalák* (Тренчин — Ferianc 53: «je z českého podobného pomenovania a jeho pôvod je jasný»).
slezik словац. *slezík* (Ferianc 53: «pôvod mena je hmlistý, súvisí so slizom, či s pochopom rastliny slez?»).
sterka см. guster
suxare(p)a см. suxoryba
suxa rybka см. rybka
suxorebrica блр. *сухоребрица* (р. Неман — Жуков РБ 251).
suxoryba блр. *сухарепа* (бывш. Виленск., Вилейск., Свенц., Трок. уезды бывш. Вилен. губ. — Зограф 181), *сухорыба* (оз. Оникшта бывш. Трок. у. Вилен. губ. — Зограф 98), *sucharéba* (*sucharièba*) (оз. Дуб, Ильгис, Лот, р. Неман в р-не Друскининкай — Zn.-Prüf. RD **6**); польск. *sucha ryba* (Staff 286), *sucharèba* (оз. Дуб, Ильгис, Лот, р. Неман в р-не Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6), *suchareba* (оз. Тракай — Zn.-Prüf. RT 6); ср. лит. *sukarèbka* 'густера' (оз. Дуб, Ильгис, Лот, р. Неман в р-не Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6).
šurman рус. *шурман* (басс. р. Вятка от г. Вятка до устья р. Летка — Дрягин РБВ 126).
talovirka рус. *талавéрка* (Елизаветинская в н. т. р. Дон — Миртов; н. т. р. Дон — Макаров АКД 5: «мелкая густера»), *талавúрка* (р. Дон — Клыков), *тáловирка* (р. Дон — Саб. 549), *таловирка* (Азов — Кузн. ОРР 17); ср. рус. *таловúрка* 'вид белой рыбы' (кубан. — СРНГ), *таловирка* 'мелкая рыба лещовой породы' — тарань, лещ и проч. (Азов. побережье — Кузн. ПАБ 85, 107).
tarabar рус. *тарáбар* (бывш. Пудож. у. — Куликовский);
рус. *тарáбра* (р. Свирь — Куликовский);
рус. *тарабашка* (бывш. Олон. губ. — Саб. 549, Пушк. 35; юж. часть Онеж. оз. — Покр. 70).

tarabaška см. tarabar
tarabra см. tarabar
taran' рус. *тарань* (н. т. р. Волга от Самары — Кес. 1870, 260; низовья и дельта р. Волга — Гримм 1896, 117, Берг 763: «неправильно»; Каспий — Кузн. ОРР 17; р. Кама — Меньш. 395; рр. Кама, Белая, Уфа, Чусовая, Сылва — Ревн. 217); болг. *тара́н* (Криничное Болград. р-на Одес. обл. — собств. наблюд.);
болг. *тара́нка* (Криничное Болград. р-на Одес. обл. — собств. наблюд.);
рус. *тарашка* (низовья р. Волга — ПР 404: «неправильно»).
taranka см. taran'
taraška см. taran'
ter'oxa рус. *терёха* (верховья р. Днепр — Домр. 150), *тереха* (Смолен. обл. — Берг 763).
ud'obnik рус. *удёбник* (Цимлянская в н. т. р. Дон — Миртов).
ustera см. guster
usterka см. guster

Рыбец (сырть) Vimba vimba L.[1]

anča чеш. *chuda anča* (морав. — Bart. II, 497).
bajcaš с.-хорв. *bajcaš* (Вараждин — Hirtz).
bajs с.-хорв. *bajs* (р. Сава; Запрешич — Hirtz);
с.-хорв. *bajsa* (Запрешич, Хорватско Загорье — Hirtz).
bajsa см. bajs
belica словац. *belica* (Ferianc 56).
bima в.-луж. *bima* (Pfuhl).
břona польск. *břana* (Пуцк — Lor. PW), *břona* (Хайстернест, Пуцк, Вейхерово, Нанец — Lor. PW).
buborak с.-хорв. *buborak* (р. Дунай у Донего Милановаца, Текия; Габель в Герцеговине — Hirtz), *бу̏борак* (РСХКНJ).
cejn чеш. *cejn jezerní* (н. т. р. Морава — Dyk 1946, 212, 233: «макед. рыбец Abramis melanops Heck.», рр. Морава, Лаба, Одра — Štěpánek 35: «по мнению некоторых ихтиологов, например, Берга, эту рыбу можно считать subspecii обыкновенного рыбца»).
certa см. cyrta
cyrfka см. cyrta
cyrta рус. *подуст-цирта* (Терл. 237); укр. *цитра* (в. т. р. Буг — Зол), *cytra* (в. т. р. Буг, р. Стырь близ сс. Бурдуляки и Пяски — Now. 51, 57); блр. *цирта* (бывш. Ново-Александров у. Ковен. губ., Диснен. у. Вилен. губ. — Зограф 69; р. Неман — Жуков 1958, 120), *цырта* (северо-зап. говоры — Купр. 1965, 157: «у нашай рэццы водзіцца цырта, але вельмі рэдка»; ар-

[1] Приводятся названия не только обыкновенного рыбца, но и других видов и подвидов рыбцов, выделяемых в ихтиологической систематике, например, македонский рыбец, каспийский рыбец.

хаич.), *цитра* (Мирский р-н — Жуков 1958, 120: «название *сырть* не употребляется»); польск. *certa* (1490 г. — Sł. stpol; Rostaf. 398: «из нем. *Zärthe*», SW, SDor, Staff 166: «и. т.»; кашуб. — Benecke 120; Повислье — Wał. 60: Пенцморги, Бобровники Липнен. пов. — MSGP; р. Пилица при впадении в р. Висла — Mis. 9; р. Дунаец п. п. р. Висла, р. Сан близ г. Ярослав — Now. 36, 43; р. Зап. Двина — Wał. BW 547), *cyrta* (Вармия, Мазуры — Zn.-Prüf. 1953, 231; Курник Сремски, Возники Серадзке, Дрогичин над Бугом, Оборники — MSGP; р. Висла от Освенцима до Неполомице, р. Пшемша л. п. р. Висла, рр. Скава и Скавинка п. п. р. Висла, рр. Вильга и Раба, Дунаец п. п. р. Висла; Закличин, Перемышль — Now. 21, 26, 30, 32, 33, 34, 36, 43; р. Вилия п. п. р. Неман — Tyszk. 88; Wyg. 441: «и. т.»), *cytra* (SW: «gwar.»), *czerta* (р. Сан близ г. Ярослав — Now. 26), *leszcz-cérta* (Jar. 68, Leś. 50: «и. т.»);

польск. *cyrfka* (р. Сола п. п. р. Висла — Now. 27), *cyrtka* (Галиция — Now. VIII; Тшенсьнев Кольски — MSGP).

cytra см. cyrta

čarovnica польск. *czarownica* (SW: «gwar.»; р. Сола п. п. р. Висла — Now. 27).

černoglazka рус. *черноглазка* 'салгир. рыбец V. v. tenella natio karasuensis Zeeb et Delamure' (р. Салгир в Крыму — Саб. 537).

černospinka рус. *черноспинка* 'подвид касп. рыбец V. v. persa (Pall.)' (зап. и юж. берег Каспия — Берг 797).

diver с.-хорв. *diver gubičasti* (р. Драва; Вараждин — Hirtz), *губичасти дйвер* (РСХКНJ).

dorst с.-хорв. *dorst* (Hirtz).

fečka укр. *фечка* (Закарпатье — Влад. 73).

gibort с.-хорв. *gibort* (р. Дунай близ Текии — Hirtz), *гйборт* (н. т. р. Дунай; Джердап — РСХКНJ).

glodovik укр. *глодовик* 'озимая форма рыбца V. v. v. natio carinata Pall.' (Днепровско-Буг. р-н — М. и К. 127).

goloven' укр. *го^{у}ловéн'* (р. Юж. Буг в пределах Кривозер. р-на Николаев. обл. — Терешко КД: «синоним *рибéц*»).

kara-balъk болг. *кара-балък* (Геров, Пешев и Боев: «подвид макед. рыбец V. v. melanops»), *карабалък* макед. рыбец V. v. melanops Heck. (р. Марица и ее притоки — Дрен. 106).

karag'ozka болг. *карагьозка* 'малый рыбец V. v. tenella (Nord.)' (рр. Резовска, Ропотамо, Велека, Камчия — Дрен. 106).

!kefal' рус. *кефаль* (Грац. 150); укр. *кефáль* (р. Днестр — Ш. и Т. 100), *кефаль* (Могилев-Подольский — Саб. 536).

kobyla польск. *kobyła* (SW: «gwar».; р. Вислок п. п. р. Сан близ Кросно, р. Любачувка п. п. р. Вислок — Now. 45, 46).

krunašica с.-хорв. *krunašica* (Дубица — Hirtz).

lepen'-gal укр. *лепень-гал* (Закарпатье — Влад. 73).

levga болг. *левгá* (Геров).

lobač рус. *лобач* 'черноморско-азов. рыбец V. v. v. natio carinata (Pall.)' (ПР 420); укр. *рибець-лобач* 'рыбец-лобач V. v. v. natio bergi Velikochatko' (н. т. р. Буг и Днепровско-Буг. лиман до Ивано-Франковска — М. и К. 128).

malinovka блр. *малиновка* 'крупный рыбец, нерестящийся во время цветения малины' (р. Зап. Двина — Терл. 203).

morunaš рус. *morunaş* (липоване в Добрудже — Antipa 145); болг. *морунаш* (Дрен. 105), *мурунаш* (Моров 57); с.-хорв. *morunaš* 'макед. рыбец' (Hirtz); ср. рум. *morunaş* то же (Antipa 145).

nosak польск. *nosak* (Wał. BW 537: «шутливое название»); чеш. *podoustev nosák* (Šimek 1959, 100);

словац. *nosál'* (SSJ), *nosál' obyčajný* (Ferianc 56: «и. т.»);

с.-хорв. *nosara* 'черноморско-азов. рыбец' (Vuković 76), *nosara* (Долина на р. Сава, Босанска Градишка, р. Дрина, Бараковац в Боснии — Hirtz; Дервента — Hirtz 358: под *rusla*);

словац. *nosiadka* (Dyk 1946, 210), *nosiatka* (Ferianc 56).

nosal' см. nosak

nosara см. nosak

nos'adka см. nosak

n'úxač словац. *ňuchāč* (Орава — Ferianc 56).

ogrica с.-хорв. *ogrica*, *ugrica* (Hirtz); словен. *ogríca* (Люблянская околия — Pleteršnik).

padoustev см. podust

palašika с.-хорв. *palašika* (Ресник в Хорватии — Hirtz).

paroustev чеш. *paroustev* (SSJČ, Frič 23).

piskul'a рус. *пискýля* (р. Волхов — СРНГ).

planas с.-хорв. *planas* (Hirtz);

с.-хорв. *plavi nos*, *plavnos* (Hirtz);

с.-хорв. *plavnozer* (рр. Сава и Босут — Hirtz);

с.-хорв. *plavonosa* (н. т. р. Босна; Земун — Hirtz);

с.-хорв. *plavonosac* (Бабска-Новак — Hirtz); ср. нем. *Blaunase* то же.

plavi nos см. planas

plavnos см. planas

plavnozer см. planas

plavonos(ac) см. planas

plotice чеш. *plotice jezerní* 'макед. рыбец' (Mahen 1926, 65).

podl'uskva польск. *podlustwa*, *podluskwa* (р. Сола п. п. р. Висла — Now. 27).

!podust рус. *подýст* (Шартова на Псков.-Чуд. оз. — Кузн. РС); блр. *подуст* (р. Зап. Двина — Терл. 203); польск. *podust* (Wał. BW 537);

польск. *podusta* (Wał. BW 547: «Плятер указывает, что на р. Зап. Двина название *certa* известно, но рыбаки часто называют *podusta*»);

чеш. *padoustev* (PSJČ, SSJČ), *podoustev* (PSJČ, SSJČ, Frič 23; р. Морава — NR 209: «часто смешивается с подустом»), ~ *černá* (Mahen 1931, 12: «макед. рыбец»), ~ *jezerní*

(рр. Морава, Лаба, Одра — Štěpánek 35: «название, употребляемое рыбаками»), ~ *nosák* (Lohniský 31: «обыкновенный рыбец»), ~ *nosatá* (Šimek 1954, 78, Dyk 259: «и. т.»), ~ *říční* (RP 109: «и. т.»), ~ *obecná* (Štěpánek 35: «и. т.»), *podustev* (Frič 23: «lid.»);

блр. *подуства* (р. Зап. Двина — Сап. 214; витеб. — Никиф. 493); чеш. *podóstva* (ганац. — Kott 1910), *podustva* (SSJČ), *podústva* (SSJČ; Подлужье — Kott 1910), *podúzdva* (морав. — Bart. II, 497); словац. *podustva* (Тренчин, Ружомберок. Зволен — Ferianc 56);

чеш. *podoustvička* (SSJČ: «zdrob.»);

podust-cyrta см. cyrta

podusta см. podust

podustev см. podust

podustva см. podust

podustvička см. podust

poduzdva см. podust

popadija макед. *popadija* 'макед. рыбец' (Скопска Котлина — Hirtz);

макед. *попадика* то же (рр. Вардар, Струма — Апостол. и др. 51: «и. т.; редкая рыба в водах Македонии»).

popadika см. popadija

putevica блр. *путевица* 'рыбец средних размеров' (р. Зап. Двина — Терл. 203).

с.-хорв. *rusla*, *ruslja* (Костаневица, р. Сава близ Брежица — Hirtz); ср. нем. *Russnase* то же.

ryba černa болг. *чéрна рúба* (Геров).

rybčik см. rybec

rybec рус. *ры́бчик* (юж. — Даль² IV, с. 116: под *ры́ба*; Елизаветинская — Миртов), *рыбчик* (н. т. р. Дон — Макаров РЛК 240: «чаще употребляется это название; разг. форма»; дельта р. Дунай — Гриценко 1964, 40: «мелкий рыбец»; устье р. Дон — Берг 791), *rybtschik* (донск. — Pall. ZRA 323); укр. рибчик (Ш. и Т. 100);

рус. *рыбéц* (юж. — Даль² IV, с. 116: под *ры́ба*; ССРЛЯ; Кочетовская в н. т. р. Дон — Макаров РЛК 240), *рыбец* (юж. Россия — Зол.; устье р. Дон — Берг 791; дельта р. Дунай — Гриценко 1964, 40: «крупный рыбец»), *rybez* (донск. — Pall. ZRA 323), *ribeț* (липоване в Добрудже — Antipa 145); укр. *рибецъ* (XVIII в. — КІС), *рибéць* (Жел., Ш. и Т. 100), *рибéц* (р. Буг в пределах Кривозер. р-на Николаев. обл. — Терешко КД), *rybiec* (р. Днестр близ Езополя — Barta 1877, 448), *rybéć* (Сивка и Мошковце в р-не Калуша — Janów 198), *rybeć* (Галич — Now. 60; р. Сивка — Barta 8; рр. Ломница, Быстрицы Солотвинская и Надворнянская — Now. 77, 80, 81), *rybec* (Галич, р. Збруч — Now. 60); блр. *рыбéц* (БРС; р. Днепр — Жуков РБ 288); польск. *rybiec* (Wał. BW 537: «название, употребляемое в варшавских магазинах для привозного рыбца»; Солотвин,

Станислав, Галич — Łom. 53; Wyg. 441: «диал.»); болг. *рибéц* (Суворово Одес. обл. — П.-Зел. 114).

sel'ava рус. *селява* (юж. Россия — Зол.), *seláwa*, *silewa* (р. Волга — Pall. ZRA 323); укр. *селя́ва* (Ш. и Т. 100);

рус. селявка (Грац. 150).

sel'avka см. sel'ava

siga salovaja блв. *сига саловая* (Новоселки Скидельского р-на — Жуков 1958, 120: «...отождествляют ее, вероятно, с подустом, но подчеркивают различие словом *саловая*, т. е. обитающая на *сале* — галечниках, крупнозернистых россыпях»).

sinogub укр. *синогуб* (Ш. и Т. 100), *синьогу́б* (Гринченко, Ш. и Т. 100), *сынохуб* (в. т. р. Днестр — Зол., русин. — Саб. 536), *synohub* (р. Гнилая Липа; Рогатин — Now. 66);

укр. *синогуба* (русин. — Зол., Саб. 536), *synohuba* (Now. 1889, 32: «из-за синего рыла»; р. Стрый — Now. 73); польск. *synohuba* (SW: «gwar».); ср. нем. *Blaunase* то же.

sinoguba см. sinogub

slnečnica словац. *slnečnica* (Мотёва — Ferianc 56).

stradal блр. *страдал* (бывш. Рогач. у. Могил. губ. — Демб. I, 463).

syrt' рус. *сиреть* (сев. Россия — Кес. 1877, 262), *сы́реть* (р. Волхов — СРНГ: «реже, чем *сырть*»), *сыреть* (вся сев. Россия — Кес. 1864, 92; зап. и сев. Россия — Зол), *сырть* (1590—1592 гг. — Л. и Г. 198; вся сев. Россия — Кес. 1864, 92; озера Валдай, Велье, Шлино — Гримм 1899, 55), sirt (Ладога, Новгород — Güld. I, 8), *sireet* (Ладога — Pall. ZRA 322); польск. *syrt* (Варшава — Wał. BW 537);

рус. *сыртики* мн. ч. 'маленькая сырть' (зап. — Терл. 237);

рус. *сырти́на* (р. Волхов — СРНГ: «единич.»);

рус. *сырти́нка* (р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 60).

syrtin(k)a см. syrt'

šipšinik укр. *шипшинник* 'яровая форма черноморско-азов. рыбца' (Днепровско-Буг. р-н — М. и К. 127).

šlevar см. šlivak

šlivak с.-хорв. *šljivak* (Валево, Колубара — Hirtz);

с.-хорв. *šljevar* (Винковцы — Hirtz 358: под *rusla*), *šljivar* (н. т. р. Босна; Ясеновац, Винковцы — Hirtz: «šljivari sa tamnomodrom njuškom naprijed, modrom poput zrele šljive»).

šlivar см. šlivak

šlivonosa с.-хорв. *šljivonosa* (Земун — Hirtz: «jer je u te vrste nos i nalik na šljivu i plavi se kao i ona»); ср. венг. *szilvaorru keszeg* то же (досл. 'плотва с носом цвета сливы').

ugrica см. ogrica

vimba рус. *вимба* (Псков.-Чуд. оз. — Герд ПФНР 35: «из эстонских диалектов»; Бор. и Овс. 197: «и. т., обыкновенный рыбец»), *вымба* (р. Виндава — Берг 791; Kalima 87: «из балт.-фин. яз.»); ср. эст. *vimm*, *wihmba*, *vimb-kala* 'Vimba vimba natio carinata', фин. *vimpa* то же, швед. *vimma*, *nosvimma* то же (Герд ПФНР 35), лит., лтш. *vimba*, эст. *vimb* то же (Laumane 1973, 248).

В. А. Меркулова

РУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ IV

(велидовать, заядь, наройный, истучиться, сугат, воронец)

велидовать

В 1865 г. Николай Кедров среди ладожских слов записал глагол *велйдовать* 'нежить, баловать', *велйдоваться* 'нежиться': «Уж так-то она сына *велидует*», «И покрасуйся, *повелидуйся*, моя голубушка» (Свадебн. прич.) [1].

Ладожские говоры принадлежа́т к той группе говоров, где этимологическое *ě* последовательно перешло в *i*, поэтому мы можем предварительно реконструировать данный глагол, как **velědovati*.

Этимология данного глагола может быть построена на словообразовательной аналогии. В русских церковнославянских текстах был глагол *болѣдовати* 'болеть'. На основе этого глагола реконструируется имя существительное **bolědь* 'болезнь', образованное от прилагательного **bolь* 'больной' [2].

Имея абсолютный структурный параллелизм двух глаголов **bolědovati* и **velědovati*, мы вправе реконструировать производящее имя существительное ***velědь* 'нега, баловство', образованное с суф. *-ědь* от прилагательного ***velь* 'непослушный, вольный, избалованный', в свою очередь, восходящее к глаголу **veléti* 'хотеть, желать, разрешать'.

Для праславянского языка в данном этимологическом гнезде реконструируются следующие лексемы: **velěti*, **vol'a*, **voliti*, **jьzvoliti*, **dovъlěti*, **dovъlati*, **dovъlъ*, **povelěti*, **povel'a*.

Наряду с общеславянским **vol'a* мы встречаем по говорам и **volь* (так, например, в смоленских и архангельских говорах русского языка) [3]. Существование праслав. **povel'a* 'приказ, повеление' от **povelěti* (ср. чеш. *povel* 'команда') позволяет думать о возможности существования и имени существительного ***vel'a* от **velěti*. Словообразовательную аналогию мы видим в **žel'a* 'скорбь, желание' от **želěti*.

Поскольку наряду с **vol'a* мы встречаем **volь*, мы можем предположить существование двух парадигматических вариантов ***vel'a* и ***velь*.

---

[1] *Кедров Н.* Слова ладожские. — ЖСт., год восьмой. СПб., 1898, с. 400.
[2] Słownik prasłowiański I, с. 64.
[3] *Филин*, вып. 5, с. 83; *Гецова О. Г.* Проект архангельского областного словаря. М., 1970, с. 53.

Что касается семантической эволюции, то она подтверждается такими примерами, как *воля́* 'непослушный, своевольный ребенок' (арханг.) [4], *во́льник* 'дерзкий, самовольный ребенок, шалун, озорник' (костр., вят.)[5], *во́льница* 'девушка, женщина, воспитанная в довольстве, а потому избалованная' (куйбыш.) [6], *пово́лька* 'потачка' (арханг.) [7], *во́льненький* 'балованный' (обск.) [8].

Остается открытым вопрос о хронологии глагола. Поскольку в памятниках мы встречаем глагол *бол҃ѣдовати*, время возникновения глагола **velědovati* может быть условно отнесено к древнерусскому периоду. Образование же имен ***velь*, **vel'a* следует отнести к позднепраславянскому периоду: «. . .наиболее активное действие тенденции к тождеству вокализма корневого имени вокализму глагола (относится) к периоду после монофтонгизации дифтонгов. . .» [9]

заядь

В «Иркутском словаре» есть следующая запись: *за́ядь* ж. 'часть предплечья, которая соединяется с кистью': «Осколок от гранаты прилетел, в *за́ядь* ударил, долго синяк был» [10].

Поскольку это единственная фиксация данного слова, в первую очередь встает вопрос о точности записи. Сомнение вызывает конечный согласный слова — это могло быть *-т'*, произнесенное перед гласным с некоторой долей озвончения. Во всяком случае, мы должны считаться с двумя возможностями чтения.

Часть руки, запястье, в русских говорах имеет несколько наименований: *запястье*, *заперсье* [11], *за́пять* [12], *за́вить* [13], *за́веть* [14], *заво́й*, *заво́йка* [15], *за́вязь* [16] и отмеченное выше *за́ядь*.

Эти названия разбиваются на две группы по принципу наименования. Запястье и заперсье называют то, что находится за пястью или же то, что находится за пальцами, перстами: **pęstь* → **zapęstьje*, **pьrsty* мн. → **zapьrstьje*, как **rěka* → **zarěčьje*, **bolto* → **zaboltьje* и т. д.

Завязью называется та часть мешка, где он перехватывается веревкой. Нижняя часть руки, состоящая из свободных, не сжа-

---

4 *Гецова О. Г.* Указ. соч., с. 12.
5 *Филин*, вып. 5, с. 84.
6 Там же, с. 85.
7 *Подвысоцкий*, с. 124.
8 Словарь Оби. Доп., I, с. 72.
9 *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969, с. 187.
10 Иркут. словарь, I, с. 184.
11 *Подвысоцкий*, с. 52 (со значением 'обшлаг рукава' обычно производным от значения 'запястье', ср. *запястье* 'обшлаг рукава').
12 Словарь Оби. Доп. I, с. 158.
13 Сл. Сред. Урала I, с. 166.
14 *Подвысоцкий*, с. 48.
15 Картотека СТЭ; Картотека Печорского областного словаря; *Даль*[3] I, стб. 1399.
16 *Богораз*, с. 53.

тых пальцев, называется кистью, та ее часть, самая узкая, где эта кисть как бы связана, схвачена, называется *за́вязь* от *завяза́ть*, *за́вить*, *заво́й* от *зави́ть* ʻзавязать, заплестиʼ, *за́пять* от *запя́ть* ʻзатянутьʼ и *за́ядь* или *за́ять* от глагола *зая́ть* ʻзахватитьʼ. Это как бы ʻзахват кистиʼ.

Будем ли мы реконструировать **zaędь* или **zaętь*, перед нами, несомненно, древнее образование. В первом случае мы можем выделить суффикс *-dь*, ср. **pędь* от **pęti*. Во втором случае вторая часть слова **za-ętь* может быть сопоставлена со второй частью сложения в слове **rǫko- (j)ętь*, имеющей соответствие в лит. *iš-imtis* ʻисключениеʼ. Слово **zaętь* по своей структуре аналогично таким древним образованиям, как *zapastь* от *zapasti*, *zabytь* от *zabyti* и т. д., и поэтому, несмотря на отсутствие инославянских параллелей, условно может быть отнесено к праславянской эпохе.

наройный

Зафиксированное в картотеке Севернорусской топонимической экспедиции вологодское слово *наро́йный* ʻприлежныйʼ может иметь две интерпретации и две этимологии в зависимости от того, какую мы примем реконструкцию. Перед нами прилагательное с суф. *-н-*, образованное от существительного **нарой* ʻприлежание, усердиеʼ. Русское **нарой* может восходить как к праслав. **na-rŷjь*, отглагольному имени, образованному от глагола **na-ryti*, так и к праслав. **na-rojь*, отглагольному имени, производному от глагола **na-rinǫti (sę)*.

Остановимся на этих двух возможностях.

Глагол **rъvati* в праславянском языке значил ʻдергатьʼ. Значение очень широкое при всей его конкретности. Им обозначались многообразные частные действия, сопровождаемые резким движением (чаще всего руки): ʻсхватив рукой стебель, сделать рывок вверх и выдернуть растение из землиʼ, ʻсхватив рукой плод, резким движением отделить его от веткиʼ, ʻрезким движением разодрать на частиʼ, ʻсхватив зубами, отделить кусокʼ и т. д.

По-видимому, уже на праславянском уровне, но только в части праславянских диалектов, возникли переносные значения **rъvati* ʻблеватьʼ и **rъvati* о дергающей боли. Последнее значение отражено в польском, кашубском и восточнославянских языках. Это переносное значение позволило образовать производное отглагольное имя со значением ʻгнойник, абсцессʼ.

Глагол **rъvati sę* помимо пассивных значений приобрел в славянских языках еще два значения: ʻдратьсяʼ и ʻстремитьсяʼ. Первое значение представлено во всех группах славянских языков, второе — в западно- и восточнославянских. Глагол **na-rъvati* получает дополнительное значение ʻпрорваться (о гнойнике)ʼ, глагол **narъvati sę* имеет много переносных значений, обозначающих различные движения и состояния: ʻнаброситьсяʼ,

‘стремиться, хотеть сделать’, ‘неосторожно взяться’, ‘попасть силой’, ‘найтись’ и т. д.

В праславянском языке к первому лицу единственного числа итератива *ryvati — rъjǫ был образован вторичный инфинитив *ryti. По-видимому, первоначально он имел ту же семантику, что и глагол *rъvati, но затем за инфинитивом *ryti закрепляется более узкое значение ‘копать’ и этимологическое гнездо распадается на два. Значение ‘копать’ у глагола *ryti представлено во всех славянских языках. Уже в праславянский период были образованы отглагольные имена, отражающие это значение, ср. *rovъ, *rydlo, *rъtъ.

Но древняя связь глаголов *rъvati и *ryti не исчезла окончательно, она нашла свое отражение в языке. В восточнославянских и западнославянских языках у глагола *ryti сохраняется значение ‘трогать, дергать’, ‘приставать, дразнить’, отражающее первичную семантику ‘рвать’=‘дергать’. По-видимому, это же значение ‘трогать, дергать’ отражено в псковском *взры́ть* ‘разбудить’[17]. Оригинальное значение *рыть* ‘бросать, кидать’ представлено в новгородских, белозерских, олонецких и архангельских говорах, т. е. на территории древней Новгородской земли. Хронологию образования этого значения очень трудно установить. Было ли значение ‘бросать’ вторичным по отношению к ‘копать’ (‘отбрасывать землю при рытье’), или же, что представляется равно возможным, в какой-то части праславянских диалектов у глагола ryti не возникло значение ‘копать’, а от значения ‘рвать, дергать’ было образовано вторичное ‘бросать, кидать’. Ср. выражение «рвет и мечет» и семантическую эволюцию глагола *brysati, *brъsnǫti ‘дергать’ → ‘бросать’.

Доказательством сохранения тесной семантической связи инфинитивов *рыть* и *рвать* в севернорусских говорах могут служить следующие примеры. Если глагол rъvati sę в славянских языках развил значение ‘драться’, то в олонецких говорах мы находим *ры́ться* ‘браниться, ругаться’ [18]. Если в праславянском языке мы имеем два отглагольных имени *narъva и *naryvъ ‘гнойник’, образованные от глаголов *rъvati, narъvati, naryvati ‘дергать (о боли), нагнаиваться’, то русские говоры дают названия гнойника, нарыва, образованные от инфинитива *ryti. Это rytikъ, narўjь и urovišče: *рытик* болезнь, переходные нарывы по всему телу (новг.) [19], *нарόй* ‘нарыв’ (псков.) [20], *нарόй* ‘грудница у коров’ (казан.) [21], *уровище* ‘грудница у коров’ (ряз.)[22]. Перед нами несомненный семантический архаизм; глагол *рыть* не сохраняет

[17] Псковский областной словарь. Л., 1976, 3, с. 166.
[18] *Куликовский*, с. 103.
[19] *Даль* [2] IV, с. 119.
[20] Картотека Псковского областного словаря.
[21] *Булич С. К.* Материалы для русского словаря. — ИОРЯС I, кн. 1. СПб., 1896, с. 310.
[22] Деулинский словарь, с. 577.

значения 'дергать (о боли)', но оно отражено в производных именах.

Это дает нам право предположить, что глагол **ryti* не только имел ту же основную семантику, что и *rъvati*, 'дергать', но развил и вторичные значения 'дергать (о боли)', 'стремиться'. Производные от глагола **rъvati* развивают значение 'стремиться сделать что-л.'='усердно работать'. Ср. рус. *зарывной* 'трудолюбивый' (краснояр.) [23], кашуб. *zarëvac* (**zaryvati*) 'усердно работать' [24], рус. *рваньё* 'соревнование' (моск.) [25], с другой стороны, блр. *нарыіцца* 'стремиться сделать что-нибудь' [26].

Гипотеза о том, что возможны были отношения: **нарыть* 'усердно работать' → **нарой* (<*na-rўjь*) 'усердие' → *наройный* 'усердный', кажется вполне допустимой.

С другой стороны, глаголы **rějati* и **rinǫti* в праславянском языке сохраняли древние индоевропейские значения 'течь, литься' → 'находиться в стремительном движении', 'вызывать движение'='толкать, бросать'. Первое значение отражено в *rějati* 'течь', *rinǫti* 'хлынуть', *jьzrojь* 'источник'. Ту же семантику отражают блр. *прарой* 'дождь' [27] рус. *заройный дождь* 'проливной' (волог.) [28] и т. д.

Значение 'приводить в движение', мы находим в др.-греч. ὀρίνω 'приводить в движение', 'вздымать, волновать (о море)', 'возбуждать, вызывать'. Славянские языки отражают семантику 'толкать': см. «Аще ли *ринеть* моужь моужа любо отъ себе любо к собѣ, 3 гривнѣ» (в других списках — *попъхнеть*) (Р. Прав. Яр. по Ак. сп.) [29].

Глагол **rějati* помимо значений 'течь, литься' развил вторичные значения, обозначающие плавные, разнонаправленные, колебательные движения в воздухе и воде: 'развеваться', 'парить', 'плавать', 'дышать'.

С возвратной частицей глагол **rějati sę* образует следующие значения 'бросаться, метаться', 'бросаться на кого-л.', 'направляться, устремляться', 'сердиться', глагол **rinǫti sę* 'устремиться, броситься', 'упасть', 'удариться'.

Глагол **narinǫti sę* значит 'наброситься, накинуться, напасть, налететь'. Естественно, что производное отглагольное имя **narojь* должно значить 'нападение, налет'.

У глаголов **rinǫti sę* и *narinǫti sę* отчетливо прослеживается развитие значения 'наброситься в состоянии возбуждения, раздражения, ярости', это же значение мы наблюдаем и у вторичных глагольных форм: **rъnǫti*, **rъn'ati*, **rъjati sę*. Ср. рус. *взрынуть*

---

[23] Словарь Красноярского края, с. 70.
[24] *Sychta*, IV, с. 371.
[25] *Иванова*. Подмоск., с. 443.
[26] З народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 158.
[27] *Шаталава*, с. 139.
[28] Картотека СТЭ.
[29] *Срезневский* III, стб. 123.

‘прийти в сильное раздражение, вспылить’, *взры́нуться* ‘взъесться’ (псков.) [30], *рнять* ‘сердиться’ (XVII в.) [31]; *риятися* ‘сердиться. досадовать’ (Отр. розыск. дел. 1539 г.) [32], ‘горячиться, сердиться, досадовать’ [33]; с.-хорв. *на́рнути* ‘злобно залаять’, ‘наброситься, напасть’. Это же значение мы находим в производном отглагольном имени **narojь*. Ср. др.-рус. нарои ‘ярость, стремление’ (Втз. XXXII. 22) [34].

От глагола *rъjati* мы имеем производное прилагательное *rъjanъ*, как от *piti* → *pъjati* → *pъjanъ*. Это прилагательное в русских говорах значит ‘драчливый’ [35], ‘вспыльчивый’ [36], ‘злой’ [37], «Бабы мы задо́рныйи, *р’йаныйи*», «*Рьян*, да отходчив», «Снаха-та плъхава́та, *р’йанайъ*». Все эти значения прилагательного прямо соотносятся с семантикой глагола. Как правило, значения ‘горячий’ и ‘злой’ развивают вторичное значение ‘усердный’. Ср. *рети́вый* ‘горячий’, ‘сердитый, вспыльчивый’, ‘усердный’, *ревность* ‘ссора, свара’, ‘ревность’ и ‘усердие’, *злой* ‘свирепый’ и ‘усердный’, *лютый* ‘жестокий, злой’ и ‘усердный’. Эту же тенденцию мы наблюдаем и в развитии семантики прилагательного *рьяный*. Ср. рус. литер. *рьяный* ‘очень усердный, ретивый, энергично и с увлечением делающий, исполняющий что-н.’

Поскольку существует *narojь* ‘ярость, стремление’, мы вправе предположить и **narojь* ‘усердие’, от которого вполне реально образование прилагательного *наройный* ‘прилежный, усердный’.

Таким образом, обе реконструкции, а тем самым и обе этимологии прилагательного *наройный*, равно вероятны. Единственное решение могло быть получено лишь при наличии дополнительных данных.

истучиться

В картотеке Севернорусской топонимической экспедиции зафиксировано вологодское слово *исту́читься* ‘измельчиться’. Словообразовательный анализ этого слова может быть произведен на уровне реконструкции следующим образом: **jьz-tǫčiti sę* ‘измельчиться’ от **jьz-tǫčiti* ‘измельчить’, последний глагол — приставочная форма от глагола **tǫčiti* ‘мельчить, раздроблять’. Глагол **tǫčiti* в свою очередь является отыменным (об этом свидетельствует огласовка корня), образованным от **tǫča* ‘нечто измельченное, раздробленное’. Имя **tǫča* предполагает исходный инфи-

---

30 Псковский областной словарь, 3. Л., 1976, с. 166.
31 *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1969, с. 366.
32 *Срезневский* III, стб. 125.
33 *Цомакион Н. А.* Словарь языка мангазейских памятников XVII—первой половины XVIII вв. Красноярск, 1971, с. 580.
34 *Срезневский* II, стб. 321—322.
35 Картотека Печорского областного словаря.
36 *Подвысоцкий*, с. 150; Деулинский словарь, с. 497.
37 Там же.

нитив *tękti 'бить, дробить, измельчать'. Если все ступени анализа до некоторой степени гипотетичны, поскольку мы реконструируем несуществующие слова, последний исходный глагол оказывается вполне реальным. Он зафиксирован в форме *тя́кать* 'рубить, сечь': «. . .ты сучк'и *т'а́кай* и *т'а́кай*», *тя́кнуть* 'разрубить, рассечь': «. . .*т'а́кнуть* тапаро́м», *тя́кнуться* 'упасть, шлепнуться' (ряз.)[38]. Ср. еще *тякта́ть* 'рубить, сечь': «*тяктать* капусту» (твер.), *тякчи́ть*? 'мелко рубить, крошить что-либо' (псков.)[39].

Все эти глаголы со значением 'рубить, сечь, мелко рубить, крошить' хорошо объясняют семантику глагола *исту́читься* 'измельчиться'. Глаголы *тя́кать*, *тя́кнуть*, *тя́кнуться*, *тякта́ть* вторичны по отношению к предполагаемому исходному инфинитиву **tękti* (ср. те же отношения у глаголов *tęgti — tęgati*, *tęgnǫti*).

Не исключено, что тот же глагол представлен в олонецких говорах: *тя́кать* 'говорить пустяки, болтать'[40], в украинском *тя́кнути* 'тронуть, задеть': «Його може й *тякло*, що в мені кипіло[41], и сербохорватском *тѐкнути* 'прийти в голову', 'коснуться, дотронуться'[42]. Все эти глаголы представляют вторичную производную семантику. Значения 'бить, драть' и 'трогать, касаться' взаимосвязаны, ср. отношения **česati* и **kosnǫti sę*. Значение 'бить, ударять' развивает вторичный смысл 'прийти в голову', ср. «что ему в голову стукнуло».

Таким образом, перед нами глагол, представленный в двух группах славянских языков, тем самым он может быть с большой долей вероятности отнесен к праславянской эпохе.

Отношения ***tękti* 'мелко рубить, мельчить' → ***tǫča* 'нечто измельченное' возможны только в праславянскую эпоху, в период до монофтонгизации дифтонгов, когда отношения глагол—имя характеризовались чередованием *e/o*, т. е., в данном случае **tenk-/*tonk-*. Производный от имени приставочный глагол *истучиться* мог появиться как в праславянскую эпоху, так и значительно позже.

сугат

На значительной территории русских говоров (правда, достаточно разбросанно) были распространены слова *суга́т*, *суга́тный* и *суга́тно*. В современных диалектных словарях эти слова отсутствуют, что говорит о том, что они утратились, но диалектные словари XIX века их фиксируют. *Суга́т* 'толкотня, содом, крик, шум, гам, гом'; *суга́тный* прил., *суга́тно* нар. 'тесно, толпа народа, завалено, загромаждено' (костр., тульск.); о мельнице говорят *суга́тно*, *зага́тно*, завозно, много помольщиков; *сугатно*,

---

[38] Деулинский словарь, с. 568.
[39] *Даль* [3] IV, стб. 905.
[40] *Куликовский*, с. 122.
[41] *Гринченко* IV, с. 302.
[42] *Толстой* [1], с. 936.

сугато товару 'много' (вят.), 'трудно, хлопотливо': «На постоялом дворе хозяину бывает *сугатно*» (курск.), 'свободно, без дела' (псков.); *сугатный* (о жизни и временах) 'трудный, тяжелый' (ворон.) [43]. Таким образом, это частично южнорусские говоры: курские, воронежские, тульские; частью среднерусские: псковские и восточная часть севернорусских говоров: костромские и вятские.

Слово *сугат* в этимологическом словаре М. Фасмера представлено только в дополнении О. Н. Трубачева со ссылкой на статью Р. М. Цейтлин. Этимология слова представляется неясной [44].

А между тем слово это должно быть родственно таким словам, как *гать*, *загата* и *гатить*. Не случайно употребляются как синонимы *сугатно* и *загатно* (см. выше). В слове *сугат* значение 'шум, гам', по-видимому, является дополнительным, поскольку в основе лежит представление о сборище людей, толпе, толкотне.

Основное значение слова *гать* 'мощеная хворостом дорога через болото', 'плотина'. Производный глагол *гатить* имеет в славянских языках богатую гамму значений: 'мостить дорогу по болоту', 'делать плотину, запруживать', 'перегораживать, препятствовать, мешать', 'сопротивляться', 'спутывать', 'утеплять мхом и соломой стены избы', 'бить, колотить, рубить', 'пичкать, откармливать', 'накладывать в большом количестве, употреблять в большом количестве', 'толкаться, тесниться' и др. Последнее значение представлено в словенском: «ovce *se gaté*», предпоследнее в русском, украинском и чешском. Значение 'накладывать, складывать в большом количестве' логично вытекает из значения 'мостить хворостом дорогу по болоту' или 'делать запруду, плотину'.

Поскольку глагол *гатить* имеет значение 'складывать в большом количестве', то соотносительное с приставочной формой *сгатить* имя *сугат* должно было бы значить 'множество, совокупность предметов', что мы и имеем. С другой стороны, зафиксированное значение 'толкаться, тесниться' логично дает производное со значением 'теснота, толпа, давка'. Отсюда легко образуются производные значения 'хлопотно от большого количества людей', 'трудный'='беспокойный, полный хлопот'. Особняком стоит лишь значение наречия *сугатно* в псковских говорах: 'свободно, без дела'. Это значение могло развиться из производящего 'праздная толпа', но материал для выводов явно недостаточен.

Вопрос о хронологии слова *сугат* представляется очень сложным. Возможны три решения. Первое заключается в предположении, что слово *сугат* возникло на почве собственно русского языка и соотносится с глаголом **сгатить*. Именной префикс *су-* обладает исключительной активностью именно в русском языке [45].

---

[43] *Даль* [3] IV, стб. 614.
[44] *Фасмер* III, с. 793.
[45] *Boryś W.* Prefiksacja imienna w językach słowiańskich. Wrocław—Warszawa—Gdańsk, 1975, с. 111.

Ср., образованные на русской почве такие имена, как *сувере́жка*, *суви́тка*, *су́водь*, *су́волок*, *су́гли́нь*, *сугбро́к*, *сугрёб*, *су́грево*, *су́дрогла*, *су́зелень*, *сузу́бый* и мн. др. Такое предположение подтверждается отсутствием прямых соответствий в других славянских языках.

Второе решение заключается в предположении, что слово **sǫgatъ* относится к праславянской эпохе. Мысль о существовании в праславянском языке глагола **gati* 'идти' уже высказана в этимологической литературе [46]. Ср. этимологию слова **gatji* мн. 'штаны', возможно, первоначально от экспрессивного названия ноги **gatja*. Если мы примем для праславянского реальность глагола **gati* 'идти', то **sъgati sę* должно было значить 'сходиться', а **sǫgatъ* 'сходка'. Ср. соотношение слов *сходиться* → *сходка*.

Третья возможность заключается в предположении, что *суга́т* — реликтовое слово исключительной древности. Праславянский префикс *sǫ-* восходит к и.-е. **sam-* и означает 'совершающий что-либо совместно, одновременно'. В этом случае праславянское **sǫgatъ* должно было бы означать 'совместно идущий', 'сходящийся вместе' → 'собрание, сходка'. Признак прилагательного присутствует в слове *сугат*, ср. *сугато товару* 'много'. Индоевропейские соответствия мы видим в лат. *conventus* 'сходка, собрание, сборище' при *venio*, др.-норв. *samkund* f. 'собрание'. В этом случае слово **sǫgatъ* — образование индоевропейской древности, причем форма м. р. также имеет индоевропейские соответствия, ср. др.-инд. *gātuḥ* 'дорога', авест. *gātuš* 'место', др.-перс. *gāþu-* 'трон' из и.-е. **gātus* [47].

Думается, что для принятия окончательного решения нужны дополнительные данные; несомненно одно, что русское диалектное слово *сугат* заслуживает внимания.

воронец

Одна из определяющих и характерных деталей севернорусской избы — это воронец, толстый брус, соединяющий две противоположные стены избы и отделяющий часть избы с печью от ее жилой части. На воронец одним концом опираются палати. Иногда к воронцу привешивают занавеску и тем самым совсем отделяют кухонный угол, иногда даже делают перегородку. На воронец кладут шапки, ставят посуду. Воронца может быть и два, если они соединяются с углом печи. Таково основное значение этого слова. В некоторых местах воронцом называется печной столб или столб ворот, верея (череп., онеж.) [48].

«Как ни ширься, а через *воронец* не скочишь», «Проходите от порога, Не засечена дорога, Кто пройдет за *воронец*, Тот удалый

[46] ЭССЯ, вып. 6, с. 108.
[47] *Machek* [2], с. 162.
[48] *Даль* [3] I, стб. 598; *Филин*, вып. 5, с. 112.

молодец»; «Как у Настиной матери / *Воронцы*-то высокие, / Не достать будет колоба / Умереть будет с голоду».

Несмотря на очень широкое распространение слова *воронец* (как областное оно отмечено в словаре Ушакова), оно, по странной случайности, не привлекло внимания этимологов. Его нет у Бернекера, Преображенского и Фасмера. А между тем это слово очень интересно.

При решении любой этимологии, в первую очередь, необходимы поиски родственных образований. Таковыми, на мой взгляд, являются общеслав. **vorna*, **vornь*, **vornъka*. Слова **vorna*, **vornь* в южнославянских языках обозначают затычку у бочки, в западнославянских и частично восточнославянских отверстие в бочке под затычку и просто отверстие в чем-либо: с.-хорв. *вра̑њ* 'затычка (бочки)', болг. диал. *вранá* 'отверстие в большой бочке, втулка', словен. *vrânj* то же; польск. *wrona*, *wronka* 'отверстие в бочке', чеш. *vrana*, *vranka* то же. Ср. еще рус. *воронá* 'отверстие в судне, где проходит руль' (арх.) [49], укр. *ворóнка* 'щель в бочке' (полесск.) [50], 'дырка в ходаках (вид обуви), через которую проходит ремень или завязка', 'отверстие в улье' (бойк.) [51], блр. диал. *ворóнка* 'дупло' [52], 'ход в подполье' [53]. Оригинальное значение представлено в говоре пинчуков: *вороньки́* 'овражки' [54], позволяющее предположить форму **воронь* 'овраг'. Так или иначе белорусский и украинский материал, в основном, продолжает ту же семантику слова, которая отражена в западнославянских языках: 'отверстие в чем-либо'.

Русский язык стоит несколько особняком. Слово *ворóнка* в русском литературном языке обозначает приспособление в форме конуса с трубкою в конце, служащее для переливания жидкости в сосуд с узким горлышком. Кроме того, воронкой называется яма в земле, образовавшаяся от взрыва орудийного снаряда. Последнее значение, несомненно, вторичное и позднее. Трудно представить себе, чтобы первичным было и первое значение. По говорам известна *воронка в воде*, что означает 'водоворот, омут'. Столкновение двух встречных течений создает вращательное движение воды, образующее в центре пространство в форме конуса, не заполненное водой. Думается, что именно этот образ и лег в основу обозначения сосуда в виде конуса. Скорее всего именно природное явление было названо первоначально. Ср. рус. *воронýха* 'волнение в море от столкновения двух встречных течений в начале прилива'; 'подводный риф, отмель, где сталкиваются два встречных

---

49 *Подвысоцкий*, с. 22.
50 *Никончук М. В.* Лексичный атлас Правобережного Полісся. (рукопись).
51 *Онишкевич М. Й.* Словник бойківського діалекту (рукопись).
52 *Шаталава*, с. 27.
53 З народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 99.
54 *Булгаковский Д. Г.* Пинчуки. Этнографический сборник. — Записки РГО, т. 13, вып. 3. СПб., 1890, с. 193.

течения, вызывая волнение в море' (арханг.) [55]. *Вороню́ха* — слово того же корня, что и *воро́нка*, но с характерным для северных говоров суф. *-уха*.

В воронке вода находится во вращательном движении. Этот признак отражен в таких названиях как *водоворо́т*, *вертю́н*, *вертя́чка*, *вертю́шка* 'омут, водоворот' [56], укр. *воротій* то же от *вертеть* [57], *омут* от *мясти* 'вращать, крутить', *вороча́* от *воротить* [58], *вьюр* от *вить* и т. д. Т. е., иными словами, в основе слова *воро́нка* 'омут' должен лежать глагольный корень со значением 'крутить, вертеть, вращать'.

Близким к русскому *воро́нка* 'омут, водоворот' является белорусское *вороньки́* 'овражки', где слово обозначает яму, размытую водой. Ср. *верте́п* 'воронка в воде' (арханг.) [59] и 'большой ров, заросший кустарником' (смол.) [60] при укр. *вертепити* 'крутить' [61]; ср. еще укр. *вертюг* 'яма в песке' [62].

Итак, в русском языке мы имеем следующие образования, родственные слову *воронец*: *воро́нка* 'вода, находящаяся во вращательном движении', *вороню́ха* 'встречные течения, образующие волнение'.

Из всей совокупности славянского материала праславянскими мы можем считать: **vornъ*, **vorna*, **vornь* 'затычка', **vorna*, **vornъka* 'отверстие (под затычку)', 'отверстие (которое можно закрыть)', 'отверстие (в которое можно что-либо вставить)', **vornъka* 'омут, водоворот', **vornь* 'овраг' и, возможно, **vornьcь* 'брус, соединяющий стены избы'. Перед нами имена, производные или являющиеся субстантивацией имени прилагательного **vornъ*, *-a*, *-o*, **vornь*.

Производящим для этого имени прилагательного должен быть глагольный корень **u̯er-* 'вращать, закрывать', представленный в славянских языках глаголом **verti*, **vьrǫ* 'плести, вязать', 'совать, тыкать', 'открывать, закрывать'.

От значения 'вить, вращать' производным является значение 'водоворот', от значения 'совать, тыкать' — 'затычка' (ср. названия затычек: *втулка*, *затычка*, *толпышка* и др.).

Структура прилагательного **vornъ* архаична: оно образовано с древним суф. *-nъ* (ср.**čьlnъ*, **černъ*, **belnъ*, **věnъ* и др.). Наличие чередования *e/o* (**ver-ti* → **vor-nъ*) говорит о том, что слово принадлежит к протославянской эпохе, то же отношение в **viti* → **věnъ*.

---

[55] *Филин*, вып. 5, с. 117.
[56] Картотека СТЭ; Деулинский словарь, с. 78; *Иванова* Подмоск., с. 54.
[57] *Москаленко А. А.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, с. 22.
[58] *Даль* [3] I, стб. 601.
[59] Картотека, СТЭ.
[60] *Добровольский*, с. 60.
[61] *Шляхта І. М.* Морфологічні особлівості говіркі села Ярок, Ужгородского району. (Дип. роб.). Ужгород, 1956, с. 119.
[62] Полесье, с. 219.

Аналогичное прилагательное, но с огласовкой корня, совпадающей с огласовкой глагола, мы видим в праславянском **vernь*, *-n'a*, *-n'e*. Ср. **vern'a* 'сеть', 'веревка', 'корзина', 'лапти', 'вязанка дров', 'рукавицы', 'ряд снопов', перен. 'лгун', **vernica* 'вереница', 'засов'. Большая часть значений производна от значения 'вить, плести'. Рус. *верéня* 'сеть для ловли рыбы (ячея реже, чем у невода)' (костр.) [63]; *верéнька* 'веревка' (тульск.), 'корзинка' (нижегор., костр., влад., волог., твер., пенз., тамб., яросл., моск.) [64], блр. *вярэ́нька* то же [65], 'вязанка дров' (нижегор.) [66] укр. *верéня* 'рядно, веретье' [67], *верéни* мн. 'лапти, сплетенные из веревок' (полесск.) [68], рус. *верэ́ньки* мн. 'рукавицы' (брян.) [69]; укр. *верéнва* 'ряд снопов в одоньях' [70], рус. *верéня* 'мастер рассказывать небылицы' (смол.) [71], может быть, сюда же *веренóк* 'стриж' (ворон.) [72]. Производный глагол *верени́ть* значит 'поспешно делать' [73]. Рус. *верени́ца* ж. 'расположение нескольких или многих одинаковых предметов в одну цепь, один за другим', блр. *вереніцы* мн. 'жердочки или дощечки, которые выполняют функцию примитивных ворот' [74], укр. *верéни́ца* 'засов в дверях, в воротах' [75].

Таким образом, на двух этапах развития праславянского языка было образовано два прилагательных **vornъ*, *-a*, *-o* и **vernъ(ь)*, *-a*, *-e*.

Теперь следует обосновать семантику слова *воронéц* 'брус, соединяющий две стены избы'. В многочисленных производных от глагола **verti* в славянских языках мы находим большое количество слов со значением 'жердь, палка, брус, соединяющие, скрепляющие или закрывающие что-либо': ср. укр. *вори́на* 'жердь, употребляемая для изгороди' [76], *повóрница* 'ярмо на двух волов', 'верхняя часть такого ярма', (полесск.) [77], блр. *свóрына* 'одна из перекладин, которыми соединялись боковые части ткацкого стана' [78], рус. *верёга* 'слега, жердь, которой прогоняют невод

[63] Картотека СТЭ.

[64] *Филин*, вып. 4, с. 130; *Иванова* Подмоск., с. 53; *Мельниченко*, с. 40.

[65] *Шаталава*, с. 36; Подробный анализ слова *веренька* см. в статье И. П. Петлевой. Этимологические заметки по славянской лексике. 2. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974, с. 208—211.

[66] *Филин*, вып. 4, с. 130.

[67] *Гринченко* I, с. 135; *Шило*, с. 241; *Dejna*, с. 125; Матеріалі до словника буковинських говірок. вып. 1. Чернівці, 1971, с. 54.

[68] Лексика Полесья, с. 283.

[69] *Расторгуев*, с. 90.

[70] *Гринченко* I, с. 135.

[71] *Иванова И.*, *Кустарева М. А.*, *Моисеев Б. А.* Материалы для «Смоленского областного словаря». — Уч. зап. Смол. ГПИ, вып. IX. Смоленск, 1958, с. 135.

[72] Дополнение к Опыту, с. 19.

[73] Опыт, с. 23.

[74] Народнае слова. Мінск, 1976, с. 221.

[75] *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974, с. 20.

[76] *Гринченко* I, с. 254.

[77] Лексика Полесья, с. 181.

[78] Народная лексіка. Мінск, 1977, с. 127.

от одной проруби до другой' (донск.) [79], *верея* 'столб, на котором вращаются ворота', 'столб, на котором укреплен колодезный журавль' (подмоск.) [80]; *повбры* 'переметины на стогах' (влад.) [81]; 'два поперечных бревна плота' (белоз.) [82], 'длинные жерди или тонкие бревна, к которым прикручиваются в плотах скрепляемые бревна; кладутся они на концах косяка' (яросл.) [83] и мн. др.

Следует вспомнить, что слово *воронец* называет и верею, столб ворот. В избе воронец является брусом, соединяющим две противоположные стены избы. Не случайно один из синонимов слова *воронец пересовец* образован от глагола *совать*.

Определить время образования слова *воронец* трудно, поскольку отсутствуют параллели в других славянских языках. Субстантивация прилагательных с помощью суф. *-ьсь* была характерна для праславянской эпохи: ср. *věnъ* → *věnьсь*. Само же прилагательное **vornъ* 'вращающийся, связывающий, скрепляющий, закрывающий' очень архаично.

---

[79] *Миртов*, с. 39.
[80] *Иванова*. Подмоск., с. 51.
[81] Опыт, с. 161.
[82] Картотека Белозерского областного словаря.
[83] *Мельниченко*, с. 148.

Т. В. Горячева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

пичкать

Русское *пичкать* приводится в словаре В. И. Даля в значениях: ʻчто куда набивать, наталкивать, насовывать битком; кого, чем усильно кормить, окармливатьʼ[1]. Куликовский записал слово в значении ʻчистить свежую рыбуʼ[2].

М. Фасмер считает слово неясным, отклоняя как недостоверное родство с *питать*, *пища*, предложенное Преображенским[3]. Других этимологий рус. *пичкать* в литературе пока нет.

Кажется, что первоначальным значением *пичкать* является значение ʻнабивать, наталкивать, насовывать биткомʼ, а вторичным к нему — ʻкого, чем усиленно кормить, окармливатьʼ. Значение ʻчистить свежую рыбуʼ также может быть вторичным к значению ʻсоватьʼ, если иметь в виду колющий характер движений при чистке чешуи рыбы.

В связи с этой первоначальной семантикой русского *пичкать*, на наш взгляд, представляет интерес блр. *пі́каць*, *пі́кнуць* букв. ʻторкать, совать в лицо, в носʼ («Так и *пикаець* кулаками в морду»)[4], болг. *пи́кнам* ʻзасуну (пихну?)ʼ («Десна ръка *пикна* в позу'а, с десна ръка острит ноже»)[5], макед. *пика* ʻкласть во что-либо тесно; набивать, впихивать, всовывать, втягиватьʼ, ʻтолкать, пихать; проталкиватьʼ[6] словен. *pikati* ʻжалить, колоть; ехидничатьʼ[7] (производные *pika* ʻточкаʼ[8], *pik* ʻуколʼ[9]), в.-луж. *pikać*, ~ *a*, несов. ʻклевать, стучать клювомʼ[10], польск. *piknąć*, несов. *pikać* ʻуколоть пикойʼ, ʻуколоть, кольнуть, боднутьʼ, ʻударить, убить, стукнуть, постучатьсяʼ[11].

---

[1] *Даль*[2], III, с. 116.
[2] *Куликовский*, с. 82.
[3] *Фасмер* III, с. 270.
[4] *Носович*, с. 414.
[5] *Дювернуа* 6, с. 1638.
[6] *Конески* II, с. 164—165.
[7] *Хостник*, с. 195.
[8] *Pleteršnik* II, S. 36.
[9] Там же.
[10] *Трофимович*, с. 168.
[11] Варшавский словарь IV, с. 188.

В Варшавском словаре под этим глаголом стоит этимологическая помета: <франц. *piquer*, итал. *picken*[12], которой противоречат ареал распространения слова, особенно его наличие в болгарском и македонском языках; на существование его в прошлом в русском языке, может быть, указывает слово *пикало* 'пищевое горло'[13] (к **пикать* 'пихать'; ср. новг., влад. моск. *про́тка* 'горло, глотка'[14], что может быть реконструировано как **protъka* и связано с глаголом **tъkati* 'тыкать, совать, пихать').

На основании этих данных славянских языков можно реконструировать праслав. **pikati* 'совать, колоть, жалить'.

В словенском языке представлены также однокоренные глаголы с другими типами основ: *píčiti* сов. в. 'ужалить, уколоть'[15] (производные: *píčica* 'точечка'[16], *píčiti*, *pîčim* 'колоть'[17] (производные: *pičilo* 'жало пчелы', *pîček*, *čka* 'жало', 'укус'[18]), *píčati*, *ím*. Vb. impf. *p. v čem* 'торчать в чем-либо', *p. iz česa* 'торчать из какой-нибудь вещи', 'выдаваться', *p. v čem*. 'объединяться, концентрироваться в одной точке'; 'сочиться': «Kri iz mesa, voda iz zemlje *piči*»[19].

В белорусских принеманских говорах записано также *піцава́ць*, несов., *напіцава́ць*, сов. 'много накладывать, набивать битком'.[20]

К праслав. **pikati* или **pičiti*, **pičati* восходят также, по-видимому, блр. *пыч* м. 'верхняя часть ростка': «На гэ́тым кусьці кветак ні бу́дзя, бо не́хто *пычэ́* пазрываў, хіба яшчэ пасынкі пойдуць»[21], болг. *пич* 'отросток у деревьев и виноградной лозы'[22], диал. еленск. *пѝч* 'боковая ветвь стебля томата'[23], гюмюрдж. *пич* м. 'отростки стебля винограда, табака и др.',[24] словен. *pîč* 'угол у печи'[25].

Русское *пичкать*, по-видимому, можно рассматривать как интенсивный глагол на *-kati*, восходящий к **pičati* в незасвидетельствованном значении 'толкать, совать набивать'. Ср. укр. диал. бойк. *ко́пкати* 'ногами копать, бить' (к **kopati*)[26].

---

[12] Там же.
[13] *Даль*[3] III, стб. 276.
[14] Там же, стб. 1360.
[15] *Хостник*, с. 195.
[16] Там же.
[17] *Pleteršnik* II, S. 34.
[18] *Pleteršnik* II, S. 34.
[19] Там же.
[20] *Крамко I. I.* Мясцовыя словы адной Прынёманской гаворкі (дзеяслоўная лексика). — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, с. 88.
[21] *Крамко I. I.* Мясцовыя словы адной Прынёманской гаворкі (іменная лексіка). — В кн.: З народнага слоўніка, Мінск, 1975, с. 93.
[22] *Дювернуа* 6, с. 1648.
[23] *Петков Петко Ив.* Еленски речник. — БД VII, 1974, с. 105.
[24] *Бояджиев Т.* Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — БД VI, 1971, с. 69.
[25] *Pleteršnik* II. S. 34.
[26] *Онышкевич М. О.* Словарь бойковского диалекта. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 366.

щир

В ярославских говорах было записано Мельниченко слово *щир* 'льдина на реке' [27]. Это слово, не отмеченное ни в одном другом диалекте русского языка, а также в остальных славянских языках, еще не этимологизировалось. Впрочем, *щир* не совсем изолировано: в сомринском говоре записано В. Кузнецовым *щирка* 'небольшая дощечка' [28]. Обе лексемы: *щир* и *щирка* — связаны, видимо, между собой формально и семантически; соседство, а также переход значений 'доска' → 'льдина' вполне возможны. Ср. *чка* 'льдина, плывущая по реке' и 'доска, на которой пишутся иконы' [29]; ср. также близкий семантический переход: 'плита' → 'льдина': «*пл'йты* — большие льдины, которые идут уже после ледохода» (дер. Усланка Подпорожского р-на Ленинградской обл.) [30]. К *щир* 'льдина на реке' и *щирка* 'небольшая дощечка', вероятно, можно отнести и *щира́* 'полоса земли' [31]. (Ср. также совмещение значений 'доска' и 'полоса' у болг. диал. *дъ̆скъ*) [32].

Значениям 'доска', 'полоса земли', 'льдина', вероятно, предшествовало значение '*нечто отрезанное, отделенное, кусок чего-либо'. Ср., например, нем. *Brett* 'доска', возводимое в конечном итоге к и.-е. **bher-* 'обрабатывать острым инструментом; резать' [33]. Таким образом, можно реконструировать для яросл. диал. *щир* 'льдина на реке' этимологическое значение '*кусок льда'. Исходя из этих семантических оснований и учитывая формальные характеристики лексем: рус. диал. *щир* 'льдина на реке', *щирка* 'небольшая дощечка', а также *щира́* 'полоса земли', можно предположить, что они родственны рус. *щерить* (шерсть, щетину) 'топырить, топорщить, вздымать от злости, испугу', *щерить* (зубы) 'скалить, оскалять, высказывать грозя, или грубо и нагло смеясь, насмехаясь' [34]; укр. *шкі́рити зу́би* 'оскаливать зубы' [35], блр. *щерицъ*, сов. *выщерицъ* 'выставлять наружу, скалить' (говорится о зубах), 'выпучивать, таращить' [36], польск. *szczerzyć zęby* 'скалить, выставлять' [37] чеш. *štiřiti se* 'скалить зубы, ухмыляться' [38], н.-луж.

---

[27] *Мельниченко*, с. 221.
[28] *Кузнецов В.* Сомринский говор. — ЖСт, 1898, вып. II, с. 236.
[29] Опыт, с. 259.
[30] Картотека Атласа русских народных говоров (Институт русского языка АН СССР).
[31] *Даль* [3] IV, стб. 1509.
[32] *Бояджиев Т.* Из лексиката на с. Дервент, Дедеагачко. — БД V, 1970, с. 227.
[33] *Kluge — Götze*, S. 91, 94, 101.
[24] *Даль* [3] IV, стб. 1504.
[35] *Гринченко* IV, с. 501.
[36] *Носович*, с. 721.
[37] Варшавский словарь VI, с. 586.
[38] Trávníček, с. 1516.

šćeriś zuby 'скалить зубы, зубоскалить'[39], в.-луж. *šćerić* 'скалить (зубы)'[40], словин. *ščīřec* 'показывать зубы, быть жадным'[41].

М. Фасмер возводит эти глаголы к и.-е. *(s)ker-*, сравнивая их с др.-в.-нем. *scëran* 'стричь, отделять', лит. *skìrti*, *skiriù* 'отделять, выделять, разлучаться'[42]. Миклошич относит к этому этимологическому гнезду также *ускирек* 'черепок'. Мы вправе отнести сюда же и рус. диал. яросл. *щир* 'льдина на реке', сомр. *щирка* 'небольшая дощечка', *щирá* 'полоса земли', если рассматривать обозначаемые этими словами реалии как нечто отрезанное, отделенное. Что же касается вокализма *i* в **ščirъ*, **ščirъka*, **ščira*, то мы имеем здесь, вероятно, продление ступени редукции: *ščьr-* → *ščir-*[43].

К этому же этимологическому гнезду могут быть отнесены укр. диал. *щирина* 'щель у бочки, боченка' (< **ščirina*)[44], а также кашуб.-словин. *ščiř*, *ščēřa* (< **ščirь*) 'маленькие зубки между большими зубами у пилы, возникающие при заострении ее напильником'[45]. Следует обратить внимание также на диал. *щирый* псков. 'малый, скудный'[46], псков., твер., осташ. 'дурной лицом'[47] (*щерый* 'худой, гадкий лицом'[48], видимо, гиперкорректная форма к *щирый*). Известна семантическая модель: 'резать' → 'малый, скудный'[49]. Ср. *скудный* (< и.-е. *(s)kend-* 'резать'). Кажется, что эта модель может быть продолжена следующим образом: 'скудный здоровьем, больной' → 'некрасивый, гадкий'.

Итак, мы можем отнести к *(s)ker-* 'резать' также и данный псковский диалектизм.

Череп. диал. *шкúра* 'кусок льда'[50] Фасмер считает неясным[51]. Нам кажется, что и это слово можно отнести к *щир* 'льдина на реке'. Вариантность *sk-*, *šk-*, *šč-* в этом корне — нередкое явление: ср. блр. *скірыти* 'смеяться над чем-либо'[52], укр. *шкірити* 'скалить зубы'[53] и т. д.

---

[39] *Muka* II, S. 615.
[40] *Pfuhl*, S. 706.
[41] *Lorentz* Sl. Wb. II, S. 1152.
[42] *Фасмер* IV, с. 504—505.
[43] См. об этом подробнее — *Machek*[2], p. 627 (s. v. štiřiti).
[44] *Никончук М. В.* Лексичнuй атлас Правобережного Полісся. Рукопись.
[45] *Sychta* V, c. 24.
[46] Опыт, с. 270.
[47] Дополнение к Опыту, с. 311.
[48] Там же.
[49] См. об этой модели: *Меркулова В. А.* Украинские этимологии I. — В кн.: Этимология 1973, М., 1975, с. 56.
[50] *Кедров Н.* Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова череповецкие. — ЖСт 1899, вып. III—IV, с. 398.
[51] *Фасмер*, IV, с. 449.
[52] *Арашонкова Г. У.* З здеяслоўнай лексікі гаворак брэсцка-пінскага арэала. — В кн.: З народнага слоўника, с. 256.
[53] *Гринченко* IV, с. 501.

Н. Кедровым было записано в новгородских говорах слово *рамада́* 'пасмурная туманная погода с мелким дождем', в контексте: «На улицы (ѣ) *рамада*, *рамада*; жена мужа продала, продала» (Ладож. нар. песня) [54].

В. И. Даль приводит в статье на слово *ромода́* ж. перм., новг., *ромада*, новг. 'толпа, шум, возня, толкотня, суета', 'столбовая мошка, толкунцы, рой толкущейся столбом мошки' тот же пример: «На улице *ромода* (гро́мада?), жена мужа продала», не упоминая, однако, приведенного выше значения [55].

Если значение, зафиксированное Кедровым, реально, то слово *рамада* 'пасмурная туманная погода с мелким дождем' действительно можно отождествить с *ромода* 'толпа, шум, возня', что мы попытаемся ниже обосновать.

Прежде всего следует рассмотреть существующие версии о происхождении слова *ромода* 'толпа, шум, возня'. Здесь нет единого мнения.

Ограниченный ареал слова в русском языке (северные говоры: новг., перм., олон.) и отсутствие его в других славянских языках говорят как будто в пользу заимствования из финно-угорских языков. Вот что об этом пишет А. И. Федоров: «Словом *ромода* в значении 'шум', 'брань' (фин. *romu* 'шум, брань') в беломорских говорах выражается часто неодобрительное отношение человека к процессу, который обозначается этим словом». «Беломорское *ромода*, надо полагать, возникло в результате аналогии с русскими формами женского рода. Вполне возможно, что в говорах осваивалась не литературная форма *romu*, в диалектный финно-угорский вариант слова, не известный нам по источникам» [56]. Таким образом, хотя многое и говорит в пользу заимствования, финно-угорский эквивалент слова неизвестен. М. Фасмер вслед за Микколой (ср. еще ранее предположение Даля [57]) выводит слово из *громада*, *громоздкий* [58], что кажется маловероятным.

Г. А. Ильинский связывает *ромода* 'толпа, шум, толкотня'; 'рой мошки' со словен. *romǫniti* 'говорить', чеш. *romoniti*, *remǫniti* 'лепетать', относя сюда же словен. *rmotati* и возводя эти лексемы к звукоподражательному корню **rem* [59]. М. Фасмер считает, что эта этимология не имеет серьезных оснований, однако она кажется нам наиболее достоверной.

---

[54] *Кедров Н.* Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова ладожские. — ЖСт. 1899, вып. III—IV, с. 406.
[55] *Даль* [3] III, стб. 1714.
[56] *Федоров А. И.* Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах. — В кн.: Диалектная лексика 1969. Л., 1971, с. 225.
[57] *Даль* [3] III, стб. 1714.
[58] *Фасмер* III, с. 500.
[59] *Ильинский Г. А.* Суффикс *or/er/ъr* в славянских языках. — ИОРЯС, 1912, т. XVI, кн. 4, с. 14.

Таким образом, **romoda* ‘толпа, шум’, ‘рой мошки’ может быть возведено к звукоподражательному **romъ* ‘шум’ (+ суфф. *-oda*, ср. праслав. **agoda* ‘ягода’, **lagoda* ‘порядок, гармония’ [60]). Праслав. **romъ* ‘шум’ сохранилось в твер. *сýром* ‘гам, крик, содом’ [61] (< **sǫ-romъ*), а также, видимо, в польск. *romot rumot /rąmot/* ‘стук, грохот, шум, гам’ (< **rom-otъ*), которое авторами Варшавского словаря возводится к лат. *rumor* «с поправкой под *loskot* и т. п.» [62].

Сюда же *romotać*, *rumotac* (*ropotać*) ‘производить стук, грохот, колотить, стучать, шуметь, кричать’ [63]. Представляется возможным семантическое развитие ‘шуметь’ → ‘идти (о дожде)’. Тогда к звукоподражательному корню **rom-*, **rem-* можно возвести целый ряд славянских лексем: брян. *раманить* ‘идет тихий летний дождик’ [64], польск. *romolić* (о дожде) ‘моросить’ [65], болг. *ръми* ‘тихо идет (о дожде)’ [66], диал. *румъни* ‘моросит’ [67], *рунтоли* то же [68], *ръмъжѝна* ‘мелкий дождь’ [69], *ръмулѝ* ‘идет мелкий дождь’ [70], *ръмулѐни* ‘мелкий дождь’ [71], *румулѝ* ‘идет тихий дождь, моросит’ [72], *ръмшул’ѐ* то же [73], *ръмтòли* ‘моросит’ [74], макед. *рмбле* ‘моросит’ [75].

К этой группе логически присоединимо и рус. *рамада* ‘пасмурная туманная погода с мелким дождем’, которое, таким образом, может быть этимологически тождественно *ромада* ‘толпа, шум’.

---

60 *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. — В кн.: Słownik prasłowiański, I. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974, с. 63.
61 *Даль* [3] IV, стб. 643.
62 Варшавский словарь V, с. 561.
63 Там же.
64 *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1974, с. 390.
65 Варшавский словарь V, с. 561.
66 *Koseska V.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław—Warszawa — Kraków—Gdańsk, 1972, с. 59.
67 Там же.
68 Там же.
69 *Младенов М.* Говорът на Ново село, Видинско. София, 1969, с. 275.
70 *Ковачев Николай П.* Речник на говора на С. Кръвеник, Севлиевско. — БД, V, 1970, с. 39.
71 Там же.
72 *Ковачев Ст.* Троянският говор. — БД IV, 1968, с. 222.
73 *Петков Петко Ив.* Еленски речник. — БД VII, 1974, с. 126.
74 *Младенов Максим Сл.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД I, 1962, с. 157.
75 *Каровски Л.* Зборови од Тиквешко. — МЈ, 1951, II, 3—4, с. 92.

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ РУССКИХ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ *ПУШКА, ТЮФЯКЪ, ПИЩАЛЬ, ВИНТОВКА*

Пушка, *тюфякъ*, *пищаль* — основные древнейшие на Руси названия огнестрельного оружия, исторически взаимосвязанные, контекстуально сближенные, по употреблению взаимообусловленные. Первоначальная история хронологически более позднего сущ. *винтовка* тесно связана со словом *пищаль*. Все 4 термина в плане историко-лексикологическом представляют большой интерес.

* * *

Наиболее древние русские названия отдельных видов огнестрельного оружия — слова *пушка* и *тюфякъ*, упоминаемые в летописях под 1382 г.: осажденные войсками Тохтамыша москвичи «овии стрѣлами стрѣляхуть со заборолъ, инии же камениемъ шибаху на ня, друзии же *тюфякы* пущаху на ня, а инии исъ самострѣлъ стрѣляху, инии же *пушкы* великые пущаху» (Моск. лет. свод к. XV в., сп. XVI в.) [1]; гражане же. . . и самострѣлы напрязающе, и пороки, и *тюфяки*; есть же нѣцiи и самыа тыа *пушки* пушаху на нихъ (Никон. лет.) [2].

Название *пищаль* появляется несколько позднее — по М. Фасмеру, «начиная с Котошихина»; О. Н. Трубачев там же корректирует: «русское слово засвидетельствовано уже с конца XV в., Моск. летоп. свод 247» (со ссылкой на Дикенмана) [3].

Э. Дикенман, конечно, имеет в виду древнейшее употребление слова *пищаль* в подлиннике, подчеркивая, что в Моск. летоп. своде этот термин впервые упоминается в записи под 1428 г.[4] В таком случае датировка Э. Дикенмана неточна: «Московский летописный свод конца XV в.» представляет собой не оригинал, а список, относимый к первой трети XVI в., отчасти к середине XVI в.[5] Впрочем, есть запись, отлитая еще в 1485 г. на сделанной

[1] ПСРЛ, т. XXV, 1949, с. 208.
[2] ПСРЛ, т. XI, с. 1965, 74—75.
[3] *Фасмер*, т. III, с. 271.
[4] *Dickenmann E*. Рец. на кн.: *Vasmer M*. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 3 Bde. 1953—1958. — Rocznik slawistyczny, t. XXI, 1961, S. 136.
[5] ПСРЛ, т. XXV, с. 4.

тогда же и хранящейся в Ленинградском Артиллерийском историческом музее пищали с упоминанием самого термина: здѣлана бы сїѧ пищаль в лтѣ ҂ѕцчг (6993 г.)[6].

Что же касается летописей, дошедших до нас, правда, в редакциях и списках XVI в., то слово *пищаль* обнаружено уже в записи под 1399 г. о столкновении литовских и татарских войск: Едигей князь . . .посла отъ себя послы къ Витоѳту стоащу. . .во обозѣ . . . со многими *пищалми* и пушками и самострѣлы [7]. Принимая во внимание время первоначального распространения пушек в Евразии (с 1338 г.) [8], можно вслед за историками относить появление основных обозначений русского артиллерийского наряда к 1382 г. (*пушки* и *тюфяки*) и к 1399 г. (*пищали*) [9].

О.-слав. *пушка* (по Миклошичу, словен. *puška*, *pikša* 'ружье', болг. *пушка*, серб. *пу̏шка*, хорв. *pikša*, чеш. *puška*, польск. *puszka*, кашуб. *puška*, в.-луж. *buškej*, н.-луж. *buška*, укр. *пу́шка* 'ружье', 'пушка', 'банка', рус. *пушка*), а также венг. *puska*[10], рум. *pușcă*, 'винтовка, ружье', алб. *pushkë*, лит. *pučka*, латыш. *puška* возводят к др.-в.-нем. *buhsa* 'коробка'[11]; «через чеш. *puška* заимств. из др.-в.-нем. *buhsa* от народнолат. *buxis*, греч. πυξίς, -ιδος 'коробка из самшита'» [12]; при этом рус. *пушка*, возможно, обязано польскому или белорусскому влиянию, хотя могут быть и другие источники; но оно не восходит непосредственно к немецкому, т. к. «обнаруживается в этой форме во всех других слав. языках» [13]. «Ввиду значения, — пишет М. Фасмер (речь идет об укр. и блр. *пушка*), — сомнительно предположение об исконнослав. происхождении и сближение с *пускать*, *пустить* или *пушить* (напр. Преобр. II, 158)». При этом оставляются без объяснения др.-рус. *пуска*, *пущича*, *пускича*, семантически тождественные слову *пушка* и приводимые А. Г. Преображенским (со ссылкой на «Материалы. . .» И. И. Срезневского) как этимологически родственные слову *пушка* [14]. Между тем обращение к этим словам не оставляет сомнения в правомерности семантического сближения и даже отождествления И. И. Срезневским (II, стб. 1726, 1742, 1745)

6 *Бранденбург Н.* Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1877, с. 105.

7 ПСРЛ, т. XI—XII, 1965, с. 173.

8 *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, с. 77—78.

9 *Кирпичников А. Н.* Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия. — СА, 1957, № 3, с. 67.

10 Венг. *puska* заимствовано или из какого-то славянского языка, или из баварского диалекта. См.: *Балецкий Э.* О некоторых венгерских заимствованиях в украинском языке. — Studia slavica, t. IX. Budapest, 1963, с. 371.

11 *Miklosich*, S. 268.

12 *Фасмер*, т. III, с. 415.

13 *Gardiner S. C.* German Loanwords in Russian 1550—1690. Oxford, 1965, p. 33.

14 *Фасмер* III, с. 415; *Мельников Е. И.* О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков в XIV—XIX вв. — Slavia, 1967, ročn. 36, seš. 1, с. 106—107.

др.-рус. *п8ска*, *п8щича*, *п8скича* с *пушка*. При ближайшем рассмотрении этих слов нетрудно убедиться, однако, в невозможности их привлечения для этимологизации сущ. *пушка* на исконно славянской почве.

Прежде всего бросается в глаза северо-западный диалектный характер слов *п8ска*, *п8скича*, *п8щича*: они встречаются лишь в псковских (а *п8ска* также в новгородском)[15] письменных памятниках, по данным «Материалов. . .» И. И. Срезневского, «Материалов для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина (Л., 1937, с. 288), уникальной Картотеки ДРС, с учетом также некоторых обследованных автором настоящей статьи рукописей.

Так, слово *п8ска* встретилось лишь дважды, в частности, в новгородском Софийском временнике под 1552 г.: И тако же прикатиша затуру съ наряды, великия *пуски*, на разбитие града, и огненныя пушки и пищали; и башню великую поставиша противъ воротъ Арскихъ, вышеши города Казани, и на ней уготоваша пушки и пищали многія, и биша день и ночь [16].

Здесь вовсе нет противопоставления (огненных) пушек «пускам», которые, как может показаться сначала, уже по этой причине как будто должны быть отнесены только к неогнестрельным осадным орудиям. Все дело здесь в противопоставлении д в у с л о в н ы х терминов: *огненные* (т. е. с воспламеняющимися ядрами, несущие губительный огонь) пушки (и пищали) противопоставляются *великим* «пускам» (пушкам), т. е. большим по калибру стенобитным огнестрельным орудиям, заряжаемым крупными каменными или железными ядрами. Ср. неоднократные соответствующие такому толкованию, упоминания в памятниках о *великих* и *огенных* (*огняных*) пушках: (1428 г.). . . князь великии Витофтъ . . . приходилъ на Великии Новгород, бяху же с ним и пушки, и тюфяки, и пищали. Едина же бѣ *пушка велика* с ним вельми именем Галка, возяху ея на сороце конех. . . И тоя пушки мастер Николаи похвалися Витофту. . .: «сею пушкою пиргос (башню. — *Г. О.*) разбию» (Вол.-Перм. лет., л. 318 об., сп. XVI в.— КДРС); Бьем челомъ вашему царскому величеству объ *огненной пушкѣ* и объ огненныхъ ядрахъ, чтобъ есмя могли тѣхъ разорителей вѣры нашея православныя. . . съ городомъ ихъ зажечь, понеже городъ деревянный и зѣло домы большіе и частые. . . 1654 г.[17]; а наряду де съ ними четыре *пушки полуторные, а подъ пушкою по 8 лошадей*, да четыре *пушки огненныя*. 1634 г.[18] В последнем контексте крупнокалиберные пушки (полуторные) противо-

---

[15] Имеется в виду Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год. (Издал Павел Строев, ч. I. М., 1820; ч. II. М., 1821). Во введении к I части (с. XIII—XIV) указывается, что Софийский временник «был составлен в Новгороде», что «собиратель был новгородец».

[16] Софийский временник. . ., ч. II, с. 408.

[17] АМГ, II, с. 385.

[18] АМГ, I, с. 608.

поставляются пушкам огненным, как и в тексте Софийской летописи.

Таким образом, весьма вероятно, что в приведенном контексте *пуска* — это 'пушка'. Действительно, заимствованное непосредственно от поляков, название пушки на постоянно соприкасавшихся с Польско-Литовским государством Новгородской и Псковской землях вполне могло звучать как *пуска*, ввиду того что первоначальные в старопольских памятниках письменности фиксации этого термина в значении 'пушка, а также ручное огнестрельное оружие' были оформлены графически в виде *puska* (1420, 1421 гг.), лишь позднее появляются *puschca* (1444 г.) и *puszka* (1456 г.)[19].

Что касается названия стенобитного осадного орудия, то им, по И. И. Срезневскому (II, стб. 408), в том именно контексте из Софийского временника, в котором фигурирует слово *пуска*, является сущ. *затура*, хотя это название, нигде в текстах больше не обнаруженное, можно понимать и иначе — как название сооружения типа большой передвижной башни. *Пꙋска* обнаружено также в Псковской I летописи в записи под 1478 годом: И потом князь великой иного боярина ко Пскову о *пꙋсках* и о мостниках прислал[20].

Вероятно, из *пꙋска* 'пушка' при помощи суф. *-иц-(а)* возникло диал. др.-псков. **пꙋсчица* > *пꙋщица* с палатализацией задненёбного перед передним гласным в *-иц-(а)*, написание же *пущича* через *ч* возникло, по-видимому, как гиперкорректное в условиях псковского цоканья, ср. новгородск. (XIV—XV вв.) *невѣнича* 'невеяный хлеб'[21]. Образование же *пꙋскича* также с помощью суф. *-иц-(а)* от *пꙋска*, возможно, является вторичным. Широко представленный в памятниках XI—XIV вв. суф. сущ. ж. р. *-иц-(а)*, по-видимому, значительно снижает свою активность в старорусский период в центре и тесно связанных с ним территориях Московского государства. В памятниках XV—XVII вв. можно все чаще встретить образования с синонимичным ему суффиксом *-к-(а)*. Однако на Псковской земле суфф. *-иц-(а)* как будто сохранил и даже усилил свою активность, судя по нижненемецкому руководству по разговорному русскому псковскому наречию 1607 г.[22]; ср.:

цеица ttzeitz mehwe // чайца gull

---

[19] Sł. stpol., t. 7, c. 402—403. В другом же значении — 'сундучок, коробка' — это слово представлено в форме *puszka* с датой: 1418.

[20] ПСРЛ, т. IV, 1848, с. 260.

[21] *Срезневский* II, стб. 367. В вычленении *-ич-(а)* < *-иц-(а)* из *пускича* учитывается аналогичная членимость всех без исключения древнерусских слов на *-ича*, представленных в издании: *Dulewicz I.*, *Grek-Pabisowa I.*, *Maryniak I.* Index a tergo do materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968, c. 43—44: *лѣствича*, *пускича*, *заднича*, *невѣнича*, *ложьнича*, *двоича*, *пущича*.

[22] Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskow 1607, v. I—II. Copenhagen, 1961—1970 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы).

утица vtitza anffahgell // утица duck

галица galitza talke // галица jackdaw (v. I, p. 68; v. II, p. 48)

ласицы lasitzy lastekens // ласицы weasels (v. I, p. 108; v. II, p. 76).

Ср. еще западное (полоцк.) *норица* 'норка (пушной зверек)' (1498 г.), приводимое у И. И. Срезневского (II, стб. 466).

Любопытно, что на других территориях, по старорусским памятникам XV—XVII вв., такие суффиксальные образования в названиях птиц и животных неизвестны. Так, *чаица* 'чайка' отмечено И. И. Срезневским только в Слове о полку Игореве (III, стб. 1471), *ꙋтица* 'утка, название птицы' — только в новгородских и псковских (!) памятниках (III, стб. 1310), тогда как *утъка* — в общерусском памятнике — Русской Правде (по Ак. сп.); *галица* — лишь в Слове о полку Игореве и в написанной под сильным влиянием этого произведения Задонщине (если не считать Дуб. Сб. XVI в., где *галица* обнаруживается в архаичном и книжном контексте); в старорусских памятниках (XV—XVII вв.) встречается исключительно слово *галка* (не *галица*) (см. СлРЯ в. 4, с. 9; ср. также сущ. *Галка*, употребленное как имя собственное в качестве названия пушки в уже процитированном отрывке из Вологодско-Пермской летописи, XVI в.).

Здесь отмечены лишь специфически присущие псковской разговорной речи нач. XVII в. образования с суф. *-иц-(а)* в названиях птиц и животных, общеупотребительные ст.-рус. слова опущены (напр., *лисица*, v. I, p. 108; v. II, p. 75).

Вообще активность суф. *-иц-(а)* при образовании слов разных тематических групп в псковском разговорнике 1607 г. достаточно велика: *королица* 'королева' (v. I, p. 38; v. II, p. 24), (по Срезн., I, стб. 1290, — лишь в новгородских и других северо-западных памятниках); *ножьница* 'ножны' (v. I, p. 97; v. II, p. 69) (по Срезн., II, стб. 464, имеется лишь в Остр. ев. и одном др.-киевском памятнике); *прялица* 'прялка' (v. I, p. 104; v. II, p. 73); *сєᵖнилица* 'чернильница', (v. I, p. 93; v. II, p. 66; у Срезн. обоих слов нет), ср. разг. соврем. *чернилка*; *ȥклєница* 'склянка' (v. I, p. 99; v. II, p. 70) (у Срезн., III, стб. *стькл*ѧ*ница* — в Остр. ев., Соф. вр., Новг. I л., а также в других, только древнерусских (XI—XIV вв.) памятниках); ср. отсутствующие у Срезневского *бородовица* 'бородавка' (v. I, p. 89; v. II, p. 63), *пєрстятици* 'перчатки' (v. I, p. 90; v. II, p. 64).

В свете этих фактов можно предположить диалектное словообразование псков. *пꙋщица* (и *пꙋскица*) из *пꙋска* 'пушка' по аналогии с ст.-пск. *селезница* 'селезенка' (v. I, p. 88; v. II, p. 62) при древне- и старорусских *селезенꙗ* то же, *слѣзенꙗ*, *слѣзина* (Срезн. III, стб. 325, 441); ср. еще пск. *ножьница* 'ножны'. Такое словообразование рассматриваемого термина обусловлено широким употреблением в качестве имен собственных для указания на ту или иную пушку названий животных (часто змей), а также птиц (напр., *соловей*, *галка* и т. д.). Ст.-русское *пушка Галка* на

псковской диалектной почве должно было переоформиться в *пущица* (и *пускица*) (из реального псков. *пуска*) *Галица*.

В заключение приводим примеры ст.-псковского цоканья по тому же псковско-нижненемецкому разговорнику 1607 г.:

1) Tomu *tz*olloveku p*tz*ölli da offzi vedutza; 2) *Tz*to tebe pri*tz*ulos ias tebe ni*tz*ovo ne govorill (v. I, p. 207 и 230).

Пꙋскича 'пушка' встречается в двух и притом псковских текстах: 1) Побѣгоша (новгородцы от Пскова. — *Г. О.*) прочь посрамлени, пометавше многая своя замысленіа, пороки и *пускичи*. Пск. II лет. 6901 г.[23], 2) (6942 г.) преставися на Москвѣ князь великыи Юрьи Дмитриевич, и князь Василии сынъ его побрав зл҃ато и сребро, казну отца своего, и градьскыи запасъ весь и *поускичи*, и. . . побѣже к Новоугороду (Пск. II лет. Синод. сп. к XV в., л. 196) [24].

Толкование *пꙋскича* 'пушка' не может не опираться на очень близкое по отношению к нему сущ. *пꙋщича* 'пушка', причем семантика последнего ясна в контекстах: 1) (1463 г.): поустиша псковичи болшею *поушкою* на городокъ, и колода вся изламася и железа около разарвашася, а *поущича* вся цѣла; (Пск. III лет., сп. XVI в., л. 106) [25]; 2) (1463 г.): приидоша нѣмцы ратию к Нову городу. . . и начаша *пущичами* (в Архивском 1-м списке XV в. — *поушки*; в Погодинском 1404[а] сп. вт. пол. XVI в. и в списке Оболенского перв. пол. XVII в. — *поушками*) шибати на городъ. (Пск. лет. Тихановск. сп. перв. пол. XVII в.[26]; 3) (1459 г.): нѣмцы. . . насаду псковъскую оу ловъцевъ отъяша с *пущичами* (в Архивск. 1-м сп. XV в. — *пушками*, в Погод. сп. вт. пол. XVI в. — *пущичеми*) и со всѣмъ запасомъ ратнымъ. (Пск. I лет., сп. XVII в.[27]; 4) (1394 г.): овых избиша (новгородцы. — *Г. О.*), овых поимаша, а пороки и пущичи помѣташа; Пск. I лет., сп. XVII в.[28]

Опора при определении семантики термина прежде всего на вариант *пꙋщича* объясняется тем, что из вариантов *пꙋска*, *пꙋщича*, *пꙋскича* самым активным оказался второй — и по количеству употреблений (они здесь все приведены), и в словообразовательном плане, дав производное — *пꙋщичныи* (у других вариантов производные не засвидетельствованы). Правда, прилаг. *пꙋщичныи* обнаружено лишь в одном контексте: (6988 г.:) и много добра... вывозиша, и *поушекъ* и жалеи *пущичныхъ* (в сп. серед. XVII в. — *пушечных*). (Пск. III лет. Стр. сп. XVI в., л. 196 [29]).

Если слова *пꙋска*, *пꙋщича*, *пꙋскича* обозначали не огнестрельное орудие и были связаны этимологически с глаг. *пускать*,

---

23 ПСРЛ, т. V, с. 28.
24 Псковские летописи, вып. 2. Под. ред. А. Н. Насонова. М., 1955, с. 44—45.
25 Псковские летописи, вып. 2, с. 154.
26 Псковские летописи, вып. 1. Приготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, с. 63.
27 Там же, с. 56.
28 Там же, с. 25.
29 Псковские летописи, вып. 2, с. 220.

пустить, то почему они известны лишь как псковские диалектизмы и появляются в памятниках письменности, как и слово *пушка*, лишь после даты реального появления огнестрельного оружия в Московском государстве и почему затем все вскоре исчезают? Думается, эти диалектизмы по мере усиления влияния центра Московского государства на Псков были вытеснены общерусским термином *пушка*, ставшим вскоре очень активным и в Псковских летописях: И побѣгоша первое псковичи, и они навернули погании на москвич *пушками* и пищальми, и бысть туча велика и грозна и страшна от стука *пушечного* (Пск. 3 лет. Ок. Арх. 2 сп. XVII в., л. 124. — Картотека ДРС).

Слово *пушка* означало в некоторых, редких случаях ручное огнестрельное оружие: Оболочать ихъ (слонов) въ доспѣхъ булатныи, да на нихъ учинены городкы, да въ городкѣ по 12 человѣкъ въ доспѣсехъ, да все съ *пушками* да стрѣлами. Афан. Никит. 334 [30]. Ср. позднее ст.-рус. *пушкет*, возникшее под влиянием термина *мушкетъ*: быть (стрельцам. — *Г. О.*) на службѣ, ружья дватцать семь *пушкетовъ* въ новыхъ ложахъ (Город. оп. — Опочки. 1691 г., 184. — Картотека ДРС. — Единственный пример). Значение 'ручное огнестрельное оружие', вообще нехарактерное для ст.-рус. *пушка*, могло быть заимствовано из старопольского, в котором такая семантика термина засвидетельствована с XV в. Обычно же ст.-рус. *пушка* обозначало 'артиллерийское орудие'; ср.: Une artillerie. / Pouchequa. Пушка. 1586 г.[31]; пȣшᵏа puscha stucke schutzes // пушка cannon. 1607 г.[32].

Слово отмечено и с уменьшит. суф. *-к-*: а наряду четыре *пушечки* волконейки. 1634 г. Другие производные указывают на хорошую освоенность слова: напр., прилаг. *пушечныи* в важных составных терминах: *пушечное колесное дело* 'ремесло по выделке деревянных колес для пушек' (1585 г., по сп. 1677 г.)[33]; *пушечная снасть*, по-видимому, то же, что нередко упоминаемый в памятниках *наряд пушечный, пищальный* (Ѣхаᴸ я холоⁿ тво¹ с Тулы с твоєю великого гдря пȣшечною снаˢтью к Москвє. — 1663 г., л. 1)[34]; (1584 г.)[35], *пушечная изба* 'учреждение' (в разных летописях), *пȣшьчьникъ* — *пȣшечьникъ* 'пушкарь' (1428 г. — Срезн. II, стб. 1742); *пушкарь* 1. 'мастер по литью пушек' (Баг. Мат. II, с. 5. 1600г. — Картотека ДРС); 2. 'воин, заряжающий пушку и производящий из нее выстрелы' (Баг. Мат. XXII, с. 65. 1668 г. — Там же), первоначально эти два значения были слиты воедино; *пушкарня* (Уст. ратн. дел 2. 1607—21 гг., с. 226. — Картотека

---

30 *Срезневский*, т. II, стб. 1742.
31 Парижский словарь московитов. 1586 г. Рига, 1948, с. 81.
32 Tönnies Fenne's Low German Manual. . ., v. I, p. 55; v. II, p. 38.
33 *Вакуров В. Н.* Лексикографические заметки. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. 4. М., 1963, с. 14.
34 Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, д. № 8558.
35 *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. Л., 1937, с. 132.

ДРС); *пушкарскии*: ȏ ломово̇снасти... орꙋ̇ня, или *пꙋшкарская* полата тою мѣрою і всякими ѕапасы ѕапасєны... (Воинск. кн. XVII в. Перевод, л. 74)[36], ср. *Пушкарскии приказъ* 'официальное название одного из моск. приказов XVII в.'[37]

Обращают на себя внимание терминологические словосочетания *пушка желѣзная* (Роспись оружию, л. 1. Москва)[38], *пушка мѣдная* (АМГ III, с. 303), *пушка мѣдяная* (АМГ I, с. 612), т. е. 'бронзовая' (упоминается все чаще с перв. пол. XVII в.), *пушка кожаная* (*коженая*) («.в̃. пушки коженые». — Роспись оружию. 1663 г., л. 18)[39], *пушка деревянная* (применительно к вооружению азиатских народов, находившихся на окраине Московского государства: по городу подѣлал многіе *деревянные пушки* и аманатскую избу поставилъ новую. 1666 г. ДАИ, т. V, с. 70 — КДРС), — здесь допустимо сравнение с древнейшими видами огнестрельного оружия в Китае: оно выделывалось из бамбуковых, заполненных порохом труб «тухоцян», заряженных железными пулями и камнями[40]; *пушка чугунная* (Город. оп. Опочки. 1691 г. 183. — Картотека ДРС).

По способу выделки различались *пушки* (железные и медные) *заварные* (к мѣдным и к желѣзным ѕаварным пушкамъ желѣзных литых тысяча пятьсотъ ядер. 1664 г. Москва)[41], *пушки* (*желѣзные*) *кованые* (Опись Оруж. Пал., л. 4, 1711 г.)[42], (*чугунные*) *литые* (там же, л. 4).

По своей функции пушки делились на ряд разновидностей, что получило ясное выражение в двусловной терминологии: *пушки верьховые*, *гранатные вер(ь)ховые*, *вестовые*, *дробовые*, *корабельные*, *ломовые*, *обозные*, *огненные (огняные)*, *полковые (полевые)*.

Термин *верьховая пушка* сближается в военном труде первой четв. XVII в. с термином *пушка можжир* (и *можжира*) и толкуется так: «42. По томъ бываютъ большіе верьховые пушки, двѣ пушки можжиры и стрѣляютъ тѣми пушками въ верьхъ каменное ядро вѣсомъ по кантарю (т. е. по 2,5 пуда. — *Г. О.*), изъ

---

36 Рукоп. ГПБ, Оленинская система, шифр F. IX. 19.
37 Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, 1664 г., д. № 8788, 1 л.
38 Рукоп. ЦГАДА; ф. 396, оп. 1, ч. 7, д. № 8725.
39 Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, д. № 8725. Об этом термине А. Н. Кирпичников пишет: «Напрашивается аналогия с легкими кожаными пушками шведского короля Густава Адольфа. Были подобные конструкции и в России. Так, в 1683 г. во Пскове были «5 пищалей кожаных, обтянуты в длину полосами, а поперег железными обручами с кольцами, а в середине трубы медные»» (Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии. — В кн.: Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея, вып. 4. Л., 1959, с. 270).
40 *Вилинбахов В. Б.*, *Кирпичников А. Н.* К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси. — В кн.: Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея, вып. 3. М., 1958, с. 245 (со ссылкой на кн.: *Фэн Цзя-шэн*. Изобретение пороха и его распространение на запад (на кит. яз.). Шанхай, 1954, с. 40).
41 Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, д. № 8788 (1 л.).
42 Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, ед. хр. № 942.

таких пушекъ пробиваютъ своды крѣпкïе, а вѣсу въ нихъ по пятидесятъ контаревъ»[43]; ср.: это пушки «короткие и толстые, бившие навесным огнем почти вертикально вверх»[44]. В книге О. М. Радишевского *можжир* (ч. I, с. 85), *мозжиръ* (ч. I, с. 23), *можжеръ*[45] употребляются лишь в качестве составного термина (*пушка можжир*, *верьховая пушка можжер* и т. д.): И всего *верьховыхъ пушекъ* шестнатцать *можжеровъ* (ч. I, с. 103). Однословный термин (в форме *мартиры*, *моржиры*) появляется в памятниках письменности, как будто, лишь с 90-х годов XVII в.: батареи на пушки и на мартиры поставя, верхне(й) бой мало не весь збили (Петр I, 1695. — ПБП I.40. — Картотека ДРС).

Редок термин *пушка полуверховая*: И всего *верьховыхъ пушекъ* шестнатцать. . . стрѣляютъ они каменными и огненными ядры, двѣ *полуверховыхъ*, стрѣляютъ каменное ядро по пятидесятъ фунтовъ. (1607—1621 гг. *Радишевский*, ч. I, с. 103).

Другие названия. *Пушка вестовая* (нередко в деловой письменности, например, в Отписке Елецких воевод, 1632 г. — АМГ I, с. 412 и т. д.): въ Карачевѣ де учали бить во вѣстовой колоколъ и изъ *вѣстовой пушки* стрѣлять, что пришли де под Сѣвескъ татары. . . И по тѣмъ де вѣстемъ карачевскïе стрѣльцы. . . пошли въ походъ. 1644 г. — АМГ II, с. 141; *гранатная пушка*, т. е. ʽпушка с разрывными ядрами («гранатами»)ʼ: въ тое ночь въ шанцахъ я съ полковниками былъ и изъ пушекъ гранаты и огненными ядры стрѣляли и изъ шанецъ я и полковники вышли и приказалъ я полковникомъ, чтобъ они въ шанцы пришли на утренней зарѣ и изъ огненной и *гранатной пушекъ* велѣли стрѣлять. 1661 г. — АМГ III, с. 448; ср. еще: *пушка гранатная верховая*. 1661 г. — АМГ III, с. 373; позднее, чем словосочетание *гранатная пушка*, и, по-видимому, на его основе, путем усечения, как *винтовалъ* от *винтовальная пищаль* (1618—1619 гг., ниже), возникает термин *гранатъ* ʽартиллерийское орудие для стрельбы разрывными снарядамиʼ: Раненъ камнемъ изъ *граната* въ грудь. . . Мат.

---

43 *Радишевский О. М.* Устав ратных, пушечных и других дел, ч. I. СПб., 1777; ч. II. СПб., 1781, с. 102.

44 *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 54—55.

45 С. Гардинер объясняет фонетически все варианты, включая поздние, и возводит это многовариантное заимствование к ср.-в.-нем. *mörser* (из др.-.в.-нем. *mortari*, *morsari* от лат. *mortarius* со ссылкой на Клюге) через польск. *możdżerz*, *możdzierz* (с. XVI в.), блр. *можджер*, но напрасно относит появление варианта *можжер* (встречается уже у Радишевского) лишь к Петровской эпохе (со ссылкой на Н. А. Смирнова). См.: *Gardiner S. C. Op.* cit., p. 155—156. Отметим отсутствующие у С. Гардинера уменьш. *можжирки* (*Радишевский*, ч. 1, с. 103, 1607 г.), а также следующие варианты термина (даются, как и в источниках, в форме мн. ч.): *мажжеры* (Путеш. П. А. Толстого, 1697—99 гг. — Рус. архив., кн. I, 1888, с. 350), *мажжеры* (Арх. бум. Петра, I, с. 361, 1692 г.), *манжеры* (Зап. Желяб. 1840, с. 69, 1696 г.) — Картотека словаря XVIII в.; ср. еще ст.-рус. книжное, под влиянием польского, *можджыръ* в рукописи ГПБ «О предуготовлении вещей, к войне надобных» (F. IX. 12, л. 50. Сп. XVII—XVIII вв.).

медиц., 1121. 1679 г.; Налицо. . . всяких пушечных запасов. . . *гранат* болшои железнои, вѣсу в нем пятдесят семь пуд. Арх. Гамеля, № 264, 41. 1682 г.[46]; *пушка дробовая* (с начала 60-х годов XVII в., в условиях угасания активности термина *тюфякъ*): 5 пушекъ желѣзныхъ, горелые дробовые, затинныхъ 146 пищалей (1661 г. — АМГ III, с. 408), *пушка корабельная*: А посадъ де у того города погромили, а были де у нихъ *карабельные пушки*. . . съ тѣхъ караблей свезены двѣ пушки большихъ да пушка полковая. (Дон. д. 1653, т. IV, 698—699); *пушка ломовая*: дошли до городовыхъ валовъ, безпрестанно изъ *ломовыхъ пушекъ* бьючи (Зап. Желяб., 1840, с. 55: 1695 г. — Картотека ДРС); *пушка обозная* (под словом *обоз* в старину подразумевали лагерь): надобно. . . *обозныхъ пушекъ*. (Мск. Чрк. 358 — Там же); *пушка полковая* (от др.-рус. *пълкъ* 'поход', ср. ст.-русск. комментарий: *Пѹшкй* который въ полє провадѧтъ сѧ пачь же прозъваный *полъковый*, же сѹтъ оустѧ меⁿшого. . . [О предуготовлении вещей, к войне надобных] [47]. Действительно, такие пушки не случайно упоминаются вместе с затинными пищалями и часто в форме *пушечка*): *полковых* семь *пушечекъ*; затинныхъ одиннадцать пищалей (1632 г. — АМГ I, с. 412; аналогично: АМГ I, с. 400. 1632 г.; ПСЗ III, № 1594, с. 354. 1697 г. — Картотека словаря XVIII в.); *пушка ѳольколѣтъ* (и *функалѣтъ*, *фальконетъ*, *волконѣтъ*, *волконѣя*, *волконейка*) 'артиллерийское орудие, известное в Европе в XV—XVII вв. и стрелявшее свинцовыми снарядами' [48]: 2 пушки мѣдяны ѳольколѣты девятипятные, к. XVI в.[49]

Наконец, термин *пушка с замком*, указывавший на способ заряжания с казенной части, был редок даже в памятниках XVII в.: подавляющее большинство пушек в ту пору заряжалось с дула. Например, в Описной книге пушек, пищалей и военных снарядов во всех городах Российских (перв. полов. XVII в. — Рукоп. ГПБ, F. IV. 75) этот термин встречается лишь однажды: пушка мѣдєная с замкоᵐ (в Великих Луках, перв. пол. XVII в.) — факт, уже отмечавшийся в науке [50].

Термины, обозначающие пушки в соответствии с их размером (длиной дула, весом ядра и т. д.): *короткая пушка*, *великая*, *средняя*, *меньшая*, *половинная*, *полуторная* и проч. — могут быть предметом специального описания и в настоящей статье не рассматриваются.

---

46 СлРЯ XI—XVII вв., вып. 4, с. 122.

47 Рукоп. ГПБ, F. IX. 12, л. 54 об., Сп. XVII—XVIII вв.

48 Словарь иностранных слов. Под ред. Лехина И. В. и Петрова Ф. Н. М., 1955, с. 719. — Все фонетические различия представленных вариантов объяснены С. Гардинером, возводящим этот термин к н.-в.-нем. *Falkonett* (от ит. *falco* из др.-в.-нем. *falc(h)o*, со ссылкой на Клюге). — *Gardiner S. C.* Op. cit., p. 80.

49 Писцовые книги Рязанского края XVI в. Под ред. Сторожева В. Н., т. I, вып. 1. Рязань, 1898, с. 416 — Картотека ДРС.

50 *Кирпичников А. Н.* Описная книга. . ., с. 270.

В XVI—первой половине XVII в. название *пушка*, вступив еще раньше в близкие к синонимическим и синонимические отношения со словом *пищаль*, было значительно им потеснено и в ряде документов употреблялось как общее название артиллерийского оружия несравненно реже, чем сущ. *пищаль* [51].

Вопреки нередким и странным определениям ст.-русского военного термина *пищаль* как только лишь 'названия ружья' [52] или 'ружья (тяжелого)' [53], необходимо подчеркнуть, что в XVI—XVII вв. *пищаль* в качестве названия артиллерийского орудия употребляется очень активно. Например, в «Росписи, что на Короче по острогу и по башням наряду» (1645 г.) [54] в качестве артиллерийских орудий упомянуты только пищали: в сере^{д}не^{м} бою пища^{л} мѣдная коро^{т}кая в ста^{н}ке на колеса^{х} (л. 151). В «Описной книге пушек, пищалей и военных снарядов во всех городах российских» (Москва. Перв. пол. XVII в. — Рукоп ГПБ, F. IV. 75, 198 л.) при сотнях употреблений слова *пищаль*, десятках употреблений термина *тюфякъ*, слово *пушка* встречается лишь дважды: л. 51 (уменьшит. *пушечка*) и л. 117 об. (*пу^{ш}ка мѣденая*), так что, например, в росписях крепостных орудий Воронежа, Белгорода, Орла, Коломны, Тулы слово *пушка* не упомянуто ни разу, хотя ясно, что эти стратегически важные крепости XVII в. без пушек не обходились. Справедливо отмечалось, что большинство орудий различных видов названо в данной рукописи *пищалями* [55].

Показательны, далее, замены в «Описи Смоленску» 1671 г. словом *пищаль* слова *пушка*, имевшегося в прежней записи, отлитой на самом описываемом орудии вместе с ним в XV—начале XVI в.: 1) *Пищаль* мѣдная, въ станку на колесахъ, руского литья,

---

51 Не исключено, что о.-слав. *piščalь* 'свирель, дудка' является как название огнестрельного оружия в русском языке семантическим заимствованием из чешского (*pišt'ala*) через польск. (ст.-польск. *piszczal*, *piszczel*). См.: *Brückner*, с. 415; *Machek* 2, с. 451—452; *Мельников Е. И.* Указ. соч.. с. 111; *Урбанек Р.* Гуситское военное искусство и Европа. Прага, 1946, с. 18. — Во всяком случае вряд ли оправдана точка зрения о заимствовании русского *пищаль* 'вид огнестрельного оружия' из итал. *pistola*, фр. *pistole*, якобы сближенного впоследствии по народной этимологии с *пищаль* 'свирель, трубка' (см. так: *Boyer P.* Un vocabulaire français-russe de la fin du XVI-e siècle: extrait du Grand Insulaire d'André Thevet. Paris, MDCCCCV (1905), p. 50).

52 *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik, Band III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975, S. 53.

53 См. Указатель предметный в издании: ПСРЛ, т. XXV, с. 458, с указанием на страницы в тексте: 247, 270, 272, 297, 313, 328, 329. Ни один из контекстов на этих страницах не является достаточным для такого семантического определения. Наоборот, *пищаль* в них — это 'артиллерийское орудие': 6990 (1481) г.: Воеводы же великово князя начаша крѣпко приступати под город с пушками, пищалми и с тюфякы, и разбивше стѣну охабень Велиада взяша, л. 465 об., с. 329. — Ружьями, даже тяжелыми, крепостные стены не пробивают.

54 Рукоп. ГБЛ, колл. Шибанова 343/5, № 17, Опубл. в: Чтения ОИДР, кн. 2. М., 1859, с. 199—200.

55 *Кирпичников А. Н.* Описная книга. . ., с. 270.

длина два аршина полтретья вершка. На ней подпись. . .: «. . .сдѣлана бысть сія *пушка* въ лѣто шесть тысячь девятьсотъ девяносто перваго. . .» Вѣсу 16 пудъ [56]; 2) *Пищаль* мѣдная, гранатная большая. . . На ней подпись. . .: «. . .слита бысть сія *пушка* въ преименитомъ. . . градѣ въ Москвѣ, въ лѣта семь тысячь двадцать перваго. . .» Вѣсу 83 пуда [57].

Даже в специальной литературе начала XVII в. *пушка* и *пищаль* семантически сближаются: О раздѣленіи великихъ *пушекъ*. . . а не таковы инные долги дѣлаются, каковы ихъ въ прежнія времена дѣлывали; а иже нынѣшніе пищали корочѣ дѣлаютъ, изъ нихъ мочно столь же (далеко стрѣлять) (*Радишевский*, ч. I, п. 108).

Таким образом, термины *пушка* и *пищаль*, судя по документам XVI—XVII вв., «четко не разграничивались» [58].

Слово *пищаль* как обозначение артиллерийского оружия, сочетаясь обычно с теми же прилагательными, что и *пушка*, образовывало терминологические словосочетания. Нередок термин *пищаль затинная* 'длинное малокалиберное огнестрельное оружие, переходное от артиллерийского к ручному': на городкѣ наряду 3 пушечки желѣзныхъ . . .да 24 *пищали затинныхъ*, а къ нимъ 50 ядеръ, 178 самопаловъ и пищалей ручныхъ (Строг. п. кн., с. 110. 1623—24 гг. — Картотека ДРС); *затинных* одиннадцать *пищалей*; три ручных пищали по башнямъ, вмѣсто *затинных* (1632 г. Отписка Елецких воевод. — АМГ I, с. 412).

В Словаре Академии Российской (ч. 2. СПб., 1809, с. 769) *затинная пищаль* странным образом определяется как 'ломовая пушка' с указанием только на древние источники: «Никон. летоп. ч. 7, с. 197. Учение ратного строения, ч. I, с. 34». Однако ни в Никоновской летописи, ни в книге И. Валльгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей“ (М., 1647) словосочетание *затинная пищаль* в таком значении не фигурирует. (Ср. с этим верное определение термина в СлРЯ, в. 5, с. 320: *затинная пищаль* 'род огнестрельного оружия, небольшая пушка'.)

По П. Савваитову, название *затинный* «взято от затина, которым, по академическому словарю, называлось „нарочитое место внутри палисада или укрепления, где особенно ставятся огнестрельные орудия для удобнейшего отражения неприятеля“ [59]». По версии Ф. Ф. Ласковского, пока что не подтверждающейся фактами, «затином в старину назывался заряд, а затинною пищалью ручное огнестрельное оружие. . .» [60].

---

[56] ДАИ, т. V, с. 304.
[57] Там же, с. 304. Аналогично: с. 305.
[58] *Кирпичников А. Н.* Военное дело средневековой Руси. . ., с. 65.
[59] *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896, с. 102.
[60] Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. 1. СПб., 1858, с. 105.

Объяснение П. Савваитова получает подтверждение на почве этимологизации слов *затин* и *затинный*: «В основе лежит, по-видимому, наименование оборонительного сооружения **zatinъ*, которое входит в синонимический ряд: **zasěka*, **zarǫbъ*. Эти термины обозначали древний вид оборонительных сооружений: срубленные и наваленные друг на друга деревья. Таким образом, **zatinъ* — производное от глагола **zatęti*, *tęti* 'рубить'» [61].

В лексикографических и иных работах слово *затинный* представлено лишь в сочетании с сущ. *пищаль* [62]. В памятниках письменности, однако, встречаются термины *затинная пушка* (огненные мастеры. . . болшія и затинныя пушки льют. — ДАИ III, 279. 1689 г. Еще: АМГ, I, с. 134. 1615 г.; с. 400, 1632 г. и т. д.), *затинные мушкетки* (*Радишевский*, ч. II, с. 6, 1607—1621 гг.), — но все же слово *затинная* употреблялось преимущественно в сочетании с сущ. *пищаль* и на этой основе субстантивировалось: *Ung mosquet / Zatimena / затимна* — неточная запись вм. *затинна*. Полное наименование: *пищаль затинна*. (Парижск. сл. 1586 г., № 240); 283. О указѣ, что къ тому жъ походу иметь затинныхъ (*Радишевский*, ч. I, с. 25). Прилагательное субстантивируется даже в составе словосочетания *двойная затинная*: покласти *двойныя затинныя* и къ нимъ вилки, съ чего стрѣляти (Там же, ч. II, с. 7). Известен, наконец, и термин *полузатинная пищаль*: О указѣ *полузатинныхъ* или двойных затинныхъ и ручных *пищалей* (Там же, ч. II, с. 34).

Другой составной термин *пищаль стѣнобитная*, возможно, книжный: И всѣхъ тѣхъ осьмнатцать пищалей, именуются они *стѣнобитные пищали* (Там же, ч. I, с. 102). Ср.: прикатиша пушкы и пищали и ины стѣнобитныя сосуды (Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. [63]; чуть дальше в этом тексте, на с. 63, упоминается *пушечное* зелье, т. е. порох, так что речь идет об огнестрельном оружии; ср. еще контексты типа: пищаль Волкъ, ядро пудъ (Акты археологической экспедиции, т. I—III. СПб., 1836 (далее — ААЭ,, III, с. 378, 1634 г.), позволяющие судить о размерах артиллерийских пищалей).

Основные разновидности пищалей, хорошо представленные в «Описи Смоленску» 1671 г., — верховые (длина — 1 аршин,

---

[61] *Меркулова В. А.* Картотека ДРС и этимологические исследования. — Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. Вып. 4. М., 1975, с. 62. Ср.: «*затинъ* (*затынъ*) — особое место внутри крепостной ограды древнерусских украинных городов, непосредственно за частокольной деревянной оградой (тыном) располагавшееся или на местном горизонте, или же на невысоких земляных валах. Затинъ, по значению, соответствует современным валгангам и барбетам, и на нем, для действия поверх тына или в оставляемые в последнем промежутки, ставились особые огнестрельные орудия того времени, затинные пищали» (Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. Г. А. Леера т. III. СПб., 1888, с. 241).

[62] Так во всех работах и словарях, упоминающих данный термин, в указанных выше трудах А. Н. Кирпичникова.

[63] Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1957, с. 61.

вес — 20—36 пудов); «голанские» (обычно вес ядра — пуд с небольшим, длина — свыше 4,5 арш., вес — от 161 до 206 пудов), причем на основе словосочетания *пищаль «голанская»* возникает составной термин *пищаль «галанка»* (на раскатѣ *пищаль мѣдная галанка*. ДАИ IX 27.1676 г. — СлРЯ, в. 4, с. 8); *дробовые* (по длине близки к верховым, весом 5—34 пуд.), *затинные* (длина обычно ок. 4 арш., вес — 5 пуд.), *полковые* (длина — ок. 2 арш., вес — от 4 до 16 пуд., чаще — 8—11 пуд.) [64].

Другие составные термины — *пищаль скорострѣльная* 'возможно, заряжавшаяся с казенной части' (две пищали скорострѣльных нового дѣла, а къ ним по тритцати ядер. . . 1595 г.[65]); *пищаль волконетная* (и очень часто *пищаль волконѣика*): 25 пищалей затинныхъ, а . . .*волконетныхъ пищалей* 327 ядеръ желѣзныхъ (1600 г. ПКМГ II, с. 1261. — Картотека ДРС); *пищаль обрывокъ* (*урывокъ* и проч.) 'пищаль с каким-либо изъяном, но при этом иногда действующая': на башнях наряду. . . *пища*^{л} меденая полуто^{р}ная *о*^{б}*рывокъ* (Переп. кн. Пск.-Печ. м., л. 3—4. 1639 г. Картотека ДРС). Опускаем многочисленные существенные, употреблявшиеся как собственные имена при упоминании о той или иной пищали, реже пушке (*пищаль Лев*, *Пѣвица*, *Соловей* и др.).

Приведенные составные названия пищалей во многом совпадают с соответствующими составными названиями пушек, поскольку оба слова употреблялись в XVI и особенно XVII в. в качестве общего, родового названия артиллерийского орудия, причем слово *пищаль* было очень активным, как и производные от него: *пищальный* (ямские и *пищальные* и оброчные и присудные деньги. 1603 г.[66]; здесь термин *пищальные деньги* — 'налог, существовавший в России в XVI—XVII вв. (до 1679 г.); возник, возможно, из натуральной повинности — «пищального наряда» (грамота 1511)' [67]; *пищальникъ* (наймовал: жолнер и пушкарей и *пищальников*. Пискр. лет., л. 495 об. 1534—1535 гг. XVII в. — Картотека ДРС).

К концу XVII в. *пищаль* 'артиллерийское орудие' утрачивает активность [68] и в Петровскую эпоху становится практически неупотребительным (по данным Картотеки словаря XVIII в.).

---

[64] ДАИ, т. V, с. 294—310.

[65] Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890, с. 304.

[66] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1950, с. 521.

[67] Советская историческая энциклопедия, т. 2. М., 1968, с. 199—200.

[68] В памятниках конца XVII в. можно отметить замену слова *пищаль* термином *пушка*. Так, в Переписных книгах Кирилло-Белозерского монастыря за 1635 г. (Рукоп. ГПБ, шифр: Кир.-Белоз. 75/1314, л. 454) читаем: в Кирилове^{ж} мн^{с}трѣ на гора^{х} и на башня^{х} нар^{ду} пища^{л} ле^{в}. . . пища^{л} де^{р}млигъ. . . пища^{л} попȣгаи. . . Всѣ три пищали агли^{н}ские Алексѣя . . . — Во Вкладной книге того же монастыря, написанной в конце XVII в., об этих же орудиях сказано: В ркв го^{ду} Алеѯiи же Iоа́нновичь да̀лъ три пȣшки чюгȣнны^{х} пȣшка левъ. . . пȣшка дермлигъ. . . пȣшка попȣгаи. . . (Рукоп. ГПБ, шифр: Кир.-Белоз. 87/1325, к. XVII в.,

Термины *пушка* и *пищаль*, при их взаимосвязанности, все же не были семантически идентичны. Главное различие между пищалью, с одной стороны, и пушкой и тюфяком, — с другой, то, что пищали характеризуются бо́льшей длиной ствола [69]. Появление слова *пищаль* ʻдлинноствольное огнестрельное орудие’ в ту пору, когда уже существовали ст.-рус. слова *пушка* и *тюфякъ*, обусловлено военно-техническими нововведениями: длинноствольные орудия оказались наиболее удобными для прицельной стенобитной стрельбы. Но уже к 1607—1621 гг. «пищали короче дѣлаютъ», не такие «долги», «каковы ихъ въ прежнія времена дѣлывали» (*Радишевский*, ч. I, п. 108). В этих условиях *пищаль* как обозначение пушки постепенно утрачивает свою активность.

Термин *пищаль* с давних пор имел и другое значение — ʻручное огнестрельное оружие’ и с этой семантикой приобрел особую актуальность, по-видимому, приблизительно с середины XVI в. Так, в грамоте Ивана IV от 1545 г. велено собрать новгородскому воеводе 1000 конных и столько же пеших: да тѣх бы пищальниковъ у конныхъ и у пѣшихъ, у всякого человѣка было по *пищали ручной* (ААЭ, т. I. № 205).

С составным термином *пищаль ручная* соотносится слово *ручница* (ср. ст.-польск. *rusznica*, *ruczniса* — с 1478 г., из чеш. *rušnica*): побили и поранили многих! А тут и рук не подняли, а было сто пятнадцать *ручниц* (1576 г. Письмо Грязного — Ильина) [70].

Различались *пищаль долгая* и *краткая*: Всякъ изъ нихъ (бандитов) имѣлъ *пищаль долгую* и двѣ *краткіе* за поясомъ. . . (X. Рад. 211. — Картотека ДРС). По-видимому, *пищаль краткая*, как и *пищаль малая*, означало ʻпистоль, пистолет’, ср.: И егда шелъ путемъ, наскочилъ на меня онъ же паки со двема *малыми пищальми* и, близъ меня бывъ, запалилъ ис *пистоли*, и, божіею волею, на полкѣ порохъ // пыхнулъ, а *пищаль* не стрелила (Аввак. Ж.

л. 141 об. по карандашной нумерации). В переписных книгах Соловецкого монастыря и Анзерской пустыни, составленных подполковником Иваном Кокошкиным в 1711 г. (рукопись Ленинградского отд-ния Ин-та истории АН СССР, л. 196 об. — 201) под общим заголовком «Пȣ^{ш}ки чюгȣ^{н}ные» наряду с термином *пушка* (24 употребления) встречается кое-где и название *пищаль* (10 употреблений), но оно непременно указывает во всех случаях лишь на небольшое орудие весом от полупуда пяти фунтов до 1,25 пуда и с длиной ствола, составляющей аршин и девять вершков либо 1,75 аршина, т. е. речь идет о затинных пищалях — о наиболее близком к ручному оружию виде легкого артиллерийского орудия (упоминания же о р у ч н ы х пищалях, как ниже показано, встречаются подчас в памятниках не только XVIII, но и XIX в.). Пример: пища^{л} чюгȣ^{н}ная затинная хвостовая вѣсо^{м} пудъ десять ѳунто^{в} длина аршинъ девять вершковъ (л. 199 об.). Упоминаемые в этой же рукописи пушки отличаются обычно гораздо большими, чем «пищаль», весом и длиной ствола: пȣ^{ш}ка чюгунная вѣсомъ в осмьдесѧтъ два пу^{да} восьмна^{т}це^{т} ѳȣнтовъ длиною три аршина тринатце^{т}, ве^{р}шковъ (л. 196 об.), — хотя встречается и термин пушка чюгу^{н}ная зати^{н}ная («вѣсу по^{л}тора пуда дли^{на} два а^{р}шина девѧть вершков» — л. 199 об.).

69 *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси. . ., с. 97.

70 *Обнорский, С. П.* и *Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. М., 1952, с. 254.

1672—73 гг.) [71]. Ср.: *пищалет* 'пистолет' (Волог., 1902 г. — Картотека словаря русских народных говоров — далее картотека СРНГ), а также *пищалетик*:

Ты купи-ко, моя милая, / Да важной пищалетик,
Що возьми-ко, моя милая, / Да пороху и дроби.

(Кокшеньга, Тотемский у. — Картотека СРНГ)

Другие составные термины: *пищаль завѣсная ручная* («носилась на ремне за спиной» — БСЭ, I изд., т. 45, 1940, стб. 502): четыре *пищали* казацкиє *завѣсные*. 1687 г.[72]; *пищали карабинные*, *мушкетные*, *пистольные*: ружья... 69 сабель, 2 палаша, 118 пищалей и стволовъ всякихъ, *пищалей*, *мушкетныхъ* и *корабинныхъ* и *пистольныхъ* (1660 г. АМГ III, 39,; *пищаль* — *мушкет*: Пищаль нємѣцкаѧ мѹшкѣтъ по стволѹ сѣчєны слова латынскиє. 1687 г.[73] (Такие *пищали-мушкеты* появились в Московском государстве «вместе с наемными войсками» в XVII в. и представляли «ту же фитильную пищаль, но довольно большого калибра», из которой стреляли, кладя дуло на вилообразную подсошку) [74]; *пищаль казачья*: прислано... шеⷥдесяⷮ *пищалеʼ казачьиⷯ* да сємьдєсяⷮ дєвѧть пищалеʼ с приклады (1661 г. Моск.)[75].

Следует подчеркнуть, что *пищаль* — это, бесспорно, главный старорусский термин, обозначавший в XVII вв. ручное огнестрельное оружие для всех, начиная от низших и кончая высшими слоями населения Московского государства. Например, в записи имущества крестьян Шурецкой (Шуерецкой) волости вотчины Соловецкого монастыря (1694—1695 гг.) *пищаль* 'ружье' встречается при росписи имущества каждого из крестьян: Наумъ Дмиⷮрєѥвъ сочтєⷩ... корова і҃ лошаⷣ .в҃. рубли пищаⷧ .ѕ҃і. аⷧ дⷣⷷ. ... Аⷩдрєʼ Егоⷬѥвъ сочтєⷩ ... .в҃. лошади .г҃. рубли .в҃. пищали рѹбль... // Ананиѧ Коⷩдратьѥвъ сочтєⷩ... кобыла рубль .ѕ҃і. аⷧ дⷣⷷ. пищаль .ѕ҃і. аⷧ дⷣⷷ.[76] С другой стороны, в Переписной книге Оружейной Палаты 1687 г. (на 705 л.) перечень огнестрельного оружия открывается описанием пищалей, которое занимает как никакой другой вид оружия большое место — ок. 20% всего объема той части рукописи, где описано оружие. В подавляющем большинстве случаев в описаниях этих пищалей упоминаются курки и приклады, так что речь идет в основном о ручных пищалях. Главное противопоставление в этом перечне — *пищалей винтовальных* (реже *винтованных*, *винтоватых*) *пищалям гладким*, т. е. без винтовой

---

[71] Там же, с. 308—309.
[72] Переписная книга 1687 г. на 705 листах всякой царской принадлежности, хранящейся при Оружейной Палате. — Рукоп. ЦГАДА, ф. 396 оп. II, ч. 2, д. № 936, л. 320 об.
[73] Там же, л. 215.
[74] *Бранденбург Н. Е.* Указ. соч., с. 246.
[75] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ч. 6, д. № 7250, л. 3.
[76] Рукоп. ГБЛ, ф. 218, карт. 1250, ед. хр. № 14, л. 61—61 об.

нарезки на стволе: Пара пищале^в одна винтовалная осмерикъ а другаѧ гладкая... // на куркахъ... змеины головы... на прикладе клеимы проре^зные (л. 245 об. — 246), — хотя есть и другие словосочетания: *пищаль двойная*, *двоествольная*, *тройная* (*пища^л тро^йная* о тре^х ствола^х (л. 270); пища^л дво^йная переве^ртная... ѻдинъ стволъ винтова^лно^й а друго^йгла^дко^й (Переписная книга 1687 г., л. 276).

Еще одно свидетельство активности термина *пищаль* 'ручное огнестрельное оружие' — наличие производных — уменьш. *пищалка*, *пищалейка*, *пищаленка* (Пара пистоле^й и *пищалокъ* розныхъ дѣлъ — Переписная книга 1687 г., л. 397), ср. *пищáлка* 'ружье'. Волог. 1883—1889 гг. и 1902 г. — КСРНГ; взяты... *пищалейки* старые и худые. — Мск. стб. I, 553. — Картотека ДРС; ис свои^х худы^х пищаленокъ и^х брацки^х куяко^в не пробивае^м. — Якут. а., к. 7, № 13, сст. 2. 1646 г. — Картотека ДРС), а также наречие *по-пищальному*, отсутствовавшее в картотеках Института русского языка АН СССР: Самострѣ^л болшо^й ...прикла^д на обѣ стороны... сп8скъ *попищално^му* (Переписная книга 1687 г., л. 458).

Из словосочетания *винтовальная пищаль* возникает арханг. (1618—1619 гг.) существительное *винтовал* путем усечения, что характерно для разговорной речи: *винтовал* (=винтовка) βíntoval. — Ларин. Рич. Дж., с. 271; там же, на стр. 173, читаем *βïntoval* нарезное ружье a rifled peece.

На базе словосочетания *венгерская пищаль* возникает сущ. *венгерка* 'пищаль венгерской работы' (Д. Шакловит. IV, 128. 1686 г. — СлРЯ XI—XVII вв., в. 2, с. 72), а на базе наиболее типичного и актуального в середине XVII в. словосочетания *винтовальная пищаль* возникает словосочетание *пищаль винтовка* (ср. еще, выше, образование термина *пищаль галанка*) — впервые засвидетельствовано в 1647 г.: Двѣ пищали глатких, *пищал(ь) винтовка*, пол пуда пороху. Якут. а., кар. 7, № 10, сст. 43. — СлРЯ..., в. 2, с. 187. Другие примеры: 2 пищали мѣдныхъ духовыхъ... 2 *пищали винтовки* птичьи въ патріаршу казну домовую (Им. Н. Ром. 5. — Картотека ДРС); *пищаль-винтовка* (1663 г. — История СССР, 1978, № 4, с. 155, по рукоп. ЦГАДА); два^тца^т четыре ѳу^нта пороху четыре *пищали ви^нто^вки* вы^дра малая (А. Верхот. съезж. избы. Карт. № 22. 1675 г. — Картотека ДРС); о^н... збежа^л с коломъ а с҃нъ ево аѳо^нка с пища^лю с ви^нто^вкою и били меня (Челоб. приказчика. 1680 г. ЛОИИ «Рознь», № 43. Коломенск. д. 4. — Картотека ДРС).

Из двусловного регулярного старорусского термина *пищаль винтовка* возникает термин *винтовка*: 24 шишака, 3 пуда свинцу, 12 пистолей порчаныхъ, 3 *винтовки* худыхъ. Роспись ратных людей в г. Полоцке. 1661 г.[77] Ср. соотнесение слова *винтовка* с *пи-*

[77] АМГ, III, с. 408.

щаль у авторов в XVIII в.: *Винтовка*, извѣстная *пищаль*, внутри винты имеющая, которые далѣе и цѣльняе гладкихъ стрѣляютъ, но противо гладкихъ тяжелы и къ заряжанiю не такъ поспѣшны (Татищев. Лексикон, ч. I, с. 245. СПб., 1793. — К. Сл. XVIII в.); Arquebuse. Фузея, *винтовка*, *пищаль* (Лекс. Волчк. 1755 г., ч. I, с. 144. — Там же).

Объяснение образования термина *винтовка* из *винтовое ружье*, и притом со ссылкой на Якутск. акты 1647 г., расписанные в Картотеке ДРС [78], тогда как в действительности в этих актах 1647 г., по данным указанной Картотеки, имеем лишь словосочетание *пищаль винтовка* (см. цитату выше), вызывает возражение. Словосочетание *винтовое ружье* в старорусских памятниках, по материалам Картотеки ДРС, вообще не представлено. Это закономерно: слово *ружье* в XVII в. употреблялось в собирательном значении для указания на любое оружие, в том числе и холодное (см. пример выше). Значения единичности в ту пору это слово еще не приобрело; новое, современное значение у данного слова возникает лишь в XVIII в., все более часто оно фиксируется в памятниках с середины XVIII в.[79], тогда как сущ. *винтовка* известно с середины XVII столетия.

Что касается слова *пищаль* 'ружье', то оно, в отличие от *пищаль* 'пушка', в нач. XVIII в. еще употребляется, но мало и неактивно; его заменил в Петровскую эпоху на первых порах термин *фузея*, широко представленный в памятниках первого десятилетия XVIII в. Ср.: Много продажного ружья, пищалей, которыя называются физiи (sic.) (Путеш. П. А. Толстого, 1697—99. — Русский архив, кн. I, 1888, с. 521); Да ружья 5000 фузей и шпаг тоже приказал отпустить. (Гр. Башк. 1708 г., 213 — Картотека ДРС).

Но бесследно слово *пищаль* 'ружье' не исчезло. В быту этот термин иногда встречался, даже в середине XIX в.; ср.: З у б а р е в. У меня в доме, положим, ничего этого смертоносного нет, одна пищаль старая, да и та не стреляет, да вот разве мышьяк держу для крыс. . . (А. Н. Островский. Дикарка, д. IV, явл. 2. — КБАС), ср. еще *пища́ль* 'ружье' (яросл.: Опыт, 1852 г.; перм. соликам. 1905—1921 гг.), *пиша́ль* (с. Усьянско-Дмитриевское Сев.-Двинск. 1928 г.), *пища́ль* (арханг., 1847 г.) — Картотека СРНГ. Став историзмом в русском литературном языке, этот термин, когда-то заимствованный из русского, до сих пор активен как обозначение ружья в коми языке (*пищаль*), марийском (*пычал*), чувашском (*пăшал*).

---

[78] *Шанский Н. М.* О содержании словарных статей, посвященных М. Фасмером этимологическому объяснению внутриславянских дериватов. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. 3. М., 1961, с. 67; Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н. М. Шанского, т. I, вып. 3. М., 1968, с. 102.

[79] *Чичагов В. К.* О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова «ружье». — Уч. зап. МГУ, вып. 150, 1952, с. 309—310.

Уже приводившийся в первом своем употреблении др.-рус. термин *тюфякъ* (и *т8фѧкъ* — см. ниже) — тюркизм; ср. др.-вост.-тюрк. *tüfäk*, тур. *tüfenk*, *tüfäk* 'трубка, ружье, арбалет' [80]. По Н. К. Дмитриеву, все тюркские соответствия восходят к иранскому термину [81]; ср. приводимое в персидском толковом словаре Бурхан-и-кати, составленном в Индии в XVII в., слово *туфанг* 'деревянная трубка, из которой, с силой выдыхая воздух, стреляют глиняными шариками по мелким птицам' [82]. Вряд ли русские заимствовали термин *тюфякъ* от татар, которые, по существующей версии, впервые применили пушки лишь в 1400 г.[83] Имея в виду этот факт, а также географию распространения термина (в значении 'ружье') в греческом, румынском, албанском, болгарском, турецком, персидском, арабском и некоторых других языках, В. Б. Вилинбахов и А. Н. Кирпичников предполагают, что «в русскую артиллерийскую терминологию это слово проникло не вообще с востока, а откуда-то из восточного Средиземноморья, возможно, из греческо-малоазийских центров». При этом подчеркивается, что византийско-черноморско-балканские связи Руси не прекращались, несмотря на 200-летнее монгольское иго» (со ссылкой на труд М. В. Левченко «Очерки по истории русско-византийских отношений». М., 1956, с. 520) и что древнейшее (огнестрельное) оружие на территории СССР «найдено в 1885 г. в Крыму», в бывшей Таврической губернии [84].

Следует считать омонимами *тюфяк* 'вид оружия' и *тюфяк* 'матрац' (последнее — из тюркск. *töšäk*, но не из *tüfäk*!); этимологически данные термины между собой не связаны [85].

Интересующий нас термин справедливо толкуется И. И. Срезневским как огнестрельное оружие с примером: Овіи стрѣлами стрѣляху съ заборолъ. . . друзіи же т8фяки пущаше на нихъ. Соф. вр. 6890 г. (1382 г.) [86]. Определение Ф. Корша — др.-рус. *тюфяк* 'машина для метания нескольких стрел одновременно' — контекстами не подтверждается и должно быть отвергнуто. Военные специалисты определяют термин *тюфякъ* как 'род пушки или пищали' (Энциклопедия военн. и морск. наук, т. VII. СПб., 1895, с. 629). В связи с таким определением термина как разновидности пушки заслуживает внимания наблюдение о том, что в подавляющем большинстве документов XVI—XVII вв. тюфяки названы «дробовыми», т. е. они стреляли своеобразной картечью —

---

80 *Фасмер* IV, с. 138.
81 *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. 3. М., 1958, с. 33.
82 Borhani Qatiu, ed *Thomas Roebuch*. Calcutta, 1818, p. 244. Перевод О. Ф. Акимушкина. — Цит. по: *Вилинбахов В. Б.* и *Кирпичников А. Н.* Указ. соч., с. 246.
83 *Мейер М.* Исторические сведения об огнестрельном оружии. СПб., 1841, с. 23.
84 *Вилинбахов В. Б.* и *Кирпичников А. Н.* Указ. соч., с. 247.
85 *Фасмер* IV, с. 138; *Kiparsky V.* Op. cit., S. 67.
86 *Срезневский* III, стб. 1040—1041.

«дробосечным железом». Типичный контекст: пищаль себежская. . . тюфякъ дробовой (Псков. а. 1626—27 гг. — Картотека ДРС). Таким образом, можно без преувеличения утверждать, что сущ. *тюфякъ* было термином видовым или близким к видовому, в отличие от слов *пищаль* и *пушка*. Не случайно составных терминов, указывающих на тот или иной функциональный вид тюфяка в зависимости от его принципа действия, кроме практически единственного — *тюфякъ дробовой*, в текстах не обнаружено, хотя и упоминаются иногда тюфяки с ядрами: тюфякъ мѣдной въ прохожей башнѣ . . . къ нему 112 ядеръ (АЮБ III, 419 об. 1668 г.). В этом отношении употребление, с одной стороны, терминов *пушка* и *пищаль*, образующих несколько составных производных наименований (см. выше), и, с другой, — сущ. *тюфякъ* принципиально различается. Разумеется, при этом сравнении не следует учитывать термины *тюфяки немецкие* (АМГ II, с. 473, 1655 г.), *тюѳяки турецкие* (Аз. п. 225. XVII в. — Картотека ДРС), которые указывают главным образом лишь на то, где, у какого народа произведено данное оружие.

В Описной книге пушек, пищалей и военных снарядов во всех городах российских (Рукоп. ГПБ, F. IV. 75, перв. пол. XVII в.) употребление термина *тюфякъ* не превышает 7% всего числа употреблений терминов, обозначающих артиллерийское орудие. Термин *тюфякъ* был значительно менее активным, чем слова *пушка* и *пищаль*, и русских производных от него нет, есть лишь весьма редкое образование, к тому же возникшее, бесспорно, на тюркской почве — *тюфянчей* 'пушкарь' (Хожд. Котова. 1625 г., с. 92. — Картотека ДРС) из тур. *tüfäkci*, *tüfenkdži*[87].

Обозначая артиллерийское оружие устаревшей конструкции, термин *тюфякъ*, малоактивный в русском языке XVII в., в Петровскую эпоху исчез. В Картотеке Словаря русского языка XVIII в., включающей в себя все печатные материалы XVIII в., нет ни одного употребления слова *тюфякъ* 'вид пушки', как и в Картотеке СРНГ. Обращение к рукописным материалам вносит сюда малозначительную, не меняющую существа дела поправку: сравнивая описи артиллерийского оружия в г. Устюжне 1639 г. (ЦГАДА, ф. 159, д. № 757, 1638—40 гг.) и 1713 г. (ЦГВМА. Дела Артиллерийской канцелярии. Л., № 236, 85, 1713), Г. А. Максименков пишет: «В описи 1639 г. упоминается два тюфяка, а в описи 1713 г. — один»[88].

Слово *тюфякъ* не было однозначным и могло указывать на ручное огнестрельное оружие, как это имеет место в единственном употреблении термина *тюфякъ* (*короткий винтованный*) в Полибинской описи Оружейной Палаты 1687 г.: Пара тюѳякѡвъ короткихъ ви^н^това^н^ны^х^ Тимоѳѣева дѣла Лѹчєнинова стволы рє^з^ные

---

[87] *Фасмер* IV, с. 138.

[88] *Максименков Г. А.* Из истории древнерусской артиллерии. — СА, 1957, № 3, с. 80.

посере҇ᵇрены на ка҇ᶾнѣ по орлу й поиски ѕолочены замки аглинское дѣлѡ рез'ные[89].

Общей чертой в употреблении всех трех терминов — *пушка*, *пищаль*, *тюфякъ* — было то, что все они, и в особенности слово *пищаль*, обозначали то артиллерийское орудие, то ручное огнестрельное оружие. Это объясняют тем, что по своей конструкции древнейшие образцы ручного огнестрельного и артиллерийского оружия соответствующих калибров не отличались резко друг от друга [90].

При всем этом, однако, каждый из рассмотренных терминов в своем употреблении весьма своеобразен.

---

[89] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. II, ч. 2, № 936, л. 431.
[90] *Бранденбург Н. Е.* Указ. соч., ч. I, с. 234—235.

В. А. Никонов

СЕВЕРНЫЕ ФАМИЛИИ

Сотни тысяч фамилий составляют такой огромный отряд в лексическом составе русского языка, что без его изучения знание русского языка неполно. А значительная автономность этого отряда в языке требует и специфики его изучения, не меньше чем диалектология. Методы же исследования фамилий у нас почти не разработаны; эта научная проблема по существу поставлена лишь в минувшем десятилетии [1]. В потоке последующих работ, к сожалению, преобладали любительские, не опирающиеся ни на какую теоретическую основу и оперирующие эффектными фамилиями. Серьезных работ немного. Для них характерны два основных недостатка.

1. Попытки подлинно научного этимологического исследования фамилий представляют случайный набор отдельных фамилий, рассматриваемых порознь. При этом исчезает их типология, да и любая предлагаемая этимология надежна лишь в том случае, если она доказана не только закономерностями исторической фонетики на материале нарицательных, но и аргументами собственно ономастическими. Можно «традиционным» способом рассмотреть образование фамилии *Живаго*, но даже при отсутствии лингвистических ошибок такое исследование антропонимически неполноценно, если не учитывает наличия ряда (*Мертваго*, *Дубяго* и проч., полдюжины из которых продемонстрированы Кузьмой Прутковым) и связи его с *-ово* (*Дурново*, *Хитрово* и др.), а всех их — с *-их*, *-ых* (*Черных*, *Гладких*). Но и этого мало. Изучение их — ничто, если не знать, что все они охватывают меньше 1% русского населения. Понять частное нельзя, ничего не зная о целом. Равно однобок анализ отдельных изолированных фамилий без статистического анализа всей массы их или обратно.

2. Игнорируют пространственное размещение фамилий. А без знания этого беспомощны этимологии: фамилия *Бураков* почти всюду связана с *бурак* 'свекла', а на Севере *бурак* значит 'корзина'; фамилия *Кокорин* у русских в западных областях и Прибалтике связана с *кокора* 'большой блин', а на Севере *кокора* — 'коряга, бревно с корневищем'. Сам состав фамилий на каждой

[1] *Трубачев О. Н.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России. — В кн.: Этимология 1966. М., 1968.

территории различен, резко различна и частота каждой. В прошлом эти различия были еще значительней. Самая частая в Москве фамилия *Иванов* на Севере (1897 г.) занимает 16-е место. Третья по частотности в Москве фамилия *Смирнов*, господствующая на Северном Поволжье, оказалась очень редкой на Севере (56 человек в Онежском уезде и 13 человек в трех остальных уездах, охваченных подсчетами, — только приезжие — служащие, торговцы, духовные). И лишь фамилия *Кузнецов* там и тут занимает 2-е место, уступая в Москве только *Иванову*, а на Севере — *Попову*. Достаточно привести данные о пяти самых частых фамилиях Архангельской губ. (взяты 4 уезда — Мезенский, Онежский, Шенкурский, Холмогорский), сопоставив хотя бы с двумя другими территориями, чтобы увидеть отчетливую региональность фамилий. Подсчеты выполнены по материалам переписей. Так как объем каждого из приводимых подсчетов очень близок (Архангельск. губ. — 195 тыс. чел., Зауралье — 190 тыс. чел., Тульск. губ. — 201 тыс. чел.), целесообразно привести их без пересчета — в абсолютных числах:

	Попов	*Кузнецов*	*Шестаков*	*Некрасов*	*Семаков*
1. Архангельск. губ.	4753	2274	1308	1034	1029
2. Зауралье	1297	910	547	165	6
3. Тульск. губ.	275	1830	67	18	18

Примечание:

1. Мезенский, Онежский, Холмогорский и Шенкурский уезды, всероссийская перепись 1897 г. — Архангельск. обл. архив, ф. 6, оп. 18 и 19.
2. Тобольская губерния: Курганский округ, около 1890 г. — Центр. историч. архив, Ленинград, ф. 1290, оп. 6; Ялуторовский, Ишимский, Туринский уезды 1897 г. — Тобольский гос. архив, ф. 417, оп. 1.
3. Алексинский у. земская перепись 1916 г. — Тульск. обл. арх., ф. 4, оп. 6, Епифанский у. 1900 г. — там же, оп. 2, Чернский у. 1916 г. — там же, оп. 6.

При такой резкой разнице важнейшую роль в антропонимической науке получает география фамилий — сопоставительное изучение всей массы их на различных территориях. Эта трудоемкая работа у нас едва лишь начата.

Становление фамилий на Севере протекало значительно раньше, чем во всей средней полосе России, где почти все крестьянство принадлежало помещикам, а крепостным фамилий не полагалось. Если у них и возникали «уличные» фамилии, то, нигде не записанные, они легко дробились, менялись, исчезали. Основная масса крепостных получила фамилии только после 1861 г., на Севере же и в XVIII в. большинство крестьян имело фамилии, а многие и раньше. Приводимые исследователями даты различны: М. В. Витов — «В Обонежье фамилий в подавляющем большинстве случаев не было в XV—XVI вв.» [2]; П. А. Колесников — «У боль-

---

[2] *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962, с. 132.

шинства черносошных крестьян и ремесленников в отличие от крестьян крепостнического центра страны, фамилии определились уже во второй половине XVII столетия»[3]; Г. Я. Симина — «Письменные памятники Пинежья свидетельствуют, что фамилии там сложились лишь в XVIII в.»[4]. Кто прав? Становление фамилий — не акт, а процесс, который длился не одно столетие. «Первых» фамилий не было: в фамилию постепенно превращались иные именования — отчества и дедичества *иванов*, *гришин*, *кузнецов*, *волков*, т. е. сын или внук Ивана, Гриши, кузнеца, Волка. Установить, уже фамилия это или еще отчество, можно только располагая документальными данными дальше трех поколений, а такие случаи исключительны, но все же есть. В документах XVI в. по Ростовской вол. Важской земли (позже Шенкур. уезд) встретилась фамилия *Няников* и в той же вол. по переписи 1897 г. 11 семей *Няниковы* (70 ч.) — фамилия удержалась на одном месте 3 столетия. Конечно, такие находки единичны, в документах XVI в. фамилии есть лишь у очень немногих. Со следующего столетия они уже несколько чаще. В 1897 г. *Лисицыны* и *Толстиковы* встречены там же, где они документированы в 1652 г. (Богословский I 88). Но и в конце XVII в. до широкого установления фамилий еще далеко. Акты переписи часовен 1692 г. содержат огромные списки крестьян, привлеченных в свидетели (РИБ XXV 549—741) и только у небольшой их части, кроме имени и отчества, есть третий член именования, но вот что с ним происходит: в Устьян. вол. указаны: «иосиф иванов сын кононовых да леонтий денисов сын лебедевых», а в заключении того же акта они поименованы «леонтий денисов, осиф иванов» (с. 549); «аверкий логинов сын поторочиных, симеон леонтьев сын чеснишин, яким тимофеев сын тюлпин», через несколько страниц уж только «аверкий логинов, симеон леонтиев, яким тимофеев» (с. 553) — и так почти в каждом случае: если есть третий член именования, он необязателен и легко исчезает. Фамилию в современном смысле немыслимо представить такой мерцающей и факультативной. Случай позволяет подсмотреть дату становления или смены фамилии: учитель М. В. Ломоносова до 1718 г. подписывался *Семен Никита Смолиных*, в 1723 г. он *Сабельников*[5], в 1897 г. *Сабельниковы* записаны в соседней волости.

Многовековая с переменным успехом борьба Москвы и Новгорода за Север окончательно завершилась присоединением Новгорода и всех его владений к московскому государству в 1478 г., т. е. задолго до становления фамилий. В фамилиях этот процесс непосредственно отразился: каждая из этих двух исходных об-

---

[3] *Колесников П. А.* Опыт генеалогии И. В. Бабушкина. — МИЕС, вып. III, с. 101.
[4] *Симина Г. Я.* Фамилия и прозвище. — В кн.: Ономастика. М., 1969, с. 30.
[5] *Моисеев Г. Н.* Исторические известия новонайденного Куростровского синодика. — МИЕС, в. III, с. 145.

ластей русского заселения Севера принесла свои слова, формы и фонетические особенности. Фамилии подвижней топонимов и не дают на карте такой границы, как размежеванье «новгородского» слова *ручей* с «московским» *ключ*, неизвестного ни историкам лексики, ни диалектографам, но четко сохраненного топонимией. Но, по-видимому, новгородские черты отразились в фамилиях *Анцифоров*, *Конечный* (*конец* — частейший административно-территориальный термин в Новгороде и его владениях), *Патракеев* (вместо *Патрикеев*), *Шкулев* (известно псковск. *шкуль*) и др. Исследователи, вероятно, умножат примеры, но это потребует немалого труда: новгородские и московские особенности переплелись очень тесно за последующие столетия.

Фамилии у русских на Севере, как и во всей России, по своему происхождению в абсолютном большинстве — отчества в форме кратких притяжательных прилагательных, образованных суф. *-ов*, *-ин*, означающих «чей сын». У крестьян среднерусской полосы эта форма была почти абсолютной, другие охватывали меньше 1%. Именно эти форманты до XVI в. служили основными средствами выражения притяжательности в широком значении, включающей и происхождение (не только кровное, а и по местности), и принадлежность. А на Севере другие формы фамилий охватывали 4—5% всех крестьян (см. табл.).

Формы фамилий русского сельского населения
(в пересчете на 10 тыс. чел. по каждой территории)

Уезды (и дата)	*-ов(-ев) -ин*	*-ой, -ий, -ый*	*-ский*	*-их, -ых*
Онеж. у. Архан. губ. (1897)	9569	65	279	117
Шенкур. у. » »	9426	183	385	6
Холмогор. у. » »	9426	165	408	1
Мезен. у. » »	9707	245	45	3
для сравнения:				
Епифан. у. Тул. губ. (1900)	9952	—	42	—
Шуйск. у. Влад. губ. (1897)	9976	—	24	—
Курган. округ (1888)	9677	1	57	265

Архаичную форму фамилий *-ой* (*Толстой*, *Нагой*), а также *-ий*, *-ый*, *-овый*, *-атый* у русских, кроме северян, удержали только единичные старинные роды, а на Севере таковы и фамилии народные, например, в Шенкурском уезде их носили 1617 чел.; по отношению же ко всей массе крестьян они чаще всего в самом отдаленном из обследованных уездов — Мезенском (почти 2,5% всех фамилий). Вот некоторые из таких фамилий: *Бархатный*, *Безногий*, *Белый*, *Боговой*, *Борзой*, *Волосатый*, *Гладкий*, *Горбатый*, *Грязной*, *Девятой*, *Жидкий*, *Золотой*, *Игумный*, *Конечный*, *Лисой*, *Мелкой*, *Нагой*, *Резвый*, *Рудный*, *Седьмой*, *Слудной*, *Страшный*, *Узкой*, *Хрушкой*, *Черный*, *Шубный*.

Фамилии на *-ский* [6] в Средней России принадлежали дворянству (в подражание княжеским и шляхетским), духовенству (из названий церквей и селений), с XIX в. — разночинцам, во второй половине XIX в. начали распространяться у отдельных крестьян, вырвавшихся из общины и сменивших место жительства. Они оставались в ничтожном меньшинстве. А на Севере они во много раз чаще. В 1897 г. их носили в Шенкурском у. 3315 ч. (459 чел. *Едемские*, 260 чел. *Поженские*, 227 чел. *Бубновские* и т. д.), в Холмогорском — 1634 чел., Онежском — 1047 чел. В таких количествах, несомненно, это фамилии не духовенства и не заезжих торговцев или служащих.

Основной массив русских фамилий в форме род. пад. мн. ч. притяж. прилаг. *-их*, *-ых* охватывал Северное Заволжье, оттуда они хлынули на восток, пересекли Вятку, Каму, Уральский хребет и распространились по Сибири (другой массив их, поменьше, расположен между Орлом, Курском, Воронежем) [7]. Подсчеты показали, что продолжение ареала *-их*, *-ых* на Север неравномерно: только в Онежском у. они довольно часты (493 чел.) — больше 1% всего населения [8]; в других уездах их осталось мало. Перечень их по 4 уездам: *Боровых*, *Власовских*, *Вострых*, *Вторых*, *Вшивых*, *Гладких*, *Долгих*, *Жидких*, *Земских*, *Коротких*, *Лисых*, *Луговых*, *Односторонних*, *Плоских*, *Рыжих*, *Череповских*, *Широких*. Давность этой модели документирована многократно: в 1641 г. на р. Устья записан *Иван Федоров Сухих* (Богословский I, с. 85), в 1642 г. несколько северней — *Никон Васильев Тупицыных* (там же, с. 103); на Пинеге в 1686—1688 гг. — *Сухаревых*, *Страшных*, *Ставровых*, *Еремеевых* [9]. Несомненно, что в прошлом именование на *-их*, *-ых* было на Севере чаще. По результатам переписи часовен 1692 г. южней и восточней Шенкурска трехчленных именований оказалось 42% от общего числа (РИБ, т. 25). Многих потомков этих семей в тех же местах застала через двести лет всероссийская перепись, но уж без *-их*, *-ых*: в Великониколаевском приходе и соседних с ним 1692 г. — *Волосатых*, *Лодыгиных*, *Тарасовых*, *Кожевниковых*, *Тяжелкиных*, *Мелких*, *Ревиных* (с. 350—382), в Великониколаевской вол. 1692 г. — *Сенчуковых*, *Тюлебае-*

---

[6] Своеобразная функция суф. *-ск-* затрудняла его определение. Предполагали даже, что она связана с выражением «коллективной принадлежности» (ср. *морской берег*?). Вместо этого мной предложено на Международном симпозиуме по этимологическим исследованиям определить эту функцию как неличную принадлежность. Качественные значения прилагательных со *-ск-* тоже очень ранни, но вторичны.

[7] *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974, с. 212 и 218 (карты фамилий на *-их*, *-ых*).

[8] Очень существенно, что они сосредоточены на небольшом пространстве: 473 ч. по течению р. Онега ниже Иксы, кроме низовий, по которым близ города и немного западней вдоль берега Белого моря еще 7 чел., отдельно 5 чел.на севере Онежского полуострова. По всей остальной территории обширного уезда таких фамилий нет.

[9] *Симина Г. Я.* Из истории русских фамилий: Пинежские фамилии. — В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 114.

вых, там же в 1897 г. (Кургоминская вол.) 128 чел. *Сенчуковы*, 125 чел. *Тюлебаевы*; в Попонаволоцкой вол. 1692 г. — *Новгородовых*, *Мининых*, в 1892 г. это Благовещенская вол., в ней записаны *Новгородовы* — 157 чел., *Минины* — 324 чел.

До сих пор никто не отметил, что по всероссийской переписи 1897 г. формант *-их* во многих случаях отличал женщин. Семья в дер. Ананьево Кушевской вол. Холмогорского уезда: хозяин — *Луговой*, так и его 15-летний сын, хозяйка — *Луговых*, так и дочь; такие примеры неоднократны в Мезенском уезде: у хозяйки и ее дочери фамилия *Вторых*, а у троих сыновей — *Второй* (с. Койнас), хозяину и его сыновьям записана фамилия *Прелой*, а хозяйке и дочери — *Прелых* (д. Кысская), в д. Засульская так дифференцированы фамилии внутри трех семей. Точно такие примеры мне встретились в документах той же переписи по Ялуторовскому у. Тобольской губ.[10]

Как нигде, на Севере фамилии сохранили в себе корни, которые исчезли из языка. Фамилии *Басаргин*, *Завьялов*, *Личутин*, *Ряхов*, *Собинов*, *Собинкин*, *Создомов* и многие другие — эхо старинной русской речи. Основы некоторых из них даже нигде не записаны, их не знают ни историки языка, ни диалектологи, и только фамилии доносят нам свидетельство о словах, исчезнувших навсегда. Фамилии напоминают об исчезнувших и забытых профессиях: среди записанных на Севере — *Воротников* (связано с *воротами*, а не *воротом*), *Иконников*, *Келарев*, *Калачников*, *Пономарев*, *Проскуряков*, *Свечников*, *Скоморохов*, *Сундучников*, *Трапезников*, *Шерстобитов* (в Шенк. у.), *Шерстобоев* (Онеж. у.), *Штенников*. Пока ничего неизвестно о слове *шивальница*, но фамилия *Шивальницын* (Шенк. у.) доказывает, что оно существовало. На Севере чаще, чем в центральной России, фамилии от редких и рано вышедших из употребления имен: *Агапитов*, *Агафелов*, *Амосов*, *Варавин*, *Зотиков* (*Зотик* — не уменьшительная, а, наоборот, полная форма имени, *Зот* — производно), *Диев*, *Далматов*, *Нифонтов*, *Парфентьев*, *Стратонов*. Часты *Анфицеровы* (имя *Анцифер*, нередкое в Новгородских и Псковских землях почти не употребляли в Московской Руси). Речь идет не просто о наличии этих фамилий: ту или иную из них можно встретить и в других местностях, но не в таком «ансамбле» и не с такой частотностью. Характерны для Севера формы *Евтюгин* (из *Евтихий* и др.), *Федькушев* (118 чел. в Мезен. у.), *Патракеев* вместо общерусского *Патрикей*, *Олуферов* при среднерусск. *Алферов* (из *Елевферий*).

Из отличительно-региональных фамилий естественно обильны образованные от местных географических названий: *Ваенгский*, *Вайванцев*, *Ваймугин*, *Варакин*, *Варзузин*, *Вологдин*, *Гаревский*, *Долгощелов*, *Едемский*, *Закемовский*, *Кокшаров*, *Матигоров*, *Мех-*

---

[10] Тобольский архив, ф. 417, оп. 1.

ряков, *Немнюгин*, *Нюхчин*, *Онегин*, *Пермиловский*, *Поженский*, *Шежмин*, *Шелатский*. Западная часть территории (бывш. Онежский уезд) входит в ареал сплошных гидронимов со 2-м компонентом *-озеро* (*Кенозеро*, *Ундозеро* и мн. др.), охватывающий в Карелию, это отразилось и в фамилиях — *Кенозеров*, *Кодлозеров*, *Ундозеров* и др. Немало фамилий и от основ нарицательных, означающих специфически местные реалии: *Вешняков*, *Ластов*, *Лохов*, *Морицын*, *Пластинин*, *Согрин*, *Шелегин* и др. локальные особенности природы, хозяйства, быта.

Как показывает прилагаемый словарик, очень много фамилий с диалектными основами. Достаточно привести немногие из них: *Асеев*, *Вакорин*, *Варакин*, *Едовин*, *Кавадеев*, *Лисый*, *Матафонов*, *Моршнев*, *Олупкин*, *Павозков*, *Пестерев*, *Рудаков*, *Рядовкин*, *Слузов*, *Труфанов*, *Туесов*, *Тяжелкин*, *Хрушкой*, *Черепанов*, *Чудин*, *Чухарев*, *Шаньгин*, *Шумилов*, *Шапов*. Особенно важно выявить коварные случаи диалектной семантики: слово внешне общеизвестное, но употребляемое на Севере в совершенно ином значении. Удивляет, что там нередка фамилия *Казаков*: казачества на Севере не было. Но *казак* в северных говорах значит совсем иное: не 'вольный', а 'наемный работник' (поговорка «Я тебе не *казак*, чтоб на тебя работать») . Многие северные фамилии таят такие коварные ловушки: *Бородин*, *Дураков*, *Обрядин*, *Узкий*, *Узких*, *Широкий*, *Широких*. К сожалению, большинство фамилий известно не в их живом звучании на месте, поэтому диалектные фонетические черты в них часто «исправлены» писцами (чередования *о—а*, *е—и*, *у—в*, *ч—ц*), но некоторые особенности все же отразились, хотя последовательность трудно уловить (*Зехов—Зихов*, *Туесов—Туисов—Туясов*, *Курбатов—Гурбатов*, *Бурмакин—Бурмагин*). В Онеж. у. развивается протетическое *в*: *Востров*, *Востроголовый*, *Вострых*. Кроме 244 чел. с фамилией *Журавлев*, зафиксированы 26 *Жаравлев* (Шенк. у.) и 54 — *Жаравов* (Холм. у.). Только 8 чел. записаны в форме *Коновалов* и 231 чел. *Коневалов*. Нередко твердое *с* на месте мягкого (ср. *Карасов*), сдвиг *ч/ш* (ср. *Анчуков* и *Аншуков*, *Чеченин—Шешенин*, *Чуваев—Шуваев*).

В северных фамилиях отразились и некоторые отчетливо региональные элементы словообразования. В 4 уездах перепись 1897 г. зафиксировала 1742 чел. с фамилиями на *-ыг*: *Барыгин*, *Бурыгин*, *Вторыгин*, *Колотыгин*, *Лодыгин*, *Макарыгин*, *Молыгин*, *Паныгин*, *Парыгин*, *Софрыгин*, *Турыгин*, *Тутыгин*, *Шарыгин*, *Ярыгин* и др. Конечно, это суффикс не фамилий, а тех основ, от которых фамилии образованы: часты в прошлом личные именования на *-ыга*. По-видимому, повышена по сравнению со Средней Россией и частотность окончаний *-ицын*, *-аков* (орфографически и *-яков*), в том числе от имен, означавших порядок ребенка в семье, ср. *Третьяков*, *Шестаков*, *Семаков*.

Известна историческая связь Севера и Сибири, следы которой многократно отражены и в диалектах. Многие северные фамилии, не находящие этимологического объяснения в северных говорах,

объяснимы из уральских и сибирских говоров *Голдобин*, *Губницын*, *Козицын* и др.; видимо, слова, явившиеся для них основой, перенесены потоком русских с Севера через Урал и Сибирь в XVI—XVIII вв., а на Севере или вышли из употребления, или ускользнули от диалектографов.

На Севере есть фамилии из языков, которые там бытовали до русского заселения, преимущественно из коми, ср. *Бушенев*, *Кычин*, *Рочев*, *Сауков*, почти все они на Мезени. Ненецкие фамилии в собранном материале не обнаружены (или не установлены), а те, которые привела Л. В. Хомич [11], остались восточней территории, охваченной моими подсчетами. Отмеченное О. Н. Трубачевым [12] карельское происхождение фамилии *Вахрушев* (без указания этимологии), может быть, находит подкрепление в том, что на рассматриваемой территории эта фамилия представлена именно на крайнем западе — в Онежском уезде (единственная семья), но там же многочисленны *Вахромеевы*, а главное — фамилия *Вахрушев*, чаще всего встречающаяся в Удмуртии, по-видимому, все же производная от формы *Вахруш* из канонического личного имени *Варфоломей* (в просторечии *Вахромей*). Таким образом, происхождение фамилии пока остается спорным.

Сопоставление данных по многим территориям позволяет проследить и нити миграции. Несомненно, с западно-русских территорий принесен суф. *-хно* (фамилия *Ивахнов*: Шенк. у. Великодвор. вол.), общий для белорусского, украинского и зап.-слав. языков. Оттуда же, вероятно, пришел и суф. *-ут-*, широко представленный основами северных фамилий: в Онежском у. — *Орютин*, *Панютин*, *Парутин*, *Торутин*, в Шенкурском у. — *Кошутин*, *Малютин*, *Лешутин*, в Мезенском у. — *Личутин*, — большинство еще от нецерковных имен. Заманчиво предположить его ненецкое происхождение; в 1971 г. у ненца В. Тыреркo — ненецкое имя *Лабута* (Хомич указ. соч. 119), в документах XVI в. встречаем на Севере имена *Волдута*, *Кошута*, *Офута*. Но А. А. Шахматов указал на формы *Машута*, *Мишута*, *Федуто* в двинских грамотах XV в. от канонических личных имен (Шахматов, 120), в прошлом формы личных имен с этим суф. нередки у новгородцев, он част в польской лексике, откуда заимствованы рус. *Малюта* и нарицательное *малютка*. Большие подсчеты по Зауралью [13] выявили там свыше тысячи человек с фамилией *Меньщиков* и свыше пятисот чел. с фамилией *Доставалов*. И те же фамилии встретились в Нерчинском округе Забайкалья [14]. Стало известно, что *Меньщиковы* есть и на Вятке. Архангельские подсчеты обнаружили в одной и той же Великодворской вол. Холмо-

---

[11] *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976, с. 101—110.
[12] *Трубачев О. Н.* Указ. соч., с. 35.
[13] ЦГИА, ф. 1290, оп. 1; Тобольск, арх., ф. 417, оп. 1.
[14] ЦГИА, ф. 1290, оп. 6, № 362—363.

горского уезда и *Меньщиковых* и *Доставаловых*[15]. Юго-западней в Кенозере (Заонежье) хорошо известен сказитель былин *Меньщиков* (1860 г.). Обе фамилии не «повсеместны», а исключительны. Появление их вместе в разных точках огромной территории не может быть случайным. Несомненно, что их пунктир на карте — прямой след переселений.

Наконец, изучение северных крестьянских фамилий, наиболее ранних, послужит канвой для генеалогий, в прошлом остававшихся достоянием лишь ничтожной привилегированной верхушки. Начало этой огромной и ценной работе положено именно на Севере[16].

Но это изучение и очень трудно. Не говоря уж о катастрофическом отсутствии сплошных данных по обширным территориям (Вологодская, Кировская, Пермская области), нередки искажения фамилий до полной неузнаваемости (не считая таких легких случаев, как 296 чел. документированы с фамилий *Леванидов* и только 2 — *Леонидов*, 43 — *Олуферов* и ни одного от подлинной формы *Елевферий* и т. д.). Огромная часть лексики прошлого осталась незаписанной, так что фамилии оказались изолированными, и исследователя подстерегают многочисленные западни, кроме приведенных (например, изменения значений слов), особенно опасна видимая «ясность» этимологии: даже знаток истории северных говоров И. А. Елизаровский имена *Паршук*, *Харя* и *Черепан* зачисляет в рубрику «по наружному виду» (Елизаровский: 27), т. е. связывая с основами *парша*, *харя*, *череп*, к которым они никакого отношения не имеют.

Для многих северных фамилий пока не найдено удовлетворительного объяснения (*Видякин*, *Водынин*, *Лихотуров*, *Односторонних*, *Теленюгин* и др.).

Работа не была бы выполнена, если бы не драгоценная помощь, которую автору оказали сообщениями и советами диалектологи Г. Я. Симина (Ленинград), Э. Н. Осипова, Л. П. Комягина (Архангельск), работники Архангельского архива Л. Н. Хрушкая, Е. С. Полуянова, исследователь фольклора Н. И. Кравцов (Москва), краеведы М. С. Медведев (Архангельск), Н. Л. Коньков (Вологда).

Прилагаемый словарик включает лишь очень малую часть из 2573 фамилий по 4 уездам Архангельской губ., подсчитанных в фонде переписи 1897 г. (АОА ф. 6, оп. 18 и 19); кроме того приведены сведения Г. Я. Симиной по Пинежскому у. и другие источники. По каждой фамилии указано место, где она документирована (отсутствие даты указывает во всех случаях на перепись

---

[15] Архангельский областной архив, ф. 6, оп. 19, № 212 и 213.

[16] *Воскобойников Н. П.* Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых — Хлызовых. — В кн.: Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968; *Колесников П. А.* Опыт генеалогии рода И. В. Бабушкина. — МИЕС III,

1897 г.); в скобках после фамилии дано название уезда, за ним, где нужно, и волости. Цифры указывают количество носителей фамилии.

Багаев (Онеж. Кущерец. вол.). Отчество от прозвища *Багай* из диал. онеж. *багай* 'шалун' (Под., 3).

Басаргин (Онеж. Славин. и Посад. вол.). Отчество от прозвища из диал. *басарга* 'трава, непригодная на корм' (АПИ). Фамилия документирована с XVI в. в Обонежье.

Бахтин (Шенк. Усть-Важ.). Из диал. *бахтить*, глагол записан в пинежских говорах (Сим.).

Бобыкин (53 чел. Шенк. Ростов.). Отчество от прозвища *Бобыка* из нарицательного *бобыка*, означавшего птицу удод; это слово записано в говорах Зауралья между Ялуторовском и Ишимом (Филин 3 39).

Бородин (355 чел. во всех 4 уездах). При вероятной связи фамилии с общеизвестным значением слова надо учесть северное диалектное значение *борода* 'общая помощь на уборке урожая', которое могло стать основой именования.

Бураков (Шенк. Усть-Паденг. 128 ч.). Местное значение слова *бурак* 'корзина' (АПИ), тогда как в Южной и Средней России *бурак* 'свекла'.

Бушенев (261 чел. Мезен., Пысск. — только на крайнем ю.-в., вдающемся клином в Коми АССР). Коми *бушийни* 'разрыть, раскопать, раскидать' (ССКЗД, 32).

Вешняков (Холм. и Мезен.). Отчество от именования отца *вешняк* 'уходящий весной в море на промысел'. Фамилия документирована с 1629 г. При переезде в другие местности и утрате значения фамилию по звуковому совпадению смешивали с фамилией иного происхождения *Вишняков*.

Вилокосов (Холм. Петров.). Отчество от предполагаемого прозвища *Вилокос(ый)*, компоненты которого не земледельческие орудия *вилы* и *коса*, а *вилавый* 'лукавый, извилистый' (Под. 18) и *косо* 'криво'.

Военгский (Холм. Ломонос. 90 чел.). Фамилия из именования по местности — речке *Военга*. Кроме того, там же один из жителей документирован с фамилией *Воинский*, явно возникшей в результате переосмысления.

Галушин (Холм. Ломоносов и Кушев). Фамилия связана с диал. арханг. и холм. глаголом *галушить* 'насмехаться' (Под. 29).

Гладкий, *Гладких* (Холм. Петров.; Мезен. Дорогор. и Погорел.). Из диал. *гладкий* 'здоровый, толстый' (Под. 30).

Голдобин (Шенк. несколько вол; Онеж. Мардин). Этимология фамилии раскрывается по данным сибирских говоров: *голдоба* 'беднота' (Пал. Д I 96).

Доильницын (184 чел. Шенк. Благовещ.). В местных говорах *доильница* только 'ведро для доенья молока' (АПИ), но это мало-

вероятная основа для фамилии. По-видимому, фамилия связана со значением 'работница, доящая коров'; в этом значении слово зафиксировано в 1790 г. и 1817 г., а еще раньше, в 1700 г., со значением 'кормилица' (Картотека Словаря XVIII в.).

Едовин (89 ч. Шенк. Благовещ. и Усть-Паденг.) чаще *Ядовин* (234 ч. там же и др. вол.). Отчество от прозвища *Едовый* из диал. *едовый*, записанного на этой территории с различными значениями (МГУ): 'неприхотливый в еде' (с. Тавреньга Конош. р-н), *едова собака* 'злая' (с. Сийяки Устьн. р-н).

Ерилов (Онеж. Мордин. 32 ч.). Отчество от др.-рус. муж. имени *Ярил*.

Жехов, *Жохов* (Холм. Григор.). Отчество от прозвища *Жех*, *Жох* из того же диалектного нарицательного 'старожил, коренной житель' (Борич. 137).

Житников (Шенк. Великониколаев.). Фамилия связана с диал. *житник* 'круглый хлеб из ячменной муки' (АПИ).

Едемский (459 ч. Шенк. Великониколаев. и соседние вол.). Фамилия из наименования по местности: в Арханг. губ. было несколько населенных мест с названием *Едома*, *Едема* из местного нарицательного *едома* (Шенк., Мезен.) 'отдаленная местность' (Под. 195). Под властью Новгорода среди «двинских бояр» были влиятельные *Едемские*, после присоединения к Москве они остались на Ваге, позже «большинство *Едемских* окончательно окрестьянивается, некоторые даже нищенствуют» (Васильев, 12). Удивительно указание Подвысоцкого: *едомский* — 'обедневший, безоленный самоед', переносно 'нищий' (Под. 195), с одной стороны, связывающее его еще с ненцами, а с другой — словно связанное с судьбой рода *Едемских*. В д. Ковачева (Шенк. у.) 80 чел. и все они — *Едемские*.

Зародов (63 чел. Шенк. Кургомин.). Отчество от нецерковного личного имени *Зарод*. В документе 1623 г. записан крестьянин пинежской деревни Крылова Гора «гришка максимов сын зарод»[17]. В архангельских говорах *зарод* 'стог сена, обычно продолговатый' (АПИ), но в документе 1612 г. встречаем и *зародное поле* (МИЕС II 395).

Заморов (Шенк. Усть.-Паденг.). Отчества от именованья *замор* 'бывавший в других странах, т. е. за морем' (Под. 51).

Здрецов (Шенк. различн. вол.). Отчество от прозвища *Здрец*. В соседнем Пинеж. р-не диалектные экспедиции Ленинградского университета неоднократно записали *здрение* 'зрение' (Сим.). Возможно, здесь представлено древнее фонетическое явление вставное *-д-*, ср. рус. *ндрав*.

Золотилов (87 чел. Холм. Емец. и Медведов). Фамилия м. б. связана с диал. глаголом *золотить* 'ругать' (АПИ).

Клишев (227 чел. Холм. и Мезен., но и *Клешов* 7 чел. Холм.). Отчество от формы *Клиш* (*Клеш*) из канонического мужского

---

[17] *Симина Г. Я.* Из истории русских фамилий. . ., с. 112.

имени *Клементий*, в повседневном употреблении — *Клим*, в писцовой книге Заонежья 1496 г. записан крестьянин *Клиш Нестеров* (Витов 257). В том же погосте ревизия 1720 г. указала д. *Клешево*, которая позже на карте генерального межевания значится *Клишево*, в 1563 г. там жил *Клишко Левонтьев* (Витов 36—37).

Клубыков (Шенк. Кургомин). Диалектное *клубык* 'верхний сноп' (АПИ).

Клюев (Холм. Зачачьев). Отчество от прозвища *Клюй*, которое Ю. А. Федосюк связывает с *клюв*, однако не приводя никаких доказательств серьезного фонетического различия; архангельский краевед М. С. Медведев сообщил более вероятную основу прозвища: в архангельских говорах *клюй* и *клевака* означало сонливого, клюющего носом.

Кобелев (91 чел. из них 86 чел. Холм. Ломонос.). Отчество от нередкого нецерковного мужского имени *Кобель*, например, в 1524 г. «наумка кобель с товарищи» получил в вотчину соляные ключи в Двинском у.

Кокшаров (86 чел. Шенк. Благовещ., 62 чел. Мезен. — Преимущественно Лешукон). Отчество от наименования отца *кокшар* — житель с р. Кокшенга (в бассейне правых притоков р. Вага). В 1452 г. московский великий князь «город кокшеньгский взял а кокшаров сек множество», мстя за поддержку Шемяки.

Конечный (195 чел. Шенк. Смотроков.; там же в 1655 г. с этой фамилией несколько крестьян упомянуты в порядных записях) [18]. Термин *конец* с территориально-административным значением принесен на Север еще новгородцами.

Корельский (882 чел. во всех у. кроме Мезен.; из них 827 чел. во многих вол. Холмогор. у., 55 чел. в Шенк. и Онеж.). М. В. Витов отметил, что наименование *корельский* имело не этническое, а географическое значение, обозначало не карела, а переселенца с карельской стороны, то есть из более западной местности (Витов 63—64).

Коржавин (Шенк. и Холмог.). Отчество от нецерковного мужского имени *Коржава*, указанного И. А. Елизаровским в беломорских документах XVI—XVII в., диал. *коржава* 'кривоногий, горбатый' (Елизаровский 27).

Крысанов (128 чел. Онеж. в нескольких волостях). Отчество от именования *Крысан*, возможного из канонического мужского имени *Хрисанф* (повсеместно — *Кирсан*), но архангельский краевед М. С. Медведев считает *Крысан* прозвищем из северного диалектного нарицательного *крысан* 'грубый, огрызающийся' (ср. глагол *окрыситься*).

Кукольников (55 чел. Шенк. в нескольких вол.). Отчество от именования отца: *кукольник* на Севере 'ряженый на святках' (Под. 194).

---

[18] Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977, с. 83.

Куроптев (Онеж. Варзогор.). Фамилия связана с диал. *куропть* ‘куропатка’ (Под. 79).

Лимонников (118 чел. Мезен. Дорогор., Юром. и др. вол.). В словаре Н. Ушакова приведено слово *лимонничать* ‘нежничать, любезничать’, но оно, по-видимому, позднее, в более ранних словарях *лимонник* только наименование растения. Так как больше нигде эта фамилия не встретилась, ее основу могут подсказать местные говоры. Так на Пинеге в д. Волдакуры записано *облимонилась* ‘обленилась’ (Сим.). Может быть, *лимонник* ‘лентяй’? Но это лишь предположение.

Лисой, *Лисый*, *Лисых* (134 чел. Шенк. в нескольких вол.). Фамилией стало прозвище, местное диалектное *лисой*, *лисый* означает ‘желтый’ (АПИ).

Личинин. Грамота 1578 г. указывает в д. Микулина на р. Емце «дети Личинина» (МИЕС II 216), ныне Холмогорский р-н; всеобщая перепись 1897 г. этой фамилии уж не застала. Трудно решить, в каком значении слово *личина* (если основа не из языка коми) стало личным наименованием; в литературе оно означало маску.

Личутин (Мезен. Дорогор., Койден.), фамилия современного известного архангельского писателя В. В. *Личутина*. Видимо, отчество от нецерковного мужского имени *Личута*, пока не обнаруженного в документах прошлого. Если основа русская, то возможная база *лицо*. Глагол *личить* ‘приличествовать, подобрать, соответствовать’ В. И. Даль относил к северным. О суф. *-ута* сказано во вводной части.

Лягин (66 чел. Шенк. Усть-Паденг., Великониколаев). В северных говорах *ляга* ‘глубокое место в реке’ (Борич. 139).

Матафонов (Холм. Кушев.). Фамилия связана с диалектным термином *матафан* ‘поплавок невода’ (Под. 88), но характер этой связи неясен.

Мехряков (51 чел. Холм. Зачачьев., Медведов). Отчество от именования *Мехряк* — житель дер. Мехреньги (на р. Мехреньга) в Холм. р-не, но оно получило и вторичные значения ‘толстый ребенок’, а в Онеж. р-не и ‘глупый’ (АПИ).

Митусов (79 чел. Холм. Петров.) Отчество от прозвища *Митус*, производного от диал. глагола *митусить* (по В. И. Далю, архангельского) ‘щуриться на один глаз’ и ‘суетиться, болтаться’.

Моршнев (116 чел. Шенк. Усть-Паденг. и соседние вол.). Фамилия связана с диал. *моршни* ‘самодельная обувь из цельного куска кожи’, фонетич. вариант — *поршни* (см. *Поршнев*).

Непряхин (Шенк. Великониколаев). Отчество от прозвища *Непряха* из диал. *непряха* ‘неумелый’ (первоначально ‘не умеющая прясть’), слово записано в с. Карпогорье Пинеж. р-на (Симина).

Норицын (Холм. Емец.), Фамилия связана с диал. глаголом *норить* ‘ловить рыбу неводом подо льдом’, записанным в д. Чученога Пинеж. р-на (Сим.).

Няников (70 чел. Шенк. Ростов; там же она документирована еще в XVI в.). Фамилия связана с диал. глаголом *няничать* 'няньчиться', записанным на Среднем Урале (Сл. Сред. Урала, II, 214).

Обрядин (Холм. Кушев). Фамилия связана не со словом *обряд* литературного языка, а с местным словом *обрядный* 'хорошо одетый, нарядный' от *обрядиться*, *обряжаться*.

Окладников (14 чел. Мезен. Дорогор. — потомки очень ранних русских на р. Мезень, где несколько столетий существовала *Окладникова слобода*, которая в 1789 г. при преобразовании ее в центр уезда получила название г. Мезень). Отчество от именования отца: *окладник* — 1) получающий оклад (жалованье по должности), 2) ведающий окладными книгами, 3) платящий оклад (налог). Трудно сказать, которому из этих трех значений была обязана фамилия.

Олупкин (Холм. Кушев). От прозвища, основа которого диал. слово *олупки* 'картофельные очистки, луковая кожура' (АПИ).

Олуферов (Онеж. 43 чел.). Отчество от канонического муж. имени *Елевферий*; в форме *Олуферий* оно не раз встречалось на Севере, например, в купчей XV в. (РИБ XXV 3).

Онегин (127 чел. Холм. Кушев; 7 чел. Онеж. Мордин; большинство лесорубы и лесосплавщики, остальные земледельцы). В основе фамилии — название р. Онега. Характерно, что почти все носители этой фамилии не на р. Онега: ведь там все жители онегины и фамилия не имела бы смысла.

Падерин (Холм.). Фамилия связана с диалектным словом *падера*, распространенным от Новгорода до Якутии: на Печоре — 'шторм', в Сибири — 'ураган со снегом или дождем, пылью'. Слово могло стать именем ребенка, рожденного в такую погоду, а отчество позже стало фамилией.

Патракеев (126 чел. Онеж. и Шенк.); *Патраков* (68 чел. Холм. и Мезен.), *Патрин* (4 чел. Онеж.). Отчества от северных производных форм *Патракей*, *Патрак*, *Патря* из канонического личного имени *Патрикей* (латин. *patricius* 'благородный'). Имя там часто еще с новгородских времен (Шахматов II 100).

Патрин (Онеж.). Возможны 2 источника: отчество от уменьшительной формы *Патря* из *Патракей* (см. предыдущ.) или связано с диалектным северным глаголом *патрить* 'пачкать, грязнить' (Елизаровский, 190).

Пекишев (Холм. 68 чел., Ломонос., Кушев., Великодвор.). Отчество от прозвища *Пекиш* из диал. *пекиш*, *опекиш* 'лепешка из ржаного кислого теста' (Под. 110, с пометой — Холм., Шенк.).

Пелевин, *Пелявин* (Холм. Емец.). Фамилия связана с местным словом *пелева* (*пелява*) 'мякина'.

Пестерев (Шенк. Устьваж.). Фамилия связана с местным словом *пестерь* 'разновидность корзины' (АПИ).

Пластинин (Шенк. 149 чел.; Великониколаев. И. Кургомин.). Фамилия связана с диал. словом *пластина* 'шкурка дичи и морского зверя; полоса, слой туши морского зверя или рыбы'. В Сло-

варе Академии Российской отмечено в Холмогорах 'пластина соболья'; слово нередко в документах Мангазеи XVIII в.; живо в современных диалектах Сибири, в Омск. обл. есть и фамилия *Пластинин*.

Поромов (394 чел. Шенк.). В основе диал. *пором* 'связанные бревна для лесосплава' (Шренк, 156). Ранняя документация фамилии 1692 г. (РИБ XXV 364) в тех же местах.

Поршнев (Холм. Емец.). От *поршни* 'лапти из тюленьей кожи' (Под. 133), аналогична этимология северных же фамилий *Моршнев*, *Сыропоршнев*.

Проскуряков (Холм. Зачачьев). Отчество от именования отца по занятию: *проскуряк* 'продающий в церкви просфоры' (ритуальные хлебцы), *проскуряки* нередки в северных документах XVII в.

Пышкин (Шенк., Усть-Паденг. 231 чел.; в тех же местах фамилия засвидетельствована документом 1692 г. — РИБ XXV 376). Отчество от прозвища *Пышка*.

Распопин (Шенк. и Холм.). Отчество от именования отца: *распопа* 'бывший поп'. *Распопов* (Мезен. Лешукон.) то же, но от формы *Распоп*.

Рудаков (810 чел. Холм., Шенк., Мезен.). Отчество от нецерковного мужского имени *Рудак*, которое очень часто на Севере в XVI—XVII вв.: *Рудак Васильев* — 1594 г. в Лодоме (РИБ XXV 159), *Степанко Рудаков* (Богословский II 41) и мн. др. Ю. А. Федосюк связывает *рудак* только со значением 'рыжий', но для Севера характерно иное значение: *руда* 'грязь, пятно', *рудить* 'пачкать' (АПИ), как и в белорус., в отличие от древнерус. и современного украин. *руда* 'кровь' (однако и в Верхней Тойме *рудить* 'красить'), а также и от современного рус. литературного, южнослав. и западнослав. значения слова *руда*, хотя все эти слова имеют один источник. Характерно отсутствие этой фамилии в Онеж. у.

Рудалев (21 чел. Холм.-Кушев.), *Рудной* (87 чел. Шенк. Ростов.), *Рудный* (219 чел. Шенк., Холм., Мезен.). Бесспорна связь со словом *руда*, вероятно, в местном значении 'грязь, пятно' (АПИ).

Рядовкин (75 чел. Холм. Зачачьев.). Фамилия связана с местным словом *рядовка* 'грубая одежда из холста', но также и 'ряд изб'. (АПИ).

Самодов (Холм. Кушев. 166 чел.). Отчество от *самод*, по-видимому, означавшему 'самодиец', на архангельской территории 'ненец'; в современных говорах записано *самодин* 'самоед' (АПИ).

Свалов (66 чел. Холм., 5 чел. Онеж.). Диал. слово *свал* 'нарост на дереве' многократно записано на Пинеге (Сим.), связь фамилии с ним неясна.

Сивериков (28 чел. Холм.). В архангельских говорах *сивер* 'северный ветер', *сиверко* 'холодная погода', *сиверик* 'одно из травянистых растений', на Пинеге в д. Сульца *сивиряк* 'бабочка, мотылек' (Сим.).

Склемин (Мезен. Погорел. 38 чел.). Из диал. северного *склемы* 'сплетни' (Колосов, 131).

Скрозников (Шенк. Усть-Паденг. 76 чел.). Отчество от прозвища *Скрозник* из *сквозник* 'хитрый, проницательный, пройдоха' (Даль IV 199); произношение *скрозь* вместо *сквозь* в нарицательной лексике двинских говоров зафиксировано многократно (АПИ; Сим.).

Слузов (Онеж. Саван.). Фамилия связана с диалектным словом *слуз* 'слякоть; вода поверх льда' (АПИ; Сим.). В Заонежье эта фамилия документирована писцовой книгой 1622 г. (С. А. Приклонский. Народная жизнь на севере. М., 1884, с. 122).

Собинин (Холм. 122 чел. в Кушев. и Ломонос.); *Собинкин* (31 чел. в тех же вол.). В основе — *собина* 'собственность, имение' (Вейсман, Лексикон, 1731, 148), в Картотеке Словаря XVIII в. все указания на это слово не позже начала XVIII в., следовательно, позже слово вышло из употребления. Но говоры удержали *собина*, *собинка* в значении 'милый, дорогой' (Под. 160). На Пинеге в 1959 г. записаны *собится* 'дремлется', *собиня* 'сонливый' (Сим.).

Согрин (Шенк. Кургомин.). Фамилия связана с диалектным северным словом *согра* 'заливаемая водой лесистая местность'.

Создомов (Шенк. Великониколаев.). В памятниках XVII в. *создом* 'учащенно дыша', позже держалось в костромских говорах (Даль, IV 267), фамилия донесла до нас забытое слово.

Сохачев (Мезен. Лешукон. 73 чел.). Отчество от прозвища *Сохач* из северного *сохач* 'самец лося'.

Сыродубов (Онеж. Мардин.); *Сыропоршнев* (Онеж. Наволоцк. 89 чел., там же и *Широпоршнев*, несомненно, фонетический вариант той же фамилии); см. *Поршнев*; *Сыропятов* (Онеж. Мардин); *Сырорыбов* (Онеж. Пурнем). Скопление этих фамилий с тождественным первым компонентом только на небольшой территории (при их редкости по всей стране) невозможно считать случайным. Видимо, в этом отразилась какая-то общность населения этой небольшой полосы между Онегой и Сев. Двиной.

Торицын (Онеж. Мордин). Фамилия связана с местным названием растения *торица*, семена которого при частых северных неурожаях шли в муку (Шренк, 158).

Тормозов (Шенк. Усть-Паденг. 75 чел.). На севере *тормоз* — 'приспособление на полозьях саней, удерживающее от скольжения'.

Треушков (Холм. Кушев). Фамилия связана со словом *треух* 'северная шапка с тремя ушами'.

Труфанов (199 чел. Шенк. Предтечен., Усть-Паденг. и соседние вол.). Фамилия связана с местным словом *труфни* 'низкие валенки без голенищ' (АПИ). С Севера фамилия (или еще и само имя нарицательное?) распространилась за Урал: по той же переписи 1897 г. 95 чел. в Юргин., Омутин. и Плетнев. вол. Ялуторов. у. (ТА, ф. 417, оп. I, № 211, 216).

Туесов, *Туисов*, *Туясов* (79 чел. Холм. Петров., 20 чел. Онеж. в нескольких вол.). Диал. *туес*, *туис*, *туяс* 'берестяной коробок (для грибов, ягод)', но и переносно 'глупый, бестолковый' (Даль IV, 457).

Тяжелкин (Шенк. и Холм.). Фамилия связана с местным словом *тяжелка* 'осенняя мужская верхняя одежда из толстого сукна' (АПИ).

Узкий (105 чел. Холм. Ломонос.), *Узкой* (49 чел. Шенк. Предтечен.) Пониманию прозвища, которое стало фамилией, поможет выражение, записанное на Пинеге в 1959 г.: «в узком месте живем — ничего не знаем» (Сим.), т. е. 'скудный, бедный'. От антонима *широкий*, см. *Широкии*.

Фарколин (Онеж.). Фамилия связана с диал. глаголом *фаркать* 'проворно шить' (Даль IV, 241, с пометой «олонецкое», т. е. как раз на смежной территории).

Холзаков (Шенк. Благовещ., 196 чел.). Из диал. гл. *холзать* 'соваться, качаться' (Под. 184 с пометой «шенк. пинеж., мезен»).

Хрушкий, *Хрушкой* (Шенк., Холм. и рабочие из Сольвычегод. у. Вологод. губ.). Из *хрушкий* 'крупный' (АПИ. Записано в Устьян. и Лешукон. р-нах). Сейчас известна семья с этой фамилией вблизи Архангельска из Верхне-Тойм. р-на.

Худяков (210 чел. Шенк. и Холм.). Отчество от нецерковного личного имени *Худяк*, нередкого там же в XVI—XVII вв., например, *Худяк Григорьев* с Лодмы — 1592 г. (РИБ XXV 159).

Цивилев (42 чел. Мезен. Олем.). Отчество от прозвища или нецерковного мужского имени *Чивиль* 'воробей' с характерной для местных говоров меной *ч/ц*. В Тотем. у. на верхнем течении Сев. Двины документирован в 1646 г. *Омелка Цывил* — родоначальник многих поколений рабочих по добыче соли, фамилия сохранилась до нашего времени (МИЕС III, 97).

Черепанов (Шенк. 170 чел. в нескольких вол.). Отчество от прозвища *Черепан*, не по «наружному виду» (так Елизаровский 27): нарицательное *черепан* в архангельских говорах 'изготовитель глиняной посуды' (АПИ) и житель гор. Череповец.

Чуприков (Шенк. Предтечен. 30 чел.). Отчество от уменьшительной формы *Чуприк* из полного имени *Чуприян* (каноническое *Киприан* — др.-греч., происходящий с о-ва Кипр). Мена *у/и* произошла еще в греч. языке в силу изменения произношения гласного ипсилон; смягчение *к/ч* вызвано тем, что древнерусскому языку не свойственно *к* перед гласными переднего ряда. Имя *Чюприан* на Севере документировано в Кевроле 1578 г. (по документам Антониево-Сийского монастыря). Фонетический вариант — фамилия *Чуфряков* (54 чел. Шенк.-Предтеч.).

Чураков (Шенк. 230 чел., Холм. 69 чел.). Отчество от прозвища или нецерковного имени *Чурак*. Объяснение находим в сибирских говорах, где *чурак* 'обрубок дерева', переносно 'глупый, темный' (Пал. Д. II 270, Пал. III 234).

Чухарев (Онеж. 56 чел., Холм. 6 чел.). Отчество от прозвища *Чухарь* из онеж. диал. *чухарь* 'глухарь', переносно 'глухой человек' (МГУ).

Шадрин (Онеж. 302 чел., Шенк. 64 чел., Холм. 6 чел.). Отчество от прозвища *Шадра* из диал. *шадра* 'рябь на лице от оспы'. Диал. *шадра* и фамилия *Шадрин* продвинулась на Урал и в Зауралье.

Шалгунов (Шенк. 57 чел.). Фамилия связана с местным словом *шалгун* 'дорожный мешок' (Борич. 153). Написание *Шелгунов*, очевидно, фонетический вариант, так как встречается там же, где и *Шалгунов*.

Шаньгин (101 чел. во всех 4 уездах). В северных говорах *шаньга* 'сдобная лепешка с творогом и сметаной'.

Шаров (Холм. 196 чел.). Вероятна связь с урал. диал. *шары* 'глаза', а не с ненецк. *шар* 'пролив' (в фамилиях на Двине ненецкая лексика не обнаружена).

Шелгунов — см. *Шалгунов*.

Шелегин (Шенк.). Северное слово *шелега* 'сало морского зверя' (Борич. 153).

Шиморин (Шенк. Предтеч.). Фамилия связана с диал. гл. *шиморить* 'копаться над чем-то, возиться' (Даль IV, 650 с пометой «архангельск.»).

Широкий (Мезен., Долгощел. 300 чел., Дорогор. 16 чел., Холм. Ломонос. 4 чел.), *Широких* (Мезен. Койден. 9 чел.). Антонимичная пара *узкий* / *широкий* стала основами фамилий в своих значениях 'скудный / обильный': сравн.: *жить на широкую ногу*, *широкая масленица* (см. *Узкий*).

Шитиков (Холм. Ломоносов 20 чел.; Шенк. Ростов. 100 чел.). В основе диал. *шитик* 'разновидность лодки'.

Шкулев (89 чел., Онеж. и Холм.). Отчество от прозвища *Шкуль*. Существование прозвища документировано с 1561 г.: запись в писцовой книге «против двора шкулева», т. е. двор шкуля, тут и он сам «васюк шкул, соловар» (МИЕС II, 476). Прозвище из диал. псков. *шкуль* 'запас', тверск. 'кошель', переносно 'скряга'.

Штинин (Онеж. 25 чел.). Фамилия связана с архаичной формой *шти* 'щи', как и фамилия *Долгоштинов* в д. Труфанова гора Пинеж. у. в писцовой книге XVII в., очевидно, из прозвища *Долгие шти*, — сравн. неоднократно встреченные *Высокие шти* (в Муроме 1574 г., Ярославле 1671 г., Симбирске 1678 г.). Не были ли *долгие* и *высокие шти* повседневными кулинарными терминами?

Шумилов (Шенк. 366 чел., Онеж. 49 чел., Холм. 18 чел.). Отчество от нецерковного мужского имени *Шумило* 'шумный, крикливый'. Фамилия на Севере старая как и сами имена с *-ило*: *Будило*, *Твердило*, *Томило* и др. В Чухченем. вол. близ Архангельска она документирована в 1634 г.

Ядовин см. *Едовин*.

Принятые сокращения

АОА	Архив Архангельской области. Архангельск.
АПИ	Картотека архангельских говоров при филолог. фак. Архангельского Пед. Ин-та.
Богословский	*Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере. М., I — 1909; II — 1910.
Борич.	*Боричевский И.* Обозрение губернских ведомостей. — ЖМНП, 1850, ч. 65, отд. VI.
Васильев	*Васильев Ю. С.* Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле XV—XVII вв. Л., 1971.
Витов	*Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII в. М., 1962.
Елизаровский	*Елизаровский И. А.* Лексика Беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958.
Колосов	*Колосов М. А.* Заметки о языке и народной поэзии в области севернорусского наречия. — Сборник Отделен. рус. яз. и словесности АН, XVII, 1877.
ЛГУ	Картотека пинежского диалекта при кабинете диалектологии Ленинградского Гос. Ун-та.
МГУ	Картотека Архангельского словаря при кабинете диалектологии МГУ.
МИЕС	Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, I — 1970; II — 1972; III — 1973.
Пал.	Словарь русских старожильческих говоров средн. части бассейна р. Оби. Ред. В. В. Палагина. Томск, II — 1965; III — 1967; Доп.: Дополнения I — 1971, II — 1973.
Под.	*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
РИБ	Русская Историческая Библиотека. СПб.
Сим.	Картотека Пинежского говора, составленная Г. Я. Симиной (Ленинградское отд-ние Ин-та рус. яз. АН).
ССКЗД	Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
ТА	Тобольский архив. Тобольск.
Федосюк	*Федосюк Ю. А.* Русские фамилии. М., 1972.
Шахматов	*Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. СПБ., 1903.
Шренк	*Шренк А. И.* Областные выражения русского языка в Архангельской губернии. — Записки Русского Географического общества, IV. СПБ., 1850.

В. Н. Топоров

К ОБЪЯСНЕНИЮ НЕСКОЛЬКИХ «КУЛЬТУРНЫХ» СЛОВ В ПРУССКОМ

Лингвистическое исследование «культурных» слов имеет свою достаточно длительную историю. Обычно оно было ориентировано или на внешнюю по отношению к языку цель (денотат, т. е. реалия, стоящая за обозначающим ее словом [1]), отсылающую к широкой сфере культурно-исторических связей данной традиции, или на внутреннюю, собственно языковую цель, когда отклонение формы заимствованного слова в данном языке от слова, являющегося его источником и находящегося в другой языковой традиции, интерпретируется как указание той пространственно-временной ситуации, которая характеризует усваивающий новое слово язык в момент заимствования (чаще всего проблема сводится к определению времени заимствования [в относительно-хронологическом плане, где мера времени задается шкалой языковых изменений] и места его [диалектный аспект]). Меньшее внимание уделялось ареальному аспекту «культурных» слов, когда исследователю приходится иметь дело с реальностями двух родов: некоей межъязыковой (точнее — «кросс-языковой») общностью, задаваемой распространением данного «культурного» слова в пространстве, в пределах которого слово выступает как нечто единое, неизменяющееся и, так сказать, «надъязыковое» (в отношении каждого конкретного языка), или же, наоборот, некоей внутриязыковой ситуацией, которая вынуждает трактовать «чужое» слово как «свое» и, следовательно, определять его мотивировку внутри данной языковой системы (сфера «народной» этимологии, где она наиболее близко соприкасается с «научной» и «онтологической» [философской] этимологией), пренебрегая тем самым данными о существовании слова вне рассматриваемого языка. Неразличение или смешение этих двух реальностей приводит к обеднению проблематики «культурных» слов в лучшем случае и к решающему

---

[1] Переориентация с поиска значения-денотата на значение-сигнификат (в диахроническом плане — на нахождение сигнификата там, где перед исследователем есть лишь слово и соответствующий денотат) существенно меняет положение вещей, поскольку вскрытие сигнификата предполагает соединение системного анализа с диахронией и, следовательно, обращение к внутриязыковой проблематике. См. *Benveniste E.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes, t. 1—2. Paris, 1970.

искажению всей перспективы в худшем случае. Трудности усугубляются, когда пространство, в котором распространено данное «культурное» слово, понимается как исключительно или прежде всего **языковое** (т. е. как совокупность языков, заполняющих данный ареал с тенденцией к относительной дискретности или относительной непрерывности в распределении языковых характеристик в пределах ареала). Дело в том, что сам по себе язык нейтрален по отношению к «культурным» словам; точнее, он не ставит пределов распространению слов этой категории, занимая по отношению к ним приемлюще-положительную, «открытую» позицию. Отсюда — принципиальная «недиагностичность» конкретного языка в отношении «культурных» слов. Поэтому при исследовании ареального аспекта «культурных» слов существеннее ориентироваться на «культурное» или даже физико-географическое пространство (а не на «языковое»). В отличие от языка «культура» отнюдь не нейтральна ни к «культурным» реалиям, ни к «культурным» словам: и те и другие она встречает на своих «границах» и определяет возможности и условия их введения или отталкивания. Что же касается физико-географического пространства, то оно коррелирует с «культурным» пространством — во всяком случае в той степени, в которой «культура» укоренена в сфере «природы», строится на ее элементах и позже — обратным образом — влияет на нее. Следовательно, и оно не нейтрально по отношению к «культурным» словам и определенным образом (хотя и вторично) сигнализирует о приемлемости или неприемлемости тех или иных «культурных» слов на данной территории. Эти обстоятельства достаточно убедительно объясняют, почему в ситуации, когда речь идет об ареальном аспекте «культурных» слов, «культурное» и физико-географическое пространство могут выступать как более насущная реальность, нежели языковой (лингвистической) ареал. Вместе с тем разные «культурные» слова данного языка могут отсылать исследователя к **разным** по объему «культурным» и физико-географическим общностям, которые могут быть между собой в разных отношениях (включение одной в другую, частичное пересечение, смежность, разъединение и т. п.). Сами эти различия характеризуют важный параметр языка — его «культурно»-лингвистический полицентризм и через него — не менее существенные исторические параметры данной территории.

Проблема «культурных» слов применительно к прусскому языку до сих пор сводилась к выявлению славянских и германских заимствований. На самом деле она значительно разнообразнее и глубже. Более того, сам вопрос о славизмах и германизмах в прусском приобретает несколько иной вид, если он рассматривается как производная (хотя и очень важная) часть более общей проблемы «культурных» слов и соответствующих ареалов, характеризуемых этими словами в качестве «Wanderwörter». В качестве иллюстрации избраны три прусских «культурных» слова,

из которых о д н о связано с наиболее тесным и узким ареалом с четко фиксируемым центром и соответственно языковым источником; д р у г о е соотнесено с существенно более обширным и сильно размытым ареалом без определенного центра; т р е т ь е же предполагает весьма конкретный и первоначально достаточно узкий ареал, разъединенный с данным (прусским) широкой зоной, и наличие вполне определенного источника прусского «культурного» слова. Естественно, что типология ареальных ситуаций в отношении «культурных» слов этим не исчерпывается.

1. Прусское название корюшки (Osmerus eperlanus L.)

В прусском языке известно 25 названий рыб (*suckis*), см. Эльбингский словарь, позиции 561—585. Кроме того, кое-что может быть извлечено из лексики немецких восточнопрусских говоров, собранной в известных словарях F. Frischbier'a и W. Ziesemer'a (об этом см. в другом месте). Некоторые из этих названий имеют надежные индоевропейские соответствия (как, напр., прусск. *lasasso* (орфограф. *lalasso*), лит. *lãšis*, *lašišà*, лтш. *lasis* 'лосось'; прусск. *linis*, лит. *lýnas*, лтш. *līnis* 'линь'; прусск. *angurgis*, лит. *ungurýs* 'угорь'; прусск. *esketres*, ст.-лит. *ešketras* 'осетр'; прусск. *assegis* 'окунь' и др.), другие являются несомненными заимствованиями (как, напр., прусск. *grundalis* 'пескарь' из нем. *Grundel*, *Gründel*; прусск. *rapis* из ср.-н.-нем. *rape* и др.), хотя иногда источник заимствования не вполне ясен [2]. В лингво-географическом плане существенно выделение старых индоевропейских диалектизмов (в частности, названий рыб, общих балтийским и славянским языкам по преимуществу, ср. названия угря, может быть, сома и др.), общебалтийских наименований (ср. прусск. *liede*, лит. *lýdeka*, лтш. *līdaka* 'щука' и др.), внутрибалтийских изоглосс (ср., напр., прусско-куршские параллели: прусск. *brunse* 'плотва' — лит. диал. *brunšis*, лтш. диал. *brunča*, *bruncis*, *bruncītis* и даже ливск. *bruńtš*; прусск. *seabre* 'рыбец' — лтш. диал. *zebre*, лит. *žuobrýs*; прусск. *starkis* 'судак' — лтш. диал. *stārķis*, *stārks*, *stęrks*, лит. *stárkas*, *stérkas* [3]), наконец, изоглосс, объединяющих балтийские языки в целом или частично с языками других групп, расположенных на смежных территориях. Особый случай представляет совмещение в одном ареале двух или нескольких разных названий одной и той же породы рыб. В прусском из-

---

[2] Ср. прусск. *sylecke* 'сельдь', лтш. *siļķe*, *siliķe*, *siļkis*, лит. *sil̃kė*, *silkis*, которые обычно выводились из прибалтийско-финского источника, ср. ливск. *sil'k*, эст. *silk* (Gen. *silgu*), *silakas*, фин. *silakka*, а теперь связываются со швед. *sillake*. См. *Posti L.* On the Origin of the Word *silakka*. — Studia Fennica, 1965, 12, p. 64—65; см. также *Laumane B.* Zivju nosaukumi latviešu valodā. Rīgā, 1973, c. 216—218.

[3] *Laumane B.* Op. cit.

вестен лишь один такой пример; при этом он окажется надежным, если верна предлагаемая ниже реконструкция одной новой прусской лексемы, на которую до сих пор не обращалось внимания (см. ниже). Первое название корюшки в прусском, до сих пор считающееся единственным, представлено в Эльбингском словаре 579: *Malkis* как перевод немецкого *Stint*. У Траутмана это слово вообще никак не объясняется, а Эндзелин замечает, что этимология слова неизвестна («etimoloģija nezināma») [4]; правда, тут же упоминается возможность родственной связи этого слова с лат. *malus* 'плохой' (со ссылкой на Walde — Pokorny II, с. 296). Впрочем, направление, в котором развивалась этимологическая мысль Эндзелина, достаточно ясно. Пробная реконструкция исходной формы прусского слова как **malikis* (?), видимо, предполагала (диминутивный?) тип образования с суффиксом *-ik-*, отраженным, возможно, в этом же значении в таких именах собственных, как *Swenticke*, *Grasicke*, *Pyrmiko* и т. п. Типологическая параллель ср.-в.-нем. *stinz* 'корюшка': *stunz* 'короткий' при том, что лтш. *ķisis* (собств. — 'ёрш', 'Acerina cernua'), иногда относящееся и к корюшке, выступает нередко как образ «малости» [5], ориентируют на связь прусского слова с лексемой, обозначающей нечто мелкое (балт. **mal-*?). Впрочем, уже задолго до этого Калима предложил связывать другие балтийские рыбные названия — лит. *mãlė* 'мелкая рыбешка', 'Phoxinus phoxinus', лтш. *male* 'Blicca argyroleuca' — с слав. **malъ*, рус. *мáлый* [6]; сюда же и славянские названия рыб типа рус. *моль*, *мóлька* 'малек', 'мелкая рыба' (ср. *мальгá*, *мóльга*, *мóльва*, *моля́ва* [7]). Френкель уже

[4] См. *Trautmann R.* Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen. 1910. S. 374; *Endzelīns J.* Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, c. 207. — Едва ли основательна и ранняя попытка Буги прочитать прусское слово как *(s)malkis* и связать его с лит. *smul̃kus* 'мелкий' (обычно *smùlkus*, *smulkùs*), лтш. *smal̂ka-*, *smalknes*, *smelknes* (*Būga K.* Aistiški studijai. Peterburgas, 1908, c. 137); см. ниже.

[5] Ср. пословицу: pavasarā *ķīsis* dārgāks nekâ rudenī lasis 'весной корюшка дороже, чем лосось осенью'. *Mühlenbach-Endzelin* 2, S. 389; ср. там же: kad vīrs iet zvejuot, bet ne ķīša nedabū («малость» > «ничтожество», ср. *ķīši* 'viele kleine Dinge zusammen, lebendige wie leblose'). К сочетанию «малости» и «множественности» ср. nāk tie bẹ̄rni katru gadu kâ ķīši. Это латышское слово заимствовано из ливск. *kīš* 'ерш', 'корюшка'. См. *Thomsen. V.* Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk—lettiske) Sprog. København, 1891, c. 262; *Kettunen L.* Livisches Wörterbuch. Helsinki, 1938, s. v. *kīš*.

[6] См. *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, S. 166 и след.; ср. *Laumane B.* Op. cit., c. 131—132. — Такие контексты, как лит. m ã l i ų sugavom, bet d i d e s n i ų nei vienos 'м е л к и х рыб (собств. 'Phoxinus phoxinus') поймали, а б о л е е к р у п н ы х ни одной' (см. Lietuvių kalbos žodynas, VII. Vilnius, 1966 (далее — LKŽ), c. 795), также как бы играют на противопоставлении двух смыслов — малое: большое.

[7] См. *Фасмер* II, с. 648—649; *Fraenkel*, S. 401; *Линдберг Г. У., Герд А. С.* Словарь названий пресноводных рыб. Л., 1972: 6.3.1; 12.31.1; 12.40.6; 12.40.7. Впрочем, некоторые из формально близких названий могут иметь и иное происхождение (ср. *молвец* 'язь': 12.32.8; возможно, *мóльва* из семейства тресковых, сопоставляемое с лат. *molva* и др.).

определенно относит к этому ряду и прусск. *malkis*, предполагая, что это слово содержит тот же диминутивный суффикс, что и в в.-луж. и н.-луж. *małki*, болг. *малък*, рус. *маленький*, польск. *maleńki* и т. п. В таком виде этимология прусск. *malkis* приобретает правдоподобие, но, конечно, она еще далека от вполне корректной формы. Решающим звеном, позволяющим достичь такой формы, следует считать анализ рус. *моль*. Дело в том, что обычно упускают из вида, что это слово обозначает не только мелкую рыбу, причем л ю б о й породы [8], но и вообще 'мелкие предметы, мелочь.; что-либо, состоящее из отдельных несоединенных предметов; россыпь (обычно о лесе, сплавляемом не связанными между собой бревнами' [9]). Особенно существенно, что *моль* обозначает и разрозненные бревна, находящиеся в беспорядочном множестве (на воде или на суше), и мелкую рыбешку, в частности, снетки, корюшку. Эта связь позволяет сделать два более чем вероятных заключения и применительно к балтийскому материалу: во-первых, что прусск. *malkis* 'корюшка' — слово того же корня, что и прусск. *malko*, которое в словаре Грунау (позиция 43: орфограф. *nalko*) переводит нем. *Holz* 'дрова', лит. *málka* (*malkà*) 'полено', 'дрова' (*málkos*, Pl.), 'куча' (как дров, так и разных других предметов) [10], лтш. *malka* 'дрова' и т. п.[11]; во-вторых, что все эти слова родственны, этимологически связаны с рус. *моль* в указанных значениях. Очень существенно указание Егерса, что лтш. *malka* «fast immer von z e r s p a l t e n e m Holz gebraucht wird» [12]. Таким образом, действительно, оказывается, что балт. **mal*-, **malk*-, как и слав. **mol*- (**mol-ьk*-?), описываются признаками: 1) «мелкости», «малости», 2) «раздробленности», «расщепленности», 3) «множественности» и 4) «хаотичности», «беспорядочности» [13]. После сказанного не должно вызвать удивления, что слав. **molь*, обозначающее насекомое и связываемое с **malti* 'молоть', 'измельчать', относится, вопреки Фасмеру, сюда же, как и Adj. **mělъkъ* с продленным вокализмом *ē* (ср. прусск. *mel*-

[8] Особенно показательно, что снетки (т. е. та же корюшка) обозначаются как моль. См. *Даль*² II, с. 344.

[9] См. Словарь современного русского языка, т. 6. М.—Л., 1957, стб.1213: Вся поверхность реки покрыта плывущей древесиной или . . . «*молью*»; По этим речкам не *молем*, а связанным в десять—пятнадцать бревен плотами стремится лес в Куру и т. п. Ср. *молевой лес*, *молевой сплав* (т. 6, стб. 1167—1168).

[10] Ср.: «krūva eilėmis sudėtų medžių kurui, rietuvė», «krūva sumestų, suverstų daiktų» (и даже 'отряд', 'колода карт' и т. п.) см. LKŽ, VII, с. 799—800.

[11] Фин. *malka*, *malko*, эст. *malk*. заимствованы из балтийского, ср. *Nieminen E*. — Finnisch-ugrische Forschungen 22, S. 22 и сл., 40.

[12] Ср.: *Fraenkel*, S. 402. Между прочим, здесь же выражено согласие с мнением Егерса о связи слова с лтш. *smalks*, лит. *smùlkus* (ср. выше о мнении Буги).

[13] Разумеется, следует учитывать, что исторически одни из этих признаков производны от других и что в конкретных словах некоторые из этих признаков могут нейтрализоваться.

tan 'мука', но *malunis* 'мельница' и многочисленные соответствия и параллели в восточнобалтийских языках, не говоря о многих других). В контексте схемы, объединяющей все эти факты, находит свое объяснение и прусск. *malkis* 'корюшка'.

Другое название этой рыбы восстанавливается на основании прусского имени собственного *Jaunestinte*, отмеченного в источнике, относящемся к 1347 г.[14]. В этом имени, представляющем собой сложное слово, первый член *jaun-* находит себе точные соответствия в лит. *jáunas*, лтш. *jaûns*, слав. **junъ* (балто-слав. **i̯aun-*) и т. д.[15], а второй представлен в таких прусских именах, как *Stintil*, 1317, *Styntil*, 1344, 1370, *Stintyle*, 1348; *Stintele*, 1299, *Stintel*, 1302, 1418 [16]. Напрашивается предположение, что элемент **stint-* и есть корень слова, обозначающего корюшку (Osmerus eperlanus L.) или вообще корюшковых (Osmeridae) и заимствованного из ср.-н.-нем. *stint*, откуда и н.-в.-нем. *Stint* [17]. Из этого же источника были получены соответствующие названия и в других языках этого ареала, в частности, в балтийских. Ср. лит. *stìnta* 'снеток' и особенно *mažóji stìnta* как обозначение корюшки по принципу 'малый снеток', в отличие от ряпушки (также принадлежащей к корюшковым), обозначаемой как 'большой снеток' — *didžióji stìnta* (ср. в латышском словаре Ланге 1777 г.: *stintes* 'k l e i n e Stinte', die g r o s s e n heissen *Sallakas*, II, 327). В высшей степени показательно, что лит. *mažóji stìnta* практически полностью соответствует структуре прусского Nom. pr. — **jaun-* & — **stint-* 'молодой (т. е. 'маленький', 'мелкий') снеток', иначе говоря, — 'корюшка'. Поэтому в Nom. pr. *Jaunastinte* предлагается видеть в т о р о е отражение апеллятива со значением 'корюшка'. Следует заметить, что «корюшковые» имена весьма распространены в этом ареале. Ср. лтш. *Hans Stinte*, 1582 (Rīgā) [18], немецкие имена на *Stint-*, рус. *Снеток*, *Снетков*, ср. *Ряпуха*, 1585 (крестьянин из Пскова) [19] и др. Характерно, что заимствованное название этой рыбы известно всем без исключения языкам, которые расположены вокруг Балтийского моря, в частности, на его южном побережье (в этих условиях было бы крайне странным, если бы это слово отсутствовало только в прусском). Ср. нем. *Stint*, *kleiner Stint*, *kurzer Stint* 'озерная салака'; кашуб. *stynt*,

---

[14] См. *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925 S. 39, 141.

[15] Ср. прусск. Nom. pr. *Jawne*, 1397, *Javne*, *Jawnoto*, *Jawnotho*, *Jawnutte*, *Jawnucke*, а также сложные имена *Jawnegede*, 1394; *Jawnegoth*. Ср. топоним *Jawnenisken*, 1409.

[16] *Trautmann R.* Op. cit., S. 99.

[17] См. о нем. *Kluge-Götze*, S. 595; *Hellqvist*, с. 1077; *Karsten T.E.* — Mémoires de la Société Néophilologique, 1895, t. 3, p. 424. и сл.

[18] *Blese E.* Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas. Rīgā. 1929, c. 258.

[19] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, с. 275; ср. также с. 294, где упоминается также крестьянин из Пскова *Иван Снетков* (1585).

stinka, польск. *stinka*, *stynka*, *sztynka*; блр. *стынка* (Каспяровіч 295); лит. *stìnta*, *stintelė*, *stintinės žuvys* и т. п.[20], лтш. *stiñta*, *stiñte*, *stints*, *štinta*; *stinka* 'озерная салака', *stinte*, *stintīte* , *stintītis*[21]. Обилие уменьшительных образований от этих слов (как и определения типа «малый», «короткий») бросает свет не только на структуру прусск. **jaun-* & **stint-*, но и на прусские имена этого корня — *Stintil*, *Stintel* и т. п. ('салакушка', 'снеток'?). Заимствованный характер балтийских слов, приведенных выше, не вызывает сомнения[22]. Территория, на которой известно это заимствование, тянется и далее к северу (р. эст. *tiñt*, *tint*, *peipsi-tint*, ижор. *tintti*, фин. *sintti*, *tintti* и др.), а потом распространяется к западу и югу вокруг балтийского моря (ср. норв. диал. *stinta*, *stinte*, швед. *stint*, дат. *stint* и др.), смыкаясь с ареалом говоров немецкого языка и прусскими землями. Этот по кругу расположенный ареал с очень однообразными формами имеет идущий к востоку аппендикс, который на восточнославянской территории быстро теряет четкость своих границ. Это второе направление представлено русскими названиями *снето́к*, *снито́к*, *сня́то́к* (ср. блр. *сняtóк*), особенно полно представленными в псковских и новгородских говорах (ср. *снѣтъ* в Псковской летописи под 1626 г.), а также заимствованиями из русского (ср. лтш. *snitka*, *sņata*, *šņata*, *sņats*, *sņatka*, *sņets*, *sņetka*, *sņetks*, *sņitka*, *šņitka*, *sņitks* и т. п., карельск. *снетку* и др.)[23]. Учитывая формы типа *снет*, *снеть*, *снит*, *снят*, может быть, *снети́нка*, можно еще раз высказаться в поддержку старой точки зрения о том, что эти слова восходят в конечном счете к ср.-н-.нем. *stint*, вероятно, через финское посредство (*sintti* > **snit-* > **snьt-* > *снет* — лишь как один из возможных вариантов)[24]. Вместе с тем в связи с формами типа рус. *снѣтъ* трудно полностью пренебречь слав. **sně̆t-*, отраженным в чеш. *sně̆ť* 'сук' или укр. *снiт* 'колода', — особенно, имея в виду круг значений, напоминающих то, о чем писалось выше в связи с прусск. *malkis* — *malko*[25].

---

[20] *Nesselmann G. H. F.* Wörterbuch der litauischen Sprache. Königsberg, 1851, S. 501; *Kurschat F.* Litauisches-Deutsches Wörterbuch. Halle, 1883, s. v.; *Bezzenberger A.* Litauische Forschungen. Göttingen, 1882, S. 177, и др.

[21] *Mühlenbach—Endzelin* 3, S. 1071; *Laumane B.* Op. cit., c. 89—91, 101—102.

[22] См. *Alminauskas K.* Die Germanismen des Litauischen. I. Die deutschen Lehnwörter im Litauischen. Leipzig, 1934, S. 119—120; *Mühlenbach—Endzelin* 3, S. 1071; *Sehwers J.* Sprachlich-kulturhistorische Untersuchungen vornehmlich über den deutschen Einfluß im Lettischen. Leipzig, 1936, S. 123; *Fraenkel*, S. 906.

[23] См. *Laumane B.* Op. cit., c. 87—90 и особенно карту 5.

[24] См. *Фасмер* III, с. 698 (здесь же литература вопроса); *Leder I.* Russische Fischnamen. Wiesbaden, 1969, S. 44; *Герд А. С.* — В кн.: Беларуская лексікалогія і этымалогія. Мінск. 1968, с. 37; *Он же.* — Советское финноугроведение, 1970, № 2, с. 88; ср. *Линдберг Г. У.*, *Герд А. С.* Указ. соч., с. 118—120.

[25] Кстати, уже давно это **sně̆t-* было сближено с готск. *sneiþan* 'резать' (как и *malko* — **malti*, **melti*), см. *Lewy E.*— KZ 1907, Bd. 40, S. 561.

В этом широком ареально-языковом контексте прусск. **stint*-, как и **stint-il-* / **stint-el-* и особенно **jaun-* & **stint-*, давшее повод к установлению самой лексемы и определению ее значения, занимают свое вполне надежное место.

2. Прусское название можжевельника (Juniperus communis L.)

В Эльбингском словаре 608 словом *kadegis* переводится нем. *Eynholcz* [26]. Отражением этого же прусского слова являются и немецко-прусские диалектные обозначения, распространенные по всей Восточной и Западной Пруссии и отчасти за ее пределами (Kr. Flatow, Kr. Dt.-Krone). Специфика ситуации состояла в том, что прусское название можжевельника, имеющее многочисленные параллели в языках, расположенных к востоку и северу от южного побережья Балтийского моря, само стало «вторичным» «культурным» словом для немецкого северо-востока. Центр иррадиации, несомненно, находился в Вост. Пруссии. Об этом, между прочим, свидетельствует то обстоятельство, что именно для этих мест (особенно в сев.-вост. части Пруссии, в окрестностях Кенигсберга и Данцига [27]) характерны формы *Kaddig*, *Kaddik*, *Kaddeck* [28]; в этих же местах отмечен целый ряд сложных слов с элементом *Kaddig-*: *Kaddigbeere*, *Kaddigheister*, *Kaddighopser*, *Kaddigmûs*, *Kaddigpalve* «Palwe mit Kaddiggesträuch bestanden», *Kaddigspringer* и т. д. Форма *Kattich* есть не что иное, как гиперфонетический (по верхненемецкой модели) вариант слова *Kaddig*, которое может восприниматься как нижненемецкое слово, которое, кстати, существует реально (н.-нем. *kaddik*) [29]. Не подлежит сомнению, что уже на немецкой почве это заимствование из прусского продвинулось сильно на запад (Зап. Пруссия, Померания, Мекленбург, Бранденбург, Альтмарк, вплоть до Гамбурга — вероятно, благодаря ганзейским связям первых нижненемецких колонистов в Вост. Пруссии). Во всяком случае из всех балтийских заимствований в немецком это слово завоевало наибольший ареал, попав даже в нововерхненемецкую письменность [30]. Тем не менее границы его продвижения на запад достаточно определенны

---

[26] К реалиям см. *Pritzel-Jessen H.* Die deutschen Volksnamen der Pflanzen. Hannover, 1882; языковый аспект проблемы отражен в ст. *Kluge F.* — IF 1907, Bd. 21, S. 360.

[27] В окрестностях Данцига употреблялось и другое обозначение можжевельника — *maxándəl*.

[28] См. *Grimm* V, S. 17; *Frischbier F.* Preußisches Wörterbuch. Bd. 1. Berlin, 1882, S. 324; Bd. 2, 1883, S. 531.

[29] Исключение составляют такие формы, как *katk* в р-не Бреслау и *kark* у Фришгафа. См. *Ziesemer W.* — Zeitschrift für deutsche Mundarten. 1923, Bd. 18. S. 153.

[30] См. *Bielfeldt H. H.* — ZfSl. 1963, Bd. 8, S. 156; *Idem.* Die baltischen Lehnwörter und Reliktwörter im Deutschen. — В кн.: Donum Balticum. Stockholm. 1970, S. 47.

(ср. нем. *Wacholder*, дат. *ene*, нидерл. *jeneverbes*, франц. *génévrier*), и следует отвергнуть высказывавшуюся мысль о связи этого слова с франц. *cade* 'Juniperus oxycedrus' которое, как и прованс. *cade*, *cadre*, связано с позднелат. *catanus* (ср. лат. *catus* 'острый', 'колючий', из сабинского)[31]. Следы прусского слова для можжевельника обнаруживаются в кашубских и польских говорах северной Польши. Ср. кашуб. *kaduk*, *kadik*, *kadëk* с характерной фразеологией (ср.: *jic v kaduk'i* 'итти в кусты можжевельника с естественной надобностью' (ср. возможное притяжение с *kadac* 'pierdzieć') или пословицы типа: Spròbuj vërvac *kaduka*; Tak je mocni, żebë *kaduka* z kořeńoma vërvåł; ʒe *kaduk* rosce, tam xleba ńe jådajǫ, с намеком на песчанистую почву, на которой растет можжевельник)[32]. Весьма характерны такие слова, как кашуб. *kadŭk*, *kadǫk* 'чорт', *kadŭčï* 'проклятый', 'чертовский', привлекающие внимание в связи с названием можжевельника и соотносимой с ним символики нижнего мира[33], см. ниже. Польск. *kadyk* (ср. *kadykowy*) также является прусским заимствованием, хотя в ряде случаев точнее было бы говорить о заимствовании через немецкоязычную среду (ср. характерный ареал слова — вся Зап. Пруссия по Торунь и Тухолю). Интересно, что в Мазовше это слово отмечено только в Сувалкии и под Млавой[34], что дает веские основания для предположения о наличии этого слова и в ятвяжском. О том же, может быть, говорит и наличие этого слова в Полесье[35]. Отдельные редкие случаи употребления этого слова дальше к югу и юго-западу[36] могли бы, скорее всего, объясняться влиянием немецкого (ср. проникновение этого немецкого слова из Вост. Пруссии в Силезию); это влияние отчасти могло быть поддержано глаголом, восходящим к слав. **kaditi* (его связь с названием можжевельника в ряде случаев довольно очевидна). Тем не менее, эти изолированные случаи в целом выглядят как нечто вполне окказиональное. Исключая эти последние примеры, можно сказать, что весь описанный ареал этого слова имеет своим эпицентром Вост. Пруссию, что, кажется, подтверждается и то-

---

[31] См. *Brüch J.* — IF 1922, Bd. 40, S. 197—198, 213.

[32] *Sychta* II, str. 118; *Lorentz.* Pomor. I, S. 325.

[33] Ср. блр. *кадýк* 'дьявол', 'злой дух', 'падучая', бранное слово. См. *Сцяшковіч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск. 1972, с. 204; *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров западной Брянщины. Минск, 1973, с. 127; З народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 141; *Даль*[2] s. v.; *Филин* 12, 301 и др. (отмечено и в украинском, и однажды даже во Владимирской губ.).

[34] См.: *Nitsch K.* Wybór Pism Polonistycznych, II. Wrocław-Kraków. 1955, с. 122; III, 1954, с. 366. Ср. также: *Tyborczyk J.* — Poradnik Językowy, 1964, с. 262—269; *Bednarczuk L.* — Acta B. — Sl. 9, 1976 и др.

[35] Об этом слове в польско-белорусском ареале (кроме Нича) см. *Safarewicz J.* Studia językoznawcze. Warszawa, 1967, с. 242; *Cienkowski W.* — Poradnik językowy, 1963, с. 221; 226; *Лаучюте Ю. А.* Лексические балтизмы в славянских языках. Л., 1971, с. 292—298 (машинопись) и др.

[36] Ср. чеш. *kadík* (*Kott* I, с. 655) и даже с.-хорв. *kadik* (см. *Šulek B.* Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879, s. v.).

понимическими данными [37], а отчасти и косвенно — мифопоэтическими представлениями о можжевельнике, в частности, в этих местах. Среди разных свойств этого хвойного растения (из семейства к и п а р и с о в ы х), объясняющих его использование в неожиданно широкой сфере, наиболее выдающееся связано с издаваемым им при сжигании характерным «бальзамическим запахом» [38]. Есть сведения о почитании этого растения у балтов, которые считали его священным. Генненберг (1595) в этой связи сообщает о двух местах в Пруссии под названием Heiligwald (около Кенигсберга и около Христбурга). Здесь же характерная приписка: «Heyligwald ist ein kleines Weldigen in Samaiten hart an der Preuschen Grentze, darinnen schöne hohe Bircken stehen, darunter auch *Kattich* oder Wacholderbeerholtz wechst, den die Samaiten noch für heilig halten, darinnen *man gar nichts darff abhawen*, auff das *jhre Götter*, so *darinnen wonen*, nicht verletzt werden, vnd das sollen gleichwol Christen sein. Besihe Sim. Grun. Tract. 13, c. 15 vnd Mechouim lib. 4 fol. 283» [39] Спустя сто лет сообщается, что в можжевельнике сидит дьявол, не позволяющий рубить растение [40]. Перемена мотивировок (бог — дьявол) связана, конечно, с кризисом прусского язычества. Однако и в начале XVIII в. Преториус пишет о почитании этого растения как у пруссов-шалавов, так и у жемайтов [41].

Сходное название можжевельника хорошо известно и к востоку от прусской территории, в восточно-балтийских языках. Существенно отметить, что обычно оно распространено или лучше всего представлено в говорах, расположенных в западной части данной языковой территории. Особенно показательно распределение слов для можжевельника в литовской языковой области. Весь запад Литвы (условно — за линией, соединяющей Пакруоис, Кедайняй, Каунас, Алитус) занят формами *kadagỹs*, *kā̃dagis*, а также *kàdagis*, *kadā̃gis*, *kadagẽlis* (сев.-зап. территории, тяготеющие к морю) и

---

[37] Ср. *Kadgienen*, *Kadegienen* (Kr. Labiau), *Kaddig-haus* (Kr. Wehlau) и т. п.

[38] До сих пор широко распространен обычай сжигания ветвей и ягод можжевельника при похоронах (ср. также устилание пути его ветвями), что связано с представлением о нем (как и о его сородиче кипарисе) как о растении, символизирующем смерть и ее царство. Ср. описание сжигания можжевельника или кедра (также Juniperus) для благовонного окуривания уже у Гомера (ε 59—61), бальзамирования с помощью кедрового масла у египтян и пáрения скифов у Геродота (II, 87, IV, 75) и т. п. В римской литературе о сходных свойствах можжевельника писали Плиний Старший, Вергилий, Варрон. Ср. также использование этого растения в народной медицине, кулинарии, обрядовой практике (вплоть до вырожденных форм — ограда из можжевельника вокруг дома) и т. п.

[39] *Hennenberger*. Erclerung der Preussischen grösseren Landtaffel oder Mappen. Königsberg, 1595, S. 157.

[40] M. Chr. *Hartknoch*. Alt- und Neues Preussen oder Preussischer Historien zwey Theile. Franckfurt — Leipzig, 1684, S. 164.

[41] См. *Fischer A*. Etnografia Dawnych Prusów. Gdynia, 1937, c. 43. В более широком плане — *Schrader O*. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Bd. 2. Berlin—Leipzig, 1929, S. 612 и др.

kadugỹs, *kãdugis*, *kadùgis* (юго-вост. территории за Неманом, с узкой полосой, уходящей на север в междуречье Дубисы и Невежиса). Но на самом западе этой территории, в Клайпедском крае, чуть к югу от Клайпеды, а также в р-не Шилуте (немного к сев.-вост. и к юго-вост.) отмечены формы, совпадающие с прусскими, — *kadegỹs*, *kãdegis*, *kãdekis*. Зато к востоку от указанной выше линии встречаются исключительно формы другого корня (*ẽglis*, *ẽglius*, *ė̃glis*, *ė̃glius*, *ėglỹs*; *ãglis*, *ãglius*, *ẽglius*, *agliùkas*, *egliùkas*; *verbà*)[42]. В связи с лит. *kadag-* (*ug-*, *eg-*) уместно вспомнить об остающемся до сих пор не объясненным *kãdagas* 'особая болезнь' («tokia vaikų ir suaugusių liga, pasireiškianti sąnarių tampymu, virpėjimu»), 'припадок' ('priemėtis'), 'дрожь' (LKŽ 5, с. 39). По-видимому, отношение этого слова к названию можжевельника такое же, как и в рус. *можжевéльник: можжýха*, *мозжýха* 'ломота', 'костолом', 'озноб' (но и 'можжевельник'!), ср. *можжи́ть*, *мозжи́ть* 'ныть', 'ломить', 'бить' (о лихорадке и т. п.). Кстати, и лит. *kadagỹs* как название старинного литовского танца, видимо, ориентировано на идею мелких прерывистых движений, своего рода подергиваний, дрожи, «ломаний». Вообще следует заметить, что название можжевельника прочно вошло в символику литовского фольклора[43] и в контексты, ориентированные на звукоизобразительность и мифопоэтическое этимологизирование[44]. В латышском языке (Кулдига, Лиепая) известна форма, также точно соответствующая прусской, а именно *kadeg'is* (Mühlenbach — Endzelin II, с. 131 объясняют ее, хотя и с неуверенностью, как литуанизм, в чем, кажется, нет принципиальной необходимости из-за наличия таких двух рядов, как *kadęgs* и *kadig'is* и т. п., см. ниже); ср. также *kadęgs*[45], *kadeķis*, *kadig'is*, *kadiķis*, *(kadiķiene)*; *kadags* (II, с. 131—132); *kadiķe*, *kadaks*, *kadægs* и др.[46] Однако эти формы при всем их сходстве неоднородны по происхождению: одни из них (учитывая их географическое распространение) восходят, видимо, к куршскому

---

[42] См. Lietuvių kalbos atlasas. I. Leksika. Vilnius, 1977, 61 (с. 165), карта № 91; *Senkus J.* Kadagys ir ėglis. — Tarybinis mokytojas 1964, VII, 23; *Lipskienė J.* Dėl kadagio pavadinimo. — Kalbos kultura 1964, sas. 7, с. 63—65. Кроме указанных в Атласе форм ср. *kadagius*, *kadagýnas*, *kadagė̃tas*, *kadagìnė*, *kadagỹnė*, *kadagìnis*, *kadaginùkas*, *kãdagmedis*, *kãdaguogė*, *kadugýnas*, *kadugìnė*, *kadugìnis*, *kãduguogė*, *kadugiãžolė*. — LKŽ 5, с. 39, 45.

[43] Ср.: O ir priėjau ir prikėliavau *kadagužiu* girelę; O aš priėjau ir privandravau *kadagužių* girelę; Iškyla... iš marelių juods *kadagių* laivelis и т. п., о чем подробнее см. в другом месте.

[44] Ср.: *užsidegė kaip kadugys* или *geras botagas iš kadugių*, с одной стороны, и kadugio *šluota asluže šlavė* и т. п., с другой (см. LKŽ 5, с. 45).

[45] Ср.: BW 3707, 1 : vici mazi *kadedzini* zelta ziedis nuoziedēja, где *kadedziņš* предполагает *kadedzis*. См. *Būga K.* Rinktiniai raštai, I. Vilnius, 1958, с. 308; III, 1961, с. 821.

[46] См. *Rūķe-Draviņa V.* Die Benennungen des Wacholoders im Baltischen. — Orbis, 1955, T. 4, SS. 390—409; *Idem.* Zviedrias Filologu Biedrības Raksti 1947, 1, с. 160 и сл.; *Zeps V.* Latvian and Finnic Linguistic Convergencies. The Hague, 1962, p. 116—117.

наследию[47]; другие (как *kadiķis*) — к заимствованиям из нижненемецкого; третьи могут быть признаны собственно латышскими. Топонимические данные помогают не только установить ареал указанных слов для можжевельника, но и особенности его членения [48]. На восточнобалтийской территории это название можжевельника было усвоено и рядом иноязычных конклавов, ср. рус.-диал.-прибалт. *кáдык* [49], евр.-лит. диал. *kadegínes*, евр.-жемайт. *kádeges* и др.[50], нем.-балт. *Kaddak*, отличающееся от прусско-немецких форм и, возможно, заимствованное из вост.-балт. *kadag(a)s*.

Балтийское название можжевельника вызывает споры о его происхождении. Одни видят в нем исконное индоевропейское наследие и указывают круг возможных параллелей. Хотя они и не обладают высшей убедительностью, но нередко в текстах народной словесности или в объяснениях impromptu подтверждаются сходными семантическими мотивировками и поэтому не могут считаться ложными, — во всяком случае в определенных пределах. Внутри балтийских языков название можжевельника обычно сопоставляют с прусск. *-cod-is* в названии дымохода (*accodis*); в свою очередь *-cod-is*, несомненно, связано с слав. **kaditi*, **kadi(d)lo* (ср. ст.-слав.), **čaditi*, **čadъ* и их продолжениями. Остальные соответствия, приводившиеся по этому поводу, были еще более гадательными или вовсе неубедительными [51]. Ср. др.-греч. κέδρος, κέδρις, др.-инд. *kadrú-* 'коричневый', 'бурый' (и даже *kadamba-* 'Nauclea cadamba L.'), алб. *k'em* 'ладан' (его, впрочем, связывают не только с и.-е. **ked-mo-*, но и с слав. **kopotь*) и др.[52] Другие специалисты исходят из неиндоевропейского происхождения на-

---

47 См.: *Būga K*. Op. cit., III, с. 208.

48 Ср. лит. *Kadagiaĩ*, *Kadagynaĩ*, *Kadagỹnas*, *Kadagìnė*, *Kadagỹnė*, *Kãdagiškiai*, *Kadugiaĩ* (Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. Vilnius, 1976, c. 115); лтш. *Kadęgi*, *Kadagi*, *Kadęgas*, *Kadags*, *Kadagas-ęzęrs*, *Kadęga-kalns*, *Kadeg'i*, *Kadeg'u-ciems*, *Kadeg'u-kalva*, *Kadeg'u-mežsârgs*, *Kadeg'iens*, *Kadeg'is*; *Kadiķi*, *Kadiķis*, *Kadiķa-kalns*, *Kadig'a-mājas*, *Kadiķu-ganība*, *Kadiķ-kalēji*, *Kadiķu-kalva*; *Kadak-ęzęrs* (?) (*Endzelīns J*. Latvijas PSR vietvārdi, 1. 2. Rīgā, 1961, c. 2—3). В Курземе всего 20 топонимов этого корня, в Видземе только 5, в Земгале — 2; см. *Dambe V*. — Baltistica, I priedas, 1972, c. 57).

49 *Филин* 12 302.

50 См. *Lemchenas Ch*. Lietuvių kalbos įtaka lietuvos žydų tarmei. Vilnius, 1970, c. 83—84. Ср. также евр.-лтш. *kádik*, объясняемое Лемхенасом из нижненемецкого. Иначе (из латышского) — *Kalmanovič Z*. Der jidišer dialekt in Kurland. — Filologiše šriftn fun jidišn visnšaftlechn institut. Vilnius, 1926, № 1, S. 183.

51 Во всяком случае они обычно уступали славянским примерам, которые нередко могли предложить хотя бы вторичные семантические мотивировки названия, ср. кашуб. *kadik*: *kaʒëc*, польск. *kadyk*: *kadzić* и т. п.

52 См. *Lidén E*. — IF 1904, Bd. 18, S. 491; *Petersson H*. Studien über die idg. Heteroklise. Lund, 1921, S. 104 и сл.; *Charpentier J*. — Glotta 1918, Bd. 9, S. 56; *Brückner A*. — IF 1922, Bd. 40, S. 199 и сл.; *Loewenthal W*. — WS 1927, Bd. 10, S. 161; *Machek V*. — Slavia 1929—1930; ročn. 8, c. 216; *Pokorny I*, S. 537; *Çabej E*. Studime gjuhësore. I. Prishtine 1976, c. 272—273 (алб. *kem/qem* из греч. или лат. *thymiama* с изменением: **kjam* > **kiēm* >

звания можжевельника и сосредотачивают внимание на сходных названиях в других языках, прежде всего в прибалтийско-финских (однако важно то, что они имеют соответствия и в других группах финских языков, в частности, там, где балтийские заимствования практически неизвестны). Ср.: ливск. *kadāg*, *gadāg*, *gaDāg* [53], эст. *kadakas*, *kadak*, водск. *katagg*, фин. *kataja* (диал. *katava*), карел. *kadaja*, вепс. *kadaǵ*, *kadag* [54] и др. На сходство этих слов с балтийским названием можжевельника обратил внимание еще Томсен (Op. cit. 176), считавший, что прибалтийские финны заимствовали это слово у их соседей балтов. Однако Сетэлэ, кажется, убедительно показал, что направление заимствования было обратным [55]. С тех пор количество аргументов в пользу этой точки зрения значительно увеличилось, и большинство исследователей явно или с некоторым сомнением отдают предпочтение именно ей [56]. Особенно существенны два аргумента — культурно-исторические и ареальные соображения в пользу заимствования этого слова балтами от финнов (внутренний аспект проблемы, ср. исследование В. Руке-Дравини) и обнаружение довольно многочисленных названий можжевельника этого же корня в пермских и волжско-финских языках (внешний аспект). Ср. коми *катш* (*каč*, диал. *катш помель*, *катшпомоль* [57]), может быть, марийск. *гож*, ср. *лӱмегож* 'можжевельник' (< **лӱмэ-кож* 'клейкая ель'?). С известным колебанием Тойвонен отделяет от этих слов, восходящих к др.-перм. **каč*, такие слова с вокализмом переднего ряда, как саам. *kâsŋâs'ɛ*, манс. (нижне-лозвинск.) *kēšepiβ* и др. Впрочем, и за пределами финских языков обнаруживаются формы, которые (во всяком случае внешне) напоминают

---

kem > *qem*) и др. Другие предложения еще менее вероятны (др.-греч. χοδομεύω 'поджаривать ячмень', лтш. *cedriņš*, лат. *cedrus* и т. п.), как и шпехтовская «палеонтология» (см. *Specht F.* Der Ursprung der idg. Deklination. Göttingen, 1947, S. 147, 215, 246).

53 См. *Kettunen L.* Op. cit. S. 55; *Aben K.* Eesti ja liivi. Tallin, 1947, c. 33.

54 Ср. также *kadakpenzaz* 'можжевеловый куст', *kadagiińe*, *kadaghińe*, *kadagihne* 'можжевеловый' (Словарь вепского языка. Л., 1972, с. 164—165).

55 *Setälä E.* — FUF 1909, Bd. 9, SS. 126—128; *Idem.* — FUF, Anz. 25, S. 57. Тем не менее трудно полностью отказаться от мысли, что некоторые прибалтийско-финские формы этого слова не могли не оказаться вторичными (по принципу бумеранга) заимствованиями из балтийских диалектов. Как бы то ни было, но все это снова отсылает нас к проблематике балто-финских контактов и не только в вост. Прибалтике (см. *Ванагас А. П.* К вопросу о финно-угорском субстрате в литовской гидронимике. — В кн.: Питання гідроніміки. Київ, 1971, с. 146—151 и др.), но и в ю ж н о й, на бывшей прусской территории.

56 См. *Kalima J.* Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936, c. 112; *Idem.* — In: Germanen und Indogermanen. Festschrift für H. Hirt, Bd. 2. Heidelberg, 1936, S. 211; *Toivonen Y. H.* Suomen kielen etimologinnen sanakirja. I. Helsinki, 1955, s. v.; *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка, I. M., 1953, с. 108 (ср. с. 301); *Zeps V.* Op. cit., p. 117; *Sabaliauskas A.* — Lietuvių kalbos klausimai 1963, VI, c. 118, 132; 1966, VIII, c. 23.97 и др.

57 См. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961, s. v.; *Лыткин В. И.*, *Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 118.

уже приведенные слова для можжевельника. В этой связи указывалось на чуваш. *ката* (*kada*) 'кустарник', 'молодая поросль', *катăркас*, *катĕркас* 'колючий кустарник', 'боярышник' и даже якут. *кытыан* 'можжевельник'; в более общем виде сообщалось о широком распространении близко звучащих слов в тюркских и монгольских языках, среди которых особенно выделяются ойротские (алтайские) факты [58]. В целом, однако, эти указания недостаточно надежны и конструктивны, но следует, конечно, иметь в виду, что семантическая мотивировка названия можжевельника остается неясной и для финноязычных примеров. Несомненно, впрочем, что это название распространялось по обширным и разноязычным территориям именно как «культурное» слово, вырвавшееся из-под контроля закономерностей, действующих в пределах генетически единой языковой группы. Но это не означает отказа от поисков закономерностей иного рода даже в условиях, которые могут показаться близкими к языковому хаосу [59].

3. О названии латуни в прусском

В списке слов, обозначающих металлы, в Эльбингском словаре (526) прусск. *kassoye* передает нем. *Messing*. Ему предшествует (525) название меди (*wargien*) и за ним следуют названия олова (*alwis*, 527) и *цинка* (starstis, 528) [60]. Прусское слово выглядит для этих мест совершенно уникальным. Удивительно и то, что, во всех соседних языках слова́ для латуни вполне ясны: это или оригинальное новообразование с четкой структурой частей (лит. *žálvaris*, эст. *valgevask* и т. п.) или — чаще — заимствования, как правило, многостепенные: ср. н.-в.-нем. *Latûn*, ср.-н.-нем. *laton* из итал. **lattone* (венец. *laton* от *latta* 'жесть'), ср. ср.- греч. λατοῦνι, рус. *лату́нь* (не говоря о гипотезе Рясянена о тюркском происхождении этого слова) или же нем. *Messing* (как и другие германские обозначения, видимо, восходит к лат. *massa* 'слиток', 'глыба', 'ком', 'масса') и заимствованные из него польск. *mosiądz*, кашуб. *mosǫg*, *mosǫʒ*, в.-луж, *mosaz*, н.-луж. диал. *mósez*, чеш. *mosaz*, словац. *mosadz*, укр. *мо́сяж*, рус. **мосяг* (ср. фамилию *Мося́гин* [61]); лтш. *misiņš*, лит. *mìsingis*, *mísingas*, *mìsinė*; эст. *messing*, фин. *messinki* и т. п. [62] Первоисточник этих слов лежит,

---

[58] См. *Попов А. И.* Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, с. 39.

[59] Существенно возможно более полное выяснение типологии семантических мотивировок этого названия. Некоторые из них заслуживают особого внимания (ср. напр., рус. *елёнец* 'можжевельник' и т. п. при однокоренном арм. *elevin* 'кедр', см. *Solta G.* Stellung der Armenischen im Kreise der idg. Sprachen. Wien, 1960, S. 413).

[60] Как известно, латунь — сплав меди с цинком, иногда с примесью олова и некоторых других металлов, а бронза — сплав меди с оловом, свинцом и т. п.

[61] См. *Соболевский А. И.* — РФВ 1911, т. 66, с. 351.

[62] Встает вопрос о том, не относятся ли к этому ряду и прусские топонимы типа *Mosancz*, 1326, *Mosamczen*, 1365, *Mosencze*, ок. 1400, позже — *Mosens*. При положительном ответе приходится допустить, что, по крайней

однако, глубже. Его ищут или на древнегреческой почве[63], или же отождествляют с этнонимом Μοσσύνοικοι[64], относящимся к народу, обитавшему на сев.-вост. Малой Азии[65]. Связью с этим этнонимом можно было бы пренебречь[66], однако уже то обстоятельство, что они обитали в прибрежных горах к западу от Керасунта, т. е. примерно там, где были раньше хатты, особая роль которых в развитии древней металлургии теперь, прежде всего после ряда исследований В. В. Иванова, не подлежит сомнению, делает гипотезу о связи сев.-вост.-европ. **mos-ing-* (условно) как обозначения латуни с этим этнонимом соблазнительной и нуждающейся в новой проверке с учетом сильно изменившихся представлений о древних центрах металлургии. В этом контексте обретает новый смысл и старое сопоставление прусск. *kassoye* с др.-греч. κασσίτερος 'олово', остававшимся до сих пор совершенной абстракцией из-за огромного временного и пространственного разрыва между этими названиями, казалось бы ничем не заполненного. Как известно, κασσίτερος (аттич. καττίτερος) отмечено уже у Гомера и Гесиода, а позже в аттических надписях; ср. гомер. χεῦμα κασσιτέροιο 'литьё из олова', κασσιτέρινος 'оловянный', κασσιτερᾶς, κασσιτερο-ποιός 'оловянщик', 'оловолей', κασσιτερόω 'лудить' и т. п. Характерно название Κασσιτερίδες 'Оловянные острова', к юго-западу от Британии. Отсюда олово привозили в Грецию и восточное Средиземноморье (через Тартесс), ср. Геродот III, 115; Страбон, Диодор Сицил. Есть мнение, что именно это название (кельтское в своей основе, ср. Nom. pr. *Cassi-velaunus*[67]) и было источником для слова, обозначающего олово в др.-греч. по хорошо известной модели (Κύπρος: лат. *cuprum*, нем. *Kupfer*; лат. *Brundisium* (из мессапск.) — франц. *bronze*, рус. *бронза* и др.). С неменьшим основанием можно, видимо, говорить и о восточных связях κασσιτέρος, соотнося это слово с названием коссеев-касситов (аккад. *kašši*), горного народа, жившего в древности в горах Загра, в современном Луристане (в XVIII—XVI вв. до н. э. им была подчинена Вавилония, но и много позже в IV в. до н. э. с ними столкнулся Александр Македонский)[68]. Исключительно интересно, что, по-

мере, части говоров прусского языка было известно это заимствование из немецкого.

[63] См. *Schwarz E.* — ZfslPh 1929, Bd. 5, S. 400; *Idem.* — AfslPh 1929, Bd. 42, S. 304; *Kiparsky V.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934, S. 151 и сл.; *Фасмер* II, с. 633; *Machek*[1], 305 и др.

[64] См. *Геродот* III, 94; VII, 78; *Ксенофонт.* Анабасис, V, гл. 4—5 и др. (начиная с Гекатея Милетского). Страбон называет моссинойков 'Επταχωμῆται 'живущие в семи поселениях'.

[65] См. *Pauly-Wissowa* s. v.; *Максимова М. И.* Местное население юго-восточного Причерноморья по «Анабасису» Ксенофонта. — ВДИ, 1951, № 1, с. 250—262 и др.

[66] Объяснение названия как «живущие в моссинах» (особых высоких домах) обычно считалось народно-этимологическим. Ср. однако: μόσσυν. πύργος (Гесих.) и осет *mæsug*, *mæsyg* 'башня', фриг. Mossyna, фрак. Μόσσυνος и т. п. См. *Абаев* II, с. 104—107 (там же литература вопроса).

[67] См. *Pisani V.* — IdgJb 1935, Bd. 21, S. 239.

[68] См. *Hüsing G.* Der Zagros und seine Völker. — Der Alte Orient 1908, Bd. 9;

мимо культур Элама, именно знаменитая луристанская бронза была первой археологически засвидетельствованной культурой, соотносимой с конкретным этносом. Существует авторитетное мнение о том, что луристанская бронза относится именно к к а с с и т а м [69]. В таком случае оправдано предположение, согласно которому *kassi-ti-ra* может пониматься как 'происходящий из страны Касси', — не исключено, что в отнесении к бронзовым изделиям (посуда, утварь, украшения и т. д.), которые вместе с обозначающим их словом начали «эстафетное» движение на запад, а может быть, и на восток [70]. Дальнейшая история этого слова связана с двумя центрами — Балканами и Италией. Похоже, что заимствованное у греков лат. *cassiterum* ('сплав из свинца, серебра и друг. металлов, преимущественно олова', ср. Plin, Major; ср. *Cassiterides*. Pomp. Mela, Plin.) не осталось без продолжения. Возможно, оно сыграло какую-то роль в образовании таких не вполне ясных форм, как ст.-франц. *casserole* (1583, Gay), первоначально южно-французский диалектизм, который наряду с *cassole*, *cassote*, производными от *casse* 'кастрюля', возводят к прованс. *cassa* (< вульг.-лат. *cattia* 'сковорода') [71]; дальнейшие вехи — нем. *Kasserolle*, н.-нем. *Kastroll* (голл. *kastrol*), лтш. *kasruõlis*, рус. *кастрю́ля*, укр. *костру́ля* и т. п. Балканские продолжения были обильнее, надежнее и, возможно, более актуальны в связи с загадкой прусск. *kassoye* [72]. Речь идет прежде всего о ц.-слав. *коситеръ*, *каситеръ*, болг. *коси́тро*, *коси́тръ*н, с.-хорв. *ко̀ситер*, *коситар*, словен. *kosíter*, румын. *cositor*, *costor* с соответствующими производными. Все эти слова содержат элемент *kas-*, *kos-*, который связан с обозначением олова и напоминает прусск. *kas-* в названии латуни (в состав которой входит и олово). Если эти элементы исторически связаны между собой, перед нами еще один пример

Balkan K. Die Sprache der Kassiten, Kassitenstudien I. (=American Oriental Series. Vol. 37). New Haven, 1954.

69 См. *Minorsky V*. — Apollo 1931, v. 13, p. 141 и сл. (=ВДИ, 1959, № 1, с. 220—222); *Дьяконов М. М.* Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961, с. 39, 357; *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.—Л., 1956, с. 130. Менее определенно: *Ackerman Ph*. The Luristan Bronzes. N. Y., 1940; *Ghirshman R*. L'Iran dès les origines a l'Islam. Paris, 1952 и др.

70 Ср. араб. *gazdir*; др.-инд. *kastīra-* n. 'олово', которое обычно рассматривается как заимствование из др.-греч. (Mayrhofer I, S. 192); *Kāstīra*, *Kāstīrika* у Панини IV, 2, 104; VI, 1, 155 (ср. сопоставление прусск. *kassoye* с др.-инд. *kaṁsá-* 'металлический сосуд', 'чаша', 'латунь' In: *Wackernagel J*. Altindische Grammatik, Bd. 2. Göttingen, 1905, S. 924), а также название острова в Индийском океане Κασσίτιρα. Ср. *Muhly D*., *Wertime T. A*. Evidence for the Sources and Use of Tin during the Bronze Age of the Near East. — World Archaeology, 1973, v. 5, p. 111—112; *Muhly J. D*. The Trade Routes of the Bronze Age. — American Scientist 1973, v. 61, p. 404—413; *Mellink M. J*. Ancient Metals Trade. — Science 1974, v. 185, p. 52—53; *Иванов В. В.* — Baltistica 1977, XIII, с. 234.

71 См. *Dauzat*, p. 147 и др.

72 Следует помнить и о турецком по происхождению общебалканском названии олова: тур. *kalay* (от названия *Qala(h)* на Малаккском п-ове), болг. *кала̀й*, макед. *калај*, н.-грец. *χαλάϊ*, румын. *căláiu*, арум. *călái*, алб. *kalláj*, с.-хорв. *ка̀ла̄ј*, *kàlâj*, цыган. *кала́й*.

культурных балто-балканских параллелей, в которых с балтийской стороны принимает участие именно прусский язык, наиболее активно (и, видимо, с наиболее раннего времени) участвующий в этих связях. Однако не исключено, что может быть восстановлено и важнейшее промежуточное звено этой цепи. Речь идет о польск. *kositarz*, *kosiciarz* «pomocnik w hucie żelaznej, lejący wodę na młot, gdy wyciągają pod nim szynę, zalewający ogień, donoszący węgle i t. p., zalewacz < нем. *Kohlschütter*». Warsz. II, 487; — «W hutach żelaznych, gdy szynę wyciągnioną równać i gładzić potrzeba, chłopiec po naszemu *kosiciarz* kijem bije w wodę około kowadła będącą. Os. Rud. 335. . . *Kositarz* leje wodę na młot, ta z młota spływając oblewa szynę. Ibid, 303». Linde II, 456. Это в целом темное слово трактуется как Nom. agent. на *-arz* при том, что соответствующий глагол, кажется, неизвестен. Зато фонетическая близость польского слова с рассмотренными выше словами для олова подкрепляется и семантическим (и, если угодно, ритуальным) параллелизмом: лить воду на огонь в кузнице (в технологическом и мифопоэтическом аспекте) — *лить олово* 'лудить' (т. е. покрывать предмет расплавленным оловом) и 'производить святочное гадание', ср. *оловоле́й*, *оловолия́тель*, *оловогада́тель* 'отливающий олово в воду для гаданья, предсказаний' (Даль II, 1737; ср. также *оловя́нный глаз*, т. е. недобрый, лукавый; ритуальную формулу *мое слово*, *что* *о л о в о*; *я сказал*, *что запаял* с индоевропейскими параллелями и т. п.). Естественно, возникает вопрос о возможности видеть в этом польском слове результат вырождения старого обозначения олова, имеющего прочные балканские связи. Если бы это предположение подтвердилось, то прусск. *kassoye* можно было бы понимать как результат дальнейшего опрощения и дегенерации словообразовательной структуры (ср. «отпадение» *-r* и — соответственно — переход masc. в fem. на *-e*?). На этом уровне можно выдвинуть и некоторые «предконъектурные» проблемы — так, в прототексте Эльбингского словаря 526-ое слово могло, напр., иметь вид **kassite*. Учитывая написание *t* в этом словаре как незавершенного округлого *o* с разрывом справа вверху, не исключено, что переписчиком **kassite* было истолковано как **kassioe*, откуда близко и до метатезированного варианта **kassoie*=*kassoye* [73]. При всей гадательности и, так сказать, уникальности этих преобразований они достойны внимания как попытка объяснить почти заведомо испорченное слово, к которому, скорее всего, могут быть применены не типовые, а экстраординарные средства решения. Понятно, остается возможность и других объяснений, в частности, традиционных. Ср., например, связь с балт. **kas-* 'копать' (ископаемое, «копкий», рыхлый как обозначение руды, металла, ср. рус. *круше́ц*, между прочим, в связи с оловом). Однако пока подобные объяснения кажутся менее вероятными, чем приведенные выше.

[73] Любопытно, что соотношению *kassoye*: *kasit-*(*er*)- в словообразовательном плане соответствуют два варианта этнического наименования — *коссеи*: *касситы*.

Вяч. Вс. Иванов

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. 17—19

17. Хетт. *tuliya-* 'собрание': др.-исл. *þulr* 'произносящий культовую речь'

В древнехеттских текстах отражено два разных обозначения собрания. Одно из них — *panku-* — обозначает всю совокупность воинов, участвующих в собрании, и представляет собой субстантивированное прилагательное *panku-* 'целый, совокупный', родственное в свою очередь существительному *pankur* 'род' [1] (гетероклитический тип склонения), что делает возможным исходное значение типа 'собрание всего рода' (всей социальной группы, ср. прилагательное *panku-* в частом сочетании с существительным EREM^{MEŠ}: *pankuš* EREM^{MEŠ} 'целое войско'). Ранее предлагались две этимологии этого слова — сопоставление с таким же прилагательным на **-(e)u-* **b^hn̥ĝ^h(e)u-*, отраженным в др.-инд. *bahú-* 'многочисленный' (в «Ригведе» также 'густой'), греч. гомер. παχύς 'густой' [2], и сближение с числительным **penk^we-* 'пять' [3] (в хеттском в фонетическом написании не засвидетельствованном) и далее с греч. παντ-, тох. A *pont-* 'весь' [4]. По семантическим причинам первая этимология представляется более вероятной, так как она позволяет объяснить и историю таких семантически связанных с *panku-* хеттских слов, как *pangarit* 'целиком, во множестве, целой массой' (о войске), *pangariya-* 'увеличиваться, умножаться'. Но в любом случае представляется несомненным, что *panku-* в хеттском языке первоначально было прилагательным (оно принадлежит к прилагательным и по типу склонения с аблаутом дифтонга суф. *-u-* : *-aw-*) и поэтому значение 'собрание' раз-

---

[1] Связь двух этих слов доказывается контекстами, приведенными в кн.: *Oettinger N.* Die militärischen Eide der Hethiter (Studien zu den Boğazköy-Texten (далее — St BoT), Heft 22. Wiesbaden, 1976, S. 39.

[2] *Иванов В. В.* Происхождение и история хеттского термина *panku-* 'собрание'. — ВДИ, 1957, № 4; 1958, № 1.

[3] *Polomé E.* The Indo-European numeral for 'five' and Hittite *panku-* 'all'. — In: Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to F. B. J. Kuiper, ed. by J. C. Heesterman, The Hague—Paris, 1968, p. 98—101. Эта этимология была поддержана также Леманом: *Lehmann W. P.* Linguistic structure as diacritic on Proto-culture. — In: Indo-European and Indo-Europeans, ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, A. Senn. Philadelphia, 1970, p. 1—10.

[4] *Van Brocq N.* De πυξ à πᾶς. — In: Melanges de linguistique et de philologie grecques offerts à P. Chantraine (Études et commentaires, 79). Paris, 1972, p. 263—276.

вилось у него вторично (хотя оно уже представлено в древнехеттский период).

Напротив, судя по данным древнехеттских текстов, весьма архаическим является значение 'собрание' у второго слова с этим значением — *tuliya-*. Наиболее ранним текстом, в котором встречается это слово, является древнехеттский стихотворный гимн богу Пирва (**Perwa-*, родственно слав. **perunъ*, основа **peru-r/n-* гетероклитического типа [5]), где встречается целый ряд индоевропейских архаизмов и в анаграмматическом построении всего гимна и его частей [6], и в метрической структуре, отражающей принципы общеиндоевропейского стихосложения, и в упоминаемых в нем собственных именах (город *Ḫaššuwa-*, буквально 'царский', ср. хетт. *ḫaššu-* 'царь', родственное др.-исл. *æsir* 'асы, боги' [7], др.-инд. *asura-* 'демон', авест. *ahura-* 'повелитель'; ср. упоминаемое в анналах Хаттусилиса I древнехеттское имя города *Šallaḫšuwa*, буквально 'велико-царский', *šalli-* 'большой, великий', словосложение архаического индоевропейского типа с «соединительным» *-o-* > хетт. *-a-*, как в *šallakart-*, буквально 'великосердый'). Этот гимн можно отнести к древней литературе города Несы (Канеса), сохранившейся в немногих позднейших копиях в клинописном архиве хеттских царей [8]. В этом клинописном гимне писец отделял двустишия друг от друга горизонтальной чертой. Одно из двустиший (шестое — предпоследнее) гласит (Bo 6483, 12—13):

da-a-ir-wa *tu-li-ya-an* a-az-za
wa-lu-uš-ki-u-wa-an ti-i-e-er [9]
«И они собранье взяли,
Славить начали его» [10].

В гимне речь идет о воинах царской дружины, к ним относится и возвратная частица *-z(a)* в начале второго предложения: прославляя собрание (*tuliya-*), воины прославляют и себя самих — его членов. Из текста следует, что речь идет о весьма архаическом термине. Это подтверждается и словоупотреблением древнехетт-

---

[5] См. *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974; *Eichner H.* Hethitisch *meḫur*. — In: Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 31. München, 1973, S. 266; *Hoffman K.* Ved. *dhanuṣ-* und *paruṣ-*. — Die Sprache, 1974, Bd. 20, Heft 2, S. 24, 25.

[6] *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 266.

[7] *Polomé E.* Approaches to Germanic mythology. — In: Myth in Indo-European antiquity, ed. by G. J. Larson, C. S. Littleton, J. Puhvel. Berkeley—Los Angeles, 1974, p. 60, n. 18.

[8] См. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Перевод, вступительная статья и комментарии В. В. Иванова. М., 1977, с. 6, 7, 41, 58.

[9] *Otten H.* Pirva- der Gott auf Pferde. — JKF 1951, Bd. II, Heft 1, S. 59 (там же автография клинописного текста); *Laroche E.* Textes mythologiques hittites en transcription. — Revue hittite et asianique, 1965, t. XXIII, fasc. 77, p. 114.

[10] К грамматической интерпретации текста см. *Josephson F.* The functions of the sentence particles in Old and Middle Hittite (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Indoeuropea Upsaliensis, 2. Scriv Service AB). Uppsala, 1972, p. 155.

ской таблицы Телепинуса (ок. XVI в. до н. э.). В ней данное слово употреблено дважды. В первом случае говорится об уже происщедшем событии: nu [I]Te-li-pí-nu-uš [URU]Ḫa-at-tu-ši *tu-li-ya-an* ḫal-zi-iḫ-ḫu-un 'и я, Телепинус, в городе Хаттусе созвал собрание' (II, 34, § 27). Во втором случае речь идет об ответственности царя за совершенное преступление. Телепинус предписывает для наказания преступного царя собрать собрание: nu *tu-li-ya-an* ḫal-zi-iš-tin 'и собрание (вы) созовите' (II, 51, § 31). В обоих случаях выражение 'созвать собрание' (*tuliyan ḫalzai-*) употребляется, когда речь идет о пресечении и наказании убийств внутри царского рода. Телепинус возрождал древние обычаи, поэтому нужно думать, что он использовал и традиционную терминологию. С юридическим использованием *tuliya-* в таблице Телепинуса можно сравнить и хетт. *ŠA DI.NIM tu-li-ya-aš* 'суда собрание' (HT 6 I 16).

Примерно к эпохе Телепинуса относится и упоминание собрания (*tuliya-*) в архаичном варианте хеттских законов (A, 1 табл. 12—23, § 55)[11]: ma-a-an DUMU[MEŠ] [URU]Ḫa-at-ti LU[MEŠ] *IL. KI* ú-e-ir *A. NA A. BI* LUGAL a-ru-wa-a [n-zi] nu tar-aš-kán-zi ku--ú-ša-an-na-aš-za *Ú. UL* ku-iš-ki i-e-iz-zi nu-wa-an (na-aš-za) me-im-ma-an-zi LÚ[MEŠ] *IL.KI*-wa šu-me-eš nu *A. BI* LUGAL *tu-li-ya* a[n-da ti-ya-at] nu an-da ši-it-ta-ri-it i-it-te-en ma-aḫ-ḫa- an a-ri-eš-me-eš šu-me-eš-ša a-pi-e-ni-iš-ša-an e-eš-ten 'Когда сыновья города Хатти — люди, несущие повинность, пришли (и) просят отца царя, они говорят (ему): «Никто не платит за нас платы, нас отвергают, говоря: вы — (всего лишь) люди, несущие повинность». И отец царя на собрание (*tuliya-*) пришел и на нем объявил о (следующем) решении, скрепленном печатью: «Идите! Вы должны быть такими же, как ваши товарищи!»'. Из этого видно, что в эпоху «отца царя» (составителя первого свода законов, возможно Телепинуса) собрание (*tuliya-*) регулировало и экономическое положение держателей земельных наделов, несших повинность, и их взаимоотношения с царем.

В хеттском переводе хурритского эпоса об Улликумми *tuliya-* относится к собранию богов: na-at *du-li-ya-aš* pí-di an-da e-ri-ir 'и они (боги) на место собрания пришли' (3 табл. IV, 18); *du-li-ya-za* ar-ḫa u-[it] 'с собрания уш[ел]' (III A 5) ср. аналогичный первому из этих контекстов оборот *tuliyaš peda-* 'место собрания' в другом аналогичном тексте: *tu-li-ya-aš pí-e-da-aš* DINGIR[MEŠ] ku-e-da-ni *pí-di tu-li-ya* ti-iš-kán-zi 'место собрания, к которому (месту) боги обычно ходят (= хаживают) на собрание'[12], а также фрагментарные: DINGIR[MEŠ] -za [GIŠ]ḫa-tal-ki-iš-ni kat-ta-an *tu-li-y*[*a*]

---

[11] Ср. *Freydank H.* Zu den § 54/55 der Hethitischen Gesetze. — In: Beiträge zur sozialen Struktur der Hethitischen Gesellschaft, hrsg. von H. Klengel. Berlin, 1972, S. 108—109.

[12] *Sommer F.* Hethitisches II (Boghazköy-Studien, 7). Leipzig, 1922, S. 114, Anm. 14.

'боги под деревом хаталкес на собрание [собрались]' [13]; в переводе Гильгамеша: nu DINGIR^MEŠ ḫu-u-m [a-an-te-eš] *tu-li-ya-aš* 'и все боги на место собрания [пришли]' и т. п. В новохеттских текстах государственных договоров к собранию богов, призываемых в качестве свидетелей при совершении клятвы, применяется тот же оборот *tuliya*(*n*) *ḫalzai-* 'на собрание созвать', что и в древнехеттской таблице Телепинуса. Разница заключается только в том, что имя существительное стоит не в вин. пад. ед. ч. (*tuliyan*), а в направительном падеже (*tuliya*) : nu-ut-ta ki-i ku-it *TUP. PU* iš-ḫi-ú-la-aš i-ya-u-un nu ka-a-ša a-pí-e-da-ni me-mi-ni *LI. IM* DINGIR^MEŠ *tu-li-ya* ḫal-zi-ya-an-te-eš nu uš-kán-du iš-ta-ma-aš-kán-du-ya na-at ku-ut-ru-e-eš a-ša-an-du 'И так как я тебе эту таблицу договора сделал, смотри! по этому случаю тысяча богов созвана на собрание, пусть они видят и пусть они слышат и пусть они будут свидетелями' (KBo IV 10 I 50) : *LI. IM* DINGIR^MEŠ *tu-li-ya* ḫal-zi-ú-en 'тысячу богов мы созвали на совет' (договор Суппилулиумаса 1 с Хукканасом, § 61, 40; договор Мурсилиса II с Таргасналисом, § 15, II 55); *LI. IM* DINGIR^MEŠ ^dUTU^ŠI ^ILa-ba-ar-na ^INÌR. GAL LUGAL GAL *tu-ú-li-ya* ḫal-zi-iḫ-ḫu-un 'тысячу богов я, солнце, лабарна Муваталлис, великий царь, призвал на собрание' (договор Муваталлиса с Алаксандусом, IV 38—40 [14]); аналогичный оборот использован и в начале первой молитвы Мурсилиса во время чумы, когда царь обращается к богам, созванным им на собрание.

Это мифопоэтическое употребление хетт. *tuliya-* делает хеттское слово точным семантическим соответствием аккад. *puḫrum* 'собрание' (богов) [15]; это соответствие признавалось и самими хеттами, что видно из сочетания глагола *ḫalzai-* с аккадограммой *A.NA PU.UḪ.RI* 'на собрание' для передачи хетт. *tuliya* в KUB XXVI 12 III 29. Но это отождествление стало возможным потому, что хетт. *tuliya* использовалось в сходном значении и до начала воздействия аккадских мифологических образцов, о чем позволяют судить такие архаические тексты, как цитированный гимн богу Пирве.

Этот вывод подтверждается и сравнением с лувийскими текстами, в которых употребляется слово *tuliya-*. Это слово, как и производное от него *tuliyašša/i-* (с суффиксом принадлежности

---

[13] Реконструкция значения отбитого слова по: *Goetze A*. The Hittite ritual of Tunnawi (American Oriental Series, 14). New Haven 1938, p. 91.

[14] *Friedrich J*. Staatsverträge des Hatti-Reiches, Bd. I. Leipzig, 1926, S. 68; Bd. II. Leipzig, 1930, S. 19, 110.

[15] *Cassin E*. Note sur le «puhrum» des dieux. — In: La voix de l'opposition en Mésopotamie. Colloque organisé par l'Institut des Hautes études de Belgique, 19 et 20 mars 1973. Bruxelles, 1975, p. 111—118. О влиянии этих аккадских представлений на хеттские ср. *Güterbock H. G*. Authority and law in the Hittite kingdom. — In: Authority and law in the Ancient Orient (Journal of the American Oriental Society, Supplement N 17), 1954, p. 19. Относительно аккад. *nagbatum* как соответствия хетт. *panku-* см. *Иванов В. В*. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным. — Вестник истории мировой культуры, 1957, № 1.

-*ašša*-) употребляется в конце стандартных перечислений членов семьи, рабов и изгоев, занимавших низшее общественное положение на социальной лестнице: AMA-ya-an ta-a-ti-ya-an ŠEŠ-ya-an SAL+KU-ya-an ÌR-ya-an GEME -ya-an^{LU}lu-u-la-ḫi-an ^{LU}ḫa-pí-ri-ya-an kur-ša-aš-ša-an *tu-u-li-ya-an* 'мать, отца. . . сестру, раба, рабыню, изгоя из области Лулу, изгоя из числа хабиру, . . . (всех вместе) собрание' (KUB XXXV 45 Vs. II 2—4, ср. там же 43, Rs. III 32; 49 I 6—9; KUB IX 6 I 30+ и др.). В весьма близком среднехеттском контексте в военных наставлениях Тудхалияса речь идет о последовательности сходных понятий, включающих и *panku*- 'собрание' (здесь, видимо, в том же смысле, что и лув. *tuliya*-): *ŠA* É.*ŠU ŠA* ŠEŠ. *ŠU* DAM. *ŠU* ḫa-aš-an-na-aš-ši pa-an-ku-wa-aš-ši 'его дома, его брата, его жены, его рода, его собрания' KUB XIII 20 I 33 (в подобных контекстах *panku*- 'собрание членов социальной группы' семантически близко к *pankur* 'род'). Правильность отождествления лув. *tuliya*- 'собрание' и хетт. *tuliya*- подтверждается также и тем, что как лувийский перечень социальных состояний, завершаемый словом *tuliya*-, так и хеттские перечни богов, созываемых на *tuliya*-, завершаются изгоями (или богами изгоев) хабиру. Продолжение лувийского употребления можно видеть и в ликийском В (милийском), хотя соответствующее место ксанфской надписи остается не вполне ясным.

Сравнение хеттских контекстов с лувийскими заставляет предположить древность значения *tuliya*- 'собрание', восходящего к общехетто-лувийскому. Поэтому в этом слове можно было бы ожидать продолжения индоевропейской социально-религиозной терминологии [16]. Эту гипотезу подтверждает сближение с др.-исл. *þulr* (древняя основа на -*i* без умлаута [17]) 'произносящий культово значимую речь' [18], которое часто относится к богу Одину (носящему эпитет *fimbulþulr* 'могучий произноситель культово значимых речей'), к тем, кто его воплощает или ему служит [19]. В особенности примечательна история любимца Одина Старкадра, которого товарищи прозвали этим прозвищем после того, как он принес в жертву Одину царя Викарра, произнеся формулу Nú gef ek þik Óðni 'Теперь даю я тебя Одину'. Благодаря этим словам жертвоприношение, задуманное как игровое, превратилось чудесным образом в подлинное: тростник, которым Старкадр ударяет царя, превращается в копье и пронзает царя, повисающего на дереве [20]. Этот миф наглядно свидетельствует о силе куль-

[16] На основании строения слова его склонен был отнести к древней индоевропейской лексике Ф. Зоммер: *Sommer F.* Hethiter und Hethitisches. Stuttgart, 1948, S. 42.

[17] *Krause W.* Abriss der Altwestnordischen Grammatik. Halle (Saale), 1948, S. 61, § 90.2.

[18] *Vogt W. H.* Stilgeschichte der eddischen Wissensdichtung. I. Der Kultredner (þulr) (Schriften der Baltischen Komission zu Kiel, 4, H. 1). Breslau, 1927.

[19] *Phillpotts B. S.* The elder Edda and the Ancient Scandinavian Drama. Cambridge, 1920, p. 183.

[20] Die Gautrekssaga, hrg. von W. Ranisch. Berlin, 1900, SS. 28—32; *Turville-*

тового слова, связываемой с чудесной способностью þulr'а, ср. родственное др.-англ. *þyle* 'вития, оратор; шут, шутник' (в частности, в «Беовульфе», 1456). Но кажется возможным поставить и вопрос о том, не является ли самый мифологический мотив þulr'а, приносящего в жертву царя, наследием индоевропейского времени. Оба известных индоевропейских названия царя связываются с обозначением священной плодоносной силы, маны. Приведенное выше хетт. *ḫaššu*='царь' (авест. *ahura-*, др.-инд. *asura-*, др.-исл. *æsir*) родственно хетт. *ḫašawa-* 'жрица' ('Старая Женщина'), *ḫaš-* 'рождать', *ḫaššatar* 'род', *ḫašša ḫanzašša* 'внуки и правнуки', лув. *ḫamša-* 'внук', иер. лув. *ham(a)sa-*, лик. *χahba* 'дитя, внук'; основа на *-u-*, тождественная *ḫaššu-*, представлена в др.-инд. *asu-*, авест. *aŋhu* 'жизненная сила'. Другое название царя, сохранившееся в индо-иранском и кельто-италийском диалектных ареалах (др.-инд. *rājā*, др.-ирл. *rí*, лат. *rēx*), связывается с корнем $*reH_1\hat{g}$-, для которого реконструируется значение 'иметь волшебную силу, ману' [21]. Понимание индоевропейского названия царя как обозначения священной силы плодородия согласуется со свидетельствами древнейших индоевропейских традиций [22] и подтверждается этнографическими параллелями, касающимися очень большого числа обществ, находящихся на типологически сходных ступенях социального развития. По данным этнографии, священный царь не столько связан с управлением обществом, сколько с символизацией плодородия и благополучия племени [23]. Такого царя должны были периодически умерщвлять по мере того, как он терял эту свою магическую силу. Поэтому кажется возможным предположить, что отраженный и в германской и в анатолийской традициях обряд принесения в жертву царя (у германцев) или (у хеттов) суда над царем [24], в обеих традициях связываемый с основой **tuli-*, дает основание для проекции сходного обряда в общеиндоевропейский. Можно указать и на некоторые частные детали, подтверждающие предлагаемое сравнение: хетт. *tuliyaš peda-* 'место собрания' семантически сходно с др.-исл. *þular stoli* 'сидение произносящего культово значимые речи' [25].

Предлагаемая этимология кажется семантически более обоснованной, чем предлагавшиеся ранее сближения древнегерманского слова (с хетт. *talliya-* 'торжественно призывать бога' по Поломэ [26],

---

Petra E. O. Myth and religion of the North. New York, 1964, p. 43—45; *Baird J. L.* Unferth the þyle. — Medium aevum, 1970, v. XXXIX, N 1, p. 6.

[21] *Sihler A. L.* The etymology of PIE **reĝ-* 'king'. — Journal of Indo-European studies, 1977, v. 5, N 2, & 3, p. 221—346.

[22] *Dubuison D.* Le roi indo-européen et la synthèse des trois fonctions. — Annales. Economie, Sociétés, Civilisations 1978, 33e année, N. 1, p. 21—34.

[23] *Hocart A. M.* Kings and councillors, Chicago, 1970 (2 ed.); idem. Kingship. Chicago, 1969 (2 ed.); La regalità sacra; contributi al temo dell' VIII Congresso Internazionale di storia delle religione. Leiden, Brill, 1959.

[24] Хеттские обряды замещения царя, предназначенного к принесению в жертву, отражают и позднейшее месопотамское влияние: *Kümmel H. M.* Ersatzrituale für den hethitischen König (St. BoT, H. 3). Wiesbaden, 1967.

[25] *Vries J.* de. Altgermanische Religionsgeschichte, Bd. I. Berlin, 1956, S. 402, 403.

[26] *Polomé E.* Old Norse religious terminology in IE perspective, p. 11.

с неясным ритуальным термином — лат. *tullii* по Левенталю [27] и с рус. *толока*, лит. *talkà* 'толока; крестьяне, работающие сообща' по Триру [28] или со ст.-слав. тлъкъ, рус. *толк* по Бланкенштейну [29].

18. Хетт. *galgalturi-* 'цимбалы', слав. **golgol-*

Разыскания последних лет в области названий музыкальных инструментов в хеттских ритуальных текстах, основанные на сопоставлении фонетических написаний с идеографическими и с иконографией хеттских ритуалов, позволили определить значение *galgalturi* как 'цимбалы, трещотки' [30]. В этом хеттском слове выделяется архаический суффикс *-turi*, ср. *ukturi* 'вечный огонь, место кремации трупов', ритуальный индоевропейский термин, объясняемый из **ug-turi-* с нулевой ступенью огласовки корня **weg-*, представленного в близких значениях в др.-инд. *úpa-vājayati* 'добывать огонь', авест. *ātrə.vasana-* 'орудие для добывания огня' [31]. Первая часть названия сохраненного в хеттском древнего инструмента для производства звуков *galgal-* в точности соответствует слав. **golgol-* (ст.-слав. глаголѭ), где давно уже была предположена архаическая глагольная интенсивная редупликация [32] того же типа, что в аналогичном глаголе на *-*yo-* — ст.-слав. мръмърѭ (лат. *murmuriō*), а также в слав. **tor-tor-* (чеш. *tratořiti*, рус. *тараторить*), соответствующем хетт. *tar-* 'говорить', лув. *tatar-iya-* 'проклинать', лид. *tatro-* 'приказывать' [33]. В глаголах этого типа в анатолийском сохранялись следы того же типа редупликации, что и в древнеиндийских глаголах, сопоставленных Стангом по огласовке со славянскими глаголами зву-

---

[27] *Loewentgal J.* Zur germanischen Wortkunde. 115. An. *þulr.* — Arkiv før nordisk filologi, 1919, B. 35 (NF 31), S. 236.

[28] *Trier J.* Pflug. — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 1944, Bd. 67, S. 119.

[29] *Blankenstein von M.* Etymologien, 5. Aisl. *þulr.* — IF, 1909, Bd. 23, S. 134, Ср. *Фасмер*, IV, с. 71.

[30] *Danmanville J.* Iconographie d'Ištar-Šaušga en Anatolie ancienne. — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale, 1962, v. 56, N 3, p. 178—181; *Gurney O. R.* Some aspects of Hittite religion (The Schweich lectures of the British Academy), Oxford, 1977, p. 34—35.

[31] *Bader F.* Emploi recessifs d'un suffixe indo-européen, **-tu-*, — BSL, 1977, t. LXXII, fasc. 1, p. 117, ср. там же, p. 116—122, § 16, о других свидетельствах архаичности и.-е. **-tur-i*, среди них лат. *uulturos*, ср. греч. гомер. βλοσυρός и т. п.

[32] *Buning A. J.* De indogermanische Conjugatie in het Slavisch, Amsterdam, 1927, c. 56 (иначе: *Kořínek J. M.* Presentní tvary kořene *dō-* 'davati' v jazycích slovanských a baltských. — LF, 1938, roč. 65, seš. 6, c. 446); *Stang Chr. S.* Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942, S. 38.

[33] *Иванов В. В.* Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 248. — Относительно слов других индоевропейских языков, сопоставлявшихся с хетт. *tar-*, см. *Roos J. de.* A new root **TER-* 'speak clearly'? Some comments on Greek τορός and Hittite *tar-*. — In: Miscellanea tragica in honorem J. C. Kamerbeck. Amsterdam, 1976, p. 223—231.

копроизводства типа **gǫdǫ*. Хетт. *pariprai-* 'дуть' (в рог), по форме близкое древнеиндийским редуплицированным глаголам типа *saniṣvanat* 'звучит' (о музыкальном инструменте [34]), представляет собой удвоение к *parai-* 'дуть, раздувать', также 'дуть в рог' (в частности единократно [35]), ср. родственное греч. гомер. ἔπρηθον, аттич. πίμπρημι (вторичное образование с другим типом удвоения [36]), др.-инд. *prāṇa-* 'дыхание, жизненное дуновение', и.-е. **proH-* 'дуть, воздух', ср. также в хетт. *paripriškanzi* 'они дуют' KUB XXV 39 I 25—26), мед. *paripreškatari*, 3 л. ед. ч., соединение редупликации с суф. *-šk-* (выражающим сходное с редупликацией значение).

Древность славянской редуплицированной основы **golgol-*, ранее предполагавшуюся на основании структурных соображений [37], в настоящее время оказывается возможным подтвердить этимологией слова.

19. Хетт. *šawitar* 'рог': и-е. **sew-* 'принимать жидкость'

Хетт. *šawitar* (вариант написания *šawitra*, видимо, передача в клинописи конечного слогового /r̥/) является названием рога как музыкального инструмента [38]. В слове, по-видимому, выделяется гетероклитический суффикс отглагольных имен *-tar*, в хеттском продуктивный (в типе на *-atar*), но включающий (при суффиксе в форме *-tar*) и архаизмы типа хетт. *itar* (производное от исчезнувшего в хеттском, кроме изолированных форм повел. накл., корневого глагола *i-* 'идти', засвидетельствованное только в одном тексте), лат. *iter*, род. п. *itin-er-is* (гетероклитический тип, ср. оск. *eituns* 'проезды, дороги' [39], тох. А *ytār*, В *ytārye*, *itari* 'дорога'). Представляется возможным предположить архаизм и в ритуальном термине (*sawitr̥*). В качестве возможной внутренней формы слова можно предположить тождество названия рога как музыкального инструмента и рога как сосуда (для вина), известное не только в индоевропейском, но и во многих других языках. В этом случае корень **se/ow-*, выделяемый в этом слове, можно было бы предположительно сблизить с и.-е. **sew-* 'принимать жидкость, пить' [40] (ср. производные типа лат. *sūgere*, *sūcus* и т. п.).

---

[34] *Watkins C.* Indo-European origins of the Celtic verb. I. The sigmatic aorist. Dublin, 1962, p. 130, n. 7; *Idem.* Indogermanische Grammatik. Bd. III, t. 1. Geschichte der Verbalflexion. Heidelberg, 1969, S. 31, § 7 (там же сопоставление с типом слав. **golgol-yo-*).

[35] *Van Brock N.* Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen. — Revue hittite et asianique, 1964, t. XXII, fasc. 75, p. 155, § 38.

[36] *Oettinger N.* Op. cit., S. 46, 47, Anm. 111.

[37] *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. 1938, с. 197; *Он же.* Общеславянский язык. М. 1951, с. 300.

[38] *Kümmel H. M.* Horn. — In: Reallexikon der Assyriologie. Bd. IV. Berlin, 1975, S. 469, 470; *Gurney O. R.* Op. cit., p. 34. Слово обычно сочетается с глаголом *parai-* 'дуть', рассмотренные выше.

[39] *Whatmough J.* Epigraphica. — Language. 1953, v. 29, № 3, p. 198, 199.

[40] *Pokorny*, S. 912.

Х. Фенрих*

К КАРТВЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Этимологически взаимосвязанная лексика картвельских языков обобщена, как известно, в ряде фундаментальных исследований [1]. Между тем, уже сам характер научного исследования обусловливает то, что эти труды не могут представлять собой конечный этап сравнительно-исторического изучения картвельского словаря, а отражают его определенную ступень. Последнее обстоятельство находит свое отражение и в том, что число выявляемых словарных общностей постоянно растет [2]. Ряд дополнений, который, несомненно, можно было бы существенно расширить, в случае если бы картвелистика располагала исчерпывающими словарями мегрельского, лазского и сванского языков, встречается в различных картвелистических работах последних лет. Например, *$s_1$owl- (др.-груз. *sovl-* ‘мочить, увлажнять’, мегр., лазск. *sol-*), реконструируемое З. А. Сарджвеладзе, вносит необходимое уточнение в ранее предложенные праформы [3], ср. также **lVq-* (груз. *lxw-* ‘таять’, сван. *lVq* то же), устно сообщенное З. Г. Чумбуридзе и др.

К этим лексическим сопоставлениям можно прибавить и некоторую совокупность новых, приводимых ниже.

**bad-*: груз. *bad-* ‘рождать, -ся’, сван. *li-bd-e* ‘высыпать, выливать’. Согласные корневой морфемы обнаруживают закономерное соотношение идентичности. Полному гласному в грузинской форме противостоит его нулевая ступень в сванской, обусловленная аффиксацией.

---

[1] Далее приняты следующие сокращения: Ч — *Чикобава Арн.* Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.); S — *Schmidt K. H.* Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962; К — *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964; М — *Мачавариани Г. И.* Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); Г.—М. — *Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965 (на груз. и рус. яз.).

[2] Ср. *Климов Г. А.* Дополнение к этимологическому словарю картвельских языков. — В кн.: Этимология 1971. М., 1973, сс. 356—367.

[3] *Сарджвеладзе З. А.* Вопросы истории грузинского литературного языка. Тбилиси, 1975, с. 26—27 (на груз. яз.).

*gargal-: груз. gargal- 'шум огня', лазск. gargal 'говорить', сван. gargal- то же. Отклоняющаяся семантика грузинской основы остается в пределах возможной вариации значений. Подобные сдвиги семантики нередко встречаются и в других языковых семьях. Здесь налицо редупликация *gar, что имеет место и в лазском, где в ином случае ожидалась бы огласовка o.

*gwar-: груз. gvar- 'род, вид', мегр. gur- 'походить'. В мегр. следует допустить развитие *gwar- > *gvor- > *gvur > gur, имеющие закономерный характер. К, 61 сопоставляет материал иначе.

*dol-: груз. dol- 'озимая пшеница', мегр. ndolo 'трава, зелень, растение', лазск. dulc̣a // durc̣a 'луг'. Регулярность фонемного соотношения нарушается некоторыми особенностями. В лазском налицо часто наблюдаемый здесь переход o > u. Дополнительная аффиксация лазского привела к частичной ассимиляции l с суффиксальным c.

*zalw-: груз. zalv-ana 'путы, капкан', лазск. zelve, zevle 'ремень ярма'. К умлауту в лазском ср. Г. — М. 167—168. В лазском возможна также метатеза.

*zap-: груз. zap- 'звук падения', лазск. zop- 'говорить'. Семантическое различие можно сравнить с таковым в gargal-. Фонемные соотношения регулярны.

*z_1ez_1-: груз. zez-va 'драть, бить', мегр. žaž-ua 'комкать, мять, драть'. Фонемные соотношения в корневой морфеме закономерны.

*tap-w-: груз. tap-v-a 'отпадать (о хлебе в торне)', сван. li-twep, tup- 'терять'. Соответствие груз. a ~ сван. u при последующем *w по Г. — М. 154 закономерно. Форма twep вторична (ср. аналогичное развитие в сван. txum- > txwim 'голова').

*ḳap-: груз. (пшав.) ḳap- 'ветвь, сук', лазск. ḳop-al- 'ветвь'. Фонемы корневой морфемы выявляют регулярные соотношения.

*ḳac̣-: груз. (ингил.) ḳac̣- 'калитка, проход', лазск. ḳoc̣-o-porṭa 'дверца'. Лазское слово является композитом с картвельской и латинской составными частями. Фонемы сопоставляемой корневой морфемы закономерно соответствуют друг другу.

*ḳeḳ-: груз. ḳeḳ-v-a 'разбить, размельчать', мегр. ḳaḳ- 'разбивать, размалывать'.

*ḳenḳ-: груз. ḳenḳ- 'клевать', мегр. ḳanḳ- 'жевать', лазск. ḳanḳ- 'разрубать мясо'. Другие сопоставления предлагают Х. Фогт [4] и К, 108.

*ḳwal-: груз. ḳval- 'след' (ḳval-da-ḳval 'следом'), лазск. o-ḳul-e 'после, за'.

*ḳwir-: груз. ḳvir-ia 'языческое божество', мегр. ḳvir-ḳve мужское имя, имя святого.

*ḳit- : груз. tit- 'палец', мегр. ḳit- 'палец', лазск. ḳit- 'палец'. Незакономерное соотношение начального согласного может быть

---

[4] См. Vogt H. Suffixes verbaux en géorgien ancien. — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, XIV. Oslo, 1947, p. 75.

связано с тем, что в грузинском налицо переход *ḳit- > tit-* под влиянием лексемы *tat-i* 'лапа'.

*ḳiḳ-: груз. *ḳiḳ-n-a* 'очень маленький', мегр. *ḳiḳo-* 'детеныш животного'.

*ḳiḳwil-: груз. *ḳiḳvil-a* 'род птицы', лазск. *ḳiḳil-* 'клюв'. В лазской форме перед гласным *i* выпало *v*.

ḳiḳwn-: груз. *ḳiḳn-* 'есть (немного)', мегр. *ḳiḳon-* 'клевать', лазск. *ḳiḳon-* 'клевать, есть (немного)'. Основы закономерно отвечают друг другу. Другие сопоставления предлагают Х. Фогт [5] и К, 108.

*l-: груз. *l-* 'кончаться, исчерпываться, выпивать', мегр. *l-* 'уменьшаться, ликвидировать, выпивать'.

*l-: груз. *l-* 'ждать', мегр. *l-* 'ждать'.

*lez_1w-: груз. *lezv-* 'слюна', лазск. *ležve(r)-* 'слюна', (*ležv-er-a* 'слюнявый ребенок'). Так как гласный *e* обнаруживает нерегулярное соотношение, сопоставление проблематично.

*mzir-: груз. *mzer-*//*mzir-* 'смотреть, видеть', мегр. *zir-* 'видеть, смотреть', лазск. *ʒir-*, *zir-* то же. В мегр. и лазск. формах утрачено начальное *m-*, а также аффрицирован спирант.

*mo- — -o: груз. *mo- — -o* аффиксация производного прилагательного, мегр., лазск. *mo- — -o*.

*r-: груз. *r-* 'одолевать, побеждать', мегр. *r-* 'одолевать, побеждать'.

*swe-: груз. *sve-* 'участок земли', мегр. *sua-* 'участок поля', лазск. *sva-* 'место'.

*ṭwip-: груз. *ṭvip-* 'густой воздух', сван. *ṭup-* 'кожа, пленка'.

*$ṭis_1wn$-: груз. (картал.) *ṭisvn-* 'искать (насекомых)', *ṭisn-* 'обследовать улей', мегр., лазск. *ṭišon-* 'искать (насекомых)'.

*ṭiṭ-: груз. *ṭiṭ-a* 'тюльпан', мегр. *ṭaṭa* 'цветок'. Соотношение огласовок неясно.

*u- — -ṗs-: груз. *u- — -os-* форманты степени сравнения, мегр. *u- — -os-* то же (ср. груз. *u-pr-os-* 'старший', *u-mcr-os-* 'младший', мегр. *u-m-os-* 'больший').

*pol-: груз. *pol-* 'копыто', мегр. *pol-o-* 'копыто', лазск. *pol-o-* 'нога'.

*kuc-: груз. *kuc-n-a* 'косить', сван. *li-kwc-e* 'резать' (*o-kuc* 'я срезал').

*γoç-: груз. *γoç-v-a* 'щипать, обрывать', мегр. *γuç-u-a* 'мять, давить, комкать'. Нерегулярное соотношение сибилянтов находит параллель в *γeč-. Г. Мачавариани полагал, что ожидавшийся здесь велярный согласный утрачен на диссимилятивных основаниях или же вообще не развился [6].

*q̇er-: груз. *q̇r-a* 'сыпать, -ся', мегр. *'ar-* 'двигать, -ся', лазск. *q̇ar-* 'собирать, бросать', сван. *li-q̇er* 'бить'. Г. — М., 266—268

[5] Там же.

[6] Ср. *Гамкрелидзе Т.* Сибилянтные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959, с. 21, примеч. 1 (на груз. яз.).

увязывают груз. слово со сванским. Корневым гласным на нормальной ступени огласовки они принимают *e*, что подтверждается и вокализмом занских соответствий.

**cec*-: груз. *cec*- 'двигаться на ощупь, щупать', мегр. *cac*- 'идти, тихо бежать'.

**cuc*-: груз. *cuc-a*-, *cuc-un-a* 'очень маленький', мегр. *coc-u*, *coc-o* 'маленький горшок'. Остается неясным, реконструировать в архетипе корневой гласный *u* или *o*.

*c_1ic_1-: груз. *cic-i-natela* 'светлячок', лазск. *čič* 'моль'.

*c_1unc_1un-: груз. (гурийск.) *cuncul-a* 'маленький пирог с сыром', лазск. *čučun-a* 'теплый'. Груз. и лазск. формы обнаруживают редупликацию корневой морфемы. В груз. $n > l$ по диссимиляции, в лазском *čučun*- $<$ **čunčun*-.

*c_1ur-: груз. *cur*- 'вымя', мегр., лазск. ***čur***- 'vulva'. Вариация семантики находит параллели в других языковых семьях.

**c̣ic̣il*-: груз. *c̣ic̣il*- 'змееныш', лазск. *c̣ic̣il-a* 'змея'.

**c̣un*-: груз. *c̣un*- 'недостаток, недочет', лазск. *c̣un-a* 'яд'. Ср. также Г.—М., 251—253.

*$\underset{.}{c}_1$*uḳ*-: груз. (мохевск.) *c̣uḳ-an-a* 'очень маленький', мегр. *č̣uḳ*- 'мышь'.

**xarxar*-: груз. *xarẋar*- 'хохотать', лазск. *xarxal*- 'шумно клокотать'. В обоих случаях удвоение корневого *xar*-. В лазском *r* в исходе диссимилировано. Тождество огласовок основано на редупликации корневой морфемы.

**xw*-: груз. *ẋv*- 'дерево' (?) (ср. *cacxv*-, *verxv*-, *šotxv*-), мегр. *xv*-, *xu*- 'дерево' (?) (ср. *cxacxu*-, *verxv*-), лазск. *xu*- 'дерево' (?) (ср. *ducxu*), сван. *xw*- 'дерево' (?) (ср. *zesxra*, *zesxw-iš*, *jerxw*-).

**xwaṭ*-: груз. *xveṭ*- 'нагромождать', мегр. *xuṭ*- 'подсыпать, нагромождать'.

**xwer*- : груз. *xver*- (ср. *poc-xver-i* 'рысь'), сван. *xwir* 'кобель'.

**xun*-: груз. *xun*- 'линять', лазск. *xin*- 'линять, блекнуть'.

**qoq*-: груз. *xox-v-a* 'ползать', тушин. *qoq-v-a-j* 'медленный бег', мегр., лазск. *xox*- 'ползать'. К, 261 реконструирует **xox*-, но тушинская форма предполагает архетип **qoq*-.

Перевел с нем. Г. А. Климов

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Sławski F. **Słownik etymologiczny języka polskiego, t. V, zesz. 3 (23): łomać — łożnik. Kraków, 1977, c. 169—248.**

В самом конце 1977 г. вышел из печати очередной выпуск польского этимологического словаря Ф. Славского. Выпуск содержит продолжение буквы Ł. В новой части труда отражены наиболее существенные направления и особенности рецензируемого словаря: стремление к исчерпывающей и все более расчлененной подаче лексики и словообразования польского языка, весьма детализированная праславянская реконструкция. Необычайная тщательность, характеризующая составление этого словаря в целом все последние годы, накладывает отпечаток и на осуществление названных выше стремлений автора. Отдельные авторские решения при этом (и в связи с этим) кажутся нам гиперкорректными и, следовательно, спорными. Так, отдельно поданные *łomikost 1* и *łomikost 2* (с. 177—178) с успехом могли бы уместиться в одной статье, второй случай представляет собой употребление того же сочетания морфем для калькирования нем. *Bein-bruch*. Формально правильная реконструкция и этимология *Łomża* < **lomъzati* (с. 184), вызывает сомнения, если обратить внимание на существенное несоответствие между древностью обозначаемого — города-укрепления в сев.-вост. Мазовше — и предлагаемого для него объяснения от глагола, к тому же — экспрессивного и неизвестного в польском. Более оправданным и хронологически, и топографически представляется объяснение *Łomża* < праслав. **lǫža* < **lǫg-j-a* 'луговая', даже если при этом придется считаться со случаем не совсем регулярной трактовки носового в польском (подобные факты, впрочем, известны, ср., напр., польск. *słomka* 'бекас', вместо *słąka*, см. Brückner 500). Формально благополучное соотнесение **loža* и **ležati* (с. 243) оказывается при ближайшем рассмотрении не вполне точным, поскольку упущена из виду существенная промежуточная стадия **lože* наличие которой позволяет толковать форму **loža* как вторичный femininum на *-a* из первоначального мн. ч. ср. р. в духе известной индоевропейской тенденции. Отсутствие славянских соответствий и.-е. **lat-* 'мокрый, сырой; болото, лужа' в словаре Покорного (см. Sławski, Op. cit., 220) еще не значит, что этих соответствий нет вообще в славянском, хотя в рецензируемом словаре как раз одно смешивается с другим (см. с. 218; но ср. с. 219, где обсуждаются конкретные продолжения и.-е. **lat-* в вост.-слав).

Любопытна реконструкция праслав. диал. **lopъ* 'лист', ср. макед. диал. *лоп* 'водяное растение, похожее на тюльпан', далее, сюда же лит. *lãpas* 'лист' (с. 200).

В настоящем выпуске словаря анализируется такое важное в индоевропейском сравнительном языкознании слово как и.-е. **lak̑s-*, праслав. **lososь*. В связи с этим необходимо исправить ошибку автора на с. 212, где говорится, что форму **lak̑s-o-* «может продолжать русск. *лох* 'лосось в период нереста'». Указанная русская (стар. и диал.) форма как раз не может восходить прямо к и.-е. **lak̑s-*, это последнее правильно отражено именно в русск. (и т. д.) *лосось*, потому что нормальным рефлексом и.-е. *k̑s* было только слав. *s*, ср. и.-е. **ak̑s-*: слав. **osь*. Появление слав. *x* как рефлекса и.-е. *k̑s* здесь невозможно, хронологически между отражением и.-е. *k̑s* > слав. *s* и появлением

слав. *x*, как известно, существует разрыв. Источником *x* в русск. *лох* послужило не *ks* (не смешивать с и.-е. *k̂s*!), а скорее всего экспрессивное суффигирование *-x/š-*, встречающееся в кратких и усеченных словах.

О. Н. Трубачев

Георгиев В. И., Заимов Й., Илчев Ст., Чалъков М., Тодоров Т., **Български етимологичен речник. Св. XI—XII (т. II): каластйр—качáк. София, 1976, с. 161—288;** ***Георгиев В. И., Заимов Й., Иванов Й., Илчев Ст., Тодоров Т.*** **Български етимологичен речник. Св. XIII—XIV (т. II): качамáк — клйкам. София, 1977, с. 289—448**

Продолжение «Болгарского этимологического словаря», рецензируемое ныне, представлено двумя весьма объемистыми (спаренными) выпусками. В них содержится значительная часть болгарской лексики на *К-*. Как и в других славянских языках, словарный состав на *к-* начальное чрезвычайно обширен и богат (достаточно сказать, что в этимологических словарях, по традиции слабо отражающих приставочные образования, буква *К* самая большая). К этому нужно добавить, что слова, начинающиеся на *к-*, оказываются средоточием множества трудных проблем собственно славянской этимологии (отражение исконно велярного или лабиовелярного индоевропейского задненебного, велярного коррелята индоевропейскому палатальному заднебному и т. д.). В довершение всего лексика на *к-* начальное в славянских языках, как правило, бывает критически перегружена всевозможнейшими поздними заимствованиями из разных языков. Эта характеристика в полной мере приложима к болгарскому лексикону на *к-*, где представлены все языки Леванта, затем (несколько менее многочисленные) заимствования из европейских языков. Грецизмы, турцизмы, вообще — заимствования преобладают на каждой словарной странице, например, над старой праславянской фондовой лексикой.

Как и предыдущие части этого словаря, рецензируемые выпуски XI—XII и XIII—XIV отличаются прежде всего богатством словника. Кроме слов болгарского литературного языка, здесь дается много диалектной лексики, причем не только из болгарских народных территориальных говоров, но и из социальных диалектов, арго: ученический, портняжный, воровской жаргон (тарикатски език). В словаре собрана масса полезной информации, но лексикографически это выполнено не всегда удачно, с частыми повторами, когда заглавными словами оказываются незначительные диалектные фонетические варианты одного и того же слова, а это влечет за собой многократное дублирование характеристик и определенную избыточность в подаче информации (примеры — ниже).

На с. 166 содержится неточное утверждение, что слово *калйбър* родственно слову *калъ̀п* (точно так же на с. 179 утверждается, что *калъ̀п* 'литейная форма', 'сапожная колодка' «родственно *калйбър* (см.)»). Разумеется, речь здесь может идти только о так называемых этимологических дублетах, когда два слова (или несколько слов) разными передаточными путями восходят к одному первоисточнику, в данном случае — через араб. *qālib* к греч. καλόπους, тогда как под родством принято понимать генетическую связь. Диал., редк. *кар*[1] 'рядом' производится прямо от *край* «с неясными фонетическими изменениями» (с. 228), однако нужно, очевидно, принять непосредственную производящую основу **krь*, как о том свидетельствует однородная структура наречных приставочных сложений ст.-слав. искрь 'близ' и болг. диал. *накар*, *покар* 'рядом, около'. На с. 233 приводятся как праславянские формы **krokъ*, **krokatъ*, тогда как следовало дать при этом их дометатезное состояние **korkъ*, **korkatъ*. Античное название города Балчика имело вид Κρουνοί (ср. В. В. Латышев. ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909, с. 227), а не Κρουνί, как на с. 244 словаря. На с. 252 ошибочно дано *корбсник* вместо *карбсник*. На с. 257—258 по-

мещены три отдельных словарных статьи, в которых анализируются варианты диалектного названия подснежника — *карчиджа́к*, *карчижи*, *ка́рчиче́к*, производимого (с небольшими оговорками) от тур. *karçiçeği* то же, что повторяется практически три раза подряд (см. сказанное выше об элементах избыточности). Гот. *hwaþjan*, *hwaþō* на с. 308 даны с опечаткой *hwapjan*, *hwapō*, ср. еще *hleipra* (с. 440), вместо правильного hleiþra. Слово из воровского жаргона *ке́нзам* 'ходя по голяма нужда', объясняемое в словаре (с. 329) из аориста от греч. κενώνω 'опорожнять', имеет смысл связать с греч. χέζω 'испражняться', откуда, например, происходит русск. диал. *хеза́ть* то же, жаргонное слово (см. о нем Фасмер IV, 233). Не раскрыт характер словообразования диалектного названия сорта винограда *керацау́да*, о котором говорится (с. 334) как о производном от *кера́ца*, слово греческого происхождения. Сказанного явно недостаточно, требуется отметить, что и *керацау́да* по способу словообразования и форманту — греческое слово. Трудно принять авторскую точку зрения, что *китя́са*, *китя́сва* 'заиндеветь, покрываться инеем, снегом' — производное от *кид* 'иней', наряду с *ки́дам* (с. 355). Здесь надлежит считаться с контаминацией двух разных праславянских основ — **kyd(ati)* и **kytiti*, ср. об этом ниже, на с. 392 (*кит* [2]). Лит. *kūpėti* 'кипеть' искажено на с. 378 до неузнаваемости. Крайним примером уже упоминавшейся словарной избыточности, в общем довольно характерной для рецензируемых выпусков словаря, могут служить статьи о названиях колодца, источника — *кла́денец* (с. 412—413), *кла́енец* (с. 413), *кла́йенец* (там же), *клайнц* (с. 414), *клайц* (там же), *кланц* (с. 417), *кла́няц* (с. 419), *кла́янц* (с. 427). Равноправная лексикографическая трактовка явных аллегроформ (см. с. 414), т. е. элементов речи, а не языка и тем самым — не словаря, вызывает большие сомнения. Точность и полнота словообразовательно-этимологического анализа в словаре нередко оставляют желать лучшего. Так, например, на с. 445 авторы прошли мимо того явного факта, что суф. *-ор*, выступающий в собирательных именах вроде диал. *кле́чор* 'палки', *железо́р*, *женоря́*, находится в определенной зависимости от румынского суффикса множественного числа существительных *-uri*, о чем говорит и география соответствующих болгарских диалектных образований — Софийский округ, Банат, западномизийские говоры.

О. Н. Трубачев

Schuster-Šewc H. **Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. 1 : A — bohot. Bautzen, 1978, S. XXXI + 48**

Уже довольно богатая литература по этимологической лексикографии славянских языков продолжает пополняться новыми полезными публикациями. Среди них — «Историко-этимологический словарь верхне- и нижнелужицкого языка» Х. Шустер-Шевца. «Создание этимологического словаря лужицких языков отвечает актуальной и настоятельной потребности славянского языкознания», — этими словами начинается предисловие автора. Он справедливо отмечает, далее, «что лужицкие языки до сих пор использовались для объяснения славянского словарного состава в целом слишком мало. При этом как раз знание серболужицкого имеет большое значение для славянских историко-этимологических исследований» («Vorwort», S. V).

Серболужицкого этимологического словаря до сих пор не существовало, что, естественно, повышает интерес к новому словарю Шустер-Шевца и вместе с тем налагает большую ответственность на автора этого первого и пока единственного справочника по серболужицкой этимологии. Поскольку для серболужицких языков нет также исторического словаря, автор сознательно расширяет привлечение данных письменной истории и придает своему труду характер историко-этимологического словаря. Бесспорной заслугой Шустер-Шевца явилось включение накопленного наукой диалектологического материала по обоим серболужицким языкам. Специфическая структура и назначение данного словаря двух языков ставили перед автором задачи практи-

ческой лексикографии. Отдельные решения при этом неизбежно условны, как, например, порядок, принимаемый автором, при котором сначала идет верхнелужицкое слово, потом — нижнелужицкое; нижнелужицкий открывает словарную статью, если верхнелужицкое соответствие отсутствует (ситуация, кстати, нередкая, когда речь идет о древних образованиях).

При оценке собственно этимологической части словаря нужно иметь в виду, что автор не преследовал далекоидущих целей, но ограничивался «преимущественно внутренней серболужицкой проблематикой» (S. VIII). Это чувствуется и в привлекаемой литературе, и в авторской трактовке общеславянской проблематики. Научное качество нового словаря снижают не эти сознательно налагаемые ограничения, а ряд опечаток и небрежностей, которые так и остались в тексте, несмотря на указания рецензента издательства («wissenschaftlicher Gutachter»), каковым официально является автор настоящего отзыва, что я считаю своим долгом отметить. Ср. напр. с. XI: prehladový, надо: prekladový; с. XII: Jegerov, надо: Jegorov; с. XIII: 1906 (год выхода I т. словаря Майрхофера), надо: 1956; с. XVI: Shavelov prahistory, надо: Shevelov prehistory (опечатка повторяется дважды в одной строке); с. XVII: Balto-slavisches Wörterbuch, надо: Baltisch-slavisches Wörterbuch; с. 1: ссылка на Этимологический словарь славянских языков, вып. 1, с. 33—34, неточно дана как ссылка на пробный выпуск аналогичного брненского словаря — ESlSl, надо: ESSJ; с. 15: франц. *békot*, надо: *bécot*; с. 41: Fraenkel IEW, надо: Fraenkel LEW.

Из своих замечаний по этимологии приведу следующие. Едва ли имеет смысл говорить об «исконном родстве» («urverwandt») междометий в.-луж., н.-луж. *aj* и нем. *ei* и т. д. (с. 3). Современное состояние изучения вопроса о происхождении слав. **baranъ* не дает оснований видеть в нем первоначальное звукоподражание, как думает автор (см. с. 11: «urspr. das Tier, das *bäh*- Laute ausstößt»). Н.-луж. *bacha* 'Fach, Auszugsfach' заимствовано из нем. *Fach*, а не родственно ему (так см. на с. 13). На с. 24 в.-луж. *bodla* мн. 'губки, грибы', н.-луж. *bedło* (и т. д.) неточно названы «только зап.-слав.», ср. сюда же русск. диал. *блица*, *блицы* 'грибы', см. Фасмер I, 176; ЭССЯ 3, 110. В одном ряду форм, родственных в.-луж. *běrc* 'сборщик налогов, судебный исполнитель', н.-луж. *běric*, чеш. *biřic*, русск. *бирюч*, словен. *biríč*, нельзя ставить ст.-польск. *zbier*, *zbir* 'подручный палача, убийца' (с. 27), которое заимствовано из ит. *sbirro*, как известно уже из словарей Миклошича и Бернекера. Праязыковая реконструкция **mędji očьje* на с. 35 неверна, так как переносит в праславянский позднюю назализацию, имевшую место в польском; надо — **medji*. Для меня так и осталось неясным, почему автор счел реконструкцию праслав. **bebrъ* «предпринятой на основе в.-луж. *běbr*» (с. 46), тогда как эта реконструкция в действительности основана на свидетельствах пяти славянских языков, а кроме того, ее поддерживают свидетельства производных форм и ономастики, приводимые в ЭССЯ 1, 173—175 и известные также автору рецензируемого словаря. Нет никаких оснований поэтому для заключения (рец. словарь, с. 47), что это «возможно, не исконное слав. слово, а преобразованное нем. заимствование *bibor* (⩽ ср.-в.-нем. *biber*)».

О. Н. Трубачев

Etymologie. Herausgegeben von Rüdiger Schmitt. (Wege der Forschung. Band CCCLXXIII). Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1977, 467 S.

Библиотека практической и теоретической этимологии индоевропейских языков весьма обширна и разнообразна, но теоретические исследования имеют по преимуществу форму статей. Достаточно полного изложения ни теории, ни истории этимологии (как справедливо отмечает один из авторов рецензируемого сборника, В. Зандерс) еще нет. В условиях продолжающегося подъема этимологии этот недостаток обобщающих трудов делается все

более ощутимым как для начинающих исследователей, так и для специалистов. Поэтому представляется вполне актуальным и существенным событием в этимологии выход в свет сборника статей по проблемам этимологии, составленного известным индоевропеистом Р. Шмиттом из ранее публиковавшихся в различных изданиях трудов.

Сборник состоит из краткого введения, восемнадцати статей, библиографии и указателей. Цель сборника его составитель определяет как стремление показать все аспекты этимологического исследования, не ограничиваясь каким-либо одним языком или даже группой языков, но учитывая специфику развития этимологии на почве различных филологий (романской, германской и т. д.) (с. 4—5). На составе сборника отразилась, разумеется, и широта этимологической позиции Р. Шмитта, которая определена во введении так: «Этимология должна прежде всего остерегаться слишком односторонней приверженности к одной из двух крайностей («корневая» этимология для наиболее отдаленного прошлого или — история слова). Она должна скорее объединить обе точки зрения и прослеживать историю рассматриваемого слова в целом, принимая во внимание как историю звуков и словообразования, так и историю значений; она должна объяснять связь с обозначаемой реалией и мотивацию слова. . ., рассматривать положение слова в системе лексики (как в общей, так и в частных системах); она не может упускать из вида также лингвогеографические соображения и т. д.» (с. 4). Соответственно в сборник вошли статьи, освещающие различные аспекты этимологии, как традиционные, так и новые (например, опыты формализации этимологических исследований). В некоторых (хотя и немногих) случаях разные статьи выражают весьма отличные, даже противоположные точки зрения относительно одной и той же проблемы (таковы вопросы о роли реконструкции первичной формы и значения в современной этимологии и о возможности синхронной этимологии). Однако всех авторов объединяет убеждение в перспективности развития этимологии и возможности совершенствования ее методов.

Примечательна хронология статей, включенных в сборник: четыре из них написаны в период 1905—1915 гг., две — в 30-е годы, остальные двенадцать — в 50-е — 70-е годы. Следовательно, читатель имеет возможность познакомиться с историей этимологической мысли,теоретическими и методологическими поисками этимологии с начала нашего века, но главное внимание обращено на современное состояние этимологической теории и методики.

Авторами статей являются ученые разных стран (в том числе два советских этимолога): В. И. Абаев, К. Бальдингер, Ж. Вандриес, В. Вартбург, Г. Дроздовский, В. Зандерс, Л. Киш, Ф. Клюге, К. Колер, М. Лейман, Г. Ломмель, Я. Малкель, О. Семереньи, Э. Таппоме, О. Н. Трубачев, Р. Турнейзен, С. Ульман, П. Шантрен.

Корпус статей открывается работой В. Зандерса, посвященной истории европейской этимологии (W. Sanders. Grundzüge und Wandlungen der Etymologie). Это, пожалуй, наиболее полный, хотя и компактный, очерк истории возникновения и развития этимологии как одной из древнейших отраслей языкознания, изменения ее целей и методов, формирования ее терминологии, начиная с античности и кончая 60-ми годами XX в. Основные моменты развития этимологии анализируются в связи с идеологическими и научными веяниями соответствующих времен и народов. Особенно интересным представляется прекрасно иллюстрированный конкретными этимологическими опусами и сопровождаемый обширной библиографией анализ этимологических учений I—XVIII вв. — периода, который, по определению Зандерса, мог бы быть назван мрачными веками этимологии, если бы накопленный за это время материал и опыт не послужил базой для становления и расцвета этимологии как науки в XIX в. (с. 41). Путь, пройденный этимологией, автор подытожил как переход от «простого толкования слова у древних, основанного на вытекающей из звучания и значения слова и по мере необходимости заново устанавливаемой для каждого слова связи понятий», к «пространному толкованию языка, которое должно в рамках общих языковых законов и истории

языка учитывать множество аспектов (таких, как структура слова, звуковые и семантические варианты, родственные индоевропейские связи, синонимические связи, план реалий и т. д.)» (с. 48).

Почти во всех работах этого тома так или иначе освещаются основные задачи и цели этимологических исследований. В своем изначальном смысле этимология — наука об «истинном» значении слова. С усложнением науки само понятие истоков, истинного значения эволюционировало, наполнялось новым содержанием. Накопленный опыт показал, что во многих случаях генетические связи удается довести лишь до определенного предела и далеко не всегда поддаются восстановлению первоначальное значение и первоначальная форма слова. Поэтому задача этимологии определяется чаще как восстановление самой ранней формы и самого раннего доступного значения безотносительно к первоначальному значению (Абаев, с. 287—288; Szemerényi, с. 288). Этимология не ограничивается данными документированного периода, а реконструирует доисторическое состояние для каждой ветви индоевропейских языков и для индоевропейского языка в целом. В понимании О. Семереньи индоевропейская этимология предполагает исследование в двух направлениях: 1) восстановление первоначальной формы и, если возможно, первоначального значения индоевропейского прототипа и 2) выяснение его последовательной истории до момента первой письменной фиксации родственными языками. Индоевропейский язык понимается как сложная, развитая система, из которой были унаследованы слова, а не корни (Thurneysen, с. 70; Szemerényi, с. 294).

Такому традиционному пониманию этимологии (étymologie-origine) противостоит новый подход к этимологии как истории слова (étymologie=≠histoire du mot). По мысли К. Бальдингера, этимология в современном семантическом смысле — это прежде всего история слова, его биография (Baldinger, s. 218—221). Отождествление этимологии с историей слова в основном характерно для романской этимологии, которая исследует языки с длительной письменной традицией (от латинского к романским языкам на протяжении 2 тыс. лет). Естественно, не совсем совпадают задачи этимологии для языков бесписьменных и языков с богатой письменной документацией, но этимология не равна письменной истории слова, и существует принципиальное различие между этимологическим и историческим словарем. Если исторический словарь базируется на данных письменных памятников, то этимология выходит за рамки, очерченные письменной традицией. Проблема реконструкции генетических связей и отношений встает в полном объеме для бесписьменных и младописьменных языков (Абаев, § 2). История слова предполагает восстановление идентичности лексических единиц на всем протяжении исторического развития. Историческая семантика может дать многое для раскрытия внутренней формы слова, но «в случае, когда этимология неизвестна, исследователь «histoire du mot» беспомощен потому, что отсутствие первоначальной формы и значения (=первоначального слова= этимона) лишает его той опоры, которая помогла бы избежать ошибок при восстановлении всего комплекса филиаций» (Szemerényi, с. 291).

Этимология исходит из отдельных, случайно сохранившихся фрагментов, поэтому этимологическое решение всегда носит гипотетический характер. В любом этимологическом словаре присутствуют этимологии достоверные, проблематичные, сомнительные, маловероятные. Во многих случаях одно и то же слово имеет не одно этимологическое истолкование. Для большого числа индоевропейских слов этимон остается неизвестным (Абаев, § 8).

Основным методом этимологического анализа является сравнение, сопоставление близкородственных слов и образований в рамках одного языка и нескольких родственных языков (Lommel, с. 157), при этом этимология не может ограничиться о д н и м языком (Kluge, с. 122). Сравнение слов еще не этимология, но часто ведет к этимологии (Kluge, с. 107). Результаты сравнения проецируются на плоскость праязыка. Реконструкция входит в число важных понятий этимологического анализа. Опираясь на сравнительно-исторический метод, этимология при реконструкции исходного этимона оперирует корнями. В индоевропейском языке корень не имел само-

стоятельного существования, это всего лишь вспомогательное средство исследования, лингвистическая абстракция. Конечная цель индоевропейской этимологии (die indogermanische Altertumskunde) — реконструкция основного словарного состава языка — основы (Lommel, с. 134).

Фонетический анализ слова является, пожалуй, наиболее древним аспектом этимологического исследования. Общепризнано, что становление этимологии как науки базировалось на открытии фонетических законов и что, в свою очередь, этимология является основой индоевропейской фонетики и теории аблаута. В настоящем сборнике значение фонетических законов как первого научного основания этимологии освещается Турнейзеном (с. 57—59), Ломмелем (с. 122—123), Абаевым (с. 186). Однако к началу XX в. обнаружение многочисленных нарушений фонетических законов поставило этимологов перед фактом недостаточности этих законов для анализа фонетической структуры слова. Как показывает работа Турнейзена, тогда же была признана необходимость внимания к индивидуальной судьбе слова, связанной с окружающей его лексической средой, что делает анализ менее механистичным (с. 67). Это направление преодоления недостаточности фонетических законов, совершенствования методов фонетического анализа получило дальнейшее развитие в требовании изучать «слабые» фонетические изменения, внимательно фиксировать в этимологических исследованиях спорадические изменения звуков, все те мелочи, которые остаются обычно вне поля зрения грамматики (Malkiel, с. 366—369), и в опытах сочетания фонетического анализа слова с его изучением в лексико-грамматической системе (Kohler, с. 415—418). Малкелем предложена также интересная программа изучения звуковой символики, звукоподражаний и экспрессивных явлений как факторов, существенно влияющих на фонетический облик слова. Предусматривается психологический анализ явлений, вызывающих сильную эмоциональную реакцию, в связи с анализом соответствующей лексики, и собственно лингвистический анализ отклонений от нейтральных форм (Malkiel, с. 375). Несмотря на критику младограмматической концепции о безысключительности фонетических законов, несоответствие предполагаемой этимологической трактовки слова известным фонетическим закономерностям остается и в современной этимологии показателем ненадежности данного решения (Szemerényi, с. 294—297).

Непременным и неоспоримым аспектом этимологического исследования признается издавна, значительно ранее научного становления этимологии, словообразовательный анализ (Thurneysen, с. 54—56). Необходимые научные предпосылки этого анализа: знание принципов словообразования, словообразовательных моделей, функций словообразовательных элементов, направления словообразовательных процессов, учет не только родственных анализируемому слову, но и производных от него образований — охарактеризованы в работе Клюге (с. 114—118). На некоторые периферийные явления словообразования, которые представляют особый интерес для этимологии (архаические суффиксы, аномальные соединения морфем) обратил внимание Малкель (с. 370). Но главным предметом обсуждения в этой области стал словообразовательный анализ на индоевропейском уровне. Эта проблема освещена в статьях Ломмеля и Леймана. Как показал опыт этимологизации уже в начале века, теории структуры индоевропейского корня и детерминативов, открыв возможности словообразовательного анализа на индоевропейском уровне, создали одновременно опасность чисто механического неограниченного членения основ, приводящего к однофонемным корням, что делает самый анализ неосновательным и неправдоподобным (Lommel, с. 129—130; Leumann, с. 160—162). Исследователи наметили два возможных направления совершенствования анализа: во-первых, ограничение выделения детерминативов случаями надежного тождества корней в рассматриваемых основах (Lommel, с. 131) и возможностью реконструкции функциональной (семантической) нагрузки детерминатива (Leumann, с. 162); во-вторых, поиски цельнословных соответствий в родственных языках и реконструкция для индоевропейского состояния не корней, а слов (Lommel, с. 132, 134). Однако параллельно отмечена трудность разграничения унаследованных

от индоевропейского праязыка слов от параллельных поздних образований в родственных языках (Leumann, с. 162; Szemerényi, с. 300), крайняя гипотетичность этимологизации слов, реконструируемых для индоевропейского состояния (Leumann, с. 163), и исчерпанность в основном цельнословных соответствий (Leumann, с. 165). Важнейшим условием реальной этимологизации признается максимальное внимание к деталям словообразовательной структуры слова, ее соотношения со структурой родственных образований в других языках и со структурой семантически связанных с данным словом образований (синонимов, антонимов) (Szemerényi, с. 301—306). Последовательный и тщательный словообразовательный анализ рассматривается как одно из средств заполнения пропасти между конкретной лексемой одного индоевропейского языка и индоевропейским корнем, к которому оно возводится (Leumann, с. 167), что является основным пороком корневой этимологии, который Жильерон едко охарактеризовал следующим образом: «Balzac, assis sur les genoux de sa nourrice, était vêtu d'une robe bleue, rayée de rouge. Il écrivit la «Comédie humaine» (Baldinger, с. 219).

В работах этого сборника большое внимание уделяется вопросам семантики в этимологическом анализе. Уже в прошлом веке осознали, что путь к правильной этимологии лежит через глубокое изучение реалий, широкое привлечение историко-семасиологического материала. Г. Шухардт считал существенной частью методики этимологических исследований объяснение основных отношений между «вещами и словами», и отводил в этимологии решающую роль семантическому критерию. Для Э. Тапполе одинаково неприемлемо как господствовавшие в этимологии XIX в. подчинение семантики фонетическим законам (ср. работы Тома и Дица), так и выдвижение семантики на первый план. Основа этимологии, по мысли Э. Тапполе, не в с у б о р д и н а ц и и, а в к о о р д и н а ц и и фонетической и семантической стороны языка.

Семантическое содержание каждого слова складывается индивидуально, поскольку отражает наследие прошлого и те процессы, которые характеризуют определенный синхронный срез. Отсюда требование индивидуального подхода к слову в статье Р. Турнейзена. В практике этимологических исследований интерес к судьбе отдельного слова сочетается с попытками наметить некоторые общие принципы исторической семантики. Пути семантических изменений сложны, индивидуальны и не укладываются в рамки строгих правил, законов. Но в разных языках наблюдаются общие тенденции, сходство, повторяемость семантических переходов. Г. Дроздовский видит основную задачу науки в том, чтобы выявить сходные типы семантических изменений, установить индоевропейские параллели в образовании понятий и значений (Drosdowski, с. 210—212). Сходную позицию занимает Э. Тапполе, подчеркивающий важность двух подходов в семантике: 1) изучение понятийного поля, 2) способы выражения сходных понятий в разных языках (Tappolet, с. 95). Для семантического обоснования этимологии, по мысли Э. Тапполе, необходима аргументация историческая и логическая, что предполагает три вида вспомогательных средств: 1) историческая документация, 2) параллельное развитие, 3) априорные соображения (Tappolet, с. 85). Семантическая подвижность и изменчивость затрагивает в разной степени разные пласты лексики. Некоторые лексические группы (названия животных, растений, частей тела и т. п.) отличает семантическая устойчивость, непрерывность во времени с эпохи и.-е. праязыка (ср. Lommel, с. 134; Wartburg, с. 144).

Именно на базе семантических исследований в противовес исторической этимологии складывается так называемая статическая этимология (Шантрэн) или дескриптивная (Ульман). Если классическая этимология ограничивалась лишь установлением начального и конечного момента в эволюции слова, то перед современной наукой стоит более сложная задача всестороннего изучения слова во всем многообразии его производных и отношений к другим группам слов на определенном синхронном срезе (Wartburg, с. 154; Ullmann, с. 436). Статическая этимология делает акцент на тех связях и отношениях, которые характеризуют слово в определенный исторический пе-

риод. Статья П. Шантрэна иллюстрирует и обосновывает это положение, показывает значение для этимологии фактора семантического взаимодействия слов, хронологической стратификации материала. В понимании С. Ульмана разграничение дескриптивного и статического подхода имеет прямое отношение к синонимии и омонимии: омонимии современного языка нередко соответствует полисемия на определенном историческом срезе, и, наоборот, полисемия может быть источником омонимии (Ullmann, с. 423—426). С. Ульман выдвигает принцип ассоциативной семантики, ассоциативного поля. Включение слова в ассоциативное поле 1) позволяет выявить случаи псевдосемантического развития, 2) помогает решению этимологически трудных вопросов, 3) вносит уточнения в общепринятые этимологии. На базе структурной семантики С. Ульман разрабатывает вопрос о разных типах мотивации (звукоподражание, морфологическая, семантическая), о принципах их изменений. Особое значение придается субъективным ассоциациям, которые нередко приводят к оживлению старых этимологических связей особенно в поэтическом творчестве.

В трактовке С. Ульмана представляется неубедительным резкое противопоставление исторической этимологии, занимающейся происхождением слова, и статической этимологии, основанной на формальных и семантических ассоциациях (Ullmann, с. 428). Едва ли оправдано выдвижение на первый план статической этимологии, так как конечная цель этимологии—реконструкция этимона — может быть достигнута только путем применения исторического метода. Этимология опирается на данные исторической лексикологии, исторической грамматики, хотя этимология не тождественна этим историческим дисциплинам и имеет свои задачи. В этой связи уместно привести мнение Я. Малькеля: «Но синхронная этимология, несмотря на авторитет Вандриеса, не что иное, как парадокс» (Malkiel, с. 347).

Все большее проникновение в теорию этимологии принципы системной организации лексики и осознание связи истории слова с его лексическим окружением выразилось в углубленном понимании явления контаминации, скрещения. Еще в начале века оно было для этимологов лишь аномалией, нарушающей действие фонетических законов. Работы Вандриеса и Балдингера показывают, что системный подход к лексике вскрывает в контаминации и скрещении закономерное следствие ассоциативных связей фонетически или семантически близких слов: семантическая близость определяет фонетические трансформации и формальное сближение (Baldinger, с. 229, 233—236), омонимическое сближение усиливается сближением значений до полного скрещения (Vendryes, с. 171, 175).

Как порождение синхронных ассоциативных связей слов толкуется и народная этимология (Chantraine, с. 399; Ullmann, с. 429). Вандриес, однако, видит принципиальное отличие народной этимологии от скрещения в том, что народная этимология возникает из непонимания формы и значения слова и появляется собственно в речи, тогда как скрещение — явление языка (с. 174—175). Впрочем, рассмотрение народной этимологии не входит в круг задач, определенных для сборника его составителем (Einleitung с. 5).

Принцип «Wörter und Sachen», выдвинутый в 19 веке как средство преодоления кабинетного, умозрительного характера этимологизирования, получил в XX в. дальнейшее развитие и углубление в этимологической теории и практике. Современная этимология требует не только соответствия предлагаемых решений миру реалий, историческому уровню (Abaev, с. 194—197; Wartburg, с. 145), но и выяснения общественных, социальных, культурных условий возникновения и дальнейшего бытования слова, поскольку только на такой основе возможна реальная реконструкция истории слова, изменений его формы и значения (см. тонкие наблюдения и толкования конкретного лексического материала: Wartburg, с. 138—140; ср. также Baldinger, с. 240—243). Объединение истории слова с историей человека, осознание генетической связи истории словарного состава со всеми сферами человеческой деятельности является, по Бальдингеру, важнейшим принципом и условием прогресса современной этимологии, который требует контакта этимологии с самыми различными отраслями знаний (Baldinger, с. 237, 246; см. также

Malkiel, c. 375—376). Одновременно отмечается двусторонняя направленность этого контакта: этимология не только опирается на данные других наук, но может дать истории (равно и истории материального производства, и истории духовной культуры) ценные сведения (Abaev, c. 197—198). Особенно существенна в этом отношении реконструкция лексики индоевропейских языков дописьменного периода, поскольку она является единственным источником для суждения о географических условиях жизни, контактах и передвижениях, общественном и политическом укладе, культуре и религии древних народов (Lommel, c. 134; Leumann, c. 164). Этимология может быть основой для изучения формирования человеческого сознания (Drosdowski, c. 211), для реконструкции древнейшей модели мира.

Этимология следует общей эволюции лингвистики. Основной постулат современной лингвистики состоит в том, что язык не набор отдельных элементов, а структура, система отношений взаимосвязанных элементов. Требование системного подхода уже давно стало основным и определяющим в этимологических исследованиях, при этом для этимологии оказываются действенными системы самых различных языковых уровней (формальные, семантические, ономасиологические, понятийные) (Baldinger, c. 223). В наше время этимологию потеснили современные структурные направления в языкознании, но в последние десятилетия наблюдается оживление этимологических исследований. Возрождение этимологии, укрепление ее позиций в науке исследователи связывают с обновлением методики и теории этимологических исследований. В критический момент реорганизации человеческих знаний этимология нуждается в прочном теоретическом фундаменте (Malkiel, c. 376). В теоретическом осмыслении этимологии исследователи идут разными путями.

К. Колер считает, что единственная возможность поставить этимологию на прочную базу, свободную от всяких проявлений субъективизма, — это определить ее место в общей теории языка. Лингвистическая теория оперирует законами, и одним из ее постулатов является фонетический закон. Колер трактует фонетический закон как теоретический конструкт, как обобщение эмпирических данных, факт метаязыка лингвистики, а не самого языка. Дальнейшее развитие и совершенствование этимологии К. Колер ставит в зависимость от введения в науку других постулатов.

В работе О. Семереньи дается по существу типологическое обобщение опыта этимологических исследований. Он формулирует шесть принципов, которые определяют правила применения в конкретном анализе фонетических, словообразовательных, семантических и географических критериев. Географический критерий развернут в виде трех принципов и основан на опыте лингвогеографического изучения индоевропейской лексики. Сам автор осознает, что выдвинутые им принципы не исчерпывают всего опыта этимологии. Они лишь предостерегают против некритического отношения к общепринятым сравнениям и показывают те возможности, которыми располагает исследователь. Лишь комплексное применение всех обозначенных критериев — условие надежности этимологического решения. Эти положения О. Семереньи иллюстрирует большим конкретным материалом и убедительно показывает ненадежность, недостоверность многих общепринятых этимологий, в системе доказательств которых не учитывается тот или иной критерий.

Я. Малькель дает интересное освещение вопроса о соотношении субъективного и логического в этимологии. Перспективы этимологии Я. Малькель видит в углублении общей теории, установлении этимологических универсалий, разработке типологии этимологических исследований, типологии проблем и решений. Экономному и точному изложению результатов исследования помогает применение новых вспомогательных средств (генерализация и стандартизация). Из того факта, что этимология оперирует гипотетическими построениями, реконструкциями, вытекает элемент случайности, субъективности в оценке этимологического решения. Этимология в большей степени, чем грамматика, связана с проявлением индивидуальных особенностей исследователя, его таланта, способности к острым и неожиданным решениям, предполагает знание законов развития языка и широкую культурно-историческую подготовку. В трактовке Я. Малькеля этимология —

наука и искусство. Работа Я. Малькеля — один из первых опытов теоретического осмысления составных частей основного корпуса этимологических исследований.

Статья Л. Киша знакомит читателя с опытом формализации и математизации этимологии, приближения ее к точным наукам. Предлагаемые в работах Росса, Хэмпа, Рудницкого математические формулы для выражения этимологических решений дают упрощенное представление об этимологии слова. Они исключают из рассмотрения, как показал В. Н. Топоров, 1) структурные правила морфо-семантического поля, 2) законы развития слова, 3) внутрисистемные отношения и многие другие аспекты (Kiss, с. 380). В механические правила не укладывается интуиция исследователя, его способность открывать новые неожиданные связи, отношения. «Этимологические исследования, конечно, не могут быть сведены к точным, определенным математическим формулам», — замечает О. Семереньи (Szemerényi, с. 346). Осознавая недостатки этого подхода, Л. Киш видит в формализации один из способов построения типологии этимологических исследований.

Важность географического критерия в этимологических исследованиях подчеркивается многими авторами этого сборника (ср. Wartburg, с. 141; Szemerényi, с. 325, 335). Этой проблеме целиком посвящена статья О. Н. Трубачева «Лингвистическая география и этимологические исследования», опубликованная впервые в 1959 г. на страницах журнала «Вопросы языкознания». Лингвистическая география, исследующая распространение языковых явлений, процессы интерференции на смежной территории, является дополнительным критерием, «необходимость в котором тем выше, чем обрывочнее материал и чем сложнее выводы самого исследования» (с. 285). Этимология и лингвистическая география тесно взаимосвязаны и взаимно обогащают друг друга. Критерий распространенности слова очень важно иметь в виду при решении вопроса, является ли изучаемое слово исконным в языке или заимствованным, и если заимствованным, то из какого языка и какого диалекта языка-источника (Wartburg, с. 142—143). Локально ограниченные этимологические соответствия, охватывающие лишь часть исследуемой территории, дают новый материал для освещения ряда проблем и, в частности, для реконструкции диалектной карты языка-основы. При изучении взаимоотношений между диалектами, особенно в условиях языкового союза, важное значение имеет положение лингвистической географии о распространении инноваций из центра иррадиации путем субституций. С этим положением связано методологически важное разграничение явлений унаследованных и новых. Факты лингвистической географии важны при изучении этнонимов и исследовании этногенетических проблем.

К сборнику приложена библиография (153 названия), в которую вошли работы общеметодологического характера. Основную часть библиографии составляют исследования последних трех десятилетий с начала 50-х годов, хотя в общем списке представлены работы прошлого века, первой половины нашего столетия и одна работа XVIII в. (под номером 3). Избирательный характер библиографии определяется общей установкой сборника: отобраны лишь те исследования (статьи, монографии), которые имеют отношение к проблематике, обсуждаемой на страницах настоящего тома.

В целом сборник удачным подбором статей дает панорамный обзор состояния этимологии в исторической перспективе на всем протяжении нашего века от кризиса младограмматизма до утверждения структурных направлений в языкознании. Внутреннее развитие этимологии шло в общем русле лингвистических исканий. Если в начале века в полемике с младограмматиками исследователи обсуждали возможности фонетического критерия и обосновывали необходимость и обязательность учета в этимологии разных факторов, в том числе фонетического, то в наше время можно считать вполне доказанным и утвердившимся положение об этимологии как науке сложной, опирающейся в своей методике на синтез разнообразных критериев и широкие культурно-исторические знания. Если в прошлом господствовал исторический подход к фактам языка, то с появлением структурных методов основной интерес переместился в область синхронии. Структурное языко-

знание обогатило этимологию положением о системном характере языковых отношений на всех уровнях, но вместе с тем установка на исследование синхронных структур вызвала к жизни такое понятие, как статическая этимология, понятие, ограничивающее задачи и цели этимологии. Этимология — наука прежде всего историческая, но реконструкция этимона предполагает исследование системных отношений разных синхронных срезов. Из работ последних десятилетий видно, что усилия этимологов направлены на углубленную разработку основных этимологических критериев и установление принципов взаимодействия, взаимозависимости различных критериев в ходе лингвистического анализа. На очереди построение общей типологии и теории этимологических исследований. С этим связан интерес к вопросу об отношении этимологии к точным наукам, к вопросу о том, как и в какой степени возможна формализация исследовательского процесса.

Этимология вступает в качественно новый период своего развития. Свидетельство тому — оживление интереса к этимологии, твердое осознание комплексного характера этимологической науки и первые опыты типологических построений.

Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина

***Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977, 336 с.**

Рецензируемая монография Р. М. Цейтлин, известного палеослависта-лексиколога и лексикографа, безусловно, представляет значительный вклад в изучение лексики и словообразования старославянского языка. Начинающаяся с небольшого предисловия и завершающаяся рядом приложений, она состоит из трех частей. В вводной части «Общая характеристика словарного состава» (с. 7—67) автор ставит и разрешает ряд вопросов, связанных с общей проблематикой исследования. В первом разделе этой части Р. М. Цейтлин вновь возвращается к выяснению значения термина «старославянский язык», который понимается «различными исследователями многозначно» (с. 7). Сам автор определяет старославянский как «письменно-литературный язык, которым владели книжники культурных центров Юго-Западной (Македонской) и Восточной Болгарии конца X—XI в. и на котором написаны древнеболгарские рукописи этого времени» (с. 12).

И хотя такое понимание термина «старославянский язык», конечно, имеет определенные основания, однако рецензент не может его разделить с автором монографии. Старославянским как литературно-письменным языком владели книжники разных культурных центров, в том числе и прежде всего там, где протекала деятельность самих славянских просветителей, в Моравии и Паннонии. Такое ограничительное понимание термина «старославянский язык» связано у Р. М. Цейтлин с тем, что непосредственными и прямыми источниками для нее являются лишь 17 памятников древнеболгарского извода, определяемого, как известно, в основном фонетическими показателями. Памятники X—XI вв. других изводов, «в том числе и те, древнеболгарское происхождение которых несомненно» (с. 14), отнесены Р. М. Цейтлин к церковнославянским. При таком определении объема исследуемых рукописей возникает естественный и закономерный вопрос, насколько репрезентативны данные этих памятников для описания лексической системы литературно-письменного языка, каким владели книжники Болгарии в двух ее культурно-исторических центрах. Ведь хорошо известно, что собственно древнеболгарские памятники «представляют собою ж а л к и е (разрядка моя. — *Т. И.*) остатки некогда, без сомнения, обширной двухазбучной древнеболгарской письменности, случайно сохраненные судьбою от гибели в разных местах вне

пределов своей родины и дошедшие до нас в самом неприглядном виде»[1]. Достаточно в этом случае указать, например, на недавно открытую дефектную рукопись Енинского апостола, содержащую всего 39 листов (т. е. далеко не полный текст апостола), которая, однако, позволила значительно пополнить наши сведения о лексике старославянского языка, см. 31 с. рецензируемой книги[2]. Даже такой литературный памятник, как евангелие, дошедший до нас в четырех больших по объему рукописях, безусловно, имелся в значительно большем количестве списков, некоторые из которых дошли до нас либо в виде отдельных листков (лл. Ундольского, Охридские), либо как палимпсесты (Боянский и Зографский пал.). Более того, как это убедительно показано самой Р. М. Цейтлин, каждое из этих евангелий имеет ряд лексических особенностей, присущих только одной конкретной рукописи, иначе — отражает или индивидуальные особенности языка писца данной рукописи, или черты протографа (протографов!), или, что тоже не лишено вероятности, характерные черты особой писцовой школы. В палеославистике известны попытки расширить круг известных нам школ старославянской книжности[3]. В связи со сказанным выразим сожаление, что в основной корпус исследованных рукописей не были внесены все остальные, известные нам памятники славянской письменности того же синхронного среза (X—XI вв.), в особенности те, которые несомненно являлись списками с древнеболгарских рукописей, какими в большинстве своем были древнерусские рукописи XI в. Заметим, что и сама Р. М. Цейтлин хорошо понимает, что «до нас дошли далеко не все рукописи, написанные на СЯ», и что более всего из-за этого «страдают наши знания СЯ в области лексики» (с. 19). Вместе с тем она упрекает многих авторов за то, что они в своих работах приводят в качестве иллюстративного материала такие слова, каких нет в старославянских памятниках, и на с. 21 «в качестве доказательства» приводит сто подобных слов. Однако в большинстве своем это слова либо типа говѧдо, существование которых в старославянском языке подтверждается, что признает и Р. М. Цейтлин, производными от них словами, зафиксированными в старославянских памятниках, либо типа босъ, мравии, доказать отсутствие которых в старославянском языке нельзя. Напротив, то обстоятельство, что подобные слова засвидетельствованы в памятниках письменности, возникших в ту же эпоху, что и изученные Р. М. Цейтлин рукописи, позволяет отнести их к лексическому составу старославянского языка (см. Сл. ЧСАН, т. I, с. 138, т. II, с. 232; ср. также употребление в Синайском патерике, памятнике русского извода конца XI в., слов босъ, л. 118.18 и мравии, л. 128 об., 16). Конечно, Р. М. Цейтлин совершенно права, что слова, подобные *драгоцѣньнъ* и *младость*, отсутствовали в старославянском языке. Но чтобы доказать это, потребовались специальные разыскания автора монографии. Думается, что также излишне прямолинейно решает автор и вопрос о «мнимых» словообразовательных формантах старославянского языка (с. 25). Так, суф. им-зафиксирован в слове женима в Номоканоне, переводчиком которого, возможно, был Мефодий (см. Сл. ЧСАН, т. I, с. 598), а также в том же слове и в Синайском патерике, л. 19 об., 15—16. Что касается приставки-предлога чрѣзъ, то, как мне кажется, более права болгарская исследовательница Р. Павлова, писавшая о том, что отсутствие этого форманта в древнеболгарских текстах «не является достаточным, чтобы полностью исключить употребление чрѣзъ в старославянском языке». Поскольку «сохранившиеся древнеболгарские

[1] *Соболевский А. И.* Древний церковнославянский язык. Фонетика. М., 1891, с. 12.

[2] См. также *Копыленко М. М.* Рец.: *Мирчев К., Кодов Хр.* Енински Апостол. Старобългарски паметник от XI век. — ВЯ, 1966, № 4, с. 159—160; *Он же.* Материалы для словаря раннего древнеславянского литературного языка, I. М., 1977, с. 7—10.

[3] *Гълъбов И.* Ранни школи на старият български книжовен език. — Български език, 1968, г. XVIII, кн. 2—3, с. 141—148.

тексты дают очень неполное представление о богатстве древнеболгарского языка», а предлог-приставка чрѣзъ имела «низкую частоту употребления», то «можно предполагать, — пишет Р. Павлова, — что древнейший материал, которым мы располагаем, мог и не отразить употребление этого грамматического средства». Далее, ссылаясь на исследование Э. Благовой, Р. Павлова приводит косвенные доказательства того, что этот формант вполне мог быть в старославянском языке [4].

Таким образом, все, изложенное выше, дает основание полагать, что материал только 17 памятников, больше половины которых очень невелико по объему, вряд ли совершенно достаточен для описания лексической системы старославянского языка, даже в том узком понимании этого термина, которого придерживается Р. М. Цейтлин. Поэтому представляется вполне закономерным привлечение словарных данных и других памятников, отнесенных автором к церковнославянским. И хотя в специальных частях данные этих памятников нашли отражение, однако, как нам кажется, они используются автором недостаточно.

В следующих разделах вводной части исследования Р. М. Цейтлин останавливается на более специальных вопросах. Так, раздел «Количественная характеристика словарного состава старославянских памятников» (с. 26—43) содержит разнообразные статистические данные, интересные и показательные в разных отношениях, которые, несомненно, во многом уточняют известные нам сведения о лексике древнейших памятников славянской письменности. В разделе «О дифференциации лексики старославянских памятников» (с. 43—54) вводится важное разграничение между «словами общестарославянского распространения» и словами, известными лишь в одном из старославянских памятников или в определенной группе их. По-новому решается вопрос о соотношении охридской и преславской лексики. На разнообразном материале аргументировано доказывается, что лексика Охридской книжной школы в большинстве своем была общестарославянского распространения. Однако в связи с тем, что «культурные школы, существовавшие в древней Болгарии и в соседних с нею землях, развивались во взаимодействии и испытывали взаимное влияние» (с. 50), восточноболгарские (преславские) слова могли проникать в памятники западноболгарского происхождения. Здесь же убедительно обосновывается необходимость разграничения лексических дублетов (разнокоренных слов), а также фонетических и словообразовательных вариантов (однокоренных слов) как слов, генетически принадлежащих разным системам (языкам, говорам), от синонимов, которые в отличие от дублетов и вариантов «принадлежат генетически, как правило, к одной языковой системе» (с. 52).

Ученый школы Г. О. Винокура, Р. М. Цейтлин в своем описании лексической системы старославянского языка следует за теми исследователями, которые в той или иной степени развивают идеи ее учителя. Так, вслед за Г. О. Винокуром вводится понятие «мотивирующего» и «мотивированного» слова. При этом исторически производные существительные типа жиръ в работе рассматриваются как простые, немотивированные слова.

Первая специальная часть (с. 68—185) монографии Р. М. Цейтлин посвящена описанию суффиксальных существительных двух семантических категорий (категории лица и абстрактных). В работе тщательно описаны засвидетельствованные в старославянских памятниках мотивированные слова с суффиксами -ьникъ, -ѥникъ, -(н)тель, -ьць, -арь, -чии, -ьца, -јьца, -ота, -атаи, -таи, -ица (-ьница), -ынн, а также с суффиксами -ьство, -ьствиѥ, -ость (-ѥсть), -ѹта (-ѥта), -ынѧ, -изна. Здесь мы находим много интересных наблюдений. Напр., уточняется значение слова засѣдьникъ как 'тайно подкупленный, наущенный' (с. 73). Следовало бы только отметить, что это значение вторично и, как кажется, обусловленно пере-

[4] *Павлова Р.* Пространственные конструкции в древнерусском языке в сопоставлении с древнеболгарским языком. София, 1977, с. 125.

носным значением греч. ἐγκάθετος[5]. Точно так же интересны замечания автора в отношении слов съборьникъ (с. 85), казньць (с. 112), клеветарь (с. 117) и многих др.

Однако некоторые выводы, к которым приходит Р. М. Цейтлин, представляются иногда в достаточной степени спорными. Так, вряд ли можно безусловно согласиться с автором в том, что «все слова данных семантических категорий... не являются кальками своих греч. соответствий» (с. 181). Думается, трудно доказать, что ст.-сл. отъходьникъ, отъшьльць, ошьльць не являются кальками греч. ἀναχωρητής. В связи с этим кажется достаточно категоричным утверждение автора, что «все лексемы рассмотренных моделей — славянские по своему происхождению и образованию» (с. 182).

Вызывают сомнение некоторые критерии, используемые Р. М. Цейтлин для определения продуктивности той или иной словообразовательной модели. Так, с ее точки зрения, о высокой продуктивности суффиксальных образований на -ьство «свидетельствует значительное количество прилагательных и глаголов СП, образованных (прямо или опосредствованно) от существительных этой группы» (с. 158), ср. тоже на с. 169, 175, 183. Кажется, что мотивирующими лексемами могут быть в равной степени и слова непродуктивных моделей, а частотность мотивированных и продуктивность мотивирующих лексем не обязательно находятся в причинно-следственной связи.

Третья часть монографии Р. М. Цейтлин посвящена сложным словам (с. 186—284). В ней рассмотрено 611 сложений с учетом шести возможных типов соотношения между греч. оригиналом и слав. переводом, о которых говорится в предварительных замечаниях. И в этой части мы находим много тонких и интересных наблюдений. Так, нужно согласиться с Р. М. Цейтлин в том, что сложения-причастия, безусловно, были первичными по отношению к личным формам глагола, а поэтому «выделение в словарях СЯ инфинитивов типа дльготрьпѣти, нѣмоглаголати, саморасти следует признать искусственным» (с. 281). Автор справедливо критикует ряд изданий старославянских памятников, в которых факты соположения (юкстапозиции) интерпретированы как сложные слова (с. 281). Общие выводы этой части исследования сомнений не вызывают, они вытекают из рассмотренного материала и хорошо аргументированы.

Монография Р. М. Цейтлин оканчивается рядом приложений, среди которых имеется библиографический список работ, упоминаемых в тексте книги (с. 297—310). Однако он не полностью отражает использованную автором литературу вопроса. Так, например, на ряде страниц книги имеется ссылка на исследование Ж. Ж. Варбот «Древнерусское именное словообразование», в библиографии же оно не указано. Точно так же в библиографии нет указания на работу С. В. Фроловой, ссылка на которую имеется на с. 27. В заключение следует сказать, что несмотря на чрезвычайно возросшее количество работ, связанных с проблематикой исследования, Р. М. Цейтлин прекрасно известна литература вопроса как общего, так и частного характера. С сожалением приходится отметить, что она не смогла использовать в своей работе «A patristic Greek Lexicon» H. W. Lampe. По-видимому, осталась ей неизвестной и монография Св. Николича «Nomina agentis у старословенском језику».

Книга Р. М. Цейтлин — большой и обстоятельный труд, без которого, безусловно, не смогут обойтись будущие исследователи лексики и словообразования старославянского языка. Палеославистика с выходом в свет рецензируемой книги пополнилась еще одним интересным и полезным трудом.

Т. А. Иванова

---

[5] *Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods. Boston, 1870, p. 413.

***Шагиров А. К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, т. I (А—Н), т. II (П—I). М., 1977.**

Двухтомный «Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков» А. К. Шагирова представляет собой первое в своем роде издание по младописьменным и бесписьменным автохтонным языкам Кавказа. Выход словаря открывает новую страницу не только для собственно адыгского или западнокавказского языкознания, но и всего кавказоведения, весьма бедного этимологическими исследованиями. Общекавказская значимость словаря обусловлена отнюдь не тем, что он представляет первый опыт подобного исследования младописьменного автохтонного кавказского языка, а его содержанием, кругом проблем, поднимаемого в нем. Устанавливая этимологию адыгских слов, А. К. Шагиров не ограничивает глубину исследования рамками западнокавказского хронологического уровня. В словаре находим большое число общекавказских и межгрупповых сравнений.

В процессе подготовки словаря к изданию А. К. Шагиров обобщил огромную литературу как по теме работы, так и по смежным специальностям. Надо отметить, что в данном случае такая работа представляла исключительно большие трудности ввиду отсутствия сводных изданий по вопросам историко-генетического и этимологического исследования кавказских языков вообще и западнокавказских языков в частности. Проанализированная автором специальная литература разбросана по бесчисленным изданиям, значительная часть которых труднодоступна для исследователя. Сбор, обобщение и критический анализ этой литературы высоко поднимает значение словаря.

Как известно, кабардинский и адыгейский языки весьма близки между собой и близость их граничит с взаимопониманием говорящих. Этимологическое исследование таких ближайше родственных языков, не располагающих древнеписьменными памятниками, сопряжено с большими трудностями. Родственные языки (абхазский, абазинский и убыхский) находятся в такой степени родства с адыгскими, что без специальных доказательств не всегда удается достоверно установить генетическое тождество их материала с адыгским.

Если оставить в стороне ранние опыты Н. Трубецкого и Ж. Дюмезиля [1], а также отдельные этимологические этюды Г. В. Рогава [2], то специальные этимологические исследования стали достоянием западнокавказского языкознания совсем недавно, когда появились две статьи Г. А. Климова [3].

Несмотря на отсутствие в адыгском языкознании специальных этимологических исследований, предпосылки для создания настоящего этимологического словаря были уже налицо благодаря успехам западнокавказской компаративистики и диалектологии. Автор рецензируемого этимологического словаря сам внес весомый вклад в развитие этих отраслей западнокавказского языкознания. Анализ опубликованных им работ приводит к выводу, что этот труд является закономерным результатом всей предшествующей его научной деятельности.

Обширные познания в области смежных языков помогли автору расширить круг привлекаемого материала. Налицо также широкое привлечение

---

[1] Ср. *Trubetzkoy N.* Nordkaukasische Wortgleichungen. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXXVII, H. 1—2 (19); Idem. Remargues sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase septentrional. Mèmoires de la société de linguistique de Paris, t. 25, f. 5 (1921); *Dumézil G.* Caucasique du Nord-west et parlers scythiques. — Istituto orientale di Napoli Annali, V (1963).

[2] Ср. напр., *Рогава Г. В.* К этимологии адыгейского слова Тһᵊă 'бог'. — Иберийско-кавказское языкознание, II, 1948, с. 45—48.

[3] Ср. *Климов Г. А.* Абхазско-адыгские этимологии. I (исконный фонд). — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 296—306; *Он же.* Абхазско-адыгские этимологии. II (заимствованный фонд). — В кн. Этимология 1966. М., 1968, с. 289—295.

данных языковой типологии, диалектологии, истории, этнографии и других смежных наук. Обширный экстралингвистический фон не заслоняет собой собственно языковой материал и в этимологических объяснениях и играет только вспомогательную роль.

Отметив, что в прошлом, как и ныне, словосложение играло главную роль в образовании новых слов в адыгских языках, А. К. Шагиров избрал правильный путь анализа этимологизируемых основ. Выявляя производность многосложных основ, превратившихся в простые в результате полной утраты этимологических связей ее компонентами, автор выполняет работу, имеющую большое методическое значение. Адекватная историческая оценка словообразовательно-морфологической структуры основ западнокавказского типа позволила расчленить композиты на составляющие элементы.

Многие этимологические толкования автора рецензируемого словаря не только интересны, но и весьма оригинальны, несколько неожиданны, но всегда логичны (ср. *бжъакъIуэ* 'рог', *бжъэпэ* 'выступ возвышенности', 'взгорье', *бэлацэ* / *пырац*, *бырац* 'лохматый', 'мохнатый', *бжэн* / *пчэны* 'коза', *бжъыхьэ* / *бжыхьэ* 'осень', *бзаджэ* 'злой', 'хитрый', 'баловник', *бзэмыIу* 'не знающий языка окружающих', 'говорящий на ломаном языке', *вагъуэ* / *жъуагъуэ* 'звезда' и др.

Без тонкого языкового чутья трудно обнаружить производный характер таких основ, как *пабжъэ* 'кустарник', 'кусты', 'заросли', 'бурьян'. Автор сумел дать убедительную этимологию этого слова, увязав элемент *па* < **пэ* с таким же деэтимологизированным словом родственных языков, выделенным им из исторических композитов (убых. *пэцуэ* 'отруби', *пэпIкъIьэ* — то же самое, *пэсы* 'древесина бука'). Второй компонент данного композита автором увязывается с тем же элементом в словах *бжъэпэ* 'выступ возвышенности', 'взгорье', *бжъакъIуэ* 'рог'. Исходным этимологическим значением он предполагает у этого слова 'то, что выдается, возвышается'. Такое же этимологическое значение следует находить и у восточнокавказских основ с корневым латеральным абруптивом *кь*, закономерно отвечающим адыгскому *жъ*[4]: **кьвад-* 'скала', 'утес', 'круча', **ракьа* 'кость', **кьа* 'ручка'.

Выявляя этимологию адыгских слов, А. К. Шагиров обогатил абхазско-адыгскую компаративистику целым рядом новых словарных сравнений, внес коррективы в ранее установленные соположения.

Словарные статьи характеризуются полнотой информаций: приведены все возможные значения основ, их наличные фонетические варианты, библиографические сведения, связанные с этимологической разработкой, критический анализ существующих мнений. При привлечении убыхского материала делается ссылка на источник, что необходимо ввиду наличия определенного разнобоя в подаче убыхских слов в различных словарях и других изданиях. Автор уделяет должное внимание трудам своих предшественников, так или иначе коснувшихся генезиса и этимологических связей анализируемых основ. Объективно и на должном профессиональном уровне дает оценку их мнениям. Неприемлемые с его точки зрения мнения отвергаются вполне корректно.

Благодаря этимологическим разысканиям А. К. Шагирова, стало возможным рассмотрение под новым углом зрения генезиса целого ряда адыгских основ. Так, например, обнаружилось иноязычное происхождение многих адыгских лексических единиц, исконное происхождение которых до настоящего времени не подвергалось сомнению, например: *бэджынэ* 'кисель', *догуэ* 'минутку', 'подожди', *бэлагъ* 'деревянная лопатка для размешивания мамалыги, каши', *без* 'вощина' и др.

В тех случаях, когда иноязычное происхождение слова недостаточно очевидно, автор осторожно выражает свое мнение о заимствованном характере. Например, в отношении слова *бэлэрыгъын* 'потерять осторожность' указывает только на вероятность тюркского происхождения, что, как нам

---

[4] *Абдоков А. И.* К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1976, с. 52.

кажется, не лишено основания. Глагол *бэлэрыгъын* восходит к именной основе *бэлэрыгъ* 'беспечный', 'неосторожный'. Последняя с позиции адыгских языков мотивирована: *бэ* 'много', *лэ* — корень устаревшего глагола со значением 'обмануться' (убых. *лэ-*, абх.-абаз. *жьа-* 'обманывать'), *рыгъ* — непродуктивный суффикс, производящий от глаголов основы с атрибутивным значением (ср.: *нэрыгъ* 'упрямый', 'настойчивый', где *нэ-* — корень глагола 'застрять', 'упереться'). Слово *бэлэрыгъ* 'беспечный', 'неосторожный' следует считать древним адыгским композитом с этимологическим значением 'многоошибающийся', 'склонный к ошибкам, промахам'.

Но в некоторых случаях иноязычное толкование слов кажется натянутым. Толкуемое как тюркское заимствование кабардинское *джыдэ* 'топор' фонетически не восходит ни к одной тюркской форме (алт. *йыда*, шор., хакас., уйгур. *чыда* 'копье', 'пика', тур., чагат. *джида* 'дротик'). Отмечаемая самим автором старая кабардинская форма, употребляемая и ныне старшими представителями носителей кабардинского языка, звучит как *гъыдэ*. На наш взгляд, слово является отглагольным именем. Элемент *гъы* этимологически связан с глаголом *йэпы-джы-н* < **йэ-пы-гъы-н* 'боднуть', 'ткнуть острым концом', *пы-джэ-н* 'бодаться', 'бить острым концом'. Корень без застывшего преверба сохранен шапсугским диалектом адыгейского языка: *гъа-хьы-н* 'полоть', 'обполоть' (элемент *хьы* указывает на действие вокруг чего-либо). Этимологические связи данного корня выходят за рамки адыгских языков. Ср.: вайнах. *āга* 'продолбить', 'долбить', *диг* 'топор', бацб. *дикI*, табас. *йакI*, лак. *рикI*, агул., лезг., цахур. *йакIв* — то же самое. Наличие абруптива *кI* вместо звонкого *г* в бацбийском и дагестанских — явление закономерное (ср.: адыг. *гуы*, вайнах. *дуог*, бацб. *докI*, табас. *йукI*, лак. *дакIв*, агул. *йиркIв*, лезг. *рикI*, цахур. *йикI* 'сердце'). Начальные *д*, *р*, *й* в восточнокавказских корреспонденциях являются окаменевшими классными показателями [5]. Элемент *дэ* в кабардинском **гъыдэ* следует считать орудным суффиксом, находимым самим автором в составе слова *Iэдэ* 'клещи', 'щипцы'. Этимологически его также следует увязать с показателем инструменталиса и эргатива в восточнокавказских — *-да*/*-д*.

Этимологизируя слово *джанэ* / *джан* 'рубашка', А. К. Шагиров приводит мнение В. И. Абаева о связи этого слова с индоевропейскими названиями конопли без каких-либо комментариев. Здесь можно было отметить возможную связь основы с глаголом *джэ-н* 'прясть', имеющим параллели в восточнокавказских языках: вайнах. *йа-г-ар* 'плести', цез. *экIа* 'прясть'. Этимологически *джанэ* / *джан* < **гъанэ* в прошлом означало, следует полагать, 'изделие из пряжи'.

Фонетическая и словообразовательно-морфологическая структура адыгских языков в основном сложилась в общеадыгский период. Видимо, по этой причине автор счел излишним возведение кабардинских и адыгейских форм к праязыковым формам. Хотя фонетические различия специально оговорены во вводной части словаря, желательно было бы указание в словарных статьях на исходность той или иной формы. В одних случаях кабардинские формы являются исходными (*махуэ* / *мафэ* 'день', *нэху* / *нэф* 'свет' и др.), а в других — адыгейские (*мафIэ* / *машъIуэ* 'огонь', *вы* / *цуы* 'бык', *вэн* / *жъуэн* 'пахать' и др.), в третьих — ни одна из форм не является исходной (*бжы* / *пчы* 'пика', *бжэ* / *пчъэ* 'дверь', *дзэ* / *цэ* 'зуб' и т. д.). В последнем случае исходные формы сохранены бжедугским и шапсугским диалектами адыгейского языка, что желательно было отметить.

Можно указать на некоторую семантическую натянутость ряда этимологий. Так, автор допускает возможность связи адыгского *былым* 'крупный рогатый скот', 'богатство' (у автора 'скот', 'богатство', 'бестолковый', последнее значение явно метафорично) с тюркским *билим* 'знание'. ***Былым*** является древним адыгским производным словом и генетически связано

[5] *Мейланова У. А.* Об отражении категории классов в именах существительных дагестанских языков. — Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагест. фил. АН СССР. Махачкала, 1964, с. 17.

с восточнокавказскими корреспонденциями: цез. *микьи*, бежт. *бикь*, арч. *бакI* 'баран', хварш. *бекье* 'баран', *бекь* 'мелкий рогатый скот' (*кь* — латеральный абруптив). Восточнокавказские корреспонденции восходят к праформе **быкь*$_I$ — (*кь*$_I$ — негеминированный коррелят латерального *кь*) [6]. Конечный *-м* в адыгских — непродуктивный суффикс со значением 'крупный' (ср.: *Iэм-лъэм* 'верзила', от *Iэ* 'рука', *лъэ* 'нога'; *жъэм-шъхьэм* 'простофиля', от *жъэ* 'рот', *шъхьэ* 'голова', *чIэм-шъхьэм* 'дубина', 'крупная палка', от *чIэ* 'конец', *шъхьэ* 'голова', 'верх', 'навершие'). Этимологически *былым* означало 'крупный скот'. Исходя из наличия перебоя *б* — *м*, с последним следует увязать и название овцы в адыгских — *мэл* / *мэлы*, возводимое А. К. Шагировым к тюркскому *мал* 'скот', 'имущество', 'богатство'. Конечный гласный в адыгейском говорит в пользу исконности данной лексемы (ср. с заимствованными: *нал* 'подкова', *фарз* 'религиозный долг', *шьэч* 'сомнение' и т. д.).

Для иноязычной этимологии наличие звука *е* в адыгейском *пцелы* 'ива', 'верба' является не очень убедительным аргументом. Этот звук отмечается в составе слов, исконность которых не подлежит сомнению (например: *неушь* 'завтра', *некIуэ* 'пойдем' и др.). Элемент *песи*, входящий в состав ряда ботанических тюркских названий и этимологически связанный с *песи* 'киска', 'кошка', не может означать 'ива' в составе *песиле тал чыбыгы*. Последнее этимологически толкуется как 'прут кошачьей ивы'. Носителем значения 'ива' в тюркских выступает слово *тал*. Форма без *е* отмечена в наиболее архаичном из адыгейских шапсугском диалекте — **ппцэлы* > *пцэлый* [7]. Адыгское *дзэл* / *пцелы* вряд ли следует отрывать от восточнокавказских форм: ахвах. *муцIцIоли* < **бадзвал* — 'ива', годоб. *цели* < **дзел* 'лоза', хиналуг. *дзыл* 'дерево'.

Тюркская этимология с опорой на ногайский и карачаево-балкарский материал без привлечения данных других тюркских языков, не подвергшихся влиянию адыгских, не обладает достаточной убедительной силой (*арджэн* 'циновка', *гуэгуыш* 'индейка', *армуу* / *армэу* 'лентяй', 'увалень' и др.).

Как первый опыт широкого этимологического исследования адыгских языков, рецензируемый словарь, безусловно, содержит ряд спорных этимологий, что хорошо осознает и сам автор. Однако подавляющее большинство предложенных этимологий не вызовет каких-либо острых дискуссий и будет принято специалистами. А. К. Шагиров предупреждает, что в ходе дальнейших разысканий будет уточнена этимология многих единиц.

Представляется необходимым внесение некоторых уточнений в отношении семантики некоторых слов. Так, слово *архъуанэ* / *архъуан* дано автором со следующими значениями: 'желоб близ мельницы для спуска воды, а также водоворот, образуемый быстро стекающей по нему водой', 'омут'. Основным и почти единственным значением этого слова во всех адыгских диалектах является 'водоворот'. Не исключена этимологическая связь его с глаголом *чIэрэхъуэ-н* 'крутиться', 'вращаться'. Конечный элемент *-нэ*/*-н* — непродуктивный локативный суффикс. Адыгейская форма *хьэргъуанэ* дает возможность видеть в начальном *хьэ* корень глагола *хьэ-* 'идти', *-р-* следует рассматривать как союз-связку между глагольными корнями 'идти' и 'вращаться', а конечный *-нэ* является непродуктивным локативным суффиксом. Возможно, предлагаемая здесь этимология несколько натянута, но и в таком случае не следует признавать правомерной связь *архъуанэ* / *архъуан*, *хьэргъуан*, *хьэргъуанэ*, *къэргъуан* с тюркским *арык* 'канава', заимствованный адыгскими в форме *арыкъI*.

А. К. Шагиров правильно отмечает, что адыгское *дыгъуасэ* / *тыгъуас* этимологически может означать 'день'. Следует уточнить, что носителем

---

6 *Бокарев Е. А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, с. 74; *Он же*. Смычногортанные аффрикаты прадагестанского языка. — ВЯ, 1958, № 4, с. 10—11.

7 *Керашева З. И.* Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957, с. 118.

значения 'день' здесь следует рассматривать элемент *дыгъуа- / тыгъуа-*, этимологически связанный с названием солнца *дыгъэ / тыгъэ* 'солнце'. Конечный *-сэ/-с* следует генетически увязать с восточнокавказскими: авар. *сон*, анд. *сун*, дарг. *сса*, арчин. *сангъи* 'вчера'. Таким образом современное адыгское *дыгъуасэ / тыгъуас* 'вчера' этимологизируется как 'день—вчера'. Аналогичную этимологию находят и в некоторых восточнокавказских языках: арчин. *сангъи*, цахур. *сан'ха* 'вчера—день' [8].

Старое значение адыгского *бланэ* (соврем. 'лань') отмечено Ш. Б. Ногма: *бланагъ* 'зверство', *бланe шъIыкIe* 'по-зверски', *бланал* 'дичина', *бланe* 'сильный' [9]. Он же приводит и значение 'джейран'. Есть основание полагать, что в северокавказских языках произошла контаминация названий свиньи и тура (джейрана, лани, оленя), различаемые еще языками цезской подгруппы: бежт. *булIо* 'свинья', *билъо* 'олень', 'дичь', цез. *белIо* 'свинья', *белъи* 'тур', гунзиб. *булIу* 'свинья', *билъо* 'зверь', 'дичь'. Лакское *буркI*, лезгинское и цахурское *вак* генетически увязываются с працезским **балIва-* (наличие вибранта *р* в лакском при отсутствии в цезских и лезгинских — обычное явление, ср.: лак. *барз*, цез. *буци*, цахур. *ваз* 'луна', лак. *баргъ*, цез. *букх* 'солнце'). Семантически совпадая с цезским **балIва-* 'свинья', аваро-андийское *болъон* < **балъван* фонетически примыкает к другому цезскому слову **балъва-* 'зверь', 'дичь', 'олень', 'тур'. Именно этот факт дает основание для допущения, что в северокавказских языках произошла контаминация близких по форме, но различных по содержанию основ. Адыгское *бланэ* 'зверь', 'дичь', 'лань' фонетически увязывается с цезским **балIва-* 'свинья', а через него — с лакской и лезгинскими формами (для соответствия *л-лI-кI-к* см.: адыг. *лы*, цез. *релI*, лак. *дикI*, лез. *йак* 'мясо', адыг. *мылы*, лак. *микI*, лезг. *мурк*, цахур. *мык* 'лед' и др.). Если допустить этимологическую связь форм *бланэ / булIу / буркI / вак*, что фонетически и семантически вполне оправдано, следует отрицать связь адыгского *бланэ* 'зверь', 'лань', 'сильный' с тюркскими формами (тат., башк. *болан* 'олень', кумык., казах., *булан* 'лось', чуваш. *пăлан* 'олень', 'лось').

В этимологическом словаре А. К. Шагирова слов, толкование которых вызывает возражения, не так уж много. Моменты, вызывающие дискуссии, острые полемики, неизбежны для словаря такого объема, представляющего первый опыт широкого этимологического исследования родственных языков. Частные недостатки не могут заслонить собой достоинства словаря. Он будет хорошим справочником для специалистов по кавказским и другим языкам, окажет плодотворное влияние на дальнейший ход этимологического исследования западнокавказских (и не только западнокавказских) языков.

Будучи почти первым опытом этимологического исследования младописьменных адыгских языков, рецензируемый труд вызовет оживленную дискуссию. Недостаточная разработанность вопросов истории фонетической и грамматической системы адыгских языков способствует разнобою мнений специалистов. Заранее можно сказать, что оценка данного словаря специалистами будет несколько противоречива. Положительная или отрицательная оценка тех или иных положений рецензируемой работы будет во многом зависеть от степени эрудированности оппонента в различных областях знаний, необходимых для исчерпывающей и объективной оценки работы такого рода.

Однако трудно отказать автору «Этимологического словаря адыгских (черкесских) языков» в том, что его труд содержит очень много оригинальных выводов и тонких наблюдений, представляющих собой шаг вперед в разработке проблем генетического родства западнокавказских языков, обширную информацию, свидетельствующую о широком кругозоре автора.

А. И. Абдоков

---

[8] *Ибрагимов Г. Х.* Явления природы и календарь. — Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971, с. 194.
[9] *Ногма Ш. Б.* Филологические труды, т. 1. Нальчик, 1956, с. 138.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АМГ I—III	Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук, I—III. СПб., 1890, 1894, 1901.
БД	Българска диалектология, I—VIII —. София, 1962—1977—.
БЕР	Български етимологичен речник. Съставили Георгиев Вл., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. Св. I—XIV—. София, 1962—1977—.
Білецький-Носенко	*Білецький-Носенко П.* Словник української мови. Київ, 1966.
Богораз	*Богораз В. Г.* Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС, 68, № 4, 1901.
Варшавский словарь	*Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Васнецов	*Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
Горяев	*Горяев Н.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. Тифлис, 1896.
Гринченко	*Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
ДАИ	Дополнения к Актам историческим, I—XII. СПб., 1846—1875.
Даль[2]	*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 2-е. М., 1880—1882 (1955).
Даль[3]	*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 3-е. М., 1903—1909.
Деулинский словарь	Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. Оссовецкого И. А. М., 1969.
Добровольский	*Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Дополнение к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Дорошенко	*Дорошенко С. І.* Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини. — В кн.: Діалектологічний бюлетень, вип. IX. Київ, 1962.
Дювернуа	*Дювернуа А.* Словарь болгарского языка, I—IX. М., 1885—1889.
Иванова Подмоск.	*Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
Иркут. словарь	Иркутский областной словарь. Редактор-составитель Н. А. Бобряков. I—II—. Иркутск, 1973—1974—.
Картотека ДРС	Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. (Ин-т русского языка АН СССР)
Картотека Словаря XVIII в.	Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Ленинград. отд-ние Ин-та языкознания АН СССР)

Картотека СТЭ	Картотека Севернорусской Топонимической Экспедиции (Уральский гос. ун-т)
Конески	*Конески Б.* Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. I—III. Скопје, 1961, 1965, 1966.
Красноярский словарь	Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
Куликовский	*Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лексика Полесья	Лексика Полесья. М., 1968.
Мельниченко	*Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Миртов	*Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
Младенов	*Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Носович	*Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Полесье	Полесье. М., 1968.
Преображенский	*Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1910—1914. Окончание — в кн.: Труды ИРЯ, I. М., 1949.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. 1—15. М., 1962—1965.
Расторгуев	*Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.
РСА	Речник српскохрватског књижевног и народног езика, I—VIII. Београд, 1959—1973.
Словарь Оби	Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, I—III. Томск, 1964, 1965, 1967. Дополнение, I часть, 1975, II часть, 1976.
СлРЯ XI—XVII вв.	Словарь русского языка XI—XVII вв. Составители: Бахилина Н. Б., Богатова Г. А., Прокопович Е. Н. и др. Главный редактор Бархударов С. Г. I—5—. М., 1975—1978—.
Сл. Сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала, I—II—. Свердловск, 1964, 1971—.
Соликам. словарь	*Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Срезневский	*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.
Сцяшковіч	*Сцяшковіч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Толстой[1]	*Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
Толстой[2]	*Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1958.
Толстой[3]	*Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 3-е. М., 1970.
Трофимович	*Трофимович К. К.* Верхнелужицко-русский словарь. М. — Бауцен, 1974.
Фасмер	*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения Трубачева О. Н. I—IV. М., 1964—1973.
Филин	Словарь русских народных говоров. Под ред. Филина Ф. П., I—XIV—. Л., 1966—1978—.

Хостник — *Хостник М.* Словинско-русский словарь. Горица, 1901.

Шаталава — *Шаталава Л. Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.

Шило — *Шило Г. Ф.* Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Под ред. Трубачева О. Н., I—V—. М., 1974—1978—.

Юрчанка — *Юрчанка Г.* Дыялектны слоўнік (з гаворак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966.

Янкоўскі — *Янкоўскі Ф.* Дыялектны слоўнік, II. Мінск, 1960.

Berneker — *Berneker E.* Slavisches etymologisches. Wörterbuch. A — morъ. Heidelberg, 1908—1913.

Bezlaj. Eseji. — *Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.

Dauzat — *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938.

Dejna — *Dejna K.* Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957.

Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—18. Heidelberg—Göttingen, 1955 и сл.

Hellqvist — *Hellqvist E.* Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1948.

Holub — Kopečný — *Holub J.*, *Kopečný F.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Iveković — Broz — *Iveković F.*, *Broz I.* Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.

Karłowicz — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich, I—VI. Kraków, 1900—1911.

Kluge—Götze — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von Götze A. Berlin, 1951.

Kotnik — *Kotnik J.* Slovensko-angleški slovar. Ljubljana, 1959.

Kott — *Kott F. St.* Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.

Lorentz Pomor. — *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch. I—IV. Berlin, 1958—1975.

Lorentz Sl. Wb. — *Lorentz Fr.* Slovinzisches Wörterbuch, I—II. St. Petersburg, 1908, 1912.

Machek[1] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Machek[2] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, 1971.

Mayrhofer — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, 1—25. Heidelberg, 1953—1974.

Miklosich — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Miklosich LP — *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.

Muka — *Muka E.* Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. I—II. Петроград, 1921, 1928.

Mühlenbach—Endzelin — *Mühlenbach K.* Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns, I—XLV, Rīga, 1923—1932.

Pauly—Wissowa — Paulys Real—Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Unter Mitw. zahlreicher Fachgenossen hrsg. von Georg Wissowa. Reihe 1. Halbbd. 1—47, Stuttgart, 1893—1963; Reihe 2. Halbbd. 1—18 (1914—1967); Supplement H. 1 (1903), H. 2 (1913); Supplbd. 3—14 (1918—1974).

Pfuhl	*Pfuhl Dr.* Lužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik	*Pleteršnik M.* Slovensko-nemski slovar. I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pokorny	*Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Bern, 1949—1959.
PSJČ	Přiruční slovník jazyka českého, I—IX. Praha, 1935—1957.
Ramułt	*Ramułt S.* Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezyka, I—XXIII—. Zagreb, 1880—1973—.
Skok	*Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—IV. Zagreb, 1971—1974.
Sławski	*Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego, 1—22—. Kraków, 1953—1976—.
Słownik prasłowiański	Słownik prasłowiański. Pod redakcją Sławskiego F. I—II—. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1974, 1976—.
Sł. stpol.	Słownik staropolski, I—. Warszawa, 1953—.
SSJ	Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie vied, ved. redaktor dr. Peciar Š., I—VI. Bratislava, 1959—1968.
Sychta	*Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—VII. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1976.
Trautmann BSW	*Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Trávníček	*Trávníček Fr.* Slovník jazyka českého. Praha, 1952.

ВДИ	**Вестник древней истории**
ЖСт	**Живая Старина**
ИОРЯС	**Известия Отделения русского языка и словесности**
MJ	**Македонски језик**
СА	**Советская археология**
СбНУ	**Сборник за народни умотворения, наука и книжнина**
Сб. ОРЯС	**Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук**
УЗ ЛГУ	**Ученые записки Ленинградского Государственного университета**

AfslPh	**Archiv für slavische Philologie**
BSL	**Bulletin de la Société de linguistique de Paris**
IF	**Indogermanische Forschungen**
JKF	**Jahrbuch für kleinasiatische Forschung**
KZ	**Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn**
LF	**Listy Filologické**
LMS	**Letopis Matice Slovenske**
SO(c)	**Slavia Occidentalis**
SR	**Slavistična Revija**
ZfS	**Zeitschrift für Slawistik**
ZfslPh	**Zeitschrift für slavische Philologie**

абхаз.-абаз.	абхазско-абазинский
авар.	аварский
авест.	авестийский
агул.	агульский
адыг.	адыгский
азов.	азовский
алб.	албанский
алт.	алтайский
англ.	английский
андийск.	андийский
араб.	арабский
арм.	армянский
арум.	арумынский
арханг.	архангельский
арчин.	арчинский
астрах.	астраханский
атт.	аттический
ахвах.	ахвахский
балт.	балтийский
бацб.	бацбийский
башк.	башкирский
бежет.	бежетинский
белоз.	белозерский
блр.	белорусский
бойк.	бойковский
болг.	болгарский
брест.	брестский
брян.	брянский
вайнах.	вайнахский
валаш.	валашский
венец.	венецианский
вепс.	вепсский
витеб.	витебский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
водск.	водский
волж.	волжский
волог.	вологодский
волхов.	волховский
ворон.	воронежский
вост.-балт.	восточнобалтийский
вульг.-лат.	вульгарнолатинский
вят.	вятский
ганац.	ганацкий
герм.	германский
годоб.	годоберинский
голл.	голландский
гомер.	гомеровский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
гунзиб.	гунзибский
гурийск.	гурийский
гюмюрдж.	гюмюрджинский
дарг.	даргинский
днепр.	днепровский
днестр.	днестровский
донск.	донской
др.-англ.	древнеанглийский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-греч.	древнегреческий
др.-груз.	древнегрузинский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-норв.	древненорвежский
др.-перм.	древнепермский
др.-польск.	древнепольский
др.-псков.	древнепсковский
др.-рус.	древнерусский
евр.	еврейский
еленск.	еленский
жемайт.	жемайтский
житом.	житомирский
закарп.	закарпатский
зап.-слав.	западнославянский
и.-е.	индоевропейский
ижор.	ижорский
ингил.	ингилойский
иркут.	иркутский
итал.	итальянский
италийск.	италийский
казан.	казанский
казах.	казахский
калуж.	калужский
камск.	камский
каракалп.	каракалпакский
карел.	карельский
картал.	карталинский
касп.	каспийский
кашуб.	кашубский
кашуб.-словин.	кашубско-словинский
костр.	костромской
краснояр.	красноярский
куйбыш.	куйбышевский
кумык.	кумыкский
курск.	курский
ладож.	ладожский
лазск.	лазский
лакск.	лакский
лат.	латинский
лезг.	лезгинский
ленингр.	ленинградский
ливск.	ливский
лид.	лидийский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский

ляш.	ляшский
мазур.	мазурский
макед.	македонский
манс.	мансийский
мар.	марийский
морав.	моравский
моск.	московский
мохевск.	мохевский
н.-в.-нем.	нововерхненемецкий
н.-греч.	новогреческий
нем.	немецкий
нидерл.	нидерландский
нижегор.	нижегородский
нижнелозьвинск.	нижнелозьвинский
н.-луж.	нижнелужицкий
новг.	новгородский
новосиб.	новосибирский
норв.	норвежский
обск.	обский
олон.	олонецкий
онеж.	онежский
оренб.	оренбургский
осет.	осетинский
о.-слав.	общеславянский
осташ.	осташковский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
петерб.	петербургский
печор.	печорский
пинеж.	пинежский
подмоск.	подмосковный
полесск.	полесский
полоцк.	полоцкий
польск.	польский
праслав.	праславянский
прибалт.	прибалтийский
прованс.	провансальский
прусск.	прусский
псков.	псковский
пшав.	пшавский
ровенск.	ровенский
рум.	румынский
рус.	русский
русин.	русинский
рус.-цслав.	русский церковнославянский
ряз.	рязанский
саам.	саамский
сарат.	саратовский
сван.	сванский
свердл.	свердловский
сев.-в.-рус.	северновеликорусский
серболуж.	серболужицкий
серб.	сербский
сиб.	сибирский
симб.	симбирский
слав.	славянский
словац.	словацкий
словен.	словенский
смол.	смоленский
сомр.	сомринский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-греч.	среднегреческий
ср.-нем.	средненемецкий
ст.-польск.	старопольский
ст.-рус.	старорусский
ст.-слав.	старославянский
ст.-франц.	старофранцузский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербохорватский
табас.	табасаранский
тамб.	тамбовский
татар.	татарский
твер.	тверской
терск.	терский
тобол.	тобольский
томск.	томский
тох.	тохарский
тульск.	тульский
тур.	турецкий
тушин.	тушинский
тюмен.	тюменский
уйгур.	уйгурский
укр.	украинский
урал.	уральский
фин.	финский
франц.	французский
фриг.	фригийский
хакас.	хакасский
хварш.	хваршинский
хетт.	хеттский
хиналуг.	хиналугский
хорв.	хорватский
цахур.	цахурский
цезск.	цезский
ц.-слав.	церковнославянский
цыг.	цыганский
чагат.	чагатайский
череп.	череповецкий
черномор.	черноморский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
швед.	шведский
швейц.	швейцарский
шорск.	шорский
эст.	эстонский
ю.-слав.	южнославянский
якут.	якутский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ